Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ПРАКТИКУМ ПО КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Учебник

Рекомендован Ученым советом
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
в качестве учебника для курсантов и слушателей

Под редакцией А. П. Дмитренко

2-е издание, переработанное и дополненное

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

УДК 343.2/.7
ББК 67.408.1
П69

Рецензенты:
заместитель начальника по учебной и научной работе Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, доцент **Н. Ш. Козаев**; профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор **Т. В. Пинкевич**; начальник кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России кандидат юридических наук, доцент **И. А. Кравцов**; преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России **А. А. Кулешов**

Авторский коллектив:
Е. А. Азаренкова (§ 8.1), Е. А. Алференок (§ 3.1, § 3.3), В. Н. Балябин (§ 6.14–6.19), Ж. А. Бойцова (§ 5.10), В. Б. Боровиков (§ 4.1–4.3), В. В. Боровикова (§ 4.1–4.3), Р. Л. Габдрахманов (§ 6.1–6.13), М. М. Дайшутов (§ 3.3), Н. Л. Денисов (§ 5.9), А. П. Дмитренко (гл. 3), А. М. Зарина (§ 8.6), Я. С. Калининская (§ 5.11), Н. Г. Кадников (гл. 1 и 2), Н. А. Карпова (§ 5.1–5.7), М. Р. Корниенкова (§ 4.4), С. Н. Кудашкин (§ 3.1), В. Н. Кужиков (§ 6.1–6.13), В. В. Наумов (§ 8.3), В. А. Осипов (§ 8.2), Р. Б. Осокин (§ 8.5), А. М. Плешаков (гл. 9), Е. А. Русскевич (гл. 7), Л. А. Русскевич (гл. 7), А. А. Семочкина (§ 8.4), С. М. Старых (гл. 2), А. С. Туманов (§ 5.11), Э. Р. Хакимова (§ 5.8), Р. В. Черепенников (§ 8.7), А. А. Чугунов (гл. 2), Г. С. Шкабин (гл. 9), У. С. Юдина (гл. 1)

П69 **Практикум по квалификации отдельных видов преступлений** : учебник / [Е. А. Азаренкова и др.] ; под ред. А. П. Дмитренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 536 с.
ISBN 978-5-9694-1352-8

Учебник разработан в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» на базе обновленного отечественного уголовного законодательства. Материал рассматривается авторами с учетом результатов правоприменительной практики, с использованием широкого круга нормативных правовых актов, действующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Предназначен для курсантов, слушателей и научно-педагогических работников образовательных организаций системы МВД России, а также для работников правоприменительных органов.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408.1

ISBN 978-5-9694-1352-8

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Оглавление

Глава 1. Теоретические и юридические основы квалификации преступлений 10

Глава 2. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против жизни и здоровья 23
§ 2.1. Особенности квалификации убийства 23
§ 2.2. Особенности квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта 41
§ 2.3. Особенности квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 44

Глава 3. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности 51
§ 3.1. Особенности квалификации изнасилования 51
§ 3.2. Особенности квалификации насильственных действий сексуального характера 65
§ 3.3. Особенности квалификации полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и развратных действий 67

Глава 4. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против семьи и несовершеннолетних 75
§ 4.1. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления 75
§ 4.2. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий 100
§ 4.3. Особенности квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего 107
§ 4.4. Особенности квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей 117

Глава 5. Особенности квалификации отдельных видов преступлений в сфере экономики 125
§ 5.1. Особенности квалификации кражи 125
§ 5.2. Особенности квалификации мошенничества 165
§ 5.3. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования 197
§ 5.4. Особенности квалификации мошенничества при получении выплат 207
§ 5.5. Особенности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа 214
§ 5.6. Особенности квалификации мошенничества в сфере страхования 218
§ 5.7. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации 225
§ 5.8. Особенности квалификации присвоения или растраты 231
§ 5.9. Особенности квалификации незаконного предпринимательства 246
§ 5.10. Особенности квалификации незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции 261
§ 5.11. Особенности квалификации изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг 282

Глава 6. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против общественной безопасности 293
§ 6.1. Особенности квалификации террористического акта 293
§ 6.2. Особенности квалификации содействия террористической деятельности 312
§ 6.3. Особенности квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма 320

§ 6.4. Особенности квалификации прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности....326
§ 6.5. Особенности квалификации организации террористического сообщества и участия в нем 328
§ 6.6. Особенности квалификации организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации 332
§ 6.7. Особенности квалификации несообщения о преступлении 339
§ 6.8. Особенности квалификации захвата заложника.....341
§ 6.9. Особенности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма 346
§ 6.10. Особенности квалификации организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, а равно участия в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации 353
§ 6.11. Особенности квалификации бандитизма 360
§ 6.12. Особенности квалификации организации преступного сообщества (преступной организации).....365
§ 6.13. Особенности квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии.....376
§ 6.14. Особенности квалификации незаконных приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов 377
§ 6.15. Особенности квалификации незаконных приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения взрывчатых веществ или взрывных устройств.....389
§ 6.16. Особенности квалификации незаконного изготовления оружия 391

§ 6.17. Особенности квалификации
незаконного изготовления взрывчатых веществ,
незаконных изготовления, переделки
или ремонта взрывных устройств 396
§ 6.18. Особенности квалификации
небрежного хранения огнестрельного оружия 397
§ 6.19. Особенности квалификации хищения
либо вымогательства оружия, боеприпасов,
взрывчатых веществ и взрывных устройств 400

**Глава 7. Особенности квалификации преступлений
в сфере компьютерной информации** 410
§ 7.1. Особенности квалификации неправомерного
доступа к компьютерной информации 410
§ 7.2. Особенности квалификации создания,
использования и распространения
вредоносных компьютерных программ 417
§ 7.3. Особенности квалификации нарушения правил
эксплуатации средств хранения, обработки
или передачи компьютерной информации
или информационно-телекоммуникационных сетей 429
§ 7.4. Особенности квалификации неправомерного
воздействия на объекты критической
информационной инфраструктуры
Российской Федерации 436
§ 7.5. Особенности квалификации нарушения правил
централизованного управления техническими средствами
противодействия угрозам устойчивости, безопасности
и целостности функционирования на территории
Российской Федерации информационно-
телекоммуникационной сети «Интернет»
и сети связи общего пользования 453

Глава 8. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления 462
§ 8.1. Особенности квалификации злоупотребления должностными полномочиями 462
§ 8.2. Особенности квалификации превышения должностных полномочий 472
§ 8.3. Особенности квалификации получения взятки 479
§ 8.4. Особенности квалификации дачи взятки 486
§ 8.5. Особенности квалификации посредничества во взяточничестве 489
§ 8.6. Особенности квалификации служебного подлога 492
§ 8.7. Особенности квалификации халатности 492

Глава 9. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против порядка управления 505
§ 9.1. Особенности квалификации оскорбления представителя власти 505
§ 9.2. Особенности квалификации незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации 508
§ 9.3. Особенности квалификации организации незаконной миграции 512
§ 9.4. Особенности квалификации фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации 515
§ 9.5. Особенности квалификации подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков 521
§ 9.6. Особенности квалификации самоуправства 529

Авторский коллектив

Азаренкова Елена Андреевна,
кандидат юридических наук

Алференок Елена Александровна,
кандидат юридических наук

Балябин Василий Николаевич,
кандидат юридических наук

Бойцова Жанна Андреевна,
кандидат юридических наук

Боровиков Валерий Борисович,
кандидат юридических наук, доцент

Боровикова Виктория Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент

Габдрахманов Равиль Лутфирахманович,
кандидат юридических наук, доцент

Дайшутов Михаил Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент

Денисов Николай Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент

Дмитренко Андрей Петрович,
доктор юридических наук, профессор

Зарина Александра Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент

Калининская Яна Сергеевна,
кандидат юридических наук

Кадников Николай Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор

Карпова Наталия Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент

Корниенкова Мария Радимовна,
кандидат юридических наук

Кудашкин Сергей Константинович,
кандидат юридических наук

Кужиков Валерий Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент

Наумов Вячеслав Викторович,
кандидат юридических наук, доцент

Осипов Владимир Александрович,
кандидат юридических наук, доцент

Осокин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор

Плешаков Александр Михайлович,
доктор юридических наук, профессор

Русскевич Евгений Александрович,
доктор юридических наук, доцент

Русскевич Любовь Александровна,
кандидат юридических наук

Семочкина Анна Александровна,
кандидат юридических наук

Старых Станислав Михайлович,
кандидат юридических наук

Туманов Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук

Хакимова Эльмира Робертовна,
кандидат юридических наук, доцент

Черепенников Роман Валентинович,
кандидат юридических наук

Чугунов Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент

Шкабин Геннадий Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент

Юдина Ульяна Сергеевна,
кандидат юридических наук

Глава 1. Теоретические и юридические основы квалификации преступлений

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* научные основы квалификации преступлений, юридическую природу и значение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации;
– *уметь*, опираясь на научные и правовые основы квалификации преступлений, оценивать конкретные деяния, возникающие на практике;
– *владеть* навыками квалификации преступлений, учитывая научные и правовые основы, опираясь на понятие и структуру состава преступления.

В уголовном праве под квалификацией преступлений понимаются установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Иначе говоря, квалификация означает выбор такой уголовно-правовой нормы, которая в полной мере охватывает общественно опасное деяние, совершенное конкретным лицом. Обратим внимание на двоякое значение термина «квалификация преступлений»:

а) деятельность должностных лиц правоприменительных органов (орган дознания, следователь, прокурор, судья), результатом которой является установление точного соответствия между деянием и признаками состава преступления, указанного в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – Особенная часть УК РФ);

б) государственно-правовая оценка совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

Кроме того, необходимо выделить легальную и доктринальную квалификации. Доктринальная отражает мнение ученых-кри-

миналистов в специальной и научной литературе. Такая квалификация помогает практикам в оценке деяний, но она не носит обязательного характера. Легальная же квалификация осуществляется по конкретному уголовному делу и отражается в соответствующих процессуальных документах лицами, специально уполномоченными на то государством. Она проводится в тесном единстве норм уголовного и уголовно-процессуального права. Первое определяет суть квалификации, а второе дает возможность облечь ее в официальную форму. Поэтому квалификация преступлений осуществляется на всех стадиях уголовного процесса.

При возбуждении уголовного дела орган дознания, следователь, прокурор и в определенных случаях судья должны указать статью Особенной части УК РФ, по которой оно возбуждается. Это можно назвать первичной квалификацией преступления. В дальнейшем она осуществляется при формулировании обвинения, при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Большое значение придается квалификации при составлении обвинительного заключения. Окончательная же оценка преступления производится при вынесении приговора в суде.

Квалификация как определенный мыслительный процесс, который осуществляется указанными выше работниками правоохранительных органов, предполагает использование норм материального и процессуального права, концептуально-понятийного аппарата, общей теории права, основанных на законах и категориях диалектики и логики. Такие категории диалектики, как сущность и явление, конкретное и абстрактное, содержание и форма, общее, особенное и единичное, причина и следствие, количество и качество, выполняют важную методологическую нагрузку и позволяют компетентным органам юстиции всесторонне, полно и объективно дать надлежащую уголовно-правовую оценку совершенному деянию.

Субъекты квалификации преступлений должны осознавать, что всякое общественно опасное деяние, совершенное физическим лицом, представляет собой конкретное явление, имеющее форму и содержание. Основная цель при этом – правильно, в точном соответствии с законом оценить данное явление и сделать вывод о соответствии либо несоответствии деяния признакам той или иной уголовно-правовой нормы.

С точки зрения уголовного процесса квалификация представляет собой деятельность, направленную на выяснение истины по уголовному делу. Осуществляя процесс познания истины, используют различные методы: от простого знания к более сложному, от абстрактного представления о правонарушении вообще к конкретному преступлению. Основной вывод предстает в виде умозаключения, т. е. такой формы мышления, посредством которой из одного или нескольких суждений с необходимостью выводится суждение, заключающее в себе новое знание. Отметим, что в науке уголовного права подробно освещены вопросы об использовании законов логики при квалификации преступлений[1]. Немалое значение для точной квалификации имеют такие качества сотрудника, как профессионализм, теоретическая подготовка и практический опыт.

Важно помнить, что квалификация преступлений является правовым основанием для возникновения и реализации уголовной ответственности, а после установления виновности лица – и для применения норм уголовно-исполнительного права. Кроме того, квалификация оказывает существенное влияние на параметры уголовно-правовой статистики, помогает более точно

---

[1] См., например: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004 ; Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М. : Городец. 2007 ; Наумов А. В. Законы логики при квалификации преступлений. М. : Юридическая литература, 1978.

оценить качественную и количественную стороны преступности и выработать эффективные меры ее предупреждения.

В процессе квалификации в тесном единстве используются научные методы познания и юридическое знание предмета. С точки зрения гносеологического аспекта этот процесс представляет собой движение от предположительного знания о совершении или несовершении преступления к четкому выводу о том, какое именно преступление совершено либо не совершено. Квалификация – это не механический, а творческий процесс, протекающий в законодательных рамках, который невозможен без самостоятельных творческих навыков и опыта. Он – сугубо индивидуальное действо, продукт мышления, результат работы интеллекта человека.

Указанные теоретические основы квалификации преступлений имеют важное значение в деятельности правоприменительных субъектов. Вместе с тем, по мнению большинства специалистов, определяющее значение принадлежит установлению юридических основ квалификации.

Важнейшая основа квалификации преступлений – уголовный закон. Только закон содержит исчерпывающий перечень деяний, именуемых преступлениями. Уголовный закон должен быть вступившим в силу и не отмененным на момент совершения анализируемого деяния. Применение уголовно-правовых норм по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Изменять и дополнять уголовный закон вправе лишь высший орган государственной власти. Судебные органы такими правами не наделены. Пробел в законе может быть устранен только законодательным путем. В определенных случаях законодатель прибегает к бланкетным диспозициям, особенно в нормах, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, где требуются дополнительные знания других законов и подзаконных актов (ст.ст. 172, 196, 222, 228 УК РФ и др.).

Вместе с тем применение уголовного закона допускает толкование, т. е. уяснение и разъяснение его содержания и смысла. В целях единообразного применения существенное значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о правильной квалификации преступлений определенного вида. Такие разъяснения по вопросам судебной практики призваны обеспечить единообразное применение законодательства Российской Федерации.

В действующем УК РФ при характеристике многих уголовно-правовых норм и институтов указываются условия уголовной ответственности. Однако здесь не обходится без оценочных понятий и конкуренции уголовно-правовых норм. Такие случаи и требуют судебного толкования, но ограниченного жесткими рамками, исключающими расширительное.

Квалификация предполагает вывод о том, какая норма должна применяться в конкретном случае. Субъекты квалификации обязаны назвать пункт, часть, статью Особенной части (в определенных случаях – и Общей части) УК РФ, подразумевающие состав преступления анализируемого общественно опасного деяния. Важно учитывать характер диспозиции, чтобы правильно оценить деяние, признаки которого указаны в иных нормативных актах либо статьях УК РФ.

При квалификации преступлений мы устанавливаем тождество не между совершенным общественно опасным деянием и диспозицией статьи Особенной части УК РФ, а между признаками деяния и признаками состава преступления как юридической модели, которая фактически закодирована законодателем в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Состав преступления – это важнейшее законодательное и теоретическое понятие в уголовном праве. Выделяют несколько значений данного термина. Во-первых, состав преступления как основание криминализации общественно опасных деяний. Во-вторых, как юридическое основание квалификации

преступлений. В-третьих, как юридический критерий основания уголовной ответственности.

При квалификации преступлений следует использовать системный, структурный подход, который позволяет более четко и точно уяснить все составляющие. Элементы и признаки состава преступления не всегда исчерпывающе указываются в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Это вполне объяснимо. Во-первых, для установления элементов и признаков состава используются теоретические положения (понятия объекта и предмета преступления, определение убийства, кражи и др.). Во-вторых, применяются определенные классификационные приемы, позволяющие экономить текстуальный материал, компактно размещать и быстро находить основные структурные части (например, Особенная часть УК РФ подразделяется на разделы и главы в соответствии с родовым и видовым объектами посягательства). В-третьих, значительную смысловую нагрузку несут обобщающие нормы Общей части УК РФ (ст.ст. 14, 16, 19, 20, 25, 26 и др.), в которых содержатся определения и описания наиболее общих признаков.

В процессе квалификации осуществляется познавательно-собирательная деятельность, направленная на отыскание в УК РФ элементов и признаков состава преступления, соответствующих признакам совершенного общественно опасного деяния. Например, при анализе кражи мы используем: теоретическое и законодательное понятие хищения (ст. 158 УК РФ), классификацию хищений в зависимости от способа изъятия имущества; нормы Общей части УК РФ, в которых раскрываются содержание умысла (ст. 25 УК РФ) и признаки субъекта преступления (ст.ст. 19, 20 УК РФ). Кроме того, процесс квалификации предполагает использование положений судебной практики и научных комментариев.

Важно помнить, что мы не создаем новой модели преступления, а лишь выявляем элементы и признаки существующей законо-

дательной конструкции для сопоставления с признаками совершенного деяния. Для юридической оценки общественно опасного деяния большое значение имеет классификация составов преступлений в зависимости от степени их общественной опасности. Речь идет о простом, квалифицированном и особо квалифицированном составах преступления. Два последних – это простые составы, наделенные законодателем квалифицирующими признаками, т. е. признаками, усиливающими ответственность.

Деятельность органов дознания и следствия по установлению и юридическому закреплению точного соответствия между признаками совершенного общественно опасного деяния и признаками состава преступления подразделяется на несколько этапов. При прохождении определенных этапов процесса квалификации осуществляется тесная взаимосвязь норм уголовного и уголовно-процессуального права.

На первом этапе процесс квалификации состоит в общем анализе совершенного общественно опасного деяния, в выявлении первичных признаков состава преступления (как правило, устанавливаются объект посягательства и характер объективной стороны). Если будут установлены достаточные данные, указывающие на наличие в деянии признаков преступления, в соответствии со ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) должно быть возбуждено уголовное дело. В постановлении о его возбуждении указывается статья уголовного закона, по признакам которой оно возбуждается. Согласно ст. 148 УПК РФ при отсутствии в материалах оснований к возбуждению уголовного дела должно быть вынесено мотивированное постановление об отказе в его возбуждении. Данный этап предполагает установление общей принадлежности деяния к преступлениям. Подбор нормы для первоначальной квалификации является весьма сложным, главным образом потому, что неясен предмет доказывания, неизвестны все факты, имеющие уголовно-правовое значение.

Второй этап процесса квалификации – переход к родовой и видовой принадлежности совершенного деяния, затем следует первичный вывод (естественно, подкрепленный совокупностью доказательств) о том, какой конкретный состав преступления содержится в действиях подозреваемого. Этот логический путь в процедурных рамках УПК РФ заканчивается составлением постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В соответствии со ст.ст. 171 и 172 УПК РФ в постановлении наряду с другими признаками должно быть указано: преступление, в совершении которого обвиняется лицо; время, место и другие обстоятельства; уголовный закон, предусматривающий ответственность за данное преступление. Именно на этом этапе осуществляются анализ и синтез признаков, характеризующих любое преступление. Следователь уточняет факультативные и оценочные признаки.

Например, уголовное дело было возбуждено по признакам ч. 1 ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность). На следующем этапе следователь получил доказательства, свидетельствующие о том, что данное деяние совершено с извлечением дохода в особо крупном размере и организованной группой. Собранные фактические данные позволили сделать логический вывод об изменении первоначальной квалификации. Подозреваемым было предъявлено обвинение по пп. «а» и «б» ст. 172 УК РФ.

Третий этап процесса квалификации начинается после предъявления обвинения и оканчивается составлением обвинительного заключения. Но такой результат не всегда является обязательным. Возможно обнаружение новых фактов, требующих проверки и оценки, что может привести к перепредъявлению обвинения, переквалификации действий на иную статью либо часть статьи УК РФ. Не исключен вариант прекращения уголовного дела по различным основаниям. Нас же в большей степени волнуют вопросы квалификации при составлении обвинительного заключения. В обвинительном заключении указывается

окончательная квалификация, т. е. подробнейшим образом описываются признаки преступного деяния в соответствии с их законодательной моделью – конкретным составом преступления.

Определенные особенности имеются при квалификации преступления органами дознания (в соответствии со ст. 150 и гл. 32 УПК РФ). Вместо постановления о привлечении в качестве обвиняемого составляется письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, вместо обвинительного заключения – обвинительный акт, а само дознание осуществляется в сокращенные сроки. Тем не менее и в этом случае квалификация имеет важное значение.

Далее точность и законность квалификации преступления (и других процессуальных моментов) проверяет прокурор, к которому поступает дело с обвинительным заключением или актом. Согласно ст.ст. 221 и 226 УПК РФ при поступлении дела с обвинительным заключением или актом прокурор обязан проверить следующие важные аспекты: имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому, и имелся ли в этом деянии состав преступления; правильно ли квалифицировано преступление. При этом закон предоставил прокурору лишь ограниченное право изменять квалификацию. По делам с обвинительным заключением он не вправе никаким образом изменять квалификацию, но может возвратить дело следователю для ее изменения. По делам с обвинительным актом прокурор вправе изменить квалификацию в части применения закона о менее тяжком преступлении. Если требуется изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального, прокурор возвращает дело органу дознания для переквалификации.

В дальнейшем квалификация имеет свои особенности при судебном рассмотрении уголовного дела. Суд обязан тщательно проверить уголовно-правовую квалификацию, но вправе изменить обвинение по правилам ст. 252 УПК РФ, согласно которой изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается,

если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Можно выделить следующие формы изменения квалификации:

а) исключение из обвинения отдельных эпизодов преступной деятельности;

б) переквалификация на статью (часть, пункт) Особенной части УК РФ, предусматривающей менее строгое наказание;

в) уменьшение размера причиненного преступлением ущерба.

Недопустимость поворота к худшему предполагает запрет на следующие случаи изменения квалификации:

а) применяется другая норма уголовного закона (статья, часть или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание;

б) в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации преступления и применение закона, предусматривающего более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного;

в) происходит изменение сути обвинения в такой степени, при которой существенно нарушаются права подсудимого на защиту.

Окончательная квалификация преступления на данном этапе указывается в обвинительном приговоре суда. Здесь более полно и глубоко анализируются и сопоставляются установленные по делу факты, им дается окончательная юридическая оценка. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»[1] особо подчеркнул, что выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря (№ 277).

Наконец, окончательное изменение квалификации преступления возможно в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. Ранее теория и практика исходили из общего правила о недопущении поворота к худшему и на этих стадиях, однако в настоящее время существуют разные точки зрения. Хотя сам суд апелляционной инстанции не может изменить квалификацию и применить закон о более тяжком преступлении, но в этой части вполне оправданным представляется правило, закрепленное в ч. 2 ст. 369 УПК РФ, согласно которому приговор суда первой инстанции может быть изменен в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей.

Полномочия суда кассационной инстанции в части изменения квалификации более ограничены. В частности, согласно ст. 387 УПК РФ суд кассационной инстанции не вправе применить уголовный закон о более тяжком преступлении или усилить назначенное наказание.

Статья 405 УПК РФ также закрепила правило о недопущении поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора, но согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан»[1] некоторые положения данной статьи были признаны противореча-

[1] Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан». Российская газета. 2005. 20 мая (№ 3775).

щими Конституции Российской Федерации. В связи с этим возможность пересмотра решения по уголовному делу в сторону ухудшения положения осужденного в порядке надзора допускается только в течение года по вступлению приговора в законную силу.

Но, по нашему мнению, изменение квалификации преступления, влекущее ухудшение положения осужденного, недопустимо в любой из названных инстанций[1].

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте понятие квалификации преступлений и уточните ее значение.
2. Назовите научные и юридические основы квалификации преступлений.
3. Определите значение квалификации для расследования преступлений.
4. Каково значение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для квалификации преступлений?

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Благов, Е. В. Квалификация при совершении преступлений / Е. В. Благов. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 188 с.
2. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика / Л. Д. Гаухман. – М. : ЮрИнфоР, 2013. – 555 с.
3. Дуюнов, В. К. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика : монография / В. К. Дуюнов, А. Г. Хлебушкин. – М. : Инфра-М ; РИОР, 2013. – 370 с.
4. Кадников, Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования / Н. Г. Кадников. – М. : Юриспруденция, 2019. – 36 с.

[1] См.: Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М. : Юриспруденция, 2011 ; Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Волгоград, 2016. С. 9–25 ; Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica. 2012. № 5. С. 988–990.

5. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 301 с.

6. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Городец, 2007. – 322 с.

7. Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М. : Юридическая литература, 1978. – 104 с.

8. Пикуров, Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография / Н. И. Пикуров. – М. : Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.

9. Рарог, А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практическое пособие / А. И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 218 с.

10. Цепелев, В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления : учебное пособие / В. Ф. Цепелев. – М. : Проспект, 2015. – 104 с.

Глава 2. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против жизни и здоровья

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* специальные правила квалификации отдельных видов преступлений против жизни и здоровья, содержание обязательных и факультативных признаков указанных составов преступлений;
– *уметь* правильно применять нормы, предусматривающие ответственность за преступления против жизни и здоровья; анализировать признаки конкретных составов преступлений против жизни и здоровья; отграничивать эти преступления от смежных преступлений и административных правонарушений;
– *владеть* навыками практического применения правил квалификации преступлений против жизни и здоровья.

§ 2.1. Особенности квалификации убийства

Убийство относится к наиболее опасным преступлениям. По действующему УК РФ убийством признается умышленное причинение смерти другому человеку. Очень важно четко представлять себе состав данного преступления. Объект убийства – жизнь другого человека. Человек должен быть живым, т. е. умышленное посягательство на труп человека квалифицируется как при фактической ошибке, т. е. по ст. 105 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ или другим статьям УК РФ. Наряду с этим, речь идет о другом человеке, т. е. самоубийство по нашему закону не наказуемо.

Следует признать, что именно объект преступления является общим признаком для всех видов убийств. Жизнь человека – это совокупность биологических и социальных факторов, которые дают возможность человеку существовать в природе и в обществе себе подобных. В теории высказываются несколько точек

зрения относительно момента начала жизни, самым ранним предлагается признавать момент зачатия. Однако началом жизни с точки зрения уголовного права признается рождение ребенка, который может самостоятельно осуществлять функцию дыхания, даже если он не полностью отделился от организма матери (например, если пуповина не перерезана). Наступлением смерти принято считать окончательное прекращение деятельности мозга в связи с необратимым распадом клеток центральной нервной системы (биологическая смерть). Такой подход к моменту начала жизни и ее окончания позволяет квалифицировать сознательное умерщвление плода ребенка в утробе матери не как убийство, а как незаконное проведение искусственного прерывания беременности или как причинение тяжкого вреда здоровью матери. С другой стороны, посягательство на мертвого ребенка, который ошибочно принят за живого, следует оценивать по правилам фактической ошибки как покушение на убийство.

Убийством признается и лишение человека жизни с его согласия. Эвтаназия, т. е. процесс умерщвления безнадежно больных людей по их просьбе, по нашему законодательству недопустима и приравнивается к убийству. Следует заметить, что уголовный закон охраняет жизнь любого человека независимо от его возраста, физических и социальных признаков, моральных качеств. Вместе с тем для квалификации в ряде случаев имеет значение личность потерпевшего, особенно для квалифицированных видов убийств. В определенных ситуациях на квалификацию влияет не столько личность потерпевшего, сколько его поведение перед преступлением. Речь идет о провокационно-преступном, противоправном или аморальном поведении потерпевшего. Например, убийство в состоянии аффекта, убийство при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

С объективной стороны убийство может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия. Чаще всего это актив-

ные действия, нарушающие анатомическую целостность жизненно важных органов человека (проникающее ножевое ранение, огнестрельное ранение, утопление, удушение, отравление ядом и т. п.). Убийство путем бездействия может быть только в случаях, когда виновный был обязан заботиться о потерпевшем или должен был и мог предотвратить наступление смерти.

Обязательный признак объективной стороны – наступление смерти. Не имеет значения для квалификации преступления время наступления смерти. Важно установить наличие причинной связи между деянием и наступившей гибелью. На квалификацию в некоторых случаях влияют факультативные признаки объективной стороны: время, место, способ и обстоятельства совершения преступления.

Субъективная сторона убийства характеризуется только умышленной формой вины. Умысел может быть прямой и косвенный. Виновный осознает, что лишает жизни другого человека, предвидит возможность или неизбежность наступления смерти потерпевшего и желает либо сознательно допускает наступление смерти, либо безразлично относится к такому результату. Кроме того, квалификация убийства очень часто зависит от направленности умысла (особенно при так называемых фактических ошибках). Покушение на убийство возможно только с прямым умыслом, так как все действия виновного свидетельствуют о том, что он предвидел наступление смерти, желал этого, но смерть не наступила по причинам, не зависящим от его воли. При этом дополнительной квалификации по фактически наступившим для потерпевшего последствиям не требуется. Мотивы и цели преступления (факультативные признаки субъективной стороны) в ряде случаев являются обязательными признаками и имеют решающее значение для оценки деяния (например, убийство из хулиганских побуждений, убийство из корыстных побуждений и т. д.).

Все убийства можно классифицировать следующим образом:

а) «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ);

б) убийство с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 105 УК РФ);

в) убийство со смягчающими обстоятельствами (ст.ст. 106–108 УК РФ).

Под «простым» убийством теория и практика подразумевают убийство из ревности, из мести, на почве личных неприязненных отношений, убийство в ссоре или драке (при отсутствии хулиганских мотивов), из трусости, из зависти, из сострадания к безнадежно больному или с его согласия. Иначе говоря, по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируются убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств, указанных в уголовном законе.

Квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) признается законодателем наиболее опасным преступлением против жизни. Для характеристики признаков квалифицированного убийства важное значение имеет судебное толкование. Следует подчеркнуть, что перечень отягчающих обстоятельств является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Вместе с тем убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам, но совокупности преступлений это не образует.

При квалификации **убийства двух или более лиц** (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) на практике возникали определенные трудности в оценке умысла виновного. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в первой редакции постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»[1] в 1 абз. п. 5 разъяснил, что необходимо, чтобы действия виновного охватывались единством умысла, направленного на убийство двух или более лиц, и были совер-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/.

шены одновременно. При этом последовательность действий виновного по причинению смерти другим лицам для квалификации не имела значения, а преступление считалось оконченным с момента наступления смерти двух или более лиц. Однако в связи с изменением редакции ст. 17 УК РФ (совокупность преступлений)[1] Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)"»[2], в котором предложил 1 абз. п. 5 изложить в следующей редакции: «5. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден»[3]. Таким образом, на первый взгляд, поставлена точка в споре о квалификации убийства двух или более лиц. Вместе с тем такое толкование не соответствует доктрине уголовного права в части оценки направленности умысла виновного. Игнорируется правило о разграничении продолжаемых преступлений и их совокупности. Тем самым виновный, совершивший несколько убийств, как самостоятельных преступлений, может быть приговорен не к тридцати (по правилам совокупности преступлений), а только к двадцати годам лишения свободы.

---

[1] Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48574.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76022/.

[3] Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/-documents/own/7794.

Убийство же одного человека и покушение на жизнь другого не могут рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух или более лиц. Так как умысел виновного не был до конца реализован по не зависящим от его воли причинам, содеянное следует квалифицировать по чч. 1 или 2 ст. 105 и ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такую позицию занимает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя, что подобная квалификация должна иметь место независимо от последовательности преступных действий. Иную точку зрения высказывают многие специалисты. По их мнению, в данном случае речь идет о едином преступлении, которое не может быть квалифицировано по нескольким статьям УК РФ, поскольку согласно ч. 2 ст. 6 УК РФ «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление»[1]. Вероятно, позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации нуждается в существенной корректировке.

Если виновный, желая причинить смерть одному человеку, не доводит свой замысел до конца (промахивается при стрельбе) и причиняет вред другому человеку (за исключением случаев терроризма и стрельбы в многолюдных местах), то его действия также образуют идеальную совокупность преступлений – ст. 30 и чч. 1 или 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 109 УК РФ. Возможна ситуация, при которой виновный, совершая убийство двух или более лиц, действует общеопасным способом. В таком случае его действия следует квалифицировать по совокупности пп. «а» и «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Убийство двух или более лиц в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания, квалифицируется по другим статьям УК РФ (ст.ст. 107 и 108 соответственно).

---

[1] Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 55–56.

Убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга квалифицируется по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По данному пункту следует квалифицировать убийство, совершенное с целью воспрепятствования правомерной деятельности потерпевшего по выполнению им своего служебного либо общественного долга, а также по мотивам мести за данную деятельность. Под служебной деятельностью судебная практика понимает любую деятельность потерпевшего, входящую в круг его служебных обязанностей, вытекающих из трудового договора с государственными, общественными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству. Выполнением общественного долга следует признавать осуществление гражданами как специально возложенных на них обязанностей, так и совершение другой полезной деятельности (депутаты, общественные контролеры, члены органов самоуправления, лица, выступающие в качестве свидетелей, и т. п.). Необходимо отметить, что действия указанных лиц должны быть законными.

УК РФ одинаково защищает как самого потерпевшего, осуществляющего служебную деятельность или выполняющего общественный долг, так и его близких. Под близкими понимаются его близкие родственники (к ним приравниваются родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабка, внуки, а также супруг) и иные лица, интересы которых в силу различных обстоятельств дороги потерпевшему (дальние родственники, жених, невеста, друзья и т. п.).

Данное убийство следует отличать от убийства государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), сотрудника правоохранительного органа

(ст. 317 УК РФ), а также от геноцида (ст. 357 УК РФ). Такие составы преступлений выделены законодателем в отдельные нормы (специальные), а по правилам квалификации при конкуренции общей и специальной нормы действует специальная норма. Главный признак субъективной стороны состава преступления, который необходимо доказать при квалификации по п. «б», – либо цель воспрепятствования правомерной деятельности, либо месть за подобную деятельность. Учитывая данное обстоятельство, можно утверждать, что такое убийство может быть совершено только с прямым определенным умыслом.

Как убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее.

Убийство, сопряженное с похищением человека, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 126 УК РФ, так как эти преступления имеют самостоятельный состав. Следует помнить, что смерть в данном случае может причиняться не только похищенному, но и другим лицам в связи с похищением. Важно доказать, что умысел виновного охватывал причинение смерти потерпевшему. Если умысел на убийство доказать не представляется возможным, то в ряде случаев действия виновного следует квалифицировать по ч. 3 ст. 126 УК РФ соответственно (субъективная сторона будет характеризоваться двойной формой вины – умыслом, направленным на похищение, и неосторожностью по отношению к наступившей смерти потерпевшего).

Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), особо выделяется потому, что, лишая жизни беременную женщину, виновный уничтожает и возможность жизни плода, т. е. будущего человека. Для квалификации не имеет значения срок беременности. С объективной стороны преступление выражается в лишении жизни женщины, находящейся в любой стадии беременности. Такое убийство считается оконченным с момента наступления смерти беременной женщины, даже если при определенных обстоятельствах удалось сохранить жизнь плода. Заведомость означает, что виновному достоверно известно о беременности женщины до начала убийства. Интересен вопрос о квалификации действий виновного, который ошибается относительно факта беременности потерпевшей. По мнению одних авторов, данные действия образуют оконченный состав, охватываемый п. «г» ч. 2 ст. 105 УК[1]. Но в этом случае игнорируется направленность умысла виновного и фактически наступившие обстоятельства. Убит человек, не обладающий необходимыми для квалификации признаками, но виновный желал причинить смерть именно беременной женщине. Высказано мнение о том, что такую фактическую ошибку в признаках потерпевшей следует толковать в пользу виновного, а деяние надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК[2]. По мнению В. Ф. Кириченко, в подобных случаях действия виновного должны квалифицироваться как оконченное преступление без отягчающих обстоятельств и как покушение на аналогичное преступление при отягчающих обстоятельствах, поскольку такая квалификация позволяет непосредственно установить фактически совершенное привлекаемым к ответственности лицом[3]. Фактически убийство совершается,

---

[1] См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 104–105.

[2] См.: Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 75.

[3] См.: Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 58.

но умысел был направлен на убийство беременной женщины. По нашему мнению, действия виновного в данном случае следует квалифицировать по правилам идеальной совокупности как оконченное убийство и покушение на квалифицированное убийство (чч. 1 или 2 (если установлены иные отягчающие обстоятельства) ст.ст. 105 и 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данное преступление, учитывая характер деяния, может быть совершено только с прямым умыслом.

Также выделяется **убийство, совершенное с особой жестокостью** (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Любое квалифицированное убийство свидетельствует о жестокости преступника. Но для указанного признака необходимо выявить особые обстоятельства, характеризующие убийство как исключительно жестокое. Эти обстоятельства должны быть, с одной стороны, связаны со способом совершения преступления, а с другой – охватываться умыслом виновного. В теории и практике под особой жестокостью понимаются случаи, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему умышленно применялись пытки, истязания либо ему причинялись особые страдания путем нанесения большого количества телесных повреждений или использования мучительно действующего яда, сожжения заживо, длительного лишения пищи, воды. Например, по уголовному делу об убийстве Воловик было установлено, что подсудимый С. нанес ей 23 ножевых ранения в жизненно важные органы, причинив множественные проникающие колото-резаные раны груди и живота с повреждением печени, легкого, почки и желудка и многие другие повреждения. Тамбовский областной суд обоснованно признал его виновным в убийстве с особой жестокостью[1]. Особая жестокость может выражаться также в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7. С. 23.

страдания. Вместе с тем уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может рассматриваться как убийство, совершенное с особой жестокостью. Глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Необходимо подчеркнуть, что особая жестокость – это юридическое понятие, а не медицинское. Оценивают данное понятие следственные органы и суд. Убийство такого рода могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Главная особенность **убийства, совершенного общеопасным способом** (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) заключается в том, что виновным сознательно выбран такой способ, при котором создается реальная угроза для жизни других лиц. Если следовать разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то достаточно угрозы гибели хотя бы одного человека (кроме потерпевшего). При этом она должна быть действительной, а не мнимой и предполагаемой.

Такие способы известны судебной практике: взрыв, поджог, затопление, обвал, разрушение жилых строений, выстрелы в толпу, отравление воды и пищи, удушение газом, применение иных источников повышенной опасности. Важно, чтобы умысел виновного охватывал угрозу причинения смерти другим лицам. В случае причинения вреда здоровью других лиц действия виновного следует квалифицировать по совокупности с другими преступлениями, предусматривающими ответственность за умышленное причинение вреда здоровью, а при причинении смерти другим лицам – по совокупности с п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Когда убийство таким способом сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с уничтожением или повреждением лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд, содеянное следует квалифицировать также по ч. 2 ст. 167 или ч. 2 ст. 261 УК РФ.

В связи с изменениями и дополнениями в УК РФ в ч. 2 ст. 105 включен п. «е[1]», характеризующий самостоятельный вид квалифицированного преступления: убийство по мотиву кровной мести. По сути, это выделение признака из более общего, ранее предусмотренного в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, который также претерпел изменение. Кровная месть известна с древнейших времен и распространена среди многих племен земного шара. По древним обычаям за убийство родственники убитого мстили самому убийце или одному из ближайших родственников, на кого «падала» кровная месть. За увечье или ранение причинивший их сам подвергался увечью или ранению со стороны потерпевшего. Мстить убийце своего родственника было священным долгом. Не исполнивший этот долг навлекал позор не только на себя, но и на весь свой род, каждый вправе был обидеть и оскорбить его. Общественная опасность данного преступления состоит в том, что виновный посягает на жизнь другого человека и на исключительное право государства на осуществление правосудия. Данное убийство может быть совершено только с прямым умыслом. Косвенный умысел исключается. Поскольку обычай кровной мести требует отплатить за смерть смертью, то ни к какому иному результату при осуществлении мести субъект не стремится, другого исхода не допускает – он желает только смерти обидчика, предвидит ее, сознавая общественно опасный характер своих действий. Правы специалисты, указывающие, что в отличие от простого убийства из мести при убийстве по мотиву кровной мести виновный руководствуется не столько чувством личной неприязни к потерпевшему, сколько стремлением соблюсти обычай, дабы не подвергнуть позору себя и свой род[1].

Субъектом убийства на почве кровной мести может быть только лицо, принадлежащее к этой национальности или этнической группе, где существует обычай кровной мести.

---

[1] Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. М. : Зерцало-М, 2006. С. 80.

Убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), выполняется с использованием различных форм соучастия, признаки которых раскрываются в ст. 35 УК РФ. Как любое соучастие здесь предполагается умышленное участие двух и более лиц в лишении жизни другого человека. По разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации в качестве исполнителей преступления следует признавать лиц, которые действовали совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, и непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего.

Убийство, совершенное группой лиц, признается в том случае, если в его совершении совместно участвовали два и более исполнителя без предварительного сговора. Если в преступлении участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном убийстве, это означает, что все они соисполнители и действовали по предварительному сговору группой лиц. Если при совершении преступления роли были распределены и в убийстве наряду с исполнителем участвовали организатор, подстрекатель или пособник, то действия последних квалифицируются по ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (если они одновременно не являлись соисполнителями убийства), а действия исполнителя – без ссылки на ст. 33 УК РФ. Под убийством, совершенным организованной группой, следует понимать преступление, совершенное устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что действия всех участников организованной группы, совершившей убийство, независимо от их роли в преступлении, следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Подобное преступление может быть со-

вершено с прямым умыслом, причем заранее обдуманным. Исключение составляет убийство, совершенное простой группой без предварительного сговора. В этом случае возможен как прямой, так и косвенный умысел. Наряду с этим Пленум не разъяснил вариант квалификации убийства, совершенного членами преступного сообщества. Полагаем, что при доказанности участия организатора преступного сообщества либо рядового участника в совершении конкретного убийства их действия надлежит квалифицировать по совокупности п. «ж» ч. 2 ст. 105 и ст. 210 УК РФ.

Следует согласиться с теми специалистами, которые отмечают в случае **убийства из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженного с разбоем, вымогательством или бандитизмом** (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) объединение разнопорядковых деяний, а также некоторое дублирование: корыстные побуждения выделены как самостоятельный признак, но и в составе разбоя и вымогательства он также является обязательным. Корыстные побуждения характеризуются стремлением к незаконному обогащению за счет нарушения чужих прав и интересов. Так же, как и убийство из корыстных побуждений, надлежит квалифицировать убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и т. п.)[1]. Данное разъяснение позволяет говорить о том, что такое убийство может быть совершено как путем активных действий, так и в форме бездействия (когда человек по малолетству, дряхлости или тяжелой болезни не может обеспечить себя

[1] Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/.

питанием и другими средствами, необходимыми для поддержания жизни, и в результате бездействия виновного погибает). При этом убийство, совершенное по тем или иным мотивам, не может рассматриваться как осуществленное из корыстных побуждений, если после его совершения у виновного появились корыстные мотивы и он завладел имуществом убитого. Точно также не является убийством из корыстных побуждений то, что было совершенно в связи с неуплатой потерпевшим долга или за невыполнение каких-либо имущественных обязанностей. Как правило, в данном случае мотивом преступления является месть.

Свою специфику имеет убийство по найму. Ранее такие действия квалифицировались либо как убийство из корыстных побуждений, либо как «простое» убийство. В настоящее время это касается «заказных» убийств. Хотя в определенной степени это усложненный вид корыстного убийства – виновный соглашается за определенное вознаграждение, получаемое от «заказчика», лишить жизни другого человека. Если «заказчик» действует из корыстных побуждений, то его действия необходимо квалифицировать по совокупности – как организатора корыстного убийства и убийства по найму.

Если убийство совершено при разбойном нападении либо сопряжено с вымогательством или бандитизмом, действия виновного надлежит квалифицировать по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 162, 163 и 209 УК РФ соответственно. При этом состав разбоя и бандитизма предполагает, что убийство совершается путем нападения с целью завладения имуществом в момент убийства или сразу после него. Как представляется, для более точного применения признака «корыстные побуждения» требуются дополнительные разъяснения высших судебных инстанций.

Вместе с тем убийство из корыстных побуждений или по найму может быть совершено только с прямым умыслом, а подобные деяния, сопряженные с разбоем, вымогательством

или бандитизмом, могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Квалификация по обстоятельству **убийства из хулиганских побуждений** (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) предполагает, что оно совершается на почве явного неуважения к обществу, грубого нарушения правил общежития и норм морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обуславливается желанием противопоставить себя окружающим, показать свое пренебрежительное к ним отношение. Чаще всего такое убийство следует за актом хулиганства, как правило, с использованием незначительного повода в качестве предлога для убийства. Необходимо установить, что умысел виновного охватывает посягательство не только на жизнь человека, но и на общественный порядок. Неустановление мотивов убийства не является основанием для квалификации преступления как совершенного из хулиганских побуждений. Вместе с тем убийство, совершенное из ревности, мести и других побуждений, возникших на почве личных неприязненных отношений, не должно квалифицироваться по указанному пункту.

Необходимо отграничивать данный вид убийства от убийства в ссоре или в драке. При этом важно выяснить, кто явился инициатором ссоры или драки и не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода к убийству. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если зачинщиком ссоры или драки был потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его неправомерное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений[1]. Обязательным признаком объективной стороны являются место совершения преступления и публичность действий

[1] Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/.

виновного. Субъект может действовать с прямым умыслом, но чаще умысел бывает косвенным, который характеризуется безразличным отношением к возможным последствиям.

Для правильной оценки такого вида убийства, как **убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера** (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), необходимо отделить первую часть данного квалифицирующего признака от второй. Поэтому для квалификации действий виновного при убийстве с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение требуется доказать конкретную цель убийства – сокрытие или облегчение совершения другого преступления. Не требуется, чтобы виновный в результате убийства достиг указанной цели, достаточно установить сам факт ее наличия перед убийством. Вместе с тем преступление, совершение которого облегчалось или скрывалось с помощью убийства, подлежит самостоятельной квалификации.

Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, по разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует понимать убийство в процессе изнасилования или с целью скрыть его, а также по мотивам мести за оказанное сопротивление. Речь идет о двух самостоятельных преступлениях, поэтому действия виновного следует квалифицировать по совокупности (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и в зависимости от конкретных обстоятельств по соответствующим частям и пунктам ст. 131 или ст. 132 УК РФ).

В части **убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы** (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) уголовный закон характеризуется весьма оценочными признаками, которые выделены и в других статьях УК РФ, предусмат-

ривающих ответственность за посягательство на здоровье человека: ст.ст. 111, 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ. Для правильной квалификации подобных действий следует ориентироваться на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[1].

Для квалификации по указанным основаниям важно установить наличие мотива преступления, содержанием которого является стремление виновного показать ущербность потерпевшего в силу его принадлежности к определенной партии, политической группе, идеологии, национальности, расе, этнической группе и религии. В некоторых случаях виновный, совершая такое убийство, пытается продемонстрировать исключительность своей партийной, идеологической, национальной, расовой и религиозной принадлежности. Важное значение для квалификации имеет и личность потерпевшего. Им может быть представитель иной национальности либо иного вероисповедания или лицо, принадлежащее к той же национальности, расе, что и виновный. В последнем случае виновный может мстить потерпевшему за несогласие поддержать националистическую идею превосходства и исключительности.

При квалификации **убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего** (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) определяющая роль отводится установлению цели его совершения. При этом необходимо знание Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или)

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 20.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/.

тканей человека»[1]. Но убийство будет считаться оконченным независимо от того, использовал ли виновный органы и ткани потерпевшего. В специальной литературе распространено мнение, что органы и ткани убитого используются для трансплантации в качестве донорского материала. Однако законодатель ведет речь не только о трансплантации, но и вообще об использовании органов и тканей для различных целей: использование в промышленности, каннибализм, глумление над трупом и т. п. Если при совершении данного убийства виновный руководствовался корыстными мотивами, то его действия необходимо квалифицировать по пп. «з» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С учетом выделенной законодателем специальной цели это убийство может совершаться только с прямым, заранее обдуманным умыслом.

§ 2.2. Особенности квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта

Аффект – это особое состояние психики человека, возникшее внезапно, при котором лицо не осознает характер своих действий или осознает, но не в полном объеме.

В юридическом смысле аффект – понятие, позволяющее определить целую совокупность юридически значимых эмоциональных состояний, отвечающих вполне определенным требованиям, опосредованных нормами права.

При оценке убийства, совершенного в состоянии аффекта, следует отграничивать физиологический аффект от патологического. Последний характеризуется глубоким помрачением сознания, при этом человек не способен отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Такой субъект признается невменяемым.

---

[1] Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 62.

Физиологический аффект характеризует сильное душевное волнение, которое:

а) возникло внезапно;

б) вызвано насилием, издевательством или тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями со стороны потерпевшего.

Как признает судебная практика, между провоцирующим поведением потерпевшего и аффектом не должно быть разрыва во времени. Лишь в исключительных случаях, с учетом особых факторов или в связи с длительной психотравмирующей ситуацией, возможен определенный разрыв во времени.

Насилие может быть как физическим (удары, побои, выкручивание рук, связывание, изнасилование, причинение вреда здоровью любой тяжести), так и психическим (реальная и объективно выполнимая угроза применения физического насилия). Так, Президиум Верховного Суда Российской Федерации по делу К. указал, что Г., запугивая угрозами и побоями, сломил сопротивление К. и неоднократно совершил с ней насильственные действия сексуального характера, что привело ее в состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, в процессе которого она двумя кухонными ножами и двумя вилками причинила Г. 78 колото-резаных ран лица, шеи, груди и живота, 28 из которых были проникающими с повреждением сердца, легких, печени и других органов. От полученных ранений Г. скончался на месте. Тем не менее действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 107 УК РФ[1].

Издевательство и тяжкое оскорбление – оценочные понятия, которые могут быть признаны таковыми лишь при анализе всех конкретных обстоятельств дела. Возможны и иные противоправные действия, грубо нарушающие права и законные интересы виновного или его близких (наезд автомашины под управлением пьяного водителя, шантаж, превышение должностных полномочий и т. п.). Аморальное поведение потерпевшего также является

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 5. С. 10–11.

оценочным понятием (по нашему мнению, здесь необходимо четкое судебное толкование, а в таком виде, как указано в диспозиции статьи, подразумевается широкий спектр действий).

Мотивы могут быть разными, но в большинстве случаев – это месть. Так, 22 февраля 2004 г. С. совместно со своей бывшей женой распивал спиртные напитки в квартире, расположенной на территории г. Твери, в ходе чего между ними произошла ссора на почве личных неприязненных отношений. 23 февраля 2004 г. около 4 ч. 45 мин. бывшая супруга умышленно, с целью причинения спящему С. особой боли и страданий, вылила на него воду из кипящего чайника, причинив ему множественные ожоги, расценивающиеся как легкий вред здоровью. С. немедленно, действуя под влиянием возникшего вследствие резкой боли сильного душевного волнения, схватил жену за шею и сдавил ее, в результате чего она скончалась на месте от асфиксии[1].

Действия его были обоснованно квалифицированы по ст. 107 УК РФ. В данном случае резкая боль, вызванная противоправными действиями потерпевшей, трансформировалась в аффект гнева, который послужил основанием для возникновения мести как мотива преступления.

По ч. 2 ст. 107 УК РФ квалифицируется убийство двух или более лиц. Главный критерий – совершение этих действий в состоянии аффекта. Убийство может быть совершено с прямым и косвенным умыслом, но он всегда будет внезапно возникшим. С учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной статье должно квалифицироваться и убийство, совершенное при обстоятельствах, предусмотренных пп. «а», «в» (кроме сопряженного с похищением человека), «г», «д», «е», «ж» (кроме убийства по предварительному сговору и организованной группой), «е[1]» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

---

[1] Материалы архива Московского районного суда г. Твери // Московский районный суд г. Твери. URL: https://moskovsky--twr.sudrf.ru.

§ 2.3. Особенности квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, следует учитывать, что его объективная сторона включает три обязательных признака:

а) общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, направленное на причинение вреда здоровью другого человека;

б) общественно опасные последствия, т. е. реальный вред здоровью, выразившийся в одном из указанных в диспозиции статьи признаков;

в) причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Установление признаков объективной стороны требует проведения судебно-медицинской экспертизы, в процессе которой эксперты устанавливают степень тяжести вреда здоровью в соответствии с Приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»[1]. В этом нормативно-правовом акте определены следующие признаки тяжкого вреда, причиненного здоровью человека:

1. **Опасный для жизни** вред здоровью:

– создающий непосредственно угрозу для жизни, например, рана головы, проникающая в полость черепа, в том числе без повреждения головного мозга, перелом свода (лобной, теменной костей) и (или) основания черепа, внутричерепная травма и т. д.;

[1] Приказ Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 18.01.2012) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79398/.

– вызвавший расстройство жизненно важных функций организма человека, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно и обычно заканчивается смертью (угрожающее жизни состояние). Например, шок тяжелой (III–IY) степени; кома II–III степени различной этиологии; острая, обильная или массивная кровопотеря; острая сердечная и (или) сосудистая недостаточность тяжелой степени, или тяжелая степень нарушения мозгового кровообращения и др.

2. **Неопасный для жизни** вред здоровью, тяжкий по последствиям. Потеря зрения – полная стойкая слепота на оба глаза или такое необратимое состояние, когда в результате травмы, отравления либо иного внешнего воздействия у человека ухудшилось зрение, что соответствует остроте зрения, равной 0,04 и ниже. Потеря зрения на один глаз оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности. Потеря речи – необратимая потеря способности выражать мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих. Потеря слуха – полная стойкая глухота на оба уха или такое необратимое состояние, когда человек не слышит разговорную речь на расстоянии 3–5 см от ушной раковины. Потеря слуха на одно ухо оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности. Потеря какого-либо органа или утрата органом его функций (потеря руки или ноги, т. е. отделение их от туловища или стойкая утрата ими функций (паралич или иное состояние, исключающее их функции); потеря кисти или стопы приравнивается к потере руки или ноги; потеря производительной способности, выражающаяся у мужчин в способности к совокуплению или оплодотворению, у женщин – в способности к совокуплению или зачатию, или вынашиванию, или деторождению; потеря одного яичка).

Прерывание беременности – прекращение течения беременности независимо от срока, вызванное причиненным вредом здоровью, с развитием выкидыша, внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами либо обусловившее необходимость ме-

дицинского вмешательства. Прерывание беременности в результате заболеваний матери и плода должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью и не должно быть обусловлено индивидуальными особенностями организма женщины и плода (заболеваниями, патологическими состояниями), которые имелись до причинения вреда здоровью.

Психическое расстройство, возникновение которого должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, т. е. быть его последствием. Заболевание наркоманией либо токсикоманией.

Степень тяжести обезображивания лица определяется судом. Производство судебно-медицинской экспертизы ограничивается лишь установлением неизгладимости данного повреждения, а также его медицинских последствий в соответствии с медицинскими критериями. Под неизгладимыми изменениями следует понимать такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция).

К тяжкому вреду здоровья, вызывающему значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, относят повреждения, перечисленные в пп. 6.11.1–6.11.11 указанного выше приказа Минздравсоцразвития России. Стойкая утрата общей трудоспособности в иных случаях определяется в процентах, кратных пяти, в соответствии с Таблицей приказа (свыше 30 %).

Профессиональная трудоспособность связана с возможностью выполнения определенного объема и качества работы по конкретной профессии (специальности), по которой осуществляется основная трудовая деятельность. Ее полная утрата также относится к тяжким последствиям вреда, причиненного здоровью человека. Степень утраты профессиональной трудоспособности определя-

ется в соответствии с Правилами установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 октября 2000 г. № 789[1].

Состав по конструкции объективной стороны материальный: преступление окончено с момента наступления любого из перечисленных последствий.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла.

Субъект преступления общий – физическое, вменяемое лицо, достигшее 14 лет.

В большей степени содержание квалифицирующих признаков, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 111 УК РФ, аналогично содержанию соответствующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Федеральным законом Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия»[2] ч. 2 данной статьи была дополнена следующими квалифицирующими признаками: в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж»); с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «з»).

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, означает их умышленное использование лицом как

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 16 октября 2000 г. № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 25.03.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 43. Ст. 4247.

[2] Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» // Российская газета. 2014. 23 июля (№ 163).

для физического воздействия на потерпевшего, так и для психического воздействия на него в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Оружием признаются предметы, указанные в Федеральном законе Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[1]. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т. п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами[2].

Особые трудности вызывает квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Состав этого преступления необходимо отграничивать, с одной стороны, от убийства, а с другой – от причинения смерти по неосторожности. Объективная и субъективная стороны состава преступления носят сложный характер.

Сложность объективной стороны заключается в том, что надлежит устанавливать причинно-следственную связь не только между совершенным деянием и наступившим тяжким вредом здоровью, но и причинную связь с наступлением смерти. Особенность субъективной стороны заключается в том, что данное преступление совершается с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ) – умысел на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожность по отношению к смерти. При убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни. Причинение смерти по неосторожности означает, что у виновного вообще отсутствует умысел как

---

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.12.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10128024/.

[2] Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 24.05.2016) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

на причинение вреда здоровью, так и на причинение смерти. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что, решая вопрос о содержании умысла виновного, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств и учитывать способ и орудия преступления, количество, характер, локализацию телесных повреждений, причины прекращения преступных действий, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

Вопросы для самоконтроля

1. Как квалифицировать убийство одного человека и покушение на жизнь другого?
2. Как квалифицировать действия виновного, который ошибается относительно факта беременности потерпевшей, фактически совершает убийство, при этом его умысел был направлен на убийство беременной женщины?
3. Каковы особенности субъекта состава убийства в состоянии аффекта?
4. Раскройте особенности субъективной стороны умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2003. – 467 с.
2. Голенко, Д. В. Преступления против жизни и здоровья : учебное пособие / Д. В. Голенко. – Самара : Самарский университет, 2019. – 137 с.
3. Лопашенко, Н. А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 656 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / [Н. И. Ветров и др. ;

под ред. Н. Г. Кадникова]. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2019. – 1093 с.

5. Нуркаева, Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод. Вопросы теории и практики : монография / Т. Н. Нуркаева. – 2-е. изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 255 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/7794/.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 17.11.2011) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70563/.

8. Приказ Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consu ltant.ru/document/cons_doc_LAW_79398/.

Глава 3. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* особенности квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, содержание обязательных и факультативных признаков указанных составов преступлений, судебное толкование по делам данной категории;
– *уметь* определять и анализировать основные и факультативные признаки составов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, квалифицировать преступления против половой свободы и половой неприкосновенности с учетом судебного толкования;
– *владеть* уголовно-правовой терминологией и навыками квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, навыками разграничения смежных преступлений в данной сфере.

§ 3.1. Особенности квалификации изнасилования

Особенностью квалификации изнасилования долгое время признавалось расширительное толкование насильственного полового акта за счет включения в него удовлетворения половой страсти не только в естественной, но и в извращенной форме[1]. С момента вступления в силу УК РФ 1996 г. такое понимание изнасилования не соответствует закону. Согласно диспозиции ст. 131 УК РФ изнасилованием признается только половое сношение мужчины с женщиной, ко-

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 10. С. 14 ; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. № 2. С. 6.

торое осуществляется вопреки ее воле и согласию, путем применения насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Половое сношение (половой акт, совокупление) состоит во введении мужского полового члена в преддверие или непосредственно во влагалище женщины. Состав изнасилования является формальным: оно считается оконченным преступлением в момент начала полового акта.

Если во время совершения изнасилования помимо полового акта виновный совершал иные насильственные действия сексуального характера (например, вводил половой член в анальное отверстие потерпевшей), то квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ.

Объективная сторона данного преступления характеризуется следующими формами действия, которые применяет виновный для достижения цели:

а) физическим насилием над потерпевшей или другими лицами, направленным на подавление сопротивления потерпевшей. Физическое насилие может выражаться в нанесении побоев, причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшей или другим лицам, ограничении свободы, связывании, затыкании рта кляпом и т. д.;

б) психическим насилием, выражающимся в угрозе как средстве подавления воли потерпевшей, под которой следует понимать запугивание потерпевшей действиями или высказываниями, выражающими намерение немедленного применения насилия к самой потерпевшей или к другим лицам. Угроза может быть словесной, символической или обусловленной обстановкой совершения преступления. Ответственность за изнасилование с угрозой применения насилия наступает лишь в случаях, если такая угроза явилась средством преодоления сопротивления потерпевшего лица и у него имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. То есть угроза должна быть реальной и

свидетельствовать о немедленном ее воплощении в действительность в случае, если потерпевшая не совершит с насильником половой акт. Согласно ч. 1 ст. 131 УК РФ помимо потерпевшей адресатом угрозы также могут быть и другие лица. Как правило, ими выступают дети потерпевшей и другие близкие родственники, а также друзья, сослуживцы и т. п. Иными словами, здесь имеются в виду лица, применение насилия к которым вызовет страдания у потерпевшей. Вместе с тем следует учитывать, что, говоря о других лицах, закон не ограничивает их круг близкими потерпевшей.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[1] разъясняется, что, если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица применялось насилие или выражалась угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ.

Нельзя квалифицировать как изнасилование принуждение потерпевшей к совершению полового сношения под угрозами шантажа, уничтожения, повреждения или изъятия ее имущества. Такие действия могут подпадать под признаки преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ;

в) использованием беспомощного состояния потерпевшей. Изнасилование признается совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей в тех случаях, когда она в силу своего физического или психического состояния (малолетний возраст, физические недостатки, слабоумие, расстрой-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

ство душевной деятельности, иное болезненное либо бессознательное состояние и т. п.) не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий или не могла оказать сопротивление виновному. При этом, вступая в половое сношение, виновный должен осознавать, что потерпевшая находится в таком беспомощном состоянии. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что при оценке обстоятельств изнасилования потерпевшей, находившейся в состоянии опьянения, следует исходить из того, что беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ, которая лишала потерпевшую возможности понимать характер и значение совершаемых с ней действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом для признания изнасилования совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей не имеет значения, сам ли виновный привел женщину в такое состояние (напоил спиртными напитками, дал наркотики, снотворное и т. п.) или воспользовался подобным состоянием, возникшим по иным причинам.

В постановлении № 16 разъяснено, что если при изнасиловании потерпевшей был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозицией ст. 131 УК РФ, в то же время умышленное причинение тяжкого вреда здоровью требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК РФ.

Действия лица, умышленно причинившего в процессе изнасилования тяжкий вред здоровью потерпевшей, что повлекло по неосторожности ее смерть, при отсутствии других квалифицирующих признаков следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Убийство в процессе совершения изнасилования, а также совершенное по окончании этого преступления по мотивам мести за оказанное сопротивление или с целью его сокрытия, следует

квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей частью ст. 131 УК РФ[1].

Вступление с женщиной в половое сношение путем обмана, ложного обещания жениться, оказать какие-либо услуги или предоставить какие-либо выгоды («сексуальное мошенничество») не образует состава изнасилования. Изнасилование может быть совершено и мужчиной, находящимся с потерпевшей в супружеских и родственных отношениях.

Приготовление к изнасилованию может выражаться в создании условий для совершения этого преступления и использовании благоприятной обстановки. Так, Т., услышав о том, что около железнодорожного полотна какие-то парни «имеют связь с какой-то женщиной», отправился туда с целью принятия участия в изнасиловании. Когда он подходил к месту совершения преступления, был задержан работниками милиции. Верховный Суд СССР, рассматривая это дело, указал, что приход к месту происшествия с целью вступления с потерпевшей в половую связь без действий, непосредственно направленных на осуществление этого намерения, не может быть расценен как оконченное преступление или покушение на него. Эти действия были направлены на обеспечение возможности совершения изнасилования, поэтому их следует считать приготовлением к преступлению[2]. Приготовление к изнасилованию квалифицируется по ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 131 УК РФ.

Покушение на изнасилование в отличие от приготовления заключается в действиях, непосредственно направленных на совершение изнасилования, если оно при этом не было доведено до конца по не зависящим от виновного обстоятельствам.

---

[1] Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

[2] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 3. С. 21.

Покушение на изнасилование с применением физического или психического насилия предполагает наличие у виновного цели совершения полового акта, а применяемое им насилие является средством к достижению этой цели, которая не осуществляется по не зависящим от него причинам. Только при наличии этих обстоятельств действия виновного могут рассматриваться как покушение на изнасилование. В связи с этим необходимо отличать покушение на изнасилование от других преступных посягательств, затрагивающих честь, достоинство и неприкосновенность личности женщин (развратные действия, оскорбление, причинение вреда здоровью и др.).

Покушение на изнасилование следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 131 УК РФ. При добровольном отказе от изнасилования лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно осознавало возможность доведения данного преступления до конца, но по собственной воле независимо от мотивов окончательно прекратило начатое преступление. Лицо в таких ситуациях может нести уголовную ответственность лишь за фактически совершенные им действия, которые содержат состав иного преступления. Например, легкий вред здоровью (ст. 115 УК РФ) и др. Не может быть признан отказ от совершения изнасилования добровольным и устраняющим уголовную ответственность за это преступление, если он был вызван невозможностью дальнейшего продолжения преступных действий вследствие причин, возникших помимо воли виновного.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации[1] в тех случаях, когда несколько половых актов не прерывались либо прерывались на непродолжительное время и обстоятельства совершения изнасилования свидетельствовали

[1] Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

о едином умысле виновного лица на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 УК РФ.

Квалифицированным видом является **совершение изнасилования группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой** (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ). Данный пункт охватывает три формы соучастия, предусмотренные ст. 35 УК РФ. Для квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ практически не имеет значения, в какой из этих трех форм соучастия было совершено изнасилование. Важно отметить, что в изнасиловании, совершенном группой лиц, все участники изнасилования выступают в качестве соисполнителей. Изнасилование, совершенное группой лиц по предварительному сговору, может иметь место только тогда, когда в его совершении совместно участвовали два или более соисполнителя. При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера[1].

При соисполнительстве объективная сторона преступления может выполняться как одновременно, так и по частям. Одни могут совершать насильственный половой акт, а другие перед этим путем физического или психического насилия могут преодолеть сопротивление жертвы. Также следует иметь в виду, что дей-

[1] Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

ствия лица, непосредственно не вступавшего в половое сношение с потерпевшей и не применявшего к ней и к другим лицам физического или психического насилия при совершении указанного деяния, а лишь содействовавшего совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации виновному либо устранением препятствий и т. п., надлежит квалифицировать по ч. 5 ст. 33 УК РФ и, при отсутствии квалифицирующих признаков, – по ч. 1 ст. 131 УК РФ.

Иначе решается вопрос при совершении изнасилования организованной группой. На уровне судебного толкования сформулировано правило квалификации, в соответствии с которым все участники организованной группы независимо от выполняемой ими роли признаются соисполнителями и их действия должны быть квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. Обязательным для квалификации содеянного по этому пункту является совершение насильственного полового акта с потерпевшей хотя бы одним из участников группы.

В отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла.

Изнасилование следует признать совершенным группой лиц не только в тех случаях, когда несколькими лицами подвергается изнасилованию одна или более потерпевших, но и тогда, когда виновные, действуя согласованно и применяя физическое насилие или угрозу в отношении нескольких женщин, затем совершают половой акт с каждой или хотя бы с одной из них.

Действия участника группового изнасилования следует квалифицировать по ч. 1 ст. 131 УК РФ, если только он один привлекается к уголовной ответственности, а остальные участники изнасилования не достигли четырнадцатилетнего возраста либо

были признаны невменяемыми. Такая квалификация содеянного обосновывается тем, что в данном случае отсутствуют признаки соучастия в преступлении.

К числу квалифицирующих обстоятельств изнасилования, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ, относится **сопряженность изнасилования с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей или другим лицам**. Под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей или другим лицам следует понимать не только прямые высказывания, которые выражали намерение немедленного применения физического насилия к самой потерпевшей, ее детям, близким родственникам или другим лицам, но и с учетом обстоятельств дела такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия (пистолета, ножа, топора, бритвы и т. п.). При указанной квалификации угроза должна применяться в качестве средства преодоления либо предотвращения сопротивления потерпевшей. Если угроза имела место после совершения изнасилования, например, высказывалась с целью заставить потерпевшую никому не сообщать о случившемся, действия виновного должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 131 УК РФ и дополнительно по ст. 119 УК РФ, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Изнасилование, совершенное с особой жестокостью, также относится к квалифицирующим признакам, предусмотренным п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ.

Особая жестокость по отношению к потерпевшей или другим лицам при совершении изнасилования может выражаться в применении пыток, истязаниях, глумлении над потерпевшей, причинении ей особых физических или нравственных мучений и страданий. Особая жестокость будет иметь место и тогда, когда изнасилование потерпевшей совершается на глазах близких и причиняет последним особые страдания, к чему и стремится виновный. Особая жестокость может выражаться в способе подавления сопротивления, вызывающем тяжелые физические

либо нравственные мучения и страдания самой потерпевшей или других лиц. При этом следует иметь в виду: при квалификации таких действий по признаку особой жестокости необходимо устанавливать, что умыслом виновного охватывалось совершение преступления с особой жестокостью.

К квалифицированным видам изнасилования относится и **заражение потерпевшей венерической болезнью** (п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ). Данное отягчающее изнасилование обстоятельство будет иметь место тогда, когда виновный знал о наличии у себя венерического заболевания (сифилиса, гонореи, мягкого шанкра и др.), предвидел возможность или неизбежность заражения потерпевшей и желал или допускал такое заражение, а равно, когда он предвидел возможность заражения потерпевшей, но самонадеянно рассчитывал на предотвращение этого последствия. В таких ситуациях дополнительной квалификации по ст. 121 УК РФ не требуется.

Особо отягчающими признаками изнасилования, предусмотренными ч. 3 ст. 131 УК РФ, являются:

а) изнасилование несовершеннолетней;

б) изнасилование, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия.

Изнасилование несовершеннолетней имеет место в случаях, когда потерпевшая достигла возраста 14 лет, но не достигла 18 лет (п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ).

Квалификация преступлений по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшая не достигла 18 лет. При этом необходимо не только учитывать показания самой потерпевшей, но и тщательно проверять их соответствие другим обстоятельствам дела. Вменение этого признака виновному в изнасиловании, заблуждавшемуся относительно фактического возраста потерпевшей, т. е., когда

по всем обстоятельствам дела он считал, что она достигла совершеннолетия, будет являться объективным вменением, а соответственно противоречить ст. 5 УК РФ.

При причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшей ответственность наступает только по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Дополнительной квалификации по ст. 118 УК РФ не требуется. В тех же случаях, когда изнасилование сопряжено с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 УК РФ и ст. 111 УК РФ.

В случаях заражения потерпевшей ВИЧ-инфекцией действия лица, знавшего о наличии у него этого заболевания и заразившего потерпевшую болезнью, следует квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ как при неосторожном, так и при умышленном заражении потерпевшей.

Под «иными тяжкими последствиями», о которых идет речь в п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ, следует понимать последствия, которые не связаны с причинением по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшей или заражением ее ВИЧ-инфекцией, в частности, речь может идти о самоубийстве или попытке самоубийства потерпевшей, ее беременности и т. п.

В ч. 4 ст. 131 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение изнасилования при следующих особо отягчающих обстоятельствах:

а) повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей;

б) потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста.

Если **в результате изнасилования последовала смерть потерпевшей**, к данному наступившему последствию психическое отношение насильника должно выражаться в форме неосторожной вины. Содеянное в этих случаях полностью охватывается п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ и дополнительной квалификации не требует (в этом случае деяние характеризуется двумя формами вины).

Изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, имеет место, когда виновный знал или допускал, что совершает изнасилование малолетней, либо мог и должен был это предвидеть. Так, не усмотрев в конкретном случае наличие данных условий, Верховный Суд Российской Федерации отметил: вывод суда о том, что виновные допускали недостижение потерпевшей 14-ти лет, потому как по своим физическим данным и внешнему виду она не выглядела старше своего возраста и не опережала сверстников в развитии, сделан лишь на личном восприятии судей при отсутствии достаточных доказательств, которые бы свидетельствовали об осведомленности подростков о возрасте потерпевшей. На момент совершения преступления фактически потерпевшей исполнилось 13 лет 3 месяца и 10 дней. Ранее она преступников не знала. При знакомстве с ними на вопрос о своем возрасте ответа не дала.

Возраст виновных на этот день составлял от 15 до 16 лет. Как видно из их показаний, все они полагали, что потерпевшей было 15–16 лет, так как она была одинакового роста с ними, применяла косметику, ее поведение и разговор не свидетельствовали о ее малолетнем возрасте. Действия осужденных переквалифицированы с ч. 4 на ч. 3 ст. 117 УК РСФСР[1] (изнасилование, совершенное группой лиц, или изнасилование несовершеннолетней).

В примеч. к ст. 131 УК РФ закреплено положение, в соответствии с которым к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ (а также п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ), относятся также деяния, предусмотренные чч. 3–5 ст. 134 и чч. 2–4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т. е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

---

[1] Постановление № 288п96 по делу Филипцевича, Чебан и др. : обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 1996 г. по уголовным делам // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 8.

В январе 2022 г. в ч. 5 ст. 131 УК РФ были внесены изменения, направленные на усиление уголовной ответственности за посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних[1]. В частности, законодатель установил повышенную ответственность за деяния, предусмотренные п. «а» ч. 3 и 4 ст. 131 УК РФ, если они:

а) совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (в ранее действовавшей редакции указывалась судимость только за изнасилование малолетней потерпевшей);

б) совершены в отношении двух или более несовершеннолетних;

в) сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Имеющими судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего являются лица, имеющие непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных чч. 3–5 ст. 131, чч. 3–5 ст. 132, ч. 2 ст. 133, ст.ст. 134, 135 УК РФ. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что учитываются также судимости за указанные преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет[2].

Для квалификации по ч. 5 ст. 131 УК РФ не имеет значения, судимо ли лицо за приготовление или покушение на названные преступления, являлось ли оно исполнителем, подстрекателем, пособником или организатором этих преступлений.

---

[1] Федеральный закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 31 января (№ 20).

[2] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

Учитывая системность толкования уголовного закона[1], **изнасилование двух или более несовершеннолетних,** совершенное одновременно или в разное время, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «б» ч. 5 ст. 131 УК РФ, а при наличии к тому оснований, также и по другим пунктам ч. 5 ст. 131 УК РФ, при условии, что ни за одно из этих деяний виновный ранее не был осужден.

Изнасилование одной несовершеннолетней и покушение на изнасилование другой не могут рассматриваться как оконченное преступление – изнасилование двух или более несовершеннолетних. Так как умысел виновного не был до конца реализован по не зависящим от его воли причинам, содеянное следует квалифицировать по ч. 3, 4 или 5 ст. 131 УК РФ и по соответствующей части ст. 30 п. «б» ч. 5 ст. 131 УК РФ.

Под тяжкими и особо тяжкими преступлениями против личности, сопряженным с изнасилованием (п. «в» ч. 5 ст. 131 УК РФ), следует понимать преступления, совершенные в процессе совершения указанного преступления или с целью его сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при его совершении. Исключение составляют случаи, предусмотренные п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Учитывая, что при этом могут совершаться два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «в» ч. 5 ст. 131 УК РФ и соответствующим статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за **тяжкие и особо тяжкие преступления против личности**.

---

[1] Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. 1999. 9 февраля (№ 24).

§ 3.2. Особенности квалификации насильственных действий сексуального характера

В соответствии со ст. 132 УК РФ насильственными действиями сексуального признаются:

а) мужеложство;

б) лесбиянство;

в) иные действия сексуального характера. При этом во всех трех случаях для привлечения лица к уголовной ответственности за данное преступление требуется, чтобы все указанные действия были сопряжены с насилием или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей).

Мужеложство и лесбиянство представляют собой разновидности гомосексуализма, который является нетипичным сексуальным поведением, проявляющимся в достижении субъектом (как мужчиной, так и женщиной) сексуального удовлетворения путем проведения сексуальных контактов с лицами одноименного пола. Мужеложство – это мужской гомосексуализм, а лесбийская любовь (лесбиянство) – женский гомосексуализм.

Следует также отметить, что УК РФ устанавливает уголовную ответственность за эти деяния не в связи с их аморальностью и извращенностью, а только за те их проявления, которые сопряжены с насильственным характером удовлетворения половой страсти.

Объективная сторона мужеложства состоит в том, что для удовлетворения сексуальной страсти мужской половой орган активного партнера вводится в анальное отверстие пассивного партнера.

Характер действий при лесбиянстве может носить самый разнообразный характер, всегда направленный на удовлетворение половой страсти. Добровольное согласие партнеров как при лесбиянстве, так и при мужеложстве не образует состава рассматриваемого преступления.

Под иными сексуальными действиями, о которых говорится в диспозиции ст. 132 УК РФ, следует понимать удовлетворение половой потребности другими способами, в том числе извращенными, включая понуждение женщиной мужчины к совершению полового акта путем применения насилия или угрозы его применения.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является способ его совершения, а именно применение физического насилия или угрозы его применения по отношению к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам. Физическое или психическое насилие направлены на подавление воли потерпевшего (потерпевшей) к сопротивлению.

Круг «других лиц», оговоренных в ст. 132 УК РФ, к которым может быть применено насилие или угроза насилия, не ограничивается близкими потерпевшего (потерпевшей), ими могут быть те, кто, вступая в защиту потерпевших, пытаются помешать совершению насильственных действий сексуального характера и т. п.

Насильственные действия сексуального характера могут быть применены с использованием беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего).

Состав преступления – формальный, т. е. для признания данного преступления оконченным следует установить факт начала насильственного сексуального действия (мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера).

Если лицо осознавало возможность доведения преступных действий до конца, но добровольно и окончательно отказалось от совершения насильственных действий сексуального характера (но не вследствие причин, возникших помимо его воли), содеянное им независимо от мотивов отказа квалифицируется по фактически совершенным действиям при условии, что они содержат состав иного преступления.

Отказ от совершения насильственных действий сексуального характера возможен как на стадии приготовления к преступлению, так и на стадии покушения на него.

Как и в отношении ст. 131 УК РФ, в случаях, когда виновный совершает несколько насильственных действий сексуального характера в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего (потерпевшей) и обстоятельства их совершения свидетельствуют о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 132 УК РФ.

Если виновным было совершено в любой последовательности изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ, независимо от того, был ли разрыв во времени между изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера.

Субъектом мужеложства может быть только лицо мужского пола, достигшее четырнадцатилетнего возраста, а субъектом лесбиянства – лицо женского пола, достигшее этого же возраста. Субъектом же иных насильственных действий сексуального характера могут быть как мужчина, так и женщина. Соучастниками насильственных действий сексуального характера, совершенных в форме мужеложства или лесбиянства, в том числе и соисполнителями, могут быть как мужчины, так и женщины.

§ 3.3. Особенности квалификации полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и развратных действий

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста – преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ.

Половая неприкосновенность как объект рассматриваемого преступления предопределяет наличие такого обязательного признака, как потерпевший (потерпевшая). Потерпевшим (потерпевшей) в составе преступления, предусмотренном чч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ, может выступать только лицо, достигшее четырнадцати лет, но не достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Объективная сторона преступления состоит в добровольном половом сношении лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Половое сношение может быть совершено только между мужчиной и женщиной. Мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера охватываются ч. 2 ст. 134 УК РФ.

Состав этого преступления является формальным, оконченным оно признается с момента начала полового сношения.

Субъектом этого преступления является лицо мужского пола, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона выражается только в прямом умысле. Виновный должен знать или допускать, что потерпевшая не достигла возраста 16 лет. Привлечение к ответственности за данное преступление лица, вступившего в половое сношение или совершившего иные действия сексуального характера, при наличии у него добросовестного заблуждения относительно фактического возраста потерпевшего (потерпевшей), т. е. когда по всем обстоятельствам дела он считал, что потерпевший (потерпевшая) достиг(-ла) шестнадцати лет, будет являться объективным вменением, что противоречит ст. 5 УК РФ.

В ч. 2 ст. 134 УК РФ предусмотрена ответственность за мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Следует отметить, что субъектом и потерпевшей при лесбиянстве могут быть только лица женского пола, а при мужеложстве – лишь мужского пола.

Состав преступления является формальным и признается оконченным с момента начала совершения лесбиянства или мужеложства.

Поскольку иные действия сексуального характера не охватываются диспозициями ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ, то в случае их совершения в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, они должны квалифицироваться по ст. 135 УК РФ.

В тех же случаях, когда имело место изнасилование лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, или совершение насильственных мужеложства либо лесбиянства в отношении такого же лица, то последующие половые акты или иные действия сексуального характера, совершенные с их согласия, не могут быть квалифицированы по ст. 131 или 132 УК РФ. В этих случаях, если потерпевшая (потерпевший) не достигли шестнадцатилетнего возраста, действия виновного следует квалифицировать дополнительно по ст. 134 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[1] сформулировал частное правило квалификации, в соответствии с которым, если после начала полового сношения, мужеложства, лесбиянства или развратных действий к потерпевшему лицу с целью его понуждения к продолжению совершения таких действий применяется насилие или выражается угроза применения насилия, содеянное охватывается ст.ст. 131 и 132 УК РФ и дополнительной квалификации по ст.ст. 134 и 135 УК РФ не требует.

Для квалификации полового сношения, мужеложства или лесбиянства по данной статье не имеет значения, совершены ли эти действия по инициативе виновного либо потерпевшей (потерпевшего).

---

[1] Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

В ч. 3 ст. 134 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за половое сношение, лесбиянство и мужеложство, совершенные с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста. Виновный должен знать или допускать, что потерпевший (потерпевшая) достиг двенадцатилетнего возраста, но не достиг четырнадцатилетнего возраста.

Если половое сношение, лесбиянство или мужеложство совершено с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста, то в соответствии с положениями, закрепленными в примеч. к ст. 131 УК РФ, содеянное должно квалифицироваться по п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т. е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Особо квалифицированным видом рассматриваемого преступления, предусмотренным ч. 4, является совершение деяний, предусмотренных чч. 1, 2 или 3, в отношении двух и более лиц. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ половое сношение, лесбиянство или мужеложство в отношении двух и более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по ч. 4 ст. 134 УК РФ, при условии, что ни за одно из этих преступлений виновный ранее не был осужден.

Особо квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 5 ст. 134 УК РФ, является совершение полового сношения, лесбиянства или мужеложства в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данной частью охватываются все три формы соучастия, предусмотренные ст. 35 УК РФ.

Группа лиц или группа лиц по предварительному сговору может иметь место, если в совершении полового акта, мужеложства или лесбиянства совместно участвовали два или более соисполнителя. Соисполнителями являются те участники, которые

непосредственно совершали указанные деяния. Лица, непосредственно не принимавшие участия в совершении полового сношения, лесбиянства или мужеложства, а подстрекавшие к их совершению, способствовавшие их совершению либо их организовавшие, несут ответственность как подстрекатели, пособники или организаторы со ссылкой на соответствующие части ст. 33 УК РФ.

При соисполнительстве объективная сторона преступления может выполняться как одновременно (например, в отношении двух и более потерпевших), так и последовательно. Иначе решается вопрос при совершении полового сношения, мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, организованной группой. Организатору и всем участникам организованной группы независимо от выполняемой ими роли также вменяется ч. 5 ст. 134 УК РФ. Обязательным для квалификации содеянного по этой части является совершение полового акта, мужеложства или лесбиянства с потерпевшим (потерпевшей) хотя бы одним из участников организованной группы.

Квалификация деяния по ч. 5 ст. 134 УК РФ исключается, если только одно лицо привлекается к уголовной ответственности, а остальные участники группы не достигли восемнадцатилетнего возраста либо были признаны невменяемыми.

В ч. 6 ст. 134 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение деяния, предусмотренного ч. 3 этой статьи, лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. В этом случае речь идет о специальном рецидиве преступлений, при установлении признаков которого следует учитывать положения примеч. к ст. 131 УК РФ.

Развратные действия – преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ. Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 135 УК РФ, является потерпевший (потерпевшая), которым признается лицо, достигшее четырнадцати лет, но не достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Объективная сторона этого преступления характеризуется различными действиями сексуального характера, направленными на удовлетворение половой страсти виновного или на возбуждение полового инстинкта у потерпевшего (потерпевшей), но без совершения полового акта, лесбиянства или мужеложства.

Одно из проявлений развратных действий сексуального характера – эксгибиционизм (самообнажение), представляющий собой сексуальное отклонение, основанное на демонстрации собственных половых органов незнакомым лицам, зачастую малолетним, с целью получения полового удовлетворения.

К развратным действиям следует также отнести дотрагивание до половых органов мальчиков или девочек или же совершение полового акта в присутствии детей. Развратные действия могут выражаться и без непосредственного контакта с телом потерпевшего (потерпевшей). Например, в циничных беседах с подростками, демонстрации им порнографических изображений (фотографий или видеофильмов) и т. п., включая действия, совершенные с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей.

Данное преступление окончено в момент начала совершения развратных действий.

Субъектом этого преступления является лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона выражается только в прямом умысле. Виновный должен знать или допускать, что потерпевшая не достигла возраста 16 лет.

Квалифицированные виды этого состава преступления совпадают с предыдущим преступлением, особенности их юридической оценки были рассмотрены выше.

Вопросы для самоконтроля

1. Проведите отграничения изнасилования от насильственных действий сексуального характера.

2. Как следует квалифицировать действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении этого преступления?

3. Квалифицируйте действия лица мужского пола, достигшего 18 лет, совершившего по согласию половое сношение с девочкой, не достигшей 12 лет.

4. Если после начала полового сношения, мужеложства, лесбиянства или развратных действий к потерпевшему лицу с целью его понуждения к продолжению совершения таких действий применяется насилие или выражается угроза применения насилия, содеянное охватывается ст.ст. 131 и 132 УК РФ или требуется дополнительная квалификация по ст.ст. 134 и 135 УК РФ?

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Агафонов, А. В. Половые преступления : монография / А. В. Агафонов. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 368 с.

2. Готчина, Л. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних : монография / Л. В. Готчина, Л. В. Логинова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 190 с.

3. Дьяченко, А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений : учебное пособие / А. П. Дьяченко. – М. : Академия МВД России, 1995. – 66 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / [Н. И. Ветров и др. ; под ред. Н. Г. Кадникова]. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2019. – 1093 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике

по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. – 2014. – 12 декабря (№ 284).

6. Тыдыкова, Н. В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений : монография / Н. В. Тыдыкова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 188 с.

Глава 4. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против семьи и несовершеннолетних

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* особенности квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних, содержание обязательных и факультативных признаков указанных составов преступлений, судебное толкование по делам данной категории;
– *уметь* определять и анализировать основные и факультативные признаки составов преступлений против семьи и несовершеннолетних, квалифицировать преступления против семьи и несовершеннолетних с учетом судебного толкования;
– *владеть* уголовно-правовой терминологией и навыками квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних, навыками разграничения смежных преступлений в данной сфере.

§ 4.1. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

Традиционно большое внимание в теории и практике уголовного права уделяется вопросам квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Это неслучайно, так как уяснение смысла признаков состава данного деяния тесно связано с положениями института соучастия в преступлении.

Итак, по ч. 1 ст. 150 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным образом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Имеется соответствующее разъяснение, данное в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации

от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», согласно которому под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия (п. 42)[1].

Отсюда можно сделать следующий вывод: о вовлечении в совершение преступления речь может идти только в случае доказанности действий, направленных на совершение конкретного преступления, а не приобщение к преступному образу жизни вообще. Так, нельзя констатировать наличие состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, если кто-либо из взрослых, т. е. достигшее восемнадцатилетия лицо, ранее неоднократно судимое, имеющее опыт пребывания в «зоне», собрав вокруг себя компанию из числа несовершеннолетних, пропагандирует прелести преступного образа жизни.

Вместе с тем надо иметь в виду, что отдельные формы преступного поведения являются таковыми лишь при соблюдении определенных условий (например, длительного периода времени, систематичности выполняемых действий, вхождения в состав объединения, занимающегося антиобщественной деятельностью). Естественно, эти обстоятельства должны осознаваться вовлекаемым. В противном случае состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, будет отсутствовать.

Вопросы подобного рода нередко возникают при применении норм, регламентирующих ответственность за различные организационные формы преступной деятельности. Например,

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consul tant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/.

вполне можно допустить ситуацию, когда взрослое лицо привлекает несовершеннолетнего к участию в незаконном вооруженном формировании для выполнения функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого объединения (в частности, строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений, приготовления пищи, ведения подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования). Если указанные действия ограничиваются лишь привлечением несовершеннолетнего к разовому, эпизодическому выполнению таких обязанностей, не оказавших существенного вклада в функционирование незаконного вооруженного формирования, то состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, отсутствует (действует правило, сформулированное в ч. 2 ст. 14 УК РФ). И, наоборот, вовлечение взрослым лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, в длительное постоянное выполнение функциональных обязанностей в составе незаконного вооруженного формирования обусловливает квалификацию содеянного по ч. 4 ст. 150 и ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 208 УК РФ.

Существует определенная специфика квалификации действий взрослого лица, вовлекающего несовершеннолетнего в совершение деяния, признаваемого преступлением при наличии нормы с административной преюдицией. Например, это может иметь место при вовлечении несовершеннолетнего в совершение мелкого хищения, если несовершеннолетний ранее был подвергнут административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. В таком случае состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, будет иметь место только при условии осознания взрослым того обстоятельства, что ранее несовершеннолетний, когда ему уже исполнилось 16 лет, совершил мелкое хищение, стоимость которого не превышала 2,5 тыс. р., и был подвергнут за это административному наказанию. Если же игнорировать указанные условия, речь будет идти лишь о вовлечении несовершеннолетнего в совершение

административного правонарушения, что исключает состав преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

В судебной практике встречались случаи, когда имело место вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, если тот не подлежал уголовной ответственности в силу прямого указания закона. Речь, в частности, идет о случаях, когда родители совершили особо тяжкие преступления (убийства) и привлекали позднее к сокрытию следов преступления своих несовершеннолетних детей. В подобных ситуациях формально есть признаки заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений, но близкие родственники, к которым относились сыновья или дочери лиц, совершивших убийства, согласно примеч. к ст. 316 УК РФ, уголовной ответственности не подлежат. Следовательно, нельзя вести речь и о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления[1].

Для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 150 УК РФ важное значение имеет уяснение смысла содержания форм вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Под обещанием понимаются уверения несовершеннолетнего в выполнении в его интересах различных обязательств, если он примет участие в совершении преступления (например, устроить в спортивную секцию, молодежный клуб, на работу, учебу, простить долг, достать туристическую путевку, помочь избавиться от обидчика, познакомить с интересными для подростков людьми). Обещания могут касаться действий или бездействия самого различного характера, не обязательно связанных с совершением преступления.

Обман означает введение несовершеннолетнего в заблуждение с целью побудить его к участию в совершении преступления (например, вовлечь несовершеннолетнего в драку, которая может привести к причинению потерпевшему тяжкого вреда его

---

[1] Дело З. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6. С. 8.

здоровью, путем ложного сообщения о том, что пострадавший якобы грубо оскорбил знакомую девушку; приобщить подростка к совершению преступления, заведомо ложно проинформировав о том, что он в силу своего возраста не подлежит уголовной ответственности)[1].

Под угрозой понимается психическое воздействие на несовершеннолетнего с целью заставить его совершить преступление (например, угроза уничтожения имущества подростка или его близких родственников, исключения из учебного заведения, спортивной секции, недопущения до участия в спортивных соревнованиях или культурно-массовых мероприятиях, оглашения позорящих сведений). Вместе с тем эта угроза не должна заключать в себе опасности применения насилия, так как подобные случаи оцениваются в соответствии с ч. 3 ст. 150 УК РФ.

К иным способам вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления можно отнести, например, предложение, уговор, подкуп, просьбу, совет, поручение, возбуждение чувства мести, зависти[2].

При всем разнообразии способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления следует помнить, что состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, образуют лишь активные действия взрослого, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить преступление[3]. Один лишь факт совместного участия взрослого с несовершеннолетним не образует состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Нет признаков рассматриваемого преступления, если инициа-

---

[1] Дело Д. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 10. С. 3.

[2] Дело О. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 4. С. 3 ; Дело П. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 5. С. 16–17 ; Дело С. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 7. С. 12–13 ; Дело Г. и С. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1976. № 1. С. 4–5 ; Дело У. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 4. С. 45.

[3] Дело М. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 7. С. 24.

тива совместного совершения преступления принадлежала несовершеннолетнему, а не взрослому. В этом случае содеянное оценивается в соответствии с общими положениями института соучастия в преступлении. Анализируемый состав преступления присутствует не только в случае привлечения несовершеннолетнего к совершению преступления в качестве исполнителя или соисполнителя, но и в случае привлечения его в качестве пособника. В принципе возможна ситуация, когда взрослое лицо предлагает несовершеннолетнему склонить к совершению преступления другого несовершеннолетнего. Не исключены и случаи, когда совершеннолетний может вовлечь несовершеннолетнее лицо в выполнение организаторских функций для совершения какого-либо преступления (данный вопрос, в частности, возникал в процессе по делу о массовых беспорядках в Можайской воспитательной колонии Подмосковья)[1].

Не влияет на квалификацию содеянного по ст. 150 УК РФ и то обстоятельство, что несовершеннолетний вовлекается в совершение одного или нескольких преступлений[2].

Не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, вовлечение в совершение преступления нескольких несовершеннолетних[3].

В ст. 150 УК РФ речь идет о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, а не иного правонарушения. В некоторых случаях при наличии соответствующих условий, указанных в законе, отдельные формы вовлечения взрослым лицом несовершеннолетнего в совершение антиобщественных

---

[1] Полетаев В. Погром в ответ на грубость // Российская газета. 2019. 6 марта (№ 49).

[2] Дело Д. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 10. С. 3. На наш взгляд, вовлечение несовершеннолетнего в совершение нескольких преступлений должно влечь повышенную ответственность, что необходимо отразить в редакции ст. 150 УК РФ путем введения в ее текст данного квалифицирующего признака.

[3] Дело О. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6. С. 28.

действий (систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством) образуют состав преступления, предусмотренный ст. 151 УК РФ. Кроме того, надо помнить, что за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, но не преступных, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, наступает ответственность по ст. 151^2 УК РФ.

В качестве вовлекаемого (он же потерпевший по уголовному делу) здесь выступает несовершеннолетний, т. е. лицо, не достигшее на момент совершения преступления 18 лет. При этом важно, чтобы несовершеннолетний уже достиг определенного уровня физического, психического, социального развития, который позволяет ему давать адекватную оценку действиям, совершаемым в отношении него, составляющим суть процесса вовлечения. Если несовершеннолетний, например, в силу малолетия, не способен правильно оценить действия взрослого, направленные на приобщение его к преступной деятельности, нельзя вести речь о признаках состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Взрослое лицо будет нести ответственность как посредственный исполнитель преступления, использовавший малолетнего в качестве орудия совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

С учетом названного выше обстоятельства возможны следующие типичные ситуации квалификации действий взрослого вовлекателя:

1) если взрослый вовлекает в совершение преступления малолетнего, не способного правильно оценить действия совершеннолетнего лица, то взрослый, как было ранее отмечено, несет ответственность как посредственный исполнитель преступления без ссылки на ст. 150 УК РФ;

2) если взрослый вовлекает в совершение преступления малолетнего, способного в силу своего уровня развития адекватно оценивать действия вовлекателя, то совершеннолетнее лицо несет ответственность как исполнитель путем посредственного причинения и по соответствующей части ст. 150 УК РФ;

3) если взрослый оказывает воздействие на несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности и тот сам без помощи вовлекателя непосредственно совершает преступление, в которое его вовлекал совершеннолетний, то взрослый подлежит ответственности по ст. 150 УК РФ, а также как подстрекатель к совершению конкретного преступления. Несовершеннолетний в подобной ситуации несет ответственность как исполнитель преступления;

4) если взрослый принимает непосредственное участие в совершении преступления совместно с несовершеннолетним, то оба отвечают как соисполнители (им вменяется квалифицирующий признак – «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору», если он предусмотрен соответствующей частью той или иной статьи УК РФ), либо каждому из них будет вменяться совершение деяния, содержащего признаки основного состава этого преступления. Кроме того, действия взрослого дополнительно квалифицируются по ст. 150 УК РФ[1].

Необходимо обратить внимание на изменившийся подход Пленума Верховного Суда Российской Федерации к определению момента окончания преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ.

В ныне утратившем силу п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам несовершеннолетних» (далее – постановление № 7) отмечалось, что эти преступления являются

---

[1] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. С. 104–111.

оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий. Однако в п. 42 ныне действующего постановления № 1 констатируется, что данные преступления являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ либо ст. 151 УК РФ[1].

Позитивная сторона подобного изменения судебной практики в отношении применения указанных выше норм состоит в том, что доказать вину взрослого вовлекателя легче, когда несовершеннолетний реально приступил к совершению преступления или антиобщественных действий. Но такое решение имеет и свои минусы. Во-первых, недооценивается реальная общественная опасность такого воздействия со стороны взрослого, пусть даже и не приведшего подростка к совершению указанных выше деяний. Наказание для взрослого лица в этом случае за неоконченное деяние по ст. 150 и ст. 151 УК РФ согласно правилам ст. 66 УК РФ будет ниже, чем за оконченное деяние в соответствии с этими статьями УК РФ. Во-вторых, возникают дополнительные трудности с квалификацией вовлечения несовершеннолетнего в со-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/.

вершение преступления, когда он совершил приготовление к преступлению. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Как же тогда квалифицировать содеянное, если действия совершеннолетнего лица привели к тому, что вовлеченный несовершеннолетний совершил только приготовление к преступлению небольшой или средней тяжести (например, несовершеннолетний выполнил в интересах взрослого лица только разведывательные функции для того, чтобы совершеннолетний лучше подготовился к совершению кражи из магазина (ч. 1 ст. 158 УК РФ)? Легко заметить, что в этом случае возможны различные варианты решения (в том числе связанные с непризнанием наличия состава преступления в поведении взрослого). Этого не произошло бы, если руководствовались прежним подходом к оценке подобных ситуаций, предлагавшимся Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 7 (такой взрослый по логике этого постановления подлежал бы уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ). В-третьих, вызывает сомнение терминология, которую использовал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 42 действующего постановления при даче рекомендаций о возможности квалификации неоконченных деяний по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ либо по ст. 151 УК РФ («если последствия, предусмотренные диспозициями данных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам…»). Дело в том, что последствия преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ (по крайней мере, указанные в чч. 1 и 2 этих статей), лежат за рамками указанных статей. Поэтому подобное разъяснение противоречит общим положениям теории уголовного права. Если Пленум Верховного Суда Российской Федерации под последствиями подразумевал сами деяния (преступление или антиобщественные действия), то их так и надо было назвать.

Таким образом, есть потребность после изменения подхода Пленумом Верховного Суда Российской Федерации к определению момента окончания преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, внесения им соответствующих коррективов в указанное постановление от 1 февраля 2011 г. № 1, уточняющих особенности предварительной преступной деятельности рассматриваемых деяний.

Несколько изменилась в судебной практике позиция относительно содержания интеллектуального момента прямого умысла при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления.

В утратившем силу постановлении № 7 отмечалось, что необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый либо допускал ли, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления (п. 8). В действующем же постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации применительно к ст.ст. 150 и 151 УК РФ подчеркивается, что судам необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 и ст. 151 УК РФ (п. 42)[1].

Таким образом, интеллектуальный момент прямого умысла при совершении названных выше преступлений характеризуется осознанием, а не допущением того, что вовлекаемым является лицо, не достигшее 18 лет.

Наибольшие сложности при квалификации деяний по ст.ст. 150 и 151 УК РФ связаны с применением ч. 3 этих норм. Речь идет о таком квалифицирующем признаке этих преступлений, как «применение насилия» и «угроза применения насилия»

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/.

(учитывая, что эти понятия совпадают для преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, в методических целях они будут рассмотрены в данном разделе учебника одновременно).

Применение насилия – это совершение умышленных действий, сопряженных с физическим воздействием на потерпевшего для причинения вреда его личности.

Угроза применения насилия (психическое насилие) заключается в выражении намерения применить физическое насилие (когда речь идет о раскрытии физического или психического насилия, авторы данного раздела учебника подразумевают ситуации его фактического применения, т. е. использования этого насилия при совершении анализируемых преступлений).

В юридической литературе и судебной практике существуют различные подходы к определению применения насилия в рассматриваемых статьях УК РФ.

Есть мнение, что в ч. 3 ст.ст. 150 и 151 УК РФ речь должна идти только о насилии, не опасном для жизни или здоровья, в которое надо включать причинение физической боли, избиение, связывание, нанесение побоев, не влекущих кратковременного расстройства здоровья[1]. Согласно этой позиции, любое причинение какого-либо вреда здоровью несовершеннолетнего, а также его истязание в процессе вовлечения, требует дополнительной квалификации соответственно по ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ[2].

---

[1] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. С. 116–117 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / [Г. Н. Борзенков и др.]. М. : Юрайт, 2013. С. 385–386 ; Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия или угрозы его применения // Архив Ставропольского краевого суда за 2012 г. ; Справка по результатам изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозы его применения // Архив Ульяновского областного суда за 2012 г.

[2] Бриллиантов А. В. Уголовно-правовая защита семьи и несовершеннолетних. М. : РАП, 2005. С. 39 ; Разъяснение Прокуратуры Санкт-Петербурга от 5 августа 2016 г. «Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)». URL: http://epp.genproc.gov.ru/web/ГГОС-78/.

Вместе с тем в судебной практике существует и противоположная точка зрения, согласно которой применение насилия характеризуется как насилием, неопасным для жизни или здоровья потерпевшего, так и умышленным причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера без отягчающих обстоятельств[1].

Существует еще одна точка зрения, в соответствии с которой применение насилия в ч. 3 ст.ст. 150 и 151 УК РФ включает в себя все его виды[2].

Отдельные специалисты в области уголовного права и суды допускают ситуацию, когда неосторожное причинение вреда здоровью несовершеннолетнего можно рассматривать в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления[3].

Существует также мнение, что и лишение жизни несовершеннолетнего может выступать способом его вовлечения в совершение названных выше деяний.

Значительное распространение получила точка зрения, согласно которой применение насилия включает в себя насилие, не

---

[1] Итоговая справка изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Архив Хабаровского краевого суда за 2012 г. ; Обобщение судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или с угрозой его применения // Архив Оренбургского областного суда за 2012 г.

[2] Справка по программе изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия или угрозой его применения // Архив Ямало-Ненецкого окружного суда за 2012 г. Близкая этой позиции точка зрения встречается и в юридической литературе. См. например: Палий В. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних. Владимир : Владимирский государственный университет, 2009. С. 43.

[3] Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. С. 116–117 ; Информационная справка по результатам изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Архив Дальневосточного окружного суда за 2012 г.

опасное для жизни или здоровья, а также причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью[1].

Наконец, в юридической литературе и в судебной практике понятие «применения насилия» признается как квалифицирующий признак преступлений, предусмотренных ч. 3 ст.ст. 150, 151 УК РФ, оно включает нанесение побоев, связывание, истязание (без квалифицирующих обстоятельств), причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью[2].

Разнообразие приведенных точек зрения обусловливает необходимость в проведении хотя бы краткого их анализа. При этом права Н. Ф. Кузнецова, считающая преступления, выполняющие функции способов совершения преступления, компонентом единых сложных преступлений, которые квалифицируются без совокупности с основным преступлением. Это правило работает, когда преступление = способ по тяжести на категорию ниже основного преступления. Если равно, а тем более относится к более высокой категории, квалификация производится по совокупности преступлений[3].

---

[1] Справка о практике рассмотрения судьями Кемеровского областного суда уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия // Архив Кемеровского областного суда за 2012 г. ; Справка о результатах обобщения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозы его применения // Архив Калужского областного суда за 2012 г.

[2] Уголовный закон в практике районного суда: научно-практическое пособие / под ред. А. В. Галаховой. 2-е изд. М., 2010. С. 181 ; Справка по результатам изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Архив Ивановского областного суда за 2012 г. ; Справка по результатам изучения практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия // Архив Иркутского областного суда за 2012 г.

[3] Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 205.

Кроме того, надо знать критерии признания уголовного закона, смягчающего наказание. В юридической литературе среди них, в частности, выделяют следующие признаки:

а) в санкциях этого закона установлен менее строгий вид основного или дополнительного наказания;

б) имеет место альтернативно менее строгий вид основного наказания или вместо обязательного к применению – факультативный вид дополнительного наказания;

в) имеется меньший минимальный или максимальный срок либо размер основного или дополнительного вида наказания;

г) не содержатся дополнительные наказания[1].

Разделяя приведенные выше положения, можно, сопоставляя санкции, предусмотренные ч. 3 ст.ст. 150 и 151 УК РФ, и санкции статей об ответственности за другие преступления против личности, прийти к следующим выводам.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, когда оно сопровождается применением насилия или угрозой его применения, наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового; аналогичные действия при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Максимальное наказание за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116[1] УК РФ), – до трех месяцев ареста; умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – до двух лет лишения свободы; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) –

---

[1] Благов Е. В. Об уголовном законе, смягчающем наказание // Уголовное право. 2012. № 5. С. 33–34 ; Феоктистов М. В. Обратная сила уголовно-правовых норм: законодательные загадки // Уголовное право. 2012. № 5. С. 130 ; Цепелев В. Ф. Методологические предпосылки обратной силы уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5. С. 134.

до пяти лет лишения свободы; истязание (без отягчающих обстоятельств) (ч. 1 ст. 117 УК РФ) – до трех лет лишения свободы. В подобных случаях указанные виды преступлений против здоровья выполняют функции способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, являются компонентами единых сложных преступлений и квалифицируются без совокупности с основным преступлением (в данном случае предусмотренном ч. 3 ст. 150 УК РФ или ч. 3 ст. 151 УК РФ).

Безусловно, можно вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления и путем применения к нему (ней) изнасилования или насильственных действий сексуального характера. Однако преступления, предусмотренные п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ (изнасилование несовершеннолетней) или п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), относятся к категории особо тяжких (за их совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет). Следовательно, тяжкое преступление (в данной ситуации предусмотренное ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ) не может поглощать особо тяжкое преступление, к которому относятся деяния, предусмотренные п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ).

В случае же вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, когда для достижения подобных целей виновный использует изнасилование или насильственные действия сексуального характера, имеет место одновременное посягательство на нормальное психическое и физическое развитие личности несовершеннолетнего и его половую неприкосновенность (в большей степени) и половую свободу. При всей близости этих непосредственных объектов как

необходимых составляющих структуру личности несовершеннолетних нельзя не отметить и их специфику, что находит свое отражение в различной оценке законодателем общественной опасности деяний, предусмотренных гл. 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» и гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РФ. В связи с этим вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, если подобные деяния сопровождаются со стороны виновного изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера в отношении вовлекаемого (вовлекаемой), требует квалификации по совокупности преступлений: ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 131 или п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ (естественно, если вовлекаемая или вовлекаемый не достигли четырнадцатилетнего возраста, то возможна и квалификация по пп. «б» чч. 4 или 5 ст.ст. 131 либо 132 УК РФ).

Те же аргументы можно выдвинуть и против мнения, согласно которому вовлечение несовершеннолетнего в рассматриваемые формы поведения допускает и совершение убийства. Да, это возможно (хотя нам не встретилось при изучении судебной практики ни одного подобного дела – *примеч. авт.*). Однако особо тяжкое преступление (убийство) не может поглощаться тяжким преступлением, предусмотренным ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ. Следовательно, речь в таких ситуациях может идти только о совокупности рассматриваемых преступлений (при этом в свете указаний Верховного Суда Российской Федерации о моменте окончания деяний, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, можно рассуждать лишь о неоконченном вовлечении несовершеннолетнего в подобное поведение).

Идея о том, что применение насилия при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий может допустить и случаи неосторожного

причинения вреда потерпевшему, создает дополнительные трудности в квалификации подобных деяний, размывает признаки насильственного поведения, а тем самым – подходы к назначению наказания, освобождению от него, разработке мер по предупреждению преступлений. Да и само вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий как целенаправленную, волевую деятельность по приобщению его к антисоциальным формам поведения трудно представить с использованием причинения вреда несовершеннолетнему по неосторожности. Все же традиционно понятие насильственного преступления ассоциируется с умышленной формой вины[1].

Как уже ранее отмечалось, по мнению некоторых судей, если в процессе вовлечения несовершеннолетнего в рассматриваемые деяния имело место истязание с отягчающими обстоятельствами, должна применяться только ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ.

Представляется, что сравнение санкций ч. 3 ст. 150 УК РФ (лишение свободы на срок от двух до семи лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового) и ч. 2 ст. 117 УК РФ (лишение свободы от трех до семи лет) подтверждает мнение законодателя о том, что истязание с квалифицирующими признаками является преступлением, представляющим относительно большую общественную опасность, чем деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 150 УК РФ. Это и определяет необходимость квалификации рассматриваемой ситуации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 и соответствующему пункту ч. 2 ст. 117 УК РФ. Необходимость совокупности преступлений обусловливается и другими обстоятельствами, например, различием в мотивах данных деяний. Так, трудно представить себе картину, когда взрослый вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления путем истязания его из-за того, что тот выполняет свой общественный долг (п. «б» ч. 2 ст. 17 УК РФ).

---

[1] Сердюк Л. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 1. С. 51–52.

Разумеется, этот вывод применим и к ч. 3 ст. 51 УК РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, является менее строгой по сравнению с санкцией ч. 2 ст. 117 УК РФ. Этот вывод подтверждается и судебной практикой[1].

Итак, наиболее обоснованной точкой зрения о понятии «применения насилия» является та, согласно которой оно включает в себя насилие, неопасное для жизни или здоровья, а также причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью несовершеннолетнего и истязание без отягчающих обстоятельств. Если в процессе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий последнему был причинен тяжкий вред здоровью (ст. 111 УК РФ) либо насилие выразилось в истязании при наличии квалифицирующих обстоятельств (ч. 2 ст. 117 УК РФ), содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ и названными выше статьями.

Вместе с тем в судебной практике справедливо обращается внимание на то, что насилие должно применяться для непосредственного воздействия на несовершеннолетнего с целью вовлечения его в совершение преступления или антиобщественных действий, а не для сведения счетов, из-за личных неприязненных отношений, бытовой ссоры и т. п. Например, районный суд исключил из обвинения совершеннолетних С. и И. по ч. 3 ст. 150 УК РФ указание на применение насилия в отношении несовершеннолетних К. и П., которых они склонили к совершению кражи мяса, поскольку факт избиения подростков имел место до разговора

[1] Уголовное дело № 1/72/11 // Архив Полевского городского суда Свердловской области за 2011 г.

о предстоящей краже. Поэтому причинная связь между применением насилия в отношении несовершеннолетних и совершением кражи не была установлена[1].

Необходимо поддержать мнение, имеющееся среди ряда судей, о том, что применение насилия в процессе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий может касаться не только собственно несовершеннолетнего, но и других лиц (например, в отношении родственников, близких несовершеннолетнего)[2].

Квалифицированный состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия (ч. 3 ст.ст. 150 и 151 УК РФ) имеет место и при наличии угрозы применения насилия.

В отличие от угрозы, которая упоминается в ч. 1 ст. 150 УК РФ, не связанной с насилием, в ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ речь идет только о такой форме психического насилия, как угрозы применения физического насилия.

Изучение судебной практики в различных регионах Российской Федерации показывает, что в своем большинстве суды под угрозой применения насилия понимают угрозу причинения несовершеннолетнему любого физического вреда (вреда здоровью различной степени тяжести, нанесения побоев, истязания, убийства)[3].

Отдельные суды полагают, что под угрозой применения насилия в рассматриваемых составах следует понимать угрозу

---

[1] Уголовное дело № 1/213/2011 Архангельского районного суда Республики Башкортостан // Архив Архангельского районного суда Республики Башкортостан за 2011 г.

[2] Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с применением насилия или угрозой его применения // Архив Ставропольского краевого суда за 2012 г.

[3] Обобщение судебной практики Республики Карелия по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Архив Верховного Суда Республики Карелия за 2012 г. ; Справка изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозой его применения // Архив Забайкальского краевого суда за 2012 г.

причинения любого физического вреда, за исключением угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью[1].

Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой к угрозе применения насилия необходимо относить и угрозу совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера[2].

В целом судебная практика находится на правильных позициях по вопросу толкования применения угрозы насилия как признака составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ. Так, нет каких-либо серьезных аргументов против отнесения к названной выше угрозе применения насилия случаев совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера, поскольку указанные деяния представляют собой специфические формы насильственного поведения.

Также следует согласиться с точкой зрения о том, что и угроза похищения человека может выступать способом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий, так как любое похищение человека представляет собой ограничение свободы, т. е. это уже изначально разновидность насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 126 УК РФ)[3].

Следует отметить, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, высказанная в процессе вовлечения

---

[1] Справка по результатам изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или с угрозой применения насилия за период 2011 г. – первое полугодие 2012 г. // Архив Костромского областного суда за 2012 г.

[2] Справка по изучению судебной практики рассмотрения судами Республики Марий-Эл уголовных дел, связанных с применением насилия // Архив Верховного Суда Республики Марий-Эл за 2012 г. ; Обобщение судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозы его применения // Архив Оренбургского областного суда за 2012 г.

[3] Результаты выполнения примерной программы изучения судебной практики по вопросам квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или с угрозой его применения // Архив Приморского краевого суда за 2012 г.

несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, не требует самостоятельной квалификации по ст. 119 УК РФ. Данный вывод основан на сравнении законодательной оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 или ч. 3 ст. 151 УК РФ, и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Поскольку санкции ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ устанавливают более строгие виды наказаний, чем санкция за совершение деяния, содержащего даже квалифицированный состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, реальной совокупности преступлений здесь не будет.

Угроза применения насилия нередко сочетается собственно с насилием в процессе вовлечения несовершеннолетнего в совершение рассматриваемого преступления. На квалификацию это обстоятельство не влияет, но может учитываться при назначении наказания за данные деяния.

При квалификации преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, возникает вопрос, что следует понимать под деяниями, предусмотренными чч. 1, 2 или 3 ст. 150 УК РФ, связанными с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу. С редакционной точки зрения легко заметить несовершенство этого законодательного понятия. Если расшифровать словосочетание «деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи», буквально выходит, что ответственность наступает за «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления…, связанное с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу». Получается, что речь должна идти о двойном вовлечении несовершеннолетнего: в преступную группу и само преступление.

Думается, все же законодатель в этой ситуации предполагал установить ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение группового преступления, представляющего более высокую по сравнению с единичным преступлением общественную опасность. Поэтому редакция диспозиции ч. 4

ст. 150 УК РФ, в части вовлечения несовершеннолетнего в групповое преступление, на наш взгляд, нуждается в совершенствовании. В качестве варианта она могла бы выглядеть следующим образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)…». Упоминание о «преступной группе» должно исчезнуть из ч. 4 ст. 150 УК РФ, чтобы не было противоречия с содержанием ст. 35 УК РФ («Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)»).

При квалификации содеянного по ч. 4 ст. 150 УК РФ надо иметь в виду еще одно обстоятельство: речь идет не просто о вовлечении несовершеннолетнего взрослым в совершение группового преступления, например совершаемого по предварительному сговору группой лиц (в этом случае до совершения данного преступления «преступной группы» еще не было), предполагается, что несовершеннолетний вовлекается именно в ту или иную разновидность преступной группы, предусмотренной ст. 35 УК РФ, которая уже сложилась, функционирует.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в своем определении по уголовному делу в отношении У. указала: «По смыслу ч. 4 ст. 150 УК РФ вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу предполагает существование такой группы на момент совершения лицом преступления»[1].

Как правило, это характерно для организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), реже – для совершения преступления по предварительному сговору группой лиц.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 4. С. 45.

В судебной практике, в частности, имел место случай осуждения М. по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 и ч. 4 ст. 150 УК РФ за то, что он предложил несовершеннолетнему Б. совершить тайное хищение автомагнитолы. Б. согласился, после чего при совместной попытке совершить содеянное они были задержаны.

Президиум Московского областного суда изменил обвинительный приговор в ч. 4 ст. 150 УК РФ, указав на отсутствие признаков преступления, предусмотренного этой уголовно-правовой нормой[1].

Определенные особенности имеет и квалификация случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, предусмотренного ст. 205^1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»). Согласно ч. 1 этой статьи состав оконченного преступления будет иметь место уже при наличии факта склонения, вербовки или иного вовлечения лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205^2, чч. 1 и 2 ст.ст. 206, 208, чч. 1–3 ст.ст. 211, 220, 221, ст.ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений. Аналогичные рекомендации можно распространить и на деяния, предусмотренные ч. 1.1 ст. 205^1 УК РФ, устанавливающей ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205^3, 205^4, 205^5, чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма.

Следовательно, если взрослое лицо вовлекает несовершеннолетнего в совершение какого-либо из преступлений, названных в ч. 1 или ч. 1.1 ст. 205^1 УК РФ, оно будет нести ответственность за совершение двух оконченных преступлений, предусмотренных чч. 1 или 1.1 ст. 205^1 и ч. 4 ст. 150 УК РФ.

---

[1] Постановление № 180 Президиума Московского областного суда от 27 апреля 2016 г. по делу М. //Архив Московского областного суда за 2016 г.

Аналогичный подход нужно использовать при квалификации действий взрослого лица, которое совершает в отношении несовершеннолетнего деяния, предусмотренные ч. 1^1 ст. 282^1 УК РФ (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества) либо ч. 2.1 ст. 282^2 УК РФ (склонение, вовлечение лица в деятельность экстремистской организации). Такое лицо должно нести ответственность по ч. 1^1 ст. 282^1 УК РФ или ч. 1^1 ст. 282^2 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ.

Практический интерес представляет и разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который в п. 6 своего постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» сформулировал следующее положение: в случае если лицо вовлекло несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 213 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ (за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу)[1].

Полагаем, указанная рекомендация в полной мере имеет отношение к ситуации, когда взрослое лицо вовлекает несовершеннолетнего в хулиганство, предусмотренное п. «б» ч. 1, чч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ. Именно эти деяния входят в круг преступлений, перечисленных в ч. 4 ст. 150 УК РФ. Но это не касается хулиганства, совершенного с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), кроме того, на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Поэтому, если лицо, достигшее 18 лет (а не просто «лицо», как об этом говорится

[1] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.

в указанном выше постановлении Пленума), вовлекает в совершение хулиганства с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, кроме того, на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования, содеянное надо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных пп. «а» или «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ и ч. 1 ст. 150 УК РФ.

§ 4.2. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

Многие вопросы, возникающие при применении ст. 151 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»), решаются аналогично тем, что и в отношении ст. 150 УК РФ. В частности, понятие «вовлекаемого несовершеннолетнего» в совершение антиобщественных действий, момент окончания преступления, квалифицирующие признаки (один из них, предусматривающий «применение насилия и угрозы его применения» (ч. 3 ст. 151 УК РФ), уже был рассмотрен наряду с подобным признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 150 УК РФ).

Вместе с тем есть и специфические аспекты ответственности за данное преступление.

Так, надо помнить, что систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также одурманивающих веществ, само по себе опасно для здоровья человека, тем более – для несовершеннолетнего. Осознание этого обстоятельства, естественно, входит в содержание интеллектуального момента прямого умысла виновного, вовлекающего несовершеннолетнего в указанные в ч. 1 ст. 151 У РФ формы антиобщественных действий. Поэтому, если здоровью и даже жизни подростка будет причинен реальный вред в процессе подобного вовлечения, есть основания для квалификации содеян-

ного по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 151 и статьей Особенной части УК РФ, устанавливающей ответственность за наступившие общественно опасные последствия (например, по ст.ст. 111, 112 или даже ст. 105 УК РФ (ссылка на квалификацию в данной ситуации на ст.ст. 118 или 109 УК РФ вряд ли обоснована, учитывая то обстоятельство, что действия взрослого лица направлены на вовлечение несовершеннолетнего именно в систематическое употребление (распитие) алкогольной или спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ, что исключает неосторожную форму вины в виде легкомыслия).

В судебной практике было уголовное дело, когда тридцатидевятилетний мужчина, знакомился с подростками-мальчиками (до 12 лет), приглашал их к себе домой, спаивал их, а затем склонял к совершению действий сексуального характера. Всего установлен 41 эпизод преступных действий, квалифицированных по ст.ст. 151, 132 и 135 УК РФ[1].

Правильность квалификации деяния, предусмотренного ст. 151 УК РФ, зависит во многом от уяснения содержания предметов данного преступления. Дело в том, что диспозиция ч. 1 ст. 151 УК РФ употребляет в качестве одной из форм вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий вовлечение его в систематическое употребление (распитие) одурманивающих веществ. Естественно, возникает вопрос о понятии «одурманивающих веществ», которое длительное время отсутствовало в российских правовых актах.

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 24 июля 2021 г. № 1259 «Об утверждении перечня одурманивающих веществ» в настоящее время к одурманивающим веществам относятся:

1. Закись азота (оксид азота, динитрогена оксид).
2. Ксенон.

---

[1] Уголовное дело № 33-4845/2014 // Архив Верховного Суда Чувашской Республики за 2014 г.

3. Смесь дифенгидрамина (димедрола) с этиловым спиртом (независимо от их концентрации).

4. Смесь доксиламина с этиловым спиртом (независимо от их концентрации)[1].

Таким образом, принятие указанного постановления внесло определенную ясность в понятийный аппарат, использующийся для раскрытия содержания названных выше предметов. Напомним, что до появления этого документа утверждение перечня одурманивающих веществ находилось в ведении Постоянного комитета по контролю наркотиков Министерства здравоохранения Российской Федерации, который неоднократно вносил в него соответствующие изменения (последний раз в 2005 г.). Проблема заключалась в том, что некоторые предметы, названные в этом списке, также были названы в других нормативных правовых актах.

Например, толуол упоминается в Таблице III прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля[2].

Кроме того, хлороформ и эфиры (простые и сложные) приводятся в Списке сильнодействующих и ядовитых веществ[3].

В свете произошедших изменений, связанных с появлением нового списка одурманивающих веществ, более ясными стали представления о квалификации вовлечения несовершеннолетних

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2021 г. № 1259 «Об утверждении перечня одурманивающих веществ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 31. Ст. 5922.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/12112176/.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей ст. 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 18.09.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/12158202/.

в употребление предметов, о которых шел спор в юридическом сообществе в части отнесения их к рассматриваемым веществам.

Так, сейчас вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление толуола, как и других прекурсоров, не влечет уголовной ответственности по ст. 151 УК РФ в силу отсутствия предмета преступления. Также отсутствует состав этого преступления и в ситуациях систематического вовлечения несовершеннолетнего в употребление хлороформа или каких-либо видов эфиров (сложных и простых). Другое дело, что употребление этих и подобных веществ представляет опасность для здоровья и даже жизни несовершеннолетнего; т. е. может привести к причинению реального вреда для его здоровья или смерти. Отсюда возможны различные варианты юридической оценки действий взрослого лица, вовлекающего в употребление прекурсоров или сильнодействующих веществ несовершеннолетнего. В определенных ситуациях речь здесь может идти о замаскированном убийстве (например, когда несовершеннолетний в силу малолетнего возраста был не способен адекватно оценить негативные последствия рекомендованного ему взрослым сильнодействующего вещества). Не исключен и вариант со склонением к совершению самоубийства несовершеннолетнего (п. «а» ч. 3 ст. 110^1 УК РФ), учитывая, что законодатель в ч. 1 ст. 110^1 УК РФ называет в качестве признака объективной стороны названного преступления «иной способ» совершения этого деяния.

Наконец, при определенных условиях может применяться и ст. 150 УК РФ, например, в случаях склонения несовершеннолетнего к незаконному обороту сильнодействующих или ядовитых веществ (ч. 1 ст. 234 УК РФ) или деяния, предусмотренного ст.ст. 228^3 УК РФ или 228^4 УК РФ, если предметом преступления будет являться прекурсор наркотических средств или психотропных веществ, а также растения, содержащего прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их ча-

стей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ. В таких ситуациях взрослое лицо будет нести ответственность по ч. 4 ст. 33 и соответствующей части ст. 228^3 или ст. 228^4 УК РФ, а также соответствующим частям ст. 150 УК РФ.

При определенных условиях о совокупности преступлений можно вести речь, когда лицо, занимающееся розничной продажей несовершеннолетним алкогольной продукции, приобщает их к систематическому употреблению (распитию) алкогольной и спиртосодержащей продукции. Естественно, такая ситуация возможна, когда лицо, реализующее указанную продукцию несовершеннолетним, осознает возраст покупателя (кроме того, доказать желание взрослого лица, продающего алкогольную продукцию, вовлечь несовершеннолетнего в систематическое ее употребление возможно, если реализатор алкогольных и спиртных напитков постоянно продавал их, как правило, хорошо ему знакомым подросткам, например, соседям, родственникам).

Разумеется, необходимо учитывать, что ст. 151^1 УК РФ («Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции») содержит норму с административной преюдицией, т. е. обязательным условием наступления уголовной ответственности является неоднократность розничной продажи алкогольной продукции, совершенной лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию[1]. Необходимо помнить и ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ («Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»), согласно которой розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это не содержит уголовно наказуемого деяния,

[1] Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 30 до 50 тыс. р.; на должностных лиц – от 100 до 200 тыс. р.; на юридических лиц – от 300 до 500 тыс. р.

Вопросы совокупности анализируемого преступления с другими деяниями возникают и при применении ч. 2 ст. 151 УК РФ (как и ч. 2 ст. 150 УК РФ), устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Среди них могут быть и должностные лица, сочетающие свои служебные обязанности с воспитательной работой среди несовершеннолетних (например, директор учебного заведения, где проходят обучение несовершеннолетние; его заместитель по воспитательной работе). Следовательно, не исключена ситуация, когда вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий может осуществляться должностным лицом, использующим для этого свое служебное положение. Такое поведение должностного лица при наличии условий, предусмотренных уголовным законом, образует признаки деяний, предусмотренных соответствующей частью ст. 285 и ч. 2 ст. 151 УК РФ.

Представляет интерес ситуация с применением примеч. к ст. 151 УК РФ, согласно которому действие этой статьи не распространяется на случаи вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства. Буквальное толкование этого положения приводит к мысли, что речь в ней идет о всех деяниях, предусмотренных чч. 1–3 ст. 151 УК РФ, включая и случаи, соединенные с применением насилия или угрозой его применения. Однако это не означает, что уголовная ответственность за применение насилия или угрозу его применения вообще исключа-

ется. Например, если насилие при вовлечении несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством выразилось в причинении потерпевшему вреда его здоровью, то речь может идти о признании лица виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 112, 115, 116[1], 117 УК РФ. Если же имела место угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью несовершеннолетнего, то такое поведение виновного должно квалифицироваться по ст. 119 УК РФ.

Деяния, предусмотренные ст.ст. 150 и 151 УК РФ, следует отграничивать от вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151[2] УК РФ).

В последнем случае действия взрослого, достигшего 18 лет, направлены не на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, что характерно для деяния, предусмотренного ст. 150 УК РФ, и не на вовлечение его в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством. Состав преступления, предусмотренный ст. 151[2] УК РФ, предполагает, что взрослый пытается склонить или иным образом вовлечь несовершеннолетнего в совершение действия, представляющего опасность для жизни потерпевшего. Причем в интеллектуальный момент прямого умысла виновного должно входить осознание заведомой опасности этих действий для жизни несовершеннолетнего (к ним, например, можно отнести такие опасные для жизни «трюки», как езда на ступеньках, поручнях любого транспорта, между вагонами железнодорожного транспорта (зацепинг), езда на крышах вагонов (трейнсерфинг), незаконное проникновение на крыши высотных зданий (руфинг), внезапная попытка перебежать улицу перед быстро идущим автомобильным транспортом и т. п.[1].

---

[1] Уголовное право России : учебник: в 2 т. / под ред. Н. Г. Кадникова. Т. 2: Особенная часть. М. : Юриспруденция, 2018. С. 136.

Указанные действия уже являются противоправными (как правило, влекущими административную ответственность), но не преступными и не подпадающими под признаки антиобщественных действий, предусмотренных ст. 151 УК РФ.

Отсутствует здесь и умысел на склонение к самоубийству несовершеннолетнего (п. «а» ч. 3 ст. 110^1 УК РФ) и на доведение его к самоубийству (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ). Причем способы доведения до самоубийства (жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства) также отсутствуют. Правда, закон в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, называет и угрозу. Думается, исходя из систематического толкования этого понятия в различных статьях УК РФ, речь здесь идет об угрозе, характерной для ч. 1 ст. 150 УК РФ, т. е. не связанной с угрозой применения насилия. Допущение последствий для вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, вообще может обусловить появление вопроса о замаскированном покушении на убийство несовершеннолетнего (естественно, убийстве при трагическом результате).

Преступление, предусмотренное ст. 151^2 УК РФ, содержит формальный состав и признается оконченным с момента выполнения указанных в законе действий. Последствия в виде гибели несовершеннолетнего в связи с неудачным выполнением подобных «трюков» лежат за рамками состава преступления и влияют только на назначение наказания виновному лицу.

§ 4.3. Особенности квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего

Немало сложностей возникает в судебной практике при применении ст. 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»). Состав данного преступления

имеет место, если это деяние было соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Уяснение содержания этого понятия вызывает определенные споры среди правоприменителей.

Согласно подп. «г» п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» жестокое обращение с детьми «может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия на их половую неприкосновенность»[1].

Вместе с тем в судебной практике получила распространение более широкая трактовка этого понятия, основанного на ныне частично утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», согласно которому жестокое обращение с несовершеннолетним может выражаться и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)[2].

Таким образом, как правильно отмечается в юридической литературе, «жестокое обращение» по своему содержанию

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/.

[2] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7. С. 11. На наш взгляд, эта позиция более адекватно отражает суть жестокого обращения с несовершеннолетним.

шире, чем «применение насилия», и может выражаться как в физическом и психическом насилии, так и в применении иных недопустимых способов воспитания, не связанных с насилием[1].

Судебная практика применения ст. 156 УК РФ показывает, что суды ориентируются на необходимость доказывания причинения несовершеннолетнему особых физических и психических страданий[2].

Так, мировым судьей был осужден по ст. 156 УК РФ гр-н Б., который, злоупотребляя алкоголем на протяжении длительного времени, систематически избивал свою шестилетнюю дочь О., сопровождая свои действия нецензурной бранью. Дочери приходилось неоднократно убегать из дома, опасаясь с его стороны проявлений физического насилия, жить подолгу у бабушки, чтобы не видеть постоянные пьянки, которые организовывал отец[3].

Несмотря на трактовку, «жестокого обращения с несовершеннолетним», данного в постановлении № 44, относящего к формам его проявления и посягательства на половую неприкосновенность детей, региональная судебная практика справедливо показывает, что названные выше преступления не охватываются составом преступления, предусмотренным ст. 156 УК РФ. В подобных случаях содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ и статьей, регламентирующей ответственность за какое-либо из преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности[4].

Можно согласиться с позицией тех судов, которые признают наличие состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ,

---

[1] Палий В. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних. С. 63.

[2] См., например: Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М. : Эксмо, 2005. С. 452 ; Николаева Ю. В. Дифференциация преступлений против несовершеннолетних в России. М., 2011. С. 120.

[3] Дело № 1-97/2011 // Архив судебного участка № 2 г. Качканара Свердловской области.

[4] Палий В. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних. С. 67.

только при условии систематичности жестокого обращения с ребенком, под которой понимается определенная линия поведения по отношению к несовершеннолетнему.

Например, по ст. 156 УК РФ была осуждена Б., которая за незначительные провинности регулярно (т. е. более трех раз) применяла к своим детям физическую силу (побои), причиняя им тем самым физическую боль и страдания[1].

Аналогичное судебное решение было вынесено в отношении М., которая примерно раз в неделю на протяжении нескольких месяцев подвергала своего малолетнего сына Б. избиению, нанося ему множество ударов кожаным брючным ремнем по ягодицам, ногам, причиняя последнему многочисленные кровоподтеки и физическую боль[2].

Поэтому правильным представляется решение коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда, прекратившей уголовные дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, в отношении С., осужденного по этой статье районным судом за нанесение двух ударов своему сыну в короткий промежуток времени[3].

Вместе с тем надо помнить, что «жестокое обращение с несовершеннолетним» не ограничивается применением физического или психического насилия. Состав преступления может иметь место и при сочетании различных форм поведения родителя или иного лица, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогического работника или другого работника образовательной организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним.

---

[1] Дело № 1-185/1-2011 // Архив судебного участка № 1 Заводского района г. Кемерово.

[2] Дело № 1-42/12 // Архив судебного участка № 4 г. Гуково Ростовской области.

[3] Дело № 1-18/2012 // Архив Угловского районного суда Алтайского края. Данная позиция была поддержана многими судами, что нашло свое отражение и в Отчете о мониторинге судебной практики применения в 2016-2019 гг. ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), подготовленного В. Ф. Шепельковым. URL: monitoring_sudebnoi_praktiki_156ukrf.pdf/.

Например, недопустимые способы воспитания могут проявляться в лишении несовершеннолетнего питания, одежды, сна и отдыха, неоказании медицинской и иной помощи и т. п.

В судебной практике имел место случай осуждения по ст. 156 УК РФ Д., которая специально избегала выполнения родительских обязанностей в отношении несовершеннолетней дочери, страдавшей тяжким заболеванием (ребенка-инвалида). В частности, игнорировала факты заболевания дочери, не обращалась за медицинской помощью в случаях, когда это было необходимо, что привело к обострению болезни, связанной с неоднократным пребыванием дочери в больнице[1].

В связи с этим «систематичность» действий виновного, характеризующих наличие «жестокого обращения с несовершеннолетним», могут образовать не только собственно насильственные действия, но и сочетание применения насилия или угрозы применения насилия с другими формами неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (например, лишением ребенка пищи, одежды, тепла, отдыха, возможности посещать школу и т. п.).

Например, по приговору мирового судьи З. была осуждена по ст. 156 УК РФ. По делу было установлено, что З., проживая с малолетним сыном и злоупотребляя спиртными напитками, неоднократно (дважды) наносила ему множественные удары руками по лицу, голове, в области скул, щипала, причиняя ему физическую боль. Помимо этого, не следила за состоянием его здоровья, не посещала с ним медицинские учреждения, не обеспечивала полноценным питанием, оставляла нередко голодного ребенка одного в комнате, отчего тот плакал, в связи с чем соседи по коммунальной квартире периодически из своих средств предоставляли ребенку питание[2].

---

[1] Жестокое обращение с детьми: ст. 156 УК РФ : памятка для родителей от 23 октября 2020. URL: https://prpr.su/stati/jestokoe-obrashenie-s-detmi-statia-156-yk-rf-pamiatka-dlia-roditelei/.

[2] Дело № 1-19/2011 // Архив судебного участка № 68 Пролетарского района г. Тулы.

Таким образом, изучение судебной практики по ст. 156 УК РФ показывает, что в основном суды правильно связывают наличие состава данного преступления с систематичностью жестокого обращения с ребенком. Лишь в отдельных случаях возможны ситуации, когда неоднократное и даже единичное применение насилия в отношении несовершеннолетнего дает основание для привлечения виновных к ответственности по ст. 156 УК РФ (например, при нанесении побоев в течение одного, но длительного по продолжительности времени эпизода, беспомощности потерпевшего в силу малолетия, болезни).

Так, Р. была осуждена мировым судьей за нанесение нескольких ударов рукой по лицу и спине своей шестнадцатилетней дочери, являющейся инвалидом с рождения[1].

Жестокое обращение с несовершеннолетним, выражающееся в виде физического насилия, в судебной практике чаще всего рассматривается как нанесение побоев, причинение легкого вреда здоровью, связывание.

К проявлениям жестокости относится и психическое насилие: угрозы физической расправой, систематические оскорбления, унижение личного достоинства.

Например, районный суд признал виновной М., нанесшей своей малолетней дочери на протяжении 30 мин не менее трех ударов по лицу и телу, удар кулаком по плечу, несколько ударов тапком по лицу, голове и телу, потаскавшей девочку за волосы и несколько раз ударившей головой о диван. В приговоре было подчеркнуто, что «умышленное нанесение побоев несовершеннолетней…, учитывая диспозицию ст. 156 УК РФ, охватывается составом преступления, предусмотренным ст. 156 УК РФ, и не требует дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ»[2]. Такой подход в судебной практике представляется правильным.

---

[1] Дело № 1-51/2012 // Архив судебного участка № 8 Локнянского района Псковской области.

[2] Дело № 1-7/2012 // Архив Солецкого районного суда Новгородской области.

Определенные споры возникают в судебной практике в отношении квалификации случаев, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, указанным в диспозиции ст. 156 УК РФ, привело к самоубийству несовершеннолетнего.

В своем большинстве суды считают, что при доведении несовершеннолетнего до самоубийства путем жестокого обращения с ним имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ и ст. 110 УК РФ[1].

Например, приговором районного суда Б-ва и Б-в были осуждены по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 156 и 110 УК РФ.

По делу было установлено, что на протяжении длительного времени осужденные систематически, ненадлежащим образом исполняли родительские обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей: злоупотребляли спиртным, неоднократно оставляли своих шестерых малолетних детей на длительное время без присмотра, пищи, в антисанитарных условиях. При этом они оскорбляли своих детей нецензурной бранью, унижали их, применяли и меры физического воздействия.

Двенадцатилетний Ч. предупреждал родителей, что если они не бросят пить, то он повесится.

11 ноября 2010 г. на просьбу Ч. к Б-ву и Б-вой прекратить пьянство и пойти домой Б-в в присутствии иных лиц вновь оскорбил ребенка нецензурной бранью, после чего Ч. ушел и повесился[2].

Указанная точка зрения представляется правильной в связи с различием непосредственных объектов этих преступлений и санкций, предусмотренных ст.ст. 156 и 110 УК РФ. Думается,

---

[1] См., например: Дело В. № 22/1770/2016 // Архив Хабаровского краевого суда за 2016 г. ; Дело К. № 1-117/2014 // Архив Туапсинского районного суда Краснодарского края за 2014 г. ; Дело А. № 1-121/2015 // Архив Охинского городского суда Сахалинской области за 2016 г.

[2] Дело № 22-6668/2011 // Архив Солонешенского районного суда Алтайского края.

жизнь человека как объект посягательства преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, и нормальное развитие (нравственное и физическое) несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) нуждаются в самостоятельной уголовно-правовой охране. Это обстоятельство является решающим при объяснении, почему более опасное (с точки зрения санкций) преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, не поглощает деяние, указанное в ст. 156 УК РФ. В связи с чем квалификация содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 156 и 110 УК РФ, является предпочтительной.

Вопрос о квалификации по совокупности преступлений возникает, когда случаи жестокого обращения с несовершеннолетним выразились в его истязании. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 117 УК РФ, с позиции закона представляет большую общественную опасность, чем преступление, указанное в ст. 156 УК РФ (первое деяние относится к категории тяжких преступлений, второе – к категории преступлений небольшой тяжести). Поэтому, на первый взгляд, истязание, содержащее признаки квалифицированного состава, должно поглощать неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (например, такая ситуация может иметь место, когда истязание совершается в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Однако с объективной стороны круг деяний, перечисленных в ч. 2 ст. 117 УК РФ, может быть более разнообразным, чем те, которые образуют жестокое обращение с несовершеннолетним. Кроме того, существует отличие в непосредственных объектах этих преступлений (при истязании – здоровье другого человека, при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего – нормальное нравственное и физическое развитие личности несовершеннолетнего). Также есть различия в субъектах этих преступлений: по ст. 156 УК РФ субъектом может быть родитель или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего; по ст. 117 УК РФ – любое

физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Поэтому в случае, когда жестокое обращение с несовершеннолетним выражается в истязании, требуется квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 156 и соответствующим пунктом ч. 2 ст. 117 УК РФ (например, п. «г»).

Так поступил городской суд, осудивший Д. за преступления, предусмотренные п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ст. 156 УК РФ.

По делу установлено, что 7 февраля 2011 г. Д., будучи в состоянии алкогольного опьянения, недовольный плохой успеваемостью своего несовершеннолетнего сына, нанес проводом от зарядного устройства к фотоаппарату не менее 10 ударов по его оголенным ягодицам.

28 февраля 2011 г., находясь в нетрезвом состоянии, на почве возникшего скандала из-за плохой успеваемости сына нанес резиновым шлангом от стиральной машины не менее 15 ударов по оголенным ягодицам и спине сына, причинив ему физические и психические страдания.

15 марта 2011 г. Д. опять, будучи в алкогольном опьянении, по той же причине нанес с силой удар по спине обедающего сына металлической пряжкой ремня, причинив ему физическую боль.

Наконец, 3 мая 2011 г. в аналогичной ситуации Д. нанес сыну по оголенным ягодицам не менее 15 ударов, причинив тем самым ему психические страдания и телесные повреждения в виде ран, не причинившие легкий вред здоровью мальчика[1].

Совокупность преступлений имеет место, когда случаи жестокого обращения с несовершеннолетним выразились в умышленном причинении ему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Это обусловливается сравнением санкций ст.ст. 156, 111 и 112 УК РФ. Естественно, преступление небольшой тяжести, каковым является деяние, предусмотренное ст. 156 УК РФ, не может поглощать тяжкое или особо тяжкое преступление – умышленное причинение

[1] Дело № 1-149/2012 // Архив Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан.

тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), отличающееся к тому же от первого и специфическим непосредственным объектом.

Максимальные виды наказаний, которые могут назначаться за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 112 УК РФ) совпадают – лишение свободы на срок до трех лет. Однако минимальный вид наказания, указанный в санкции ч. 1 ст. 112 УК РФ (ограничение свободы до трех лет), является более строгим, чем штраф, предусмотренный ст. 156 У РФ.

Таким образом, при квалификации рассматриваемых выше деяний, обоснованной является позиция, согласно которой квалификация по совокупности имеет место, если жестокое обращение с несовершеннолетним было сопряжено с умышленным причинением потерпевшему тяжкого и средней тяжести вреда здоровью или с его истязанием.

Указанная точка зрения находит свое подтверждение и в судебной практике.

Например, П. был осужден районным судом по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 156 и п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ, поскольку в результате его жестокого обращения с дочерью (побои, оскорбления, унижение достоинства и т. п.) у последней возникло «ситуационно-обусловленное кратковременное депрессивное расстройство», относящееся к средней тяжести вреда здоровью по признаку длительного его расстройства на срок свыше 21 дня[1].

Итак, квалификация ряда преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, имеет свои особенности, что обусловливает целесообразность принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, способного выработать единообразную практику для решения возникающих вопросов.

---

[1] Дело № 1-87/2011 // Архив Рубцовского районного суда Алтайского края.

§ 4.4. Особенности квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей

Ст. 157 УК РФ предусмотрена ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Рассматриваемая норма содержит в себе два самостоятельных состава преступления. В первой части этой статьи устанавливается ответственность родителей за неуплату средств на содержание детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. В части второй закреплена ответственность трудоспособных детей, не уплативших без уважительных причин средства на содержание нетрудоспособных родителей.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие материальные условия существования несовершеннолетних или совершеннолетних нетрудоспособных детей; ч. 2 ст. 157 УК РФ – общественные отношения, обеспечивающие материальные условия существования нетрудоспособных родителей (усыновителей).

Потерпевшими по ч. 1 ст. 157 УК РФ следует признавать несовершеннолетних, совершеннолетних нетрудоспособных детей; по ч. 2 ст. 157 УК РФ – нетрудоспособных, нуждающихся в материальной помощи родителей (усыновителей).

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного как ч. 1 ст. 157 УК РФ, так и ч. 2 ст. 157 УК РФ, выражается только в форме преступного бездействия. Виновный родитель не выполняет возложенных на него прямых обязанностей по содержанию детей (несовершеннолетних, совершеннолетних нетрудоспособных) (ч. 1 ст. 157 УК РФ) либо совершеннолетние трудоспособные дети не выполняют возложенных на них обязанностей по отношению к своему нетрудоспособному родителю (ч. 2 ст. 157 УК РФ).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 157 УК РФ, является сложной, предусмотренное ими деяние должно быть совершено виновным неоднократно. Под неоднократностью, в соответствии с примеч. к ст. 157 УК РФ, следует понимать неуплату без уважительных причин обязанным лицом в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание потерпевшего, если это деяние совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию.

Административная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в соответствии со ст. 5.35.1 КоАП РФ наступает в случае неуплаты алиментов без уважительных причин в течение двух или более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. В случае, если лицо продолжает не уплачивать алименты без уважительных причин, то неуплата считается подряд в рамках исполнительного производства по делу.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 39 приведен следующий пример квалификации: «лицо, подвергнутое административному наказанию по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ постановлением, вступившим в законную силу 15 января, продолжило неуплату ежемесячных алиментных платежей, в том числе не произвело платежи за январь и последующие месяцы. В этом случае неуплата алиментов за январь, имевшая место с 1 февраля по 31 марта, может свидетельствовать о наличии в действиях лица начиная с 00 часов 1 апреля признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ»[1].

[1] Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435203/.

Уголовная ответственность по ч. 1 и ч. 2 ст. 157 УК РФ наступает только в случае неуплаты средств по неуважительным причинам.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что уважительными причинами неуплаты алиментов могут быть признаны такие обстоятельства, при которых неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей имела место независимо от воли лица, обязанного уплачивать алименты (например, в связи с его болезнью (нетрудоспособностью); по вине других лиц, в частности, в связи с невыплатой заработной платы работодателем, задержкой или неправильным перечислением банком сумм по алиментам; вследствие обстоятельств непреодолимой силы; ввиду прохождения лицом военной службы по призыву и т. д.)[1].

В то же время приведенный перечень «уважительных причин», при которых виновное лицо не подлежит уголовной ответственности, не является исчерпывающим. Так, уважительной причиной была признана неуплата средств в силу блокировки банковского счета Е. судебными приставами-исполнителями, который являлся единственным источником дохода[2].

По конструкции объективной стороны составы преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 157 УК РФ и ч. 2 ст. 157 УК РФ, являются формальными (считаются оконченными с момента неоднократного преступного бездействия), т. е. обязательным признаком объективной стороны является только общественно опасное деяние, призна-

---

[1] Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правоотношениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383115/.

[2] См.: Апелляционное постановление Андроповского районного суда Ставропольского края № 10-2/2016 от 26 октября 2016 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/m4mZcQzRTH5g/.

ваемое преступным с учетом административной преюдиции, а последствия и причинная связь не влияют на квалификацию.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, являются привлеченные к административной ответственности родители детей (мать/отец), независимо от того, лишены они родительских прав или нет, а также лица, в установленном порядке усыновившие (удочерившие) ребенка.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 157 УК РФ, являются трудоспособные совершеннолетние дети в период административной наказанности.

Субъективная сторона состава преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, выражена виной в виде прямого умысла, так как лицо осознает общественную опасность своего преступного бездействия, выраженного в неоднократной неуплате средств на содержание потерпевшего, и желает поступить таким образом. Факультативные признаки субъективной стороны на квалификацию содеянного не влияют.

В примеч. 3 к рассматриваемой статье названы необходимые условия освобождения от уголовной ответственности.

Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если это лицо в полном объеме погасило задолженность по выплате средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, или нетрудоспособных родителей в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

Вопросы для самоконтроля

1. Что образует объективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления?
2. С какого момента признается оконченным преступлением вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления?

3. Что следует понимать под «применением насилия или угрозой его применения» – квалифицирующими признаками преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ?

4. Что является предметами преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ?

5. В каких случаях вовлечение несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством исключает уголовную ответственность по ст. 151 УК РФ?

6. Что является необходимым условием наличия состава розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним?

7. Каковы признаки объективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни?

8. Что понимается под «жестоким обращением с несовершеннолетним» – необходимым признаком состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ?

9. Какие деяния образуют объективную сторону неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей?

10. В каком случае лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности?

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Артеменко, Н. В. Дети – жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские преступления» / Н. В. Артеменко, Н. Г. Шимбарева // Российская юстиция. – 2020. – № 12. – С. 47–51.

2. Банщикова, С. Л. Ненадлежащее воспитание ребенка родителями (лицами, их заменяющими) как признак объективной стороны административного правонарушения / С. Л. Банщикова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 1 (33). – С. 16–18.

3. Белов, В. Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних / В. Ф. Белов. – М. : Русаки, 2002. – 79 с.

4. Боровиков, В. Б. Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) / В. Б. Боровиков // Российский судья. – 2005. – № 2. – С. 30–32.

5. Бриллиантов, А. В. Уголовно-правовая защита семьи и несовершеннолетних / А. В. Бриллиантов, Н. Р. Косевич. – М. : РАП, 2005.

6. Западнова, Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический анализ : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. А. Западнова. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД Российской Федерации, 2018. – 229 с.

7. Корниенкова, М. Р. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей : монография / М. Р. Корниенкова ; отв. ред. М. М. Дайшутов. – М. : Проспект, 2021. – 168 с.

8. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова ; науч. ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Городец, 2007. – 322 с.

9. Николаева, Ю. В. Дифференциация преступлений против несовершеннолетних в России : монография / Ю. В. Николаева. – М. : Юркомпани, 2011. – 268 с.

10. Палий, В. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних / В. В. Палий, А. А. Ашин, А. И. Чучаев. – Владимир : Владимирский государственный университет, 2009. – 193 с.

11. Прозументов, Л. М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации / Л. М. Прозументов. – Томск : Томский университет, 2017. – 308 с.

12. Травников, А. В. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Травников. – М. : Академия управления МВД Российской Федерации, 2022. – 238 с.

13. Пудовочкин, Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю. Е. Пудовочкин. – СПб : Пресс, 2002. – 291 с.

14. Уголовное право России : учебник: в 2 т. / [А. А. Абдульманов и др.] ; под ред. Н. Г. Кадникова. – Т. 2: Особенная часть. – М. : Юриспруденция, 2018. – 833 с.

15. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2006. – 1086 с.

16. Холопова, Е. Н. Актуальные проблемы ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего / Е. Н. Холопова, Е. Л. Козлова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 2. – С. 26–28.

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказаний несовершеннолетних» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / сост. А. Г. Хлебушкин. – 5-е изд. – М. : Проспект. 2023. – 567 с.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. – 2017. – 20 ноября (№ 262 (7428).

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. – 2017. – 29 декабря (№ 297 (7463).

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 6. – С. 2–5.

21. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. – 2022. – 30 декабря (№ 297).

Глава 5. Особенности квалификации отдельных видов преступлений в сфере экономики

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* особенности квалификации отдельных видов преступлений в сфере экономики, особенности диспозиций уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления, квалифицирующие признаки составов указанных преступлений и их судебное толкование;
– *уметь* применять нормы об ответственности за преступления в различных сферах экономической деятельности; устанавливать взаимосвязи уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления с иными нормативными правовыми актами, раскрывающими отдельные признаки данных преступлений; выделять и анализировать объективные и субъективные признаки составов преступлений; разграничивать преступления и проступки в сфере экономической деятельности и отграничивать их от иных смежных составов преступлений;
– *владеть* уголовно-правовой терминологией и навыками квалификации преступлений в сфере экономики; навыками разграничения смежных преступлений в данной сфере.

§ 5.1. Особенности квалификации кражи

Кража (ст. 158 УК РФ) – это тайное хищение чужого имущества.

Основные правила квалификации кражи разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[1].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.05.2017) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

Объектом кражи являются отношения собственности – общественные отношения по поводу имущества собственника или иного владельца, юридически выражающиеся в реализации своих правомочий по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом, которые нарушаются в результате тайного хищения.

Дополнительным объектом кражи являются общественные отношения, обеспечивающие право на неприкосновенность жилища (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Данное положение находит отражение в материалах правоприменительной практики. При этом суд пояснил, что по смыслу уголовного закона имущественные отношения выступают лишь в качестве основного объекта совершения преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ. Однако в зависимости от избранного лицом способа совершения преступления и наступивших последствий, находящихся в причинно-следственной связи с деянием, объектом преступного посягательства могут также выступать и неимущественные правоотношения. Таким образом, несмотря на то, что кража отнесена законодателем к преступлениям против собственности, совершение данного преступления с квалифицирующим признаком «с незаконным проникновением в жилище» порождает дополнительный объект преступного посягательства – общественные отношения, возникающие в связи с реализацией конституционного права гражданина на неприкосновенность жилища[1].

Предметом кражи является чужое имущество – вещи и другие материальные ценности, которые становятся условием существования отношений собственности и изъятие которых наносит ущерб объекту преступления. К предмету кражи могут быть отнесены: наличные денежные средства; безналичные денежные средства и электронные денежные средства (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ); денежные суррогаты (например, проездные билеты на транспорт,

[1] Постановление Президиума Московского областного суда от 10 мая 2018 г. № 157 по делу № 44у-86/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=991522#ZJCVKZTxVce1A7pK/.

билеты на посещение музея или выставки и др.); нефть, нефтепродукты и газовая энергия (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ); иное имущество: мобильные телефоны, компьютерная (бытовая, строительная) техника, одежда, ювелирные изделия, продукты питания и другое имущество, обладающее вещным, экономическим и социальным признаком.

Кражу следует отличать от экологических преступлений. Так, представители животного и растительного мира, которые были изъяты из естественной среды обитания и в которых вложен общественно полезный труд человека (выловленная рыба, срубленные деревья, животные в неволе), могут быть предметом хищения, в том числе и кражи. Разъяснения по данному вопросу содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»:

«13. Действия лиц, совершивших незаконное завладение с корыстной целью содержащимися в неволе животными либо их умерщвление, подлежат квалификации как хищение либо уничтожение чужого имущества. (Так, Б. и С. признаны виновными в том, что группой лиц по предварительному сговору совершили с поля кражу лошадей, принадлежащих потерпевшей, причинив ей материальный ущерб в крупном размере на 313 тыс. р., их действия были квалифицированы по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ[1].)

15. <…> Не относятся к предмету указанных (экологических – *примеч. авт.*) преступлений, в частности, деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесных насаждений, предназначенных для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 27 апреля 2016 г. по делу № 44у-57/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=375999#tg1dKZTzYPWqrZJM/.

явлений), на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровальные, буреломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами. Рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение при наличии к тому предусмотренных законом оснований могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение чужого имущества.

21. Действия лица, совершившего незаконную рубку насаждений, а затем распорядившегося древесиной по своему усмотрению, не требуют дополнительной квалификации по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за хищение чужого имущества.

Незаконное завладение древесиной, заготовленной другими лицами, квалифицируется как хищение чужого имущества»[1].

Предметы, изъятые из свободного гражданского оборота, являются предметами специальных видов хищения, предусмотренных статьями IX раздела «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Особенной части УК РФ (ст.ст. 221, 226, 229 УК РФ). Так, по приговору суда Г. признан виновным в хищении огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему и боеприпасов, при этом суд излишне включил указанные предметы в перечень похищенного чужого имущества, по существу, дважды указав, что осужденный виновен как в хищении самого огнестрельного оружия, так и в хище-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (ред. от 30.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/.

нии его как имущества. По смыслу закона предметом преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, признается огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, а также боеприпасы, которые также являются и объектом посягательства на чужую собственность, а потому при их хищении дополнительной квалификации по ст. 158 УК РФ не требуется[1].

Не образуют предмета кражи официальные и важные личные документы, штампы, печати, акцизные марки, специальные марки или знаки соответствия. Ответственность за их похищение наступает по ст. 325 УК РФ. Например, за хищение паспорта, пенсионного удостоверения или социальной карты москвича уголовная ответственность наступает по ч. 2 ст. 325 УК РФ[2].

Между тем тайное хищение государственных наград может образовывать состав кражи. Так, судебная коллегия считает необходимым осуждение Б. по ст. 324 УК РФ из состоявшихся судебных решений исключить как излишне вмененное. Из установленных судом обстоятельств дела следует, что, помимо иного имущества, Б. были похищены нагрудные знаки и государственные награды, принадлежавшие потерпевшему Н. Объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 324 УК РФ, является незаконное приобретение государственных наград. По смыслу закона хищение государственных наград не образует состава незаконного приобретения, поскольку кража не является его способом[3].

---

[1] Постановление Президиума Московского городского суда от 16 сентября 2011 г. по делу № 44у-234/11 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=375999#tg1dKZTzYPWqrZJM.

[2] УК РФ Статья 325. Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

[3] Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2013 г. № 2-Д13-9 // Официальный сайт «Договор-Юрист.Ру». Кодексы и образцы договоров. URL: http://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/2-д13-9/?yscliq= lmoma157sc705205345/.

Ввиду отсутствия вещного (физического) признака традиционно предметом хищения не являются: некоторые виды энергии; интеллектуальная собственность; компьютерная информация. В настоящее время преступное воздействие на подобные виды имущества не образует состава хищения и при определенных условиях незаконное корыстное использование электрической энергии может расцениваться как причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), присвоение интеллектуальной собственности (плагиат) – как нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), завладение компьютерной информацией – как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).

Предметом хищения может выступать похищенное имущество, которое не принадлежало потерпевшему на законных основаниях[1].

В п. 25 постановления № 29 сказано: «Определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов»[2].

Размер причиненного имущественного ущерба по ч. 1 ст. 158 УК РФ должен составлять не менее 2,5 тыс. р. При этом не имеет значения, была ли совершена кража у физического либо юридического лица. В случае хищения имущества, стоимость которого не превышает 2,5 тыс. р., наступает административная

---

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2018 г. № 56-АПУ18-3СП // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15032018-n-56-apu18-3sp/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.05.2017) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

ответственность по ст. 7.27 КоАП РФ (при отсутствии квалифицирующих признаков кражи и повторности мелкого хищения). Так, по мнению суда, с доводами осужденного, изложенными в кассационной жалобе, что его действия, квалифицированные судом по ч. 1 ст. 158 УК РФ, не образуют состав уголовного преступления и являются административным правонарушением, нельзя согласиться. По факту краж электросчетчиков, совершенных П., за которые он осужден обжалуемым приговором, стоимость ущерба составляет 5 580 р. 85 к. и 3 394 р. 92 к. соответственно. То обстоятельство, что похищенное имущество принадлежало юридическому лицу, при квалификации действий по ч. 1 ст. 158 УК РФ значения не имеет[1].

Этим же приговором по другому преступному эпизоду П. признан виновным в совершении кражи бутылки водки и закуски, т. е. тайного хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору с Р. из магазина ООО «Агроторг» с причинением ущерба 337 р. 90 к. и осужден по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В этом случае ответственность не может наступить по ст. 7.27 КоАП РФ, поскольку хищение было совершено при наличии отягчающих обстоятельств – совершение кражи в составе группы лиц по предварительному сговору[2].

Кражу следует отличать от находки. Так, по мнению суда, разъяснившего порядок применения нормы ч. 1 ст. 158 УК РФ, как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц. Если при этом забытая вещь находится в месте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться либо иным способом ее получить, то лицо, присвоившее эту вещь, совершает кражу. Как

---

[1] Постановление президиума Самарского областного суда от 28 февраля 2019 г. № 44у-48/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=396278#AmzkKZTYsitBsxTY/.

[2] Там же.

установлено по уголовному делу, забытый потерпевшим Л. в помещении спортивного клуба мобильный телефон находился в известном потерпевшему месте, и он имел возможность за ним вернуться, что и сделал примерно через два часа после окончания тренировки, однако телефона не обнаружил. В свою очередь Ч. завладел телефоном, каких-либо мер для возвращения его потерпевшему не предпринимал, сотрудникам спортивного клуба не сообщил о найденном им чужом имуществе, взял телефон и впоследствии ушел с ним домой. На основе собранных по делу доказательств суд правильно квалифицировал действия осужденного по ч. 1 ст. 158 УК РФ[1].

Как уже было замечено выше, кража с объективной стороны выражается в тайном хищении чужого имущества. По этому поводу Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 постановления № 29 разъяснил: «Как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества»[2].

Вопрос о том, было ли хищение совершено тайно или открыто, решается следственными органами и судами на основе объективного и субъективного критериев оценки способа совершения кражи.

---

[1] Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 января 2015 г. по делу № 10-220/15 // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc132699768/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.05.2017) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

Установление объективного критерия тайности выражается в отношении лиц, в собственности или ведении которых находится имущество, а также посторонних лиц либо иных лиц (родственники и близкие лица виновного) к факту совершаемого виновным преступления. Хищение является тайным, если оно совершено незаметно (скрытно) для указанных выше лиц. Хищение не перерастает в открытое, и действия виновного следует квалифицировать как кражу, если она совершается в присутствии лиц, не способных по возрасту или по умственному развитию, например, детей, осознавать уголовно-противоправный характер изъятия чужого имущества, а также в присутствии лиц, которые понимают, что совершается хищение чужого имущества, но не противодействуют этому ввиду определенных взаимоотношений с виновным (например, близкие родственники, знакомые).

Установление субъективного критерия тайности выражается в отношении виновного к содеянному им преступлению. Преступник считает свои действия незаметными для окружающих лиц; он предполагает, что посторонние лица могут принять его за законного владельца имущества. Вопрос о том, является ли хищение тайным, должен решаться на основании приоритетного субъективного критерия, т. е. исходя из восприятия ситуации хищения самим виновным.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала тайным, а не открытым хищением чужого имущества действия П., который совершил хищение денег и часов у потерявшего сознание А. в присутствии своей жены, не препятствовавшей ему при изъятии чужого имущества[1].

По другому уголовному делу Президиум Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировал действия М. с ч. 1

[1] Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=15733#btVnKZTVRo1cbFl4/.

ст. 161 на ч. 1 ст. 158 УК РФ, указав, что из описания преступного деяния следует, что «во время нанесения ударов из одежды потерпевшей вместе с ключами выпали деньги в сумме 10 910 р., М., воспользовавшись тем, что его никто не видит, из корыстных побуждений похитил эти деньги, распорядившись ими по своему усмотрению». Данных, свидетельствующих о том, что потерпевшая после причинения тяжкого вреда здоровью видела, как осужденный совершает хищение денег, и что это обстоятельство им осознавалось, в приговоре не приведено[1].

По другому схожему уголовному делу также было установлено, что решающее значение при квалификации хищения отводится субъективному критерию тайности, означающему, что виновный был убежден в своем совершении хищения незаметно как для собственника, так и для окружающих лиц. Как следует из материалов дела, Г., имея умысел на тайное хищение чужого имущества, находясь в помещении магазина, тайно похитила из коробки, находящейся около кассы, денежные средства. Однако ее преступные действия стали очевидны для М., но последний по не зависящим от него обстоятельствам, не смог их пресечь, поскольку Г. быстро скрылась с места совершения преступления. Суд не указал в описательно-мотивировочной части, осознавала ли сама Г. данный факт, тогда как это обстоятельство имеет значение для квалификации действий осужденной. При таких обстоятельствах действия Г. подлежат квалификации по ч. 1 ст. 158 УК РФ[2].

Кража относится к преступлениям с материальным составом и считается оконченной, если имущество изъято и у виновного существует реальная возможность распорядиться им по своему

---

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2008 г. № 298П08 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 2017 г. № 5-УД17-34 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04052017-n-5-ud17-34/.

усмотрению. Если же виновное лицо, будучи застигнутым в момент либо сразу же после совершения преступления, там же освободилось от похищенного имущества либо возвратило его потерпевшим, то такие действия не могут рассматриваться как распоряжение похищенным имуществом по своему усмотрению, поскольку они совершены вынужденно, с целью сокрытия следов преступления либо облегчения своей участи, не повлекли за собой получение виновным лицом корыстной выгоды[1].

Примером покушения на кражу являются действия Д. и В., которые выразились в том, что Д. предложил В. совершить кражу поросенка из сарая своей бабушки. Согласно договоренности Д., взломав замок, проник в сарай, где должен был находиться поросенок, а В. остался во дворе следить за окружающей обстановкой. Однако поросенка в сарае не оказалось. Таким образом, выполнив все действия, направленные на совершение кражи, Д. и В. не смогли довести преступление до конца по не зависящим от них обстоятельствам. Стоимость поросенка, которого они намеревались похитить, составляла значительный ущерб для потерпевшей. Вопреки доводам надзорного представления, по смыслу уголовного закона квалифицирующий признак кражи, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, может быть инкриминирован виновному и при покушении на совершение преступления вне зависимости от того, что значительный для потерпевшего материальный ущерб не наступил, так как преступный умысел не был доведен до конца. В связи с этим суд обоснованно квалифицировал действия В. и Д. по ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как покушение на кражу группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в иное хранилище с причинением значительного ущерба потерпевшей[2].

---

[1] Постановление Президиума Московского городского суда от 17 апреля 2015 г. по делу № 44у-68/15 // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/136197667/.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2007 г. № 740-П06ПР // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_37467.htm.

Следует разграничивать неоконченную преступную деятельность и добровольный отказ от совершения преступления. Например, то обстоятельство, что после совершения убийства потерпевшей Г. не продолжил поиски денежных средств в ее квартире, не свидетельствует о наличии у него добровольного отказа, поскольку его первоначальные действия, направленные на хищение чужого имущества, были прерваны не по его воле, а вынужденно, поскольку он был застигнут хозяйкой квартиры на месте происшествия[1].

Практика показывает, что возможно развитие таких ситуаций, когда лицо, совершающее тайное хищение имущества, оказывается застигнутым на месте преступления. Итоговая квалификация содеянного будет зависеть от его дальнейших действий. Таким образом, возможно перерастание кражи в иные формы хищения. Причины, которые не позволили виновному довести начатое преступление по противоправному тайному изъятию чужого имущества, могут быть следующие:

1) обнаружение преступления потерпевшим;
2) обнаружение преступления посторонними лицами;
3) обнаружение преступления сотрудниками правоохранительных органов.

В этом отношении является показательным уголовное дело по обвинению Г. в совершении покушения на грабеж, т. е. открытого хищения чужого имущества, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 161 УК РФ. Он, находясь в вагоне электропоезда на станции метро, проник в сумку, находящуюся при Б., откуда похитил кошелек, причинив потерпевшей материальный ущерб на сумму 3 050 р. В момент совершения тайного хищения действия преступника были обнаружены потерпевшей Б., после чего Г., осознавая, что его преступные действия стали явными для потерпевшей, удерживая

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2013 г. № 49-О13-12 // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_37467.htm/.

похищенное, с места совершения преступления попытался скрыться, однако не смог довести до конца свой преступный умысел до конца, поскольку был задержан сотрудниками полиции[1].

С субъективной стороны кража совершается с прямым умыслом и корыстной целью.

Субъектом кражи является физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Следует отметить, что от совокупности преступлений нужно отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление[2].

Например, совершенные Р. кражи велосипедов в разное время, из подъездов разных жилых домов, у разных владельцев не могут свидетельствовать о совершении им единого, продолжаемого преступления и противоречит квалификации содеянного по ч. 1 ст. 158 УК РФ[3].

По другому уголовному делу Р. осужден за совершение двух краж. Он, находясь в квартире Г., после совершения убийства потерпевшего тайно похитил сотовый телефон, золотую цепочку, мужское золотое кольцо, ноутбук, жесткий диск и банковскую карту, находившуюся в чехле, на котором был написан

---

[1] Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 декабря 2014 г. по делу № 10-16276 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/716f2fb8-d252-422d-bd1d-e368e6345d45/.

[2] Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

[3] Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 мая 2017 г. по делу № 10-9062/2017 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/26a8bee3-52c0-453c-844e-2c6c2d87bebc/.

пин-код, принадлежащие Г. Изменяя состоявшееся судебное решение, суд апелляционной инстанции указал, что, исходя из имеющихся обстоятельств дела, видно: данные кражи имущества Г. носили однотипный характер, в отношении имущества, принадлежащего одному и тому же потерпевшему, объединены единым умыслом на завладение чужим имуществом, и совершены из корыстных побуждений, в связи с чем данные хищения являются единым продолжаемым преступлением. Поэтому действия Р. переквалифицированы на единое преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ[1].

Кражу, соединенную с элементами обмана, следует отграничивать от мошенничества. Обман при краже является средством совершения преступления, облегчающим доступ к похищенному имуществу, извлекаемому виновным незаметно (скрытно) от собственника без его согласия. Верховный Суд Российской Федерации разъясняет: «Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа»[2]. Так, действия П. были квалифицированы судом по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. П. позвонил в дверь потерпевшей и представился сотрудником поликлиники, при этом пояснил, что он по заданию из поликлиники совершает обход квартир в этом доме и измеряет давление у всех пожилых жильцов дома. Поверив ему, потерпевшая впустила мужчину в квартиру, дверь не заперла. На кухне П. отвлекал потерпевшую, а другой сообщник похитил ценное имущество[3].

---

[1] Обзор судебной практики кассационной и апелляционной инстанций по уголовным делам Приморского краевого суда за 12 месяцев 2014 г. // URL: http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?id=542&name=docum_sud.

[2] Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

[3] Апелляционное определение Московского городского суда от 17 ноября 2015 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/138577189/.

Заслуживает отдельного рассмотрения **кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору** (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Общее понятие «группа лиц по предварительному сговору» дается в ч. 2 ст. 35 УК РФ, в которой установлено, что преступление признается совершенным такой группой, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Совместное групповое хищение предполагает выполнение участниками (соисполнителями) таких действий, которые содержат в себе признаки объективной стороны состава кражи чужого имущества.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации при квалификации действий виновных как совершение хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, суду следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества, состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла, а также какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления. В приговоре надлежит оценить доказательства в отношении каждого исполнителя совершенного преступления и других соучастников (организаторов, подстрекателей, пособников)[1].

Рассмотрим пример из судебной практики, иллюстрирующий характеристику действий каждого из соисполнителей при совершении кражи. К., находясь в вагоне электропоезда, отвлекала внимание потерпевшей, разыгрывая при этом ссору, разговаривала с ней на повышенных тонах, а другая соучастница рукой расстегнула молнию сумки, висевшей на правом предплечье потерпевшей, проникла внутрь, откуда похитила сотовый телефон стоимостью 31 990 р. с сим-картой и чехлом, причинив своими действиями значительный материальный ущерб, после чего

[1] Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

соучастницы скрылись с похищенным. Судом соучастницы кражи осуждены по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. При этом судом отмечено, что каждый из соисполнителей будет нести равную уголовную ответственность за совершенное преступление в полном объеме похищенного независимо от размера доставшейся ему доли[1].

Приведем другой пример, иллюстрирующий наличие предварительного сговора на совершение кражи. Так, в судебном заседании осужденный Е. пояснил, что распределение ролей произошло по пути к месту совершения преступления, роли распределял В.: Е. должен был носить похищенное, Б. – наблюдать за окружающей обстановкой и предупреждать об опасности, В. взламывал и вскрывал сейфы. Таким образом, наличие предварительной договоренности осужденных на совершение преступления, подготовка участников к его совершению, предварительное приискание и приготовление средств и орудий для взламывания дверей и запоров (пилы, лома, фонарика, рюкзака, в котором переносились орудия преступления), договоренность о распределении ролей в совершенном ими хищении – названные обстоятельства свидетельствуют о наличии предварительного сговора участников совершения преступления[2].

Судам и органам предварительного расследования необходимо принимать во внимание разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в п. 10 постановления № 29: «Исходя из смысла ч. 2 ст. 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно

---

[1] Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 ноября 2015 г. по делу № 10-16349/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=MARB&n=965768&demo=1.

[2] Кассационное определение суда Чукотского автономного округа от 29 мая 2012 г. № 22-13/12 по делу № 1-18/12 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SODV&n=11354&demo=1.

предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу ч. 2 ст. 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ»[1].

В состав группы лиц по предварительному сговору могут входить только соисполнители. Действия иных соучастников, не принимавших непосредственного участия в изъятии имущества и не оказывающих непосредственного содействия исполнителям в совершении преступления, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Если же организатор (подстрекатель или пособник) непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества вместе с исполнителем, содеянное исполнителем и иным соучастником преступления не может квалифицироваться как хищение, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Об этом и свидетельствуют материалы правоприменительной практики, где из осуждения исключен квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору». Поскольку пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества вместе с исполнителем, содеянное не может квалифицироваться по данному признаку.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.05.2017) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

Так, имеется аналогичное решение суда по уголовному делу, где Н. являлся пособником, заранее обещавшим приобрести похищенное имущество после того, как Д. совершит тайное хищение персонального компьютера. Действия Н. квалифицированы судом первой инстанции по ч. 5 ст. 33, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража, т. е. тайное хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение в форме пособничества.

Между тем Президиум Ставропольского краевого суда исключил из обвинения Н. квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору» и квалифицировал его действия по ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ[1].

По другому уголовному делу действия К. были признаны соисполнительством в краже. Он скрытно от окружающих проник на территорию производственной базы, где находился магазин, и при помощи палки с изолированным основанием разъединил контакты трансформаторной подстанции, полностью отключив подачу электроэнергии к объектам предприятия, что исключало возможность срабатывания сигнализации. Тем самым К. совершил действия, составляющие один из элементов кражи, – обеспечил ее тайность и возможность скрытного проникновения в помещение, где находился сейф с золотыми изделиями. При таких обстоятельствах действия К. следует переквалифицировать с ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ на п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ[2].

Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия

---

[1] Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 24 октября 2013 г. по делу № 44у-587/13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOSK&n=13603&demo=1/.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2017 г. № 59-АПУ17-10 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=521527&demo=1/.

(при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ как действия непосредственного исполнителя преступления[1].

Учитывая, что законом не предусмотрен квалифицирующий признак совершения кражи группой лиц без предварительного сговора, содеянное в таких случаях следует квалифицировать (при отсутствии других квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации) по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 35 УК РФ, вправе признать совершение преступления в составе группы лиц без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ[2].

Относительно **кражи с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище** (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ) в целях единообразного применения уголовного закона и правильного его толкования законодатель в п. 3 примеч. к ст. 158 УК РФ определил: «Под помещением понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях». К помещениям, откуда чаще всего могут быть совершены кражи, относятся строения, предназначенные для производственного, образовательного, коммунально-бытового, медицинского, культурного и иного обслуживания населения (магазины, цеха, мастерские, заводы, рестораны, кафе, музеи, библиотеки, служебные помещения, церковь и т. д.). Отличительным признаком помещения является то,

---

[1] Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

[2] См.: Там же.

что оно предназначено для размещения людей, выполняющих профессиональные обязанности, либо для хранения материальных ценностей в производственных целях[1].

Так, действия осужденного правильно квалифицированы судом по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ[2], потому как указанный в приговоре характер действий Б., связанных с его проникновением в помещение, имеющее на входной двери табличку, запрещающую вход посторонним, и, очевидно, для Б. не являющееся билетной кассой, отсутствие у него денежных средств для приобретения проездного билета, завладение чужим имуществом, а затем предъявление удостоверения транспортного требования М. в билетную кассу для приобретения бесплатного билета, свидетельствуют о противоправности его вторжения в служебное помещение дежурного по станции с намерением совершения кражи.

Суд квалифицировал действия Л. и Ч. по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение. Осужденные через окно дважды совершили проникновения в закрытый от свободного доступа сварочный цех, в результате первого из них были похищены две рессоры и борта от автомашины КамАЗ на сумму 2,6 тыс. р., а во втором случае – кабель, электродержатели и клеммы на сумму 3 685 р[3].

---

[1] См., например: постановление Президиума Курганского областного суда от 21 февраля 2011 г. № 44У-12/2011 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOUR&n=70937&demo=1/ ; Апелляционное постановление Верховного суда Республики Алтай от 18 июня 2015 г. по делу № 22-346/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOSB&n=127530&demo=1/.

[2] Постановление Президиума Курганского областного суда от 21 февраля 2011 г. № 44У-12/2011 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOUR&n=70937&demo=1/.

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2018 г. № 2-АПУ18-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=554698&demo=1/.

Квалифицирующий признак «незаконное проникновение в помещение» отсутствует в случаях, когда лицо оказалось в торговом зале магазина, в офисе и других помещениях, открытых для посещения гражданами[1].

В п. 3 примеч. к ст. 158 УК РФ под хранилищем понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

«Иное хранилище» – это особое специальное устройство или место, оборудованное, приспособленное или предназначенное для постоянного или временного хранения в нем товарно-материальных ценностей (товаров, денег, драгоценных металлов и драгоценных природных камней и т. п.) от хищения, порчи и уничтожения, стихийных сил природы. К хранилищу могут быть отнесены сейфы, стальные шкафы, контейнеры, авторефрижераторы, морозильные камеры, охраняемые железнодорожные вагоны и платформы, автостоянки и т. п.

По результатам анализа материалов правоприменительной практики хранилищем признаются:

1. Гараж[2].
2. Сарай[3].
3. Охраняемые автомобильные автостоянки[4].

---

[1] Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

[2] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 72-АПУ13-5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=337706&demo=1/.

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2015 г. № 53-АПУ15-4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n= 422385&demo=1/.

[4] Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска № 1-204/2014, 1-24/2015, 1-467/2014 от 14 апреля 2015 г. по делу № 1-204/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/gpoMlG5W1sgJ/.

В свою очередь, не признаются хранилищем:

1. Огороженная территория дачного участка. Из материалов уголовного дела усматривается, что основным критерием для признания «иного хранилища» является отведение и оборудование участка территории исключительно для целей хранения. В связи с этим удачный участок N, принадлежащий потерпевшей, не обладает указанными признаками[1].

2. Дровяник, в котором хранятся колотые дрова, поскольку он специально не предназначен для постоянного или временного хранения материальных ценностей[2].

3. Лотерейный терминал является устройством для проведения электронной лотереи, следовательно, не относится к хранилищу по смыслу ст. 158 УК РФ[3].

4. Витрина (обзорный шкаф) в магазине. Витрина в магазине, являющаяся по своей сути обзорным оборудованием, служит для демонстрации товара потенциальным покупателям, поэтому хранилищем как таковым не является. Оснащенность витрины различного рода устройствами, препятствующими свободному несанкционированному доступу в ее внутреннее пространство посторонних лиц, не влияет на правовую характеристику данного торгового оборудования как исключительно демонстрационного[4].

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2017 г. № 73-УД17-13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=526941&demo=1/.

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2017 г. № 89-УД17-5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=493607#uCB4PZTqgWo2IHGH1/.

[3] Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 14 сентября 2015 г. № 44у-119/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SODV&n=57080&demo=1/.

[4] Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 26 ноября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=283529#c286PZTO4933uCHo/ ; постановление Президиума Красноярского краевого суда от 19 февраля 2013 г. по делу № 44У-110 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOSB&n=52128&demo=1/.

5. Кассовый аппарат, поскольку его основная функция состоит не в постоянном или временном хранении материальных ценностей, а в обеспечении торговых операций, производимых продавцом (печатание чеков, которые выдаются покупателю, фиксация производимых расчетно-кассовых операций для учета и товарооборота). Хранение денег в кассовом аппарате предусматривается для удобства проведения продавцом расчетных операций и не является его основной функцией[1].

6. Автомобиль (салон автомобиля). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировала действия виновных, исключив из обвинения квалифицирующий признак – незаконное проникновение в иное хранилище, так как автомобили являются не хранилищем ценностей, а средством передвижения[2].

В случае **кражи с причинением значительного ущерба гражданину** (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) сам «значительный ущерб», как установлено в п. 2 примеч. к ст. 158, не может составлять менее пяти тыс. р.

Однако при квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба, судам также следует, руководствуясь п. 2 примеч. к ст. 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др.

---

[1] Кассационное постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 10 июня 2015 г. № 44у-45/2015 по делу № 1-106/2008 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=129059#ikc7PZTEc1S3GRUm/.

[2] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 7 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/files/10740/.

Так, из приговора усматривается, что суд констатировал факт хищения имущества Н. на сумму 6,9 тыс. р. и, ограничившись этим указанием, установил, что ущерб для потерпевших был значительным, что недостаточно для квалификации действий по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Данное обстоятельство свидетельствует о неправильном применении судом норм уголовного закона, что отразилось на судебном решении. С учетом изложенного действия А. следует переквалифицировать по каждому из преступлений с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ[1].

Если ущерб, причиненный в результате кражи, не превышает указанного размера либо ущерб не наступил по обстоятельствам, не зависящим от виновного, содеянное может квалифицироваться как покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину при условии, что умысел виновного был направлен на кражу имущества в значительном размере. Так, в судебном заседании Н. показал, что действительно пытался похитить телевизор из квартиры П., выставил его на подоконник, но, так как тот был очень большим и тяжелым, не удержал его и уронил на землю. Похитить телевизор не смог из-за его габаритов. При указанных обстоятельствах суд обоснованно пришел к выводу о том, что преступление не было доведено до конца по не зависящим от Н. обстоятельствам, и квалифицировал его действия как покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину[2].

Повышенная ответственность за **кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем** (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ), предусматривается, поскольку изъятие имущества происходит в момент, когда потерпевший может обнаружить и пресечь действия виновного,

---

[1] Постановление Президиума Московского областного суда от 9 августа 2017 г. № 420 по делу № 44у-220/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=MARB&n=1305084&demo=1/.

[2] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 6 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/files/13615/.

что требует специальных навыков. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал следующее разъяснение: «Ответственность по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ наступает за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака»[1].

Судом установлено, что Ф. из обреза произвел два выстрела в грудь и живот М., причинив огнестрельные ранения, повлекшие смерть потерпевшего на месте. После этого он совершил кражу денег в сумме 15 тыс. р. из одежды М. При таких обстоятельствах действия Ф. по эпизоду кражи денег из одежды М. подлежат квалификации по ч. 1 ст. 158 УК РФ[2].

Нахождение имущества при потерпевшем означает, что одежда, сумка или другая ручная кладь, из которых совершается хищение этого имущества, находятся на потерпевшем, в его руках или непосредственной близости от потерпевшего. Так, тайное хищение имущества из одежды, висящей на спинке стула в кафе, следует квалифицировать с применением п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ[3].

Не все предметы, находящиеся при потерпевшем, могут быть отнесены к сумке или другой ручной клади. Так, суд из обвинения Л. исключил п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и квалифицировал содеянное по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как в суде было установлено, что похищенный у потерпевшей кошелек с денежными

---

[1] Пункт 23.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

[2] Постановление Президиума Саратовского областного суда от 26 февраля 2018 г. по делу № 44у-14/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=353220#OCBBPZT0MykxvDS7/.

[3] Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 марта 2014 г. по делу № 10-3194/14 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOCN&n=401668&demo=1/.

средствами находился в детской коляске, которую суд не признает сумкой или ручной кладью. Л. воспользовалась тем, что потерпевшая разглядывала товар на витрине, и совершила хищение ее имущества из детской коляски, находящейся при потерпевшей[1].

Если одежда, сумка или ручная кладь были сданы на хранение в гардероб, камеру хранения, то изъятие из них имущества не образует рассматриваемого квалифицированного состава кражи. Это же правило действует, если данные предметы были оставлены потерпевшим без присмотра. Так, С. зашла в раздевалку бассейна, где увидела, что у вещевого шкафа приоткрыта дверца и в нем находится женская одежда. Реализуя свой преступный умысел и воспользовавшись тем, что за ее действиями никто не наблюдал, С. похитила из внутреннего кармана куртки сотовый телефон стоимостью 6 880 р. Содеянное было квалифицировано судом по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ[2].

Следует обратить внимание, что кража подобного вида совершается, как правило, с прямым неопределенным умыслом. Так, действия А. квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Обвиняемая, воспользовавшись тем, что потерпевшая за ее действиями не наблюдала, похитила из кармана шубы, находившейся при потерпевшей, деньги в сумме 720 р. Несмотря на то, что А. была похищена сумма менее 1 тыс. р., данное деяние не может быть признано малозначительным, поскольку из материалов дела следует, что А. не знала о точном количестве денег, которые находились в кармане шубы потерпевшей, т. е. ее умысел был неопределенным, направленным на хищение любой суммы денежных средств. Состав преступле-

---

[1] Приговор Белинского районного суда Пензенской области от 6 сентября 2013 г. по делу № 1-35/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/7p1BBCcyR2dw/.

[2] Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 19 ноября 2011 г. по делу №1-19/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/41jzq6W0o9YB/.

ния является неоконченным, поскольку А. была задержана сотрудниками правоохранительных органов сразу после совершения преступления, а потому не имела реальной возможности распорядиться похищенным по своему усмотрению[1].

Также Пленум Верховного Суда разъяснил, что «особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т. п.) значения для квалификации преступления по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ не имеют, так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения»[2].

Часть 3 ст. 158 УК РФ устанавливает ответственность за кражу, совершенную:

а) с незаконным проникновением в жилище;

б) из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода;

в) в крупном размере;

г) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159[3] УК РФ).

Понятие «жилище» при **краже с незаконным проникновением в жилище** (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). определено в примеч. к ст. 139 УК РФ: «Под жилищем понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные

---

[1] Обвинительный приговор Кировского районного суда г. Иркутска от 4 мая 2011 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/yo0eTQIzbzJq/.

[2] Пункт 23.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

для временного проживания». Иными словами, жилище – это помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в общежитии, гостинице или санатории, садовый домик и т. п.), а также его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения других потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т. п.).

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138[1], 139, 144[1], 145, 145[1] УК РФ)» в п. 11 определяет, *что* следует признавать жилищем при незаконном проникновении в него для целей применения ст. 139 УК РФ: «Уголовную ответственность влечет незаконное проникновение в индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями (например, верандой, чердаком, встроенным гаражом); в жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания (квартиру, комнату, служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии и т. п.); в иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т. п.)»[1]. Полагаем, что данное разъяснение вполне применимо и к п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ при незаконном проникновении в жилище с целью тайного хищения.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/.

«Вместе с тем не может быть квалифицировано по указанной статье (ст. 139 УК РФ – *примеч. автора*) незаконное проникновение, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т. п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т. п.)»[1]. Что можно отнести и к п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Квартира, в которой никто не проживает, может быть признана жилищем. Как правильно установлено судом, помещение, из которого совершена кража, является жилой квартирой, расположенной в многоквартирном доме по зарегистрированному адресу, при этом объект не является ветхим или аварийным. Квартира, в которую незаконно проник У., на момент кражи имела застекленные окна, закрываемую на замок входную дверь, в ней находились предметы мебели и личные вещи собственника. Тот факт, что в момент кражи в квартире никто из людей не проживал, не свидетельствует о том, что на это время данный объект недвижимости поменял свое назначение и выбыл из жилищного фонда[2].

В судебной практике нет однозначного мнения, считать ли баню жилищем. По одному из уголовных дел баня была признана помещением, а не жилищем, поскольку составной частью жилого дома не является, а находится недалеко от него в крытом дворе, имеет отдельный вход и предназначена для временного

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/.

[2] Апелляционное определение Верховного Суда Республики Калмыкия от 21 сентября 2017 г. по делу № 22-342/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=146676#h11FPZTptH0h8e9/.

нахождения людей. При таких обстоятельствах деяние М. следует квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ[1].

По другому делу суд, принимая во внимание, что баня использовалась для временного проживания, признал С. и З. виновными в совершении кражи с проникновением в жилище[2].

Проанализировав материалы судебной практики, можно прийти к выводу о том, что не все помещения могут быть признаны жилищем. По мнению суда, больничная палата не является помещением для проживания, так как предназначена не для проживания людей, а для оказания им медицинской помощи. Больничная палата не оборудована запирающими устройствами, доступ туда не ограничен[3].

Под незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище следует понимать противоправное тайное или открытое в них вторжение с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Проникновение в указанные строения или сооружения может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение[4]. Так, судом установлено, что пакет с имуществом потерпевшего находился в комнате на подоконнике, действия осужденного по извлечению указанного имущества из открытого окна образуют состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ[5].

---

[1] Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 12 марта 2009 г. по делу № 44у-111/2009 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://resheniya-sudov.ru/2009/79625/.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2018 г. № 86-АПУ18-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n= 542104&demo=1/.

[3] Постановление Президиума Московского городского суда от 23 января 2018 г. по делу № 44у-798/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOCN&n=978665&demo=1/.

[4] Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

[5] Апелляционное определение Московского городского суда от 25 января 2017 г. по делу № 10-0237/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/.

Решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, признака незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище, судам необходимо выяснять, с какой целью виновный оказался в помещении (жилище, хранилище), а также когда возник умысел на завладение чужим имуществом. Если лицо находилось там правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу, грабеж или разбой, в его действиях указанный признак отсутствует.

Так, по одному из уголовных дел судом установлено, что умыслом Б. охватывалось совершение кражи из квартиры путем незаконного проникновения К. в жилище через незапертую входную дверь, а для реализации этого плана Б., находясь в квартире, исполнял отведенную ему роль – отвлекал внимание потерпевшей и ее гостей, чем обеспечивал К. беспрепятственное проникновение в квартиру. Действия Б. и К. квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ[1].

Встречаются в правоприменительной практике и такие ситуации, когда умыслом лица охватывалось лишь незаконное проникновение в жилище, а затем уже возникает новый умысел на хищение чужого имущества. Как следовало из материалов уголовного дела, в ходе распития спиртных напитков осужденным К. со свидетелями Р., С. и И. от последней поступило предложение о совместном поиске ее сумки, потерянной накануне. Они приехали по указанному И. адресу, чтобы найти ее сумку. К. стал стучаться в дверь, однако им никто не открывал. Тогда он стал пинать дверь ногами, взломав запорное устройство входной двери указанной квартиры, и незаконно вместе с присутствующими на месте преступления лицами проник в жилище. Затем, оказавшись в квартире, осужденный совершил хищение чужого имущества. При этом доказательств, свидетельствующих о наличии

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 72-АПУ17-19 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verhovnogo-suda-rf-ot-28092017-n-72-apu17-19/?ysclid=lmone6i6t9624980883/.

умысла у К. на хищение имущества до проникновения в жилище, стороной обвинения не было представлено. При таких обстоятельствах действия К. были квалифицированы судом апелляционной инстанции по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и по ч. 1 ст. 139 УК РФ[1].

Если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т. п., а равно иное имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовую технику и другие вещи), содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по ст. 167 УК РФ[2].

Если в ходе совершения **кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода** (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение их в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 215[3] УК РФ.

Зачастую подобного рода хищения совершаются в составе организованных групп и преступных сообществ. Так, осужденные обоснованно признаны виновными в совершении краж нефтепродуктов по ч. 2 ст. 210 УК РФ и по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Судом установлено, что среди лиц, длительное время (более двух лет) принимавших участие в преступной деятельности, была разработана четкая система мер, направленных на хищения нефтепродуктов в крупном размере: существовала

---

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Чувашской Республики (по уголовным делам) № 3 за 2018 г. // Официальный сайт Верховного Суда Чувашской Республики. URL: http://gov.cap.ru/Content2018/orgs/GovId_47/obzor_apellyacionnoj_praktiki_za_2_kvartal_2018_goda.pdf/.

[2] Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

иерархическая структура, состоявшая из руководителей и исполнителей; вся группа была разделена на два структурных подразделения; существовала жесткая схема, согласно которой регулярно изготавливались очередные врезки в нефтепровод, изыскивались специальные транспортные средства и места сбыта похищенного на АЗС, разработана система конспирации, в том числе от правоохранительных органов[1].

Кража, совершенная в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ), как установлено в п. 4 примеч. к ст. 158 УК РФ, признается таковой, если стоимость похищенного имущества, превышает 250 тыс. р.

Размер хищения в качестве крупного определяется только исключительно суммарной стоимостью похищенного в денежном выражении. Такие натуральные и экономические критерии, как вес, объем, количество, хозяйственное значение похищенного имущества, его дефицитность и т. п., не могут учитываться при определении размера хищения.

По смыслу уголовного закона стоимость похищенного имущества должна определяться исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения эксперта. Так, суд не дал денежную оценку похищенному имуществу (автомобилю), не определил фактическую стоимость с учетом износа, в связи с чем отсутствуют основания для признания похищенного имущества крупным размером. С учетом толкования всех сомнений в пользу осужденных указанный квалифицирующий признак подлежит исключению из обвинения[2].

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № 13-о02-22 // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_25377.htm/.

[2] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2013 г. № 48-О13-14 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=335001#Ll8OPZTsJeEKObfm/.

Если совершено не одно, а несколько обособленных друг от друга по месту, источникам, способу учинения хищений, в которых реализован самостоятельно возникший умысел виновных на изъятие чужого имущества, суммирование стоимости похищенных вещей в каждом отдельном преступлении при исчислении размера кражи в качестве крупного не допускается. Исключение составляет лишь единое продолжаемое хищение, в котором отдельные тождественные акты, охватываемые единым умыслом, составляют эпизоды одного растянутого во времени преступления. Если при сложении стоимости похищенного в отдельных эпизодах его суммарная стоимость превысит 250 тыс. р., – налицо единое продолжаемое хищение, совершенное в крупных размерах, квалифицируемое по ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В отношении размера хищения в качестве «крупного», по общему правилу, умысел виновного носит неопределенный (неконкретизированный) характер, поскольку он зачастую точно не знает суммарной стоимости имущества, которое он похищает. При такой разновидности умысла деяние субъекта квалифицируется с учетом размера фактически причиненного собственнику реального материального ущерба, т. е., в том числе и по ч. 3 ст. 158, как за оконченное преступление. При наличии определенного умысла на хищение в крупном размере содеянное надлежит квалифицировать в соответствии с направленностью умысла как покушение на хищение в крупном размере, если виновному по не зависящим от него обстоятельствам не удалось достичь желаемого результата.

Так, суд не учел, что из материалов дела со всей очевидностью усматривалось, что весь процесс похищения автомашины проходил под наблюдением сотрудников полиции, заранее осведомленных о готовящемся преступлении. В связи с этим, как обоснованно указано в апелляционном представлении, У. не имел реальной возможности распорядиться похищаемым имуществом

по своему усмотрению, и его действия должны быть переквалифицированы на ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ[1].

Примером приготовления к краже в крупном размере служат действия Б., признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158, ч. 1 ст. 183 УК РФ. Об умысле осужденного на приготовление к краже объективно свидетельствуют его конкретные действия, выразившиеся в установлении специального устройства на банкомат в целях последующего хищения денежных средств с банковских карт клиентов банка. Судом установлено, что Б. и его неустановленный соучастник своими действиями непосредственно создали условия для достижения конечного результата – завладения денежными средствами, которые находились на банковских картах граждан. Из установленных судом фактических обстоятельств дела также следует, что Б. умышленно и противоправно при помощи устройства получил сведения, составляющие банковскую тайну, за что предусмотрена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 183 УК РФ[2].

Следует отметить, что в настоящий момент судебная практика, в том числе решения Верховного Суда Российской Федерации (Определение № 12УДП-20-5-К6 от 29 сентября 2020 г.) и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, данные в Постановлении Пленума № 29 от 27 декабря 2002 г., позволяют все чаще оценивать **кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств**, то есть действия, связанные с противоправным списанием денежных средств с банковских карт или электронных кошельков, как тайное хищение по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 17 июля 2013 г. по делу № 10-5404/13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOCN&n=341512&demo=1/.

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 10 ноября 2015 г. по делу № 10-13281/2015 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/63d4e21b-0884-45d7-8a60-5c776222247f?/.

В 2020 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла решение, в соответствии с которым хищение денег с чужой банковской карты посредством бесконтактной оплаты в торговых организациях **следует считать кражей**. Судебная коллегия указала, что согласно нормативным предписаниям на сотрудников торговых организаций, осуществляющих платежные операции с банковскими картами, не возлагается обязанность по проверке документов, удостоверяющих личность их держателя. Поскольку К. оплачивал товары бесконтактным способом, то сотрудник магазина в данном случае не принимает непосредственного участия при совершении операции по списанию денежных средств с банковского счета. Таким образом, К. сведений, не соответствующих действительности о принадлежности ему карты не заявлял, и в заблуждение работников торгового предприятия не вводил[1].

Для квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ необходимо, чтобы действия виновного были тайными, т. е. происходили в отсутствие собственника либо иных лиц либо незаметно для них. При этом неправомерный доступ к банковскому счету или электронному кошельку осуществляется с помощью использования персональных данных владельца, паролей либо иной контрольной информации, которыми владеет виновный в силу доверительных отношений с собственником либо полученных обманным путем.

Зачастую хищения денежных средств с банковских карт происходят в силу беспечности самих потерпевших и не проявления ими мер предосторожности. Так, П., осматривая похищенную сумку, обнаружил в ней банковские карты, а также лист бумаги с записанными на нем пин-кодами карт, после чего у П. возник преступный умысел, направленный на тайное хищение денежных

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verhovnogo-suda-rossiiskoy-federatsii-ot-29092020-n-12-upd20-5-k6/.

средств с банковских счетов, привязанных к данным банковским картам, в целях личного обогащения. С этой целью П. прибыл к банкомату и попытался снять с банковской карты денежные средства, однако не смог довести до конца свой преступный умысел по не зависящим от него обстоятельствам, так как потерпевшая заблокировала банковские карты через службу поддержки клиентов[1].

Если же банковская карта была похищена виновным открыто или с применением насилия, подобные действия, несмотря на последующее снятие денежных средств посредством банкомата в отсутствие потерпевшего, следует квалифицировать в зависимости от конкретных обстоятельств по ст.ст. 161 или 162 УК РФ.

В свою очередь п. 21 постановления № 48 гласит: «В тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т. п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, происшедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием»[2].

Примером, иллюстрирующим применение данного положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации,

---

[1] Приговор Мытищинского городского суда Московской области от 24 сентября 2018 г. по делу № 1-446/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/zfAv8eB76XJv/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

является уголовное дело в отношении К., совершившего хищение денежных средств потерпевшего путем неправомерного внедрения в информационную систему Сбербанка. Использование К. мобильного телефона, внедрение в систему «мобильный банк» и дистанционный перевод денежных средств на свой банковский счет являются лишь способом совершения тайного хищения (кражи)[1].

Примером квалификации содеянного как кражи с использованием компьютерных технологий является уголовное дело в отношении. Р., который воспользовался планшетным компьютером А., вышел в сеть Интернет, где увидел открытое приложение электронного кошелька «Киви Банка», принадлежащего А., на котором находились денежные средства в сумме 13,5 тыс. р. Действуя умышленно, с целью незаконного обогащения, Р. перевел деньги на свой электронный кошелек «Киви Банка». Действия Р. судом квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ[2]. После принятия Федерального закона Российской Федерации от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» содеянное надлежит квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кражу в отношении электронных денежных средств.

Часть 4 ст. 158 УК РФ предусматривает наиболее строгую ответственность за особо квалифицированный состав кражи, если она совершена: организованной группой; в особо крупном размере.

Кража, совершенная организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ) – одна из наиболее опасных форм соучастия в преступлении. Общее понятие организованной группы раскрывается в ч. 3 ст. 35 УК РФ, а в ч. 5 указанной статьи регламентированы основание, условия и объем уголовной ответственности лица,

---

[1] Апелляционный приговор Ленинградского областного суда от 15 ноября 2017 г. по делу № 22-2241/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/SzDoyFHhqcLj/.

[2] Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 27 февраля 2017 г. по делу № 1-103/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/RZklljZpxOVO/.

создавшего организованную группу либо руководившего ею, а равно участников такой группы за преступления, совершенные в данной форме соучастия. Часть 7 ст. 35 УК РФ устанавливает, что совершение преступления организованной группой влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ. Применительно к краже такое основание и пределы предусмотрены диспозицией и повышенной санкцией ч. 4 ст. 158 УК РФ.

Отличительным признаком организованной группы является ее устойчивость. Об устойчивости группы свидетельствуют большой временной промежуток ее существования, постоянство состава, неоднократность совершения преступлений, техническая оснащенность (автотранспортом, средствами связи), наличие средств маскировки. Об организованном характере группы свидетельствуют также предварительный сговор ее членов на совершение преступлений, тщательная подготовка к ним, распределение функций при осуществлении преступного умысла[1].

По одному из уголовных дел действия А., Д., М. судом правильно квалифицированы по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ как кража чужого имущества, совершенная в составе организованной группой, с незаконным проникновением в жилище. Судебная коллегия отмечает, что А. руководил действиями других членов группы, а кражи совершались по одной налаженной схеме. Участники краж проникали в квартиры потерпевших днем, в промежуток времени с 11 до 13 ч, когда большинство граждан находились на работе или учебе, предварительно обзванивая квартиры, чтобы убедиться в отсутствии хозяев. Проникновение в квартиры осуществлялось с использованием имеющихся у А. отмычек, при этом один из участников кражи обеспечивал безопасность группы, а похищенное вывозилось на ожидавших автомашинах. Об устойчивости и сплоченности организованной

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 78-о05-57 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=23541&demo=1/.

преступной группы объективно свидетельствуют: использование ее участниками совместно автотранспорта, мобильной связи; использование общих мест для хранения похищенного и его реализации, распределением долей похищенного[1].

При признании этих преступлений, совершенными организованной группой, действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Доводы кассационной жалобы осужденного А. о том, что он не принимал непосредственного участия в незаконном проникновении в жилище, а наблюдал за окружающей обстановкой, с целью предупреждения возможного обнаружения совершаемого преступления, потому его действия необходимо квалифицировать, как пособника в преступлении, следует признать несостоятельными[2].

Часть 4 ст. 158 УК РФ в качестве особо квалифицирующего признака состава кражи признает и особо крупный размер хищения, который в денежном выражении составляет свыше одного млн р.

Как следует из приговора суда, Г. был признан виновным в убийстве М., а также краже в особо крупном размере. В апелляционных жалобах Г. и его защитник утверждают о непричастности осужденного к указанным преступлениям, ссылаясь на наличие у него алиби и травмы руки в день совершения преступления, а также на отсутствие навыков управления транспортными средствами. Вопреки доводам осужденного, Судебная коллегия считает, что приведенные в приговоре доказательства сомнений в своей достоверности не вызывают и отражают хронологию

---

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 2010 г. № 14-О10-39 // Судебная система Российской Федерации. Электронная библиотека. URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_46684.htm/.

[2] Постановление Московского городского суда от 22 марта 2018 г. № 4у-1138/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req= doc&base=SOCN&n=970224&demo=1/.

рассматриваемых событий сначала по насильственному лишению жизни М., а после – по завладению Г. автомобилем, на котором приехал потерпевший, стоимостью свыше 1 млн р. с его последующим сокрытием и дальнейшей реализацией неустановленным лицам[1].

§ 5.2. Особенности квалификации мошенничества

Уголовный закон и судебная практика относят мошенничество к одной из форм хищения чужого имущества. Выделяют мошенничество в форме хищения чужого имущества и мошенничество в форме приобретения права на чужое имущество. Так, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» суд разъясняет, что «способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со ст.ст. 158^{1}, 159, 159^{1}, 159^{2}, 159^{3}, 159^{5} УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом»[2].

Непосредственный объект мошенничества – отношения собственности. Предметом мошенничества является чужое имущество, обладающее физическим, экономическим и юридическим признаками, а также право на чужое имущество. Согласно

---

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2016 г. № 5-АПУ16-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=456915&demo=1/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под правом на имущество понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества[1]. В судебной практике наиболее распространенным правом на имущество выступает право на недвижимое имущество, юридически выражающееся в закрепленной в официальном документе возможности осуществлять правомочия собственника или иного владельца.

Мошенничество относится к преступлениям с материальным составом, поэтому обязательными признаками его объективной стороны являются:

– общественно опасное деяние в форме активного действия (хищение чужого имущества путем его обращения в пользу виновного или других лиц или приобретение права на это имущество – совершенное с корыстной целью противоправное, безвозмездное обращение такого права в пользу виновного или других лиц, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием и причинившее ущерб владельцу этого права);

– способ совершения преступления – обман или злоупотребление доверием;

– общественно опасные последствия (причинение прямого материального ущерба собственнику или иному владельцу имущества);

– причинная связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

---

[1] Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2015. 28 декабря (№ 294 (6865).

Обман как способ мошенничества, согласно п. 2 постановления № 48, может состоять в сознательном сообщении (предоставлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Например, к обману в предмете преступления относятся некоторые разновидности подделки. Так, суд разъясняет, какие действия в случае подделки денег или билетов лотереи являются мошенничеством:

1) подделка билетов денежно-вещевой лотереи с целью сбыта или незаконного получения выигрыша;

2) подделка с целью последующего сбыта денежных знаков, изъятых из обращения и имеющих лишь коллекционную ценность (монеты старой чеканки либо деньги, отмененные в результате денежных реформ);

3) примитивная подделка денег с целью последующего их сбыта, явно не соответствующих подлинным, направленная на грубый обман ограниченного числа лиц и исключающая их участие в денежном обращении (такой обман направлен, как правило, на лиц, имеющих слабое зрение)[1].

По одному из уголовных дел суд не нашел оснований для переквалификации действий осужденных с ч. 1 ст. 186 УК РФ на ст. 159 УК РФ. При этом он отметил, что осужденные исполь-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-products/ipo/prime/doc/10001172/.

зовали поддельные банковские билеты Центрального банка Российской Федерации в качестве средства платежа при оплате услуг, что по смыслу уголовного закона является сбытом поддельных денег. Поддельные денежные купюры имели существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками, что и позволило осужденным неоднократно использовать данные купюры как средство платежа[1].

Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим.

Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства)[2].

Так, из показаний потерпевшей С. усматривается, что Б. взял у нее в долг 600 тыс. р., которые обещал вернуть в течение месяца, однако через месяц Б. вернул ей только 50 тыс. р., а остав-

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 19 июля 2017 г. по делу № 10-11288/2017 // Официальный портал «Суды общей юрисдикции г. Москвы». URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/b5e01c2a-52f5-493a-8bb5-129f74b89a2d/.

[2] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»// НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

шиеся деньги так и не возвратил до настоящего времени. Учитывая, что Б. обманул С. своими утверждениями о строительстве им дома, а после получения денег стал уклоняться от контактов с потерпевшей и не возвратил ей долг до настоящего времени, то суд обоснованно пришел к выводу о том, что Б. совершил хищение денежных средств путем злоупотребления доверием в крупном размере, т. е. преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»)[1].

Приобретение права на чужое имущество представляет собой особую разновидность посягательства на собственность, которая по своей юридической сути не является хищением, так как не связана с непосредственным изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Специфика данной разновидности мошенничества заключается в том, что лицо, его совершающее, путем обмана или злоупотребления доверием не завладевает имуществом, а лишь приобретает право на него. По существу, речь идет о юридическом способе изъятия в отличие от физического.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Ульяновска виновным в покушении на мошенничество, т. е. в приобретении права на чужое имущество путем обмана, в крупном размере, был признан Х., который, как установил суд, с целью получить право требования денежных средств в сумме 330 тыс. р. от своего знакомого А. изготовил подложный договор займа, на основании которого обратился в Ленинский районный суд г. Ульяновска с исковым заявлением о взыскании суммы долга

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2017 г. № 66-АПУ17-7 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506080&ysclid=lmoohi3sdu307788880#VopOCqTWk27ht1Zr.

в указанном размере. Однако умысел Х., направленный на приобретение права требования денежных средств А., не был доведен до конца по не зависящим от его воли обстоятельствам, поскольку решением суда в удовлетворении его иска было отказано, так как было установлено, что договор займа не заключался, денежные средства в долг не передавались. Действия Х. были квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»), по ч. 1 ст. 303 УК РФ (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»). В данном случае размер определялся обозначенной в фиктивном договоре займа суммой денежных средств – 330 тыс. р., право требования которых пытался получить осужденный[1].

Лицо, совершающее мошенничество, приобретает право на имущество заведомо незаконным путем. При этом юридически собственником не становится, поскольку нельзя приобрести право собственности преступным путем. Собственником можно стать лишь по основаниям, указанным в ГК РФ. Следовательно, приобретение права на имущество не влечет за собой утраты потерпевшим права собственности на это имущество.

Примером могут послужить действия, К., признанного виновным в совершении мошенничества в крупном размере, а именно в том, что он подошел к П. и, представившись генеральным директором операционной кассы, под предлогом проверки денежных средств и уточнения года их выпуска попросил последнего передать ему денежные средства в долларах США, при-

[1] Справка по результатам обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Ульяновской области уголовных дел о мошенничестве (ст.ст. 159–159.6 УК РФ), решения по которым вступили в законную силу в 2013 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/15346370/.

надлежащие Г,. которые К. незаметно для П. подменил на денежную «куклу», состоящую из сувенирных купюр, не являющихся платежными средствами, после чего с места преступления скрылся, причинив Г. ущерб в крупном размере[1].

В материалах судебной практики встречаются ситуации, когда по одному факту изъятия чужого имущества лицу вменялись одновременно оба признака мошенничества: обман и злоупотребление доверием. В качестве примера можно привести приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска, которым по ч. 3 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации») осуждена Ш., не только вводившая потерпевших в заблуждение тем, что обещала вернуть им взятые у них денежные средства и выплатить высокий ежемесячный доход, но и злоупотреблявшая доверием последних, оказываемое ей, поскольку она занимала должность бухгалтера в УВД по Ульяновской области[2].

Особенности определения момента окончания мошенничества напрямую зависят от формы его совершения.

Пленум разъясняет: «Мошенничество, т. е. хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению»[3].

---

[1] Постановление Московского городского суда от 28 марта 2016 г. № 10-4219/16 // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/145386303/.

[2] Справка по результатам обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Ульяновской области уголовных дел о мошенничестве (ст.ст. 159–159.6 УК РФ), решения по которым вступили в законную силу в 2013 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/15346370/.

[3] Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

Примером покушения на мошенничество могут служить действия М., выразившиеся в том, что она под видом оказания целительских услуг, путем обмана похитила денежные средства и золотое кольцо потерпевшей, однако не смогла довести преступный умысел до конца по не зависящим от нее обстоятельствам, поскольку была задержана на месте преступления сотрудниками полиции. Ее действия квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ[1].

«Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенным в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения)»[2].

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные, то по смыслу положений п. 1 примеч. к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого

---

[1] Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 7 июня 2018 г. по делу № 1-294/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/IG8mdilViLml/.

[2] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в виде прямого умысла, а также корыстной целью. В содержание прямого умысла входит осознание виновным всех объективных признаков, определяющих квалификацию мошенничества.

Корыстная цель понимается как стремление приобрести неправомерную имущественную выгоду для себя или другого лица. Применительно к хищениям корыстную цель можно определить и более узко как стремление приобрести для себя или других лиц возможности пользоваться или распоряжаться чужим имуществом как собственным.

Постановление № 48 определяет, что «наличие у лица корыстной цели заключается в стремлении изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен»[1].

Субъект мошенничества – это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Сущность мошенничества заключается в том, что при мошенничестве потерпевший сам передает имущество или право на имущество по своей воле, инициативе, не подозревая о том, что совершается преступное завладение им, а виновный обращает это имущество (признак изъятия имущества отсутствует) в свою пользу или пользу третьих лиц либо приобретает право на это имущество. По этому критерию необходимо отграничивать мошенничество от кражи. Также следует отметить, что обман или злоупотребление доверием как способы мошенничества должны быть

[1] Пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

совершены только в отношении дееспособного лица, которое по своей воле передает преступнику имущество или право на него. Если виновный получает имущество от недееспособного лица, например от малолетнего или душевнобольного, содеянное надлежит квалифицировать как кражу согласно объективному критерию тайности, так как эти лица не осознавали, не расценивали действия виновного как преступление (на что рассчитывал преступник) в силу психической болезни, сильного опьянения, умственной неполноценности, малолетства и иных причин[1].

Кроме того, важной особенностью мошенничества является передача имущества в собственность или, во всяком случае, в титульное владение лица с наделением его в отношении этого имущества определенными правомочиями. Поэтому корыстное завладение имуществом, переданным лицу для осуществления чисто технических операций (помочь поднести чемодан, присмотреть за ненадолго оставленными вещами, подержать вещь, когда ее собственник занят каким-либо делом и т. д.) без наделения субъекта соответствующими правомочиями, образует кражу, а не мошенничество.

Существуют некоторые особенности квалификации мошенничества в судебной практике:

1. Обман не как способ, а как средство совершения преступления. В случае если хищение, совершенное в любой другой форме, сопряжено с обманом, квалификация содеянного осуществляется исходя из содержания обмана. Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа[2].

---

[1] Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 1999. С. 72.

[2] Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

Анализ опубликованной судебной практики свидетельствует о наличии ошибок в квалификации деяний подобного рода. Зачастую суды вменяют виновным состав мошенничества[1]. Тем не менее в случаях, когда обман используется лицом для облегчения доступа к чужому имуществу, в ходе изъятия которого его действия обнаруживаются собственником или иным владельцем этого имущества либо другими лицами, однако лицо, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание против воли владельца имущества, содеянное следует квалифицировать как грабеж (например, когда лицо просит у владельца мобильный телефон для временного использования, а затем скрывается с похищенным телефоном)[2]. В практике судов есть правильные решения подобного рода[3].

2. Отграничение мошенничества от состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Противоправное уклонение виновного от имущественных обязательств, совершенное путем обмана, не составляет по действующему УК РФ состава мошенничества. По данному вопросу Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что от мошенничества следует отличать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), например, представление лицом поддельных документов, освобождающих от уплаты установленных законодательством платежей (кроме указанных в ст.ст. 194, 198 и 199, 199[3] и 199[4] УК РФ) или от платы за коммунальные услуги, в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность

---

[1] Обобщение практики рассмотрения судами Тульской области уголовных дел о мошенничестве в 2014 г. // Официальный сайт Тульского областного суда. URL: http://oblsud.tula.sudrf.ru/modules.php?id=1333&name=docum_sud/.

[2] Данное разъяснение было дано в ныне недействующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2008. 12 января (№ 0 (4561).

[3] Приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 24 мая 2018 г. по делу № 1-133/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/kpdFYJOKASgj/.

неучтенного потребления электроэнергии или эксплуатации в личных целях вверенного этому лицу транспорта[1].

При мошенничестве потерпевшему причиняется реальный ущерб, а при причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием – ущерб в виде упущенной выгоды. В случае причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием признаки хищения отсутствуют; возможна также ситуация, когда имущество оказывается у виновного на правомерном основании, однако последний, злоупотребив доверием собственника, причиняет ему имущественный ущерб[2].

Так, Апелляционным определением Челябинского областного суда от 23 мая 2016 г. изменен приговор: переквалифицированы действия П.К.К. и П.Д.С. с ч. 4 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») на пп. «а», «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ. Вводя представителей потерпевшего в заблуждение, т. е. обманывая их, используя реквизиты и печать несуществующей компании Б., а также представляясь вымышленными именами, осужденные незаконно извлекали прибыль за счет производимых компанией Т. грузоперевозок, которому при этом причинялся реальный ущерб в виде фактически понесенных расходов на осуществление грузоперевозок, а также ущерб в виде упущенной выгоды.

---

[1] Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

[2] Справка по результатам обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Ульяновской области уголовных дел о мошенничестве (ст.ст. 159–159.6 УК РФ), решения по которым вступили в законную силу в 2013 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/15346370/.

При этом денежные средства или иное имущество у потерпевшего осужденными не изымалось, как и не приобреталось право на имущество, принадлежавшее Т.[1].

По другому уголовному делу установлено, что Г., арендуя квартиру потерпевшей, ввел ее в заблуждение относительно своих намерений по исполнению условий договора и в их нарушение не оплатил стоимость аренды и коммунальных услуг за год на общую сумму 241 150 р. Поскольку суд при постановлении приговора не учел отсутствие в действиях Г. обязательного признака хищения (изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, предусмотренного п. 1 примеч. к ст. 158 УК РФ), с учетом размера имущественного ущерба, причиненного потерпевшему, не превышающего 250 тыс. р., исключающего возможность привлечения осужденного к уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ, суд апелляционной инстанции оправдал Г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ ввиду отсутствия состава преступления и признал за ним право на реабилитацию[2].

3. Квалификация мошенничества, сопряженного с подделкой официальных или иных важных личных документов, а равно с их похищением. Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 327 УК РФ. «В том случае, если лицо использовало изготовленный им самим поддельный документ в целях хищения

---

[1] Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за второй квартал 2016 г. // Официальный сайт Челябинского областного суда. URL: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/general/reviews_2016_02.pdf/.

[2] Обзор апелляционной практики по уголовным делам за февраль 2019 г. (подготовлен Верховным судом Республики Коми). Дело № 22-338/2019 Ухтинского городского суда // Официальный сайт Верховного Суда Республики Коми. URL: http://vs.komi.sudrf.ru/modules.php?-name=docum_sud&id=144/.

чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако по не зависящим от него обстоятельствам не смогло изъять имущество потерпевшего либо приобрести право на чужое имущество, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ, а также ч. 3 ст. 30 УК РФ, и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, чч. 3, 4, 6 или 7 ст. 159, чч. 3 или 4 ст. 159^1, чч. 3 или 4 ст. 159^2 УК РФ либо чч. 3 или 4 ст. 159^5 УК РФ.

<…> Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ»[1].

В случаях подделки похищенных билетов и предъявления их транспортной организации для оплаты под видом отказа от поездки, опоздания к отправлению (вылету) транспортного средства и т. п. либо сбыта таких поддельных билетов гражданам действия лица должны быть квалифицированы как подделка документов (ст. 327 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ)[2].

4. В качестве мошеннических следует рассматривать действия лица, сбывающего с корыстной целью под видом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующих или ядовитых веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ

---

[1] Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_283918/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» (ред. от 06.02.2007) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/5315533/.

какие-либо иные средства или вещества[1]. Полагаем, что подобным образом должен решаться вопрос об уголовной ответственности за сбыт иных предметов, изъятых из оборота (оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства, ядерных материалов или радиоактивных веществ и т. п.).

5. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» даны разъяснения, касающиеся действий лиц, получивших ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение. Такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. При этом владелец переданных ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп[2].

Например, по одному из уголовных дел оперуполномоченный П. предложил А. заплатить ему 80 тыс. р. за совершение в ее пользу определенных действий (он может сделать ее из обвиняемой свидетелем). По данному делу с учетом служебной компетенции П. его нельзя признать субъектом получения взятки, а совершенное преступление – получением взятки должностным лицом, поскольку он, хотя и являлся должностным лицом, но в силу наделенных полномочий не мог совершить в пользу потерпевшей конкретные процессуальные действия, которые обещал выполнить. Он завладел имуществом А. путем мо-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. 2006. 28 июня (№0 (4103).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля (№ 154 (6130).

шенничества. Действия П. судом правильно переквалифицированы на п. «в» ч. 2 ст. 159 УК РФ (в настоящей редакции – ч. 3 ст. 159 УК РФ) как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения[1].

6. Квалификация продолжаемого мошенничества. Конструкция мошенничества не исключает возможность его совершения как продолжаемого преступления, когда такое деяние охватывается единым умыслом и складывается из ряда тождественных мошеннических действий, направленных на достижение общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. Так, А. совершила ряд тождественных преступных действий путем приобретения права на два земельных участка одним способом с использованием одних и тех же средств и способов, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое продолжаемое преступление. Согласно предъявленному обвинению А. в осуществлении единого умысла, действуя из корыстных побуждений, якобы в интересах У. и Я., не осведомленных о ее преступных действиях, используя находящиеся у нее заведомо подложные документы (выписки из похозяйственных книг), оформила себе право собственности на два земельных участка на сумму 412,675 тыс. р. и 400,6 тыс. р. Действия А. были квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ как мошенничество, т. е. приобретение права на чужое имущество, совершенное в крупном размере[2].

Совершение однородных действий в отношении одного потерпевшего, не охваченных единым умыслом, не могут быть оценены как единичное продолжаемое преступление. Примером может служить приговор суда, по которому П. осуждена по двум

---

[1] Обзор Кемеровского областного суда от 23 июня 2005 г. № 01-19/320 «Обзор судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/7541393/.

[2] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23 мая 2017 г. по делу № 22-3507/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=116641&ysclid=lmop2afhkw682405570#V3uSCqTLwGZMhJxJ/.

фактам мошенничества по ч. 2 ст. 159 УК РФ. П. признана виновной в том, что умышленно с целью хищения путем обмана ввела в заблуждение Л. по поводу своей возможности за вознаграждение решить вопрос для его сына через судью об избрании меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, похитив денежные средства Л. на сумму 30 тыс. р. Кроме того, П. поняла, что потерпевшая готова заплатить еще за оказание помощи их сыну, снова ввела Л. в заблуждение, сообщив, что судье необходимо передать еще 30 тыс. р. для решения вопроса о назначении сыну наказания, не связанного с лишением свободы, похитив таким образом еще 30 тыс. р.[1].

В случае если при совершении последнего из тождественных деяний преступная деятельность лица прерывается по не зависящим от данного лица обстоятельствам до того момента как появляется реальная возможность распорядиться имуществом по своему усмотрению, действия такого лица должны квалифицироваться как покушение на преступление.

Часть 2 ст. 159 УК РФ устанавливает ответственность за квалифицированное мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину.

В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление (в том числе мошенничество) признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали два и более лица, заранее договорившиеся о совершении преступления.

Действия лиц, которые непосредственно не участвовали в совершении мошенничества, но совершили действия по склонению к хищению или содействию хищению, следует рассматривать как подстрекательство или пособничество в мошенничестве. Содеянное надлежит квалифицировать по ст. 159 УК РФ с обязательной ссылкой на ст. 33 УК РФ.

---

[1] Обзор Кемеровского областного суда от 23 июня 2005 г. № 01-19/320 «Обзор судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/7541393/.

В качестве примера мошенничества, совершенного группой лиц по предварительному сговору, можно привести уголовное дело в отношении Б., который совместно с иным лицом (в отношении него дело выделено в отдельное производство) с имеющегося сотового телефона позвонил на стационарный телефон А., сообщив, что является якобы сотрудником полиции и ее сын избил человека. Б. предложил передать ему денежные средства во избежание привлечения к уголовной ответственности сына А., тем самым введя ее в заблуждение и сознательно дезинформировав ее[1].

«Мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, может быть квалифицировано как оконченное преступление только в случае реального причинения значительного имущественного ущерба, который в соответствии с п. 2 примеч. к ст. 158 УК РФ не может составлять менее 5 тыс. р.». Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что «при решении вопроса о наличии в действиях лица квалифицирующего признака причинения гражданину значительного ущерба судам наряду со стоимостью похищенного имущества надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство. Мнение потерпевшего о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественное положение потерпевшего»[2].

---

[1] Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 16 января 2013 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JwXsyOAlJ86Q/.

[2] Пункт 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

Следует отметить, что в практике судов имеются решения, согласно которым признак причинения значительного ущерба вменяется практически всегда, когда ущерб превышает 5 тыс. р. и потерпевший заявляет, что ущерб для него значительный. Примером может являться приговор суда в отношении Ф., который осужден за совершение мошенничества с причинением значительного ущерба гражданину в сумме 7 590 р. Анализ данного приговора показывает, что имущественное положение потерпевшего не исследовалось, значительность установлена исключительно с его слов[1].

В судебной практике существует правило квалификации, согласно которому, если значительный ущерб не причинен реально, но умысел лица был направлен на причинение такого ущерба, содеянное должно квалифицироваться как покушение на хищение с причинением значительного ущерба гражданину по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 159 УК РФ[2].

Часть 3 ст. 159 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере.

Для уяснения признака совершения лицом мошенничества с использованием своего положения следует руководствоваться п. 29 постановления № 48[3], согласно которому под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, следует понимать:

1) должностных лиц (п. 1 примеч. к ст. 285 УК РФ);

2) государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами;

---

[1] Приговор Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 19 февраля 2013 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LjgXxYQk9r64/.

[2] Постановление Московского городского суда от 20 августа 2012 г. по делу № 4у/2-6634 // СПС «КонсультантПлюс». URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=976906&ysclid=lmop0vel8753462315#4ixWCqTon0TpoUCJ.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

3) иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примеч. к ст. 201 УК РФ.

Под использованием служебного положения следует понимать умышленное использование названными лицами своих служебных полномочий, а также связанных с осуществлением таких полномочий возможностей влияния на других лиц в целях совершения ими незаконных действий.

На практике при квалификации действий лиц, совершивших мошенничество, по признаку использования служебного положения возникают определенные трудности. Необходимо в каждом конкретном преступлении устанавливать функции и полномочия должностного лица при совершении им мошенничества.

В качестве примера, когда квалифицирующий признак совершения лицом мошенничества с использованием своего служебного положения не нашел своего подтверждения, можно привести кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ямало-Ненецкого автономного округа. Установлено, что З. работал в должности контролера-кассира операционного отдела Западно-Сибирского отделения Сбербанка, его обязанности включали в себя прием документов на выпуск международных банковских карт, выдачу и обслуживание международных банковских карт Сбербанка, ведение информационной базы счетов банковских карт и резервных счетов. З. путем обмана и злоупотребления доверием завладел денежными средствами, находящимися на карте Сбербанка. Судебная коллегия полагает, что наличие договора о материальной ответственности между работником и работодателем не дает оснований считать, что работник выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. При таких обстоятельствах совершенное З. деяние подлежит переквалификации на ч. 1 ст. 159 УК РФ[1].

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 июня 2011 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QWpXgmb7ul1g/?regular/.

По смыслу закона, в тех случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия при хищении чужого имущества, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями (например, служебный подлог), содеянное надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений по ч. 3 ст. 159 и ст. 292 УК РФ[1].

Приведем еще один пример уголовного дела, где Ч. был признан виновным в совершении мошенничества с использованием служебного положения по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Будучи врачом скорой помощи, Ч., выезжая на вызовы, выводил пациентов из состояния алкогольной интоксикации, вводил в заблуждение граждан и получал от них деньги, убеждая их в том, что эта медицинская услуга осуществляется на платной основе. Однако суд переквалифицировал его действия на ч. 1 ст. 159 УК РФ, исключив из обвинения квалифицирующий признак «использование служебного положения». Ч. не являлся должностным лицом, так как не выполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия, а осуществлял профессиональные обязанности, т. е. лечебные функции[2].

«Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается ч. 3 ст. 159 УК РФ или ч. 3 ст. 160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требует»[3]. Так, по одному из уголовных дел Б., П. и С., предъявив служебные

---

[1] Постановление Президиума Приморского краевого суда от 12 июля 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

[2] Постановление Свердловского районного суда г. Костромы по делу от 30 сентября 2011 г. № 1-387/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CFjypRV9ySNE/.

[3] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

удостоверения, подошли к Р. и сообщили потерпевшему не соответствующие действительности сведения о том, что он якобы находится в международном розыске, и обещали прекратить розыск и отпустить Р., если тот передаст им 50 тыс. долл. США. После того как Р. сообщил, что не в состоянии выплатить требуемую сумму, Б. снизил размер требований до 25 тыс. долл. США. Спустя два дня Б., находясь в автомобиле Р., получил от потерпевшего в качестве задатка денежные средства в сумме 4,9 тыс. долл. США, после чего был задержан сотрудниками отдела собственной безопасности. Действия Б. квалифицированы судом первой инстанции по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ[1].

Крупным размером при совершении хищений, в том числе и мошенничества (ч. 3 ст. 159 УК РФ), в соответствии с п. 4 примеч. к ст. 158 УК РФ признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. р. Здесь следует учитывать, что если виновным совершено несколько мошенничеств, обособленных по различным характеристикам преступлений, в каждом из которых реализовывался самостоятельный умысел на хищение чужого имущества, то его действия не могут быть квалифицированы при подсчете стоимости похищенных вещей как крупный размер, необходимо устанавливать ущерб в каждом случае мошенничества отдельно.

По признаку причинения крупного ущерба должны быть квалифицированы совершенные несколько мошенничеств чужого имущества, суммарная стоимость которого превышает 250 тыс. р., если все эти деяния совершены одним способом из одного источника и при обстоятельствах, которые свидетельствуют о едином умысле совершить хищение в крупных размерах. В подобном случае речь может идти о продолжаемом мошенничестве.

Часть 4 ст. 159 УК РФ устанавливает ответственность за совершение мошенничества организованной группой либо в особо

---

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2011 г. № 5-Д11-33 // URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_49429.htm/.

крупном размере или повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение.

В соответствии с действующим законодательством организованная группа – это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Согласно п. 28 постановления № 48 действия всех членов организованной группы, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ[1]. Таким образом, действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном расцениваются как соисполнительство. Суды, осуществляя правоприменительную деятельность, в том числе при правовой оценке мошенничества, руководствуются данным правилом квалификации[2].

По другому уголовному делу действия осужденных судом правильно квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ как совершение мошенничества организованной группой с причинением значительного ущерба гражданину.

Оснований для переквалификации действий осужденных и исключения квалифицирующего признака, совершения преступления организованной группой, как об этом просят авторы апелляционных жалоб, судебная коллегия не находит, поскольку в рассматриваемом случае отличительной особенностью группы являются: тщательное приготовление участников к совершению

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

[2] Постановление Московского городского суда от 27 июля 2012 г. № 4у/2-6107 // НПП «Гарант-сервис». URL: http://www.base.garant.ru/57837050/ ; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2012 г. № 5-О12-47 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

преступления, разработка плана криминальной операции, распределение ролей между участниками группы, длительный период деятельности в отношении неопределенного круга потерпевших. При признании мошенничества, совершенным организованной группой, действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ, что судом и следствием было обоснованно сделано[1].

Особо крупным размером при совершении мошенничества в соответствии с п. 4 примеч. к ст. 158 УК РФ признается стоимость имущества, превышающая один млн р. Здесь, как и в случае причинения крупного ущерба, следует установить, что ущерб причинен одним деянием либо совокупностью однородных деяний, охватываемых единым умыслом и сопряженных с изъятием имущества из одного источника, что относится к продолжаемому хищению.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пп. 9 и 10 постановления № 48 дал соответствующие разъяснения о применении такого квалифицирующего признака мошенничества, как мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение:

«9. Если в результате мошенничества гражданин лишился права на жилое помещение, то действия виновного надлежит квалифицировать по ч. 4 ст. 159 УК РФ независимо от того, являлось ли данное жилое помещение у потерпевшего единственным и (или) использовалось ли оно потерпевшим для собственного проживания.

…К жилому помещению относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната в жилом доме или квар-

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 20 мая 2015 г. по делу № 10-5178/2015 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/61ef8ffb-dabb-4d55-b126-a08fa2f80122/.

тире независимо от формы собственности, входящие в жилищный фонд. Те обстоятельства, что данное помещение не соответствует санитарным, техническим и иным нормам, непригодно для проживания, на квалификацию содеянного не влияют. В качестве жилого помещения не могут рассматриваться объекты, не являющиеся недвижимым имуществом, – палатки, автоприцепы, дома на колесах, строительные бытовки, иные помещения, строения и сооружения, не входящие в жилищный фонд.

Для целей ч. 4 ст. 159 УК РФ правом на жилое помещение признается принадлежащее гражданину на момент совершения преступления право собственности на жилое помещение или право пользования им (в частности, право пользования членами семьи собственника, право пользования на основании завещательного отказа, право пользования на основании договора ренты и пожизненного содержания с иждивением, право пользования на основании договора социального найма).

10. Если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права (например, в случае хищения денег при заключении фиктивного договора аренды жилого помещения либо хищения денег под видом привлечения средств для участия в долевом строительстве многоквартирных домов), то в действиях виновного отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение.

Ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости при отсутствии признаков мошенничества наступает в соответствии со ст. 200[3] УК РФ»[1].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г.№ 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

По одному из уголовных дел Д., В., М.Н., М.О. и неустановленные лица с целью приобретения права на квартиру Ч., действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, предоставили поддельные паспорт на имя Ч., договор купли-продажи и акт приема-передачи квартиры на переход права собственности на данную квартиру от Ч. к М.О. В результате совершенного обмана М.О. получил свидетельство о государственной регистрации права на указанную квартиру Ч., что составляет особо крупный размер[1].

Также примером мошенничества, повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение, являются действия Г., который предоставил займ в размере 300 тыс. р. под 8 % под залог квартиры, которую нужно было переписать на него, при этом, вводя в заблуждение, утверждал, что при возврате заемных денежных средств и процентов имущество будет возвращено потерпевшей. Будучи обманутой, потерпевшая подписала договор купли-продажи квартиры. Намерения и желания продавать квартиру она не имела, денежных средств, указанных по договору купли-продажи в размере 2,1 тыс. р., не получала. О том, что квартира была продана Г. третьему лицу, она узнала гораздо позже[2].

Часть 5 ст. 159 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если при этом это деяние повлекло причинение значительного ущерба (от 10 тыс. р. до 3 млн р.).

Часть 6 ст. 159 УК РФ предусматривает особо квалифицированный состав мошенничества, если оно сопряжено с преднаме-

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2016 г. по делу № 10-18550/2016 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/58679dac-5e75-4072-8565-1e11a4b83e43/.

[2] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14 февраля 2019 г. по делу № 22-1070/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=169781&ysclid=lmoqfp78so948663748#klZcCqTsDRhvwMOa1/.

ренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если при этом это деяние совершено в крупном размере (от 3 млн р. до 12 млн р.).

Часть 7 ст. 159 УК РФ предусматривает особо квалифицированный состав мошенничества, если оно сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если при этом это деяние совершено в особо крупном размере (свыше 12 млн р.).

Действие чч. 5–7 ст. 159 УК РФ распространяется на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации.

Обратимся к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным в постановлении № 48. Судам необходимо иметь в виду, что состав мошенничества, предусмотренного чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, имеет место в случае, если:

– в действиях лица имеются признаки хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием;

– указанные действия сопряжены с умышленным неисполнением принятых на себя виновным лицом обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации;

– виновное лицо является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации[1].

Следует отметить, что бланкетный характер диспозиции статьи, предусматривающей ответственность за мошенничество

[1] Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

в сфере предпринимательской деятельности, весьма усложняет процесс квалификации данного деяния. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 48 дал судам некоторые разъяснения по отдельным вопросам квалификации мошенничества, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ:

1) преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности (п. 7);

2) по смыслу ч. 5 ст. 159 УК РФ, под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации (п. 9);

3) о наличии у лица прямого умысла на совершение мошенничества с очевидностью должны свидетельствовать имеющиеся по делу совокупные доказательства: обстоятельства, указывающие на то, что у лица фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство; сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества; распоряжение денежными средствами, полученными от стороны договора, в личных целях; использование при заключении договора фиктивных уставных документов, поддельных гарантийных писем и другие. При этом каждое из указанных обстоятельств в отдельности само

по себе не может свидетельствовать о наличии умысла на совершение преступления, а выводы суда о виновности лица должны быть основаны на оценке всей совокупности доказательств (п. 9).

Таким образом, данный вид мошенничества предполагает преднамеренность, т. е. возникновение умысла на неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности до момента заключения договора.

О наличии прямого умысла при совершении подобного вида мошенничества указывает также и содержание п. 11 постановления № 48: «Указанное преступление совершается с прямым умыслом, направленным на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возникшим у лица до получения такого имущества или права на него. При этом не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности)»[1].

Объективная сторона мошенничества, связанного с неисполнением договорных обязательств, состоит в преднамеренном неисполнении контрагентом своих обязательств по договору, что означает изначальное отсутствие у лица намерения выполнять обязательство, возложенное договором, расчет на противозаконное завладение имуществом либо обогащение за счет другой стороны договорных правоотношений. В этом и заключается специфика обманного способа и (или) злоупотребления доверием, используемого мошенником при завладении чужим имуществом. Введенный в заблуждение контрагент передает мошеннику имущество (или права на него) по условиям договора, в результате чего ему причиняется ущерб, равный материальному выражению предмета посягательства.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

В соответствии с п. 11 постановления № 48 «мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, признается уголовно наказуемым, если это деяние повлекло причинение ущерба индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации в размере 10 тыс. р. и более. Размер причиненного ущерба надлежит исчислять исходя из стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления. Согласно положениям п. 2 примеч. к ст. 158 УК РФ значительный ущерб, причиненный потерпевшему в результате преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, определяется без учета его имущественного положения»[1].

Так, установленные судом обстоятельства по уголовному делу указывают на преднамеренность неисполнения со стороны осужденных взятых обязательств в рамках гражданско-правовых договоров между коммерческими организациями в целях хищения чужого имущества путем обмана. Виновные, реализуя свой преступный умысел, совершили хищение сахара-песка, принадлежащего Ф., на сумму <...> р. в рамках достигнутой договоренности между Ф. и Г., об условиях поставки, выполнять условия которой осужденные не намеревались. Оплату за доставленный сахар-песок в пачках по 900 г в количестве 21 тыс. штук осужденные не произвели, сахаром распорядились по своему усмотрению, причинив Ф. имущественный ущерб[2].

Под договорными обязательствами следует понимать обязательства, возникающие из договора – трудового (контакта), поручения, поставки товара и др.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

[2] Постановление президиума Омского областного суда от 24 сентября 2018 г. № 44У-92/2018, 44-У-92/2018, 4У-909/2018 по делу № 1-286/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rxb9b5690tLX/.

Мошенничество, предусмотренное чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, следует считать оконченным, когда имущество поступило в противозаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность распоряжаться им по своему усмотрению, если при этом договорное обязательство не было исполнено полностью либо частично (было исполнено, но ненадлежащим образом в отношении существенных условий договора – не тем предметом, не в те сроки и т. д.). Таким образом, существует некоторое отличие моментов окончания мошенничества в сфере предпринимательства (чч. 5–7 ст. 159 УК РФ) и общего состава мошенничества, предусмотренного чч. 1–4 ст. 159 УК РФ.

К специальным субъектам мошенничества в сфере предпринимательской деятельности относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности. Из определения предпринимательской деятельности следует, что субъектом преступления может быть только лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, поскольку осуществление таковой без регистрации квалифицируется по ст. 171 УК РФ.

Вместе с тем ст. 171 УК РФ не охватываются умышленные действия, направленные на мошенничество, в связи с чем квалификация мошеннических действий лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя и не представляющего организацию в силу договора, трудового либо гражданского, но фактически осуществляющего предпринимательскую деятельность, должна осуществляться по ст. 159 УК РФ.

В судебной и следственной практике зачастую возникает вопрос, подлежит ли мошенничество квалификации по ч. 5 ст. 159

УК РФ, если действия, направленные на обманное завладение чужим имуществом, совершались лицом, хотя и зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя либо являющимся сотрудником коммерческой организации, но когда данное лицо либо названная организация предпринимательской деятельностью не занимались ни до совершения указанного преступления, ни во время его совершения и не предполагали осуществлять такую деятельность в дальнейшем.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял, что гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, но фактически не осуществляющий предпринимательскую деятельность, имеет законодательно закрепленную возможность в любой момент обратиться в регистрирующий орган с заявлением о государственной регистрации прекращения данной деятельности и, следовательно, связанных с нею прав и обязанностей.

Таким образом, физическое лицо приобретает статус индивидуального предпринимателя с момента его регистрации в государственном реестре, а утрачивает с момента внесения соответствующей записи об этом в реестре. Занимается ли лицо, зарегистрировавшееся в качестве индивидуального предпринимателя, фактически данной деятельностью правового значения не имеет.

Соответственно, не подпадают под мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ) случаи мошенничества, когда сторонами договора являются некоммерческие организации или лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (п. 4 ст. 23 ГК РФ).

Из примеч. к ст. 159 УК РФ следует, что действие чч. 5–7 ст. 159 УК РФ распространяется исключительно на случаи предна-

меренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации, т. е. физическое лицо потерпевшим от данного преступления являться не может[1]. Таким образом, в отсутствие статуса индивидуального предпринимателя или коммерческой организации у одной из сторон договора содеянное также не может быть квалифицировано по чч. 5–7 ст. 159 УК РФ.

§ 5.3. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования

Статья 159[1] УК РФ предусматривает специальную норму о мошенничестве, в которой устанавливается уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования, т. е. хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Объектом мошенничества в сфере кредитования являются отношения собственности, дополнительным объектом выступают общественные отношения, сложившиеся в сфере кредитования.

Диспозиция статьи носит бланкетный характер. В Федеральном законе Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», где кредитование определяется как лицензированная деятельность банков и иных кредитных организаций по предоставлению заемщику во временное пользование ссуды в денежной или натуральной форме на условиях возвратности и возмездности»[2]. В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении

---

[1] Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 13 марта 2018 г. по делу № 22-878/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9zPYGBYMe7li/.

[2] Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10105800/.

и растрате» (далее по параграфу – постановление № 48) отмечено, что заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица. Кредитором согласно ст. 159[1] УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 ГК РФ)[1].

В настоящее время, исходя из данного судебного толкования, микрофинансовые организации, кредитные кооперативы и другие некредитные финансовые организации, заключившие с лицом договор микрозайма, не являются потерпевшей стороной по уголовным делам о мошенничестве в сфере кредитования и не могут быть признаны иным кредитором. Таким образом, ответственность лица, незаконно обратившего в свою пользу денежные средства, полученные от микрофинансовой или иной некредитной организации, должна наступать по общей норме о мошенничестве – по ст. 159 УК РФ.

Также не образует состава преступления, предусмотренного ст. 159[1] УК РФ, хищение денежных средств, взятых в долг у физического лица, не имеющего намерения их возвращать[2]. Ответственность за содеянное будет наступать по ст. 159 УК РФ.

Обязательным признаком рассматриваемого состава преступления является предмет преступления. Предметом преступления, предусмотренного ст. 159[1] УК РФ, являются как наличные, так и безналичные денежные средства в валюте Российской Федерации и иностранной валюте, которые получены в процессе

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/proucts/ipo/prime/-doc/71723288/.

[2] Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 25 октября 2017 г. № 44У-360/2017 по делу № 1-106/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/owKRaWtRvqma/.

кредитования. Как правило, кредиты преимущественно выдаются в безналичной форме.

Мошенничество будет считаться оконченным с того момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. Таким образом, с момента получения наличных денежных средств из кассы банка и появления реальной возможности ими распорядиться мошенничество будет считаться оконченным. Если же предметом мошенничества в сфере кредитования выступают безналичные денежные средства, то преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета. Таким образом, мошенничество следует считать оконченным с момента зачисления денежных средств на банковский счет лица, которое путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений изъяло деньги со счета банка или иной кредитной организации.

Состав по конструкции объективной стороны материальный. В связи с чем объективная сторона мошенничества в сфере кредитования, предусмотренного ч. 1 ст. 159[1] УК РФ, характеризуется следующими признаками:

1) общественно опасное деяние в форме действия заемщика, состоящего в получении наличных либо безналичных денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений с целью безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц при заведомом отсутствии у него намерения возвратить их в соответствии с требованиями договора[1];

---

[1] Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-proucts/ipo/prime/doc/71723288/.

2) общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику – банку или иному кредитору на сумму, не превышающую 1,5 млн р., по ч. 1 или ч. 2 ст. 159[1] УК РФ (примеч. к ст. 159[1] УК РФ);

3) причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями;

4) способ совершения преступления – обман в виде предоставления кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений об обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога, или злоупотребление доверием[1].

Под «недостоверными» сведениями понимаются такие сведения, которые ранее соответствовали фактическим данным, но в силу определенных условий утратили достоверность (например, данные о доходах или заработной плате, месте работы за прошлый период и т. д.). При этом недостоверные сведения могут быть при определенных условиях приводить кредитора к ошибочным представлениям о фактическом финансовом положении будущего должника. Например, лицо, обращаясь в банк, сообщает правдивые сведения о месте своей работы и ежемесячном доходе, но умалчивает об имеющихся у него других финансовых обязательствах либо иных фактах, информация о которых может повлиять на решение банка о предоставлении кредита. К таким фактам можно отнести наличие малолетнего ребенка у заемщика, фактическое отсутствие официального супруга, имеющего доход. Таким образом, основным отличием недостоверных сведений от ложных является тот факт, что «недостоверность» сведений не создается умышленно самим заемщиком.

---

[1] Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-proucts/ipo/prime/doc/71723288/.

В качестве примера предоставления заведомо недостоверных сведений можно привести уголовное дело в отношении М., который, действуя из корыстных побуждений, не имея намерения и реальной возможности производить выплаты по кредиту, заключил кредитный договор с организацией путем предоставления кредитному специалисту заведомо недостоверных сведений о месте работы и полученном доходе, скрыв факт своего увольнения[1].

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 159[1] УК РФ, характеризуется прямым умыслом, о чем свидетельствует указание в диспозиции статьи на заведомость предоставления ложных или недостоверных сведений и наличием корыстной цели. Так, по одному из уголовных дел установлено, что об умысле Г. на хищение денежных средств Сбербанка свидетельствуют его действия, выразившиеся в покушении на хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений[2].

Субъект преступления – специальный, т. е. физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и являющееся заемщиком. Нормы ГК РФ позволяют считать заемщиком только то лицо, которое заключило от своего имени с банком или иной кредитной организацией кредитный договор (ст. 819 ГК РФ).

«В случаях, когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание

---

[1] Справка-обобщение изучения судебной практики рассмотрения судами Самарской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ, отграничение от смежных составов. Практика назначения наказания // Официальный сайт Куйбышевского районного суда г. Самары. URL: http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1387/.

[2] Приговор Кировского районного суда г. Самары от 23 марта 2015 г. по делу № 1-133/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ljNse8zqt2Y0/.

для квалификации содеянного по ст. 159[1] УК РФ отсутствует, ответственность виновного наступает по ст. 159 УК РФ»[1].

Приговором районного суда Ш. осуждена по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Являясь должностным лицом кредитного учреждения, действуя в группе лиц по предварительному сговору, Ш. заключала кредитные договоры на «подставных лиц», используя их паспортные данные. Ввиду того, что участники группы не являлись заемщиками по договору кредитования, а также отсутствуют отношения между заемщиком и кредитором, регулируемые ст. 807 ГК РФ, их действия не могут расцениваться как преступление, совершенное в сфере кредитования[2].

При предоставлении лицом, выступающим в качестве заемщика, подделанного им официального документа, необходимо учитывать разъяснения п. 7 постановления № 48, согласно которому «хищение чужого имущества, совершенное с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и соответствующей частью ст. 159[1] УК РФ»[3]. Хищение лицом денежных средств, совершенное с использованием подделального официального документа, изготовленного другим лицом, полностью охватывается составом ст. 159[1] УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ не требует.

---

[1] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-proucts/ipo/prime/doc/71723288/.

[2] Справка-обобщение изучения судебной практики рассмотрения судами Самарской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ, отграничение от смежных составов. Практика назначения наказания // Официальный сайт Куйбышевского районного суда г. Самары. URL: http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1387/.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

Часть 2 ст. 159[1] УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество в сфере кредитования, совершенное группой лиц по предварительному сговору. В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление (в том числе мошенничество в сфере кредитования) признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совершении преступления. Для квалификации по данной части ст. 159[1] УК РФ обязательно должен быть доказан предварительный сговор, иначе в случае установления факта действия лиц, участвующих в преступлении, группой без предварительного сговора, должны квалифицироваться по соответствующей части ст. 159[1] УК РФ при отягчающем обстоятельстве, указанном в п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Исходя из разъяснений п. 27 постановления № 48[1] и общих норм уголовного права, в случае, когда мошенничество в сфере кредитования совершено самим заемщиком, однако с участием других лиц, не являющихся заемщиками, в действиях виновного отсутствует квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору». Исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ лица, не обладающие признаками специального субъекта, т. е. в данном случае не являющиеся заемщиками, но непосредственно участвовавшие в совершении мошенничества в сфере кредитования, несут уголовную ответственность по ст. 33 и ст. 159[1] УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников в совершении преступления.

Так, Я., являясь заемщиком, вступал в предварительный сговор с неустановленными лицами на подделку официальных документов и хищение денежных средств банка, предоставляя заведомо ложные и недостоверные сведения. Действия осужденного подлежали переквалификации с ч. 2 ст. 159[1] УК РФ на ч. 1 ст. 159[1]

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

УК РФ, так как преступление им было совершено с лицами, не являющимися специальными субъектами в сфере кредитования[1].

Часть 3 ст. 159[1] УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере. Крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 1,5 млн р.

Часть 4 ст. 159[1] УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой, а равно в особо крупном размере. Особо крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 6 млн р.

Мошенничество в сфере кредитования следует отличать от незаконного получения кредита. «Если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования. Указанные действия этих лиц, причинившие крупный ущерб кредитору, квалифицируются по ч. 1 ст. 176 УК РФ»[2].

Разграничение данных составов преступлений происходит по следующим критериям:

1) преступление, предусмотренное ст. 176 УК РФ, может быть совершено лишь специальным субъектом – индивидуальным предпринимателем либо руководителем организации, а мошенничество, предусмотренное ст. 159[1] УК РФ, – только заемщиком;

---

[1] Справка-обобщение изучения судебной практики рассмотрения судами Самарской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159.1–159.6 УК РФ, отграничение от смежных составов. Практика назначения наказания // Официальный сайт Куйбышевского районного суда г. Самары. URL: http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1387/.

[2] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-proucts/ipo/prime/doc/71723288/.

2) с субъективной стороны оба преступления являются умышленными, но их разграничение заключается в том, что при мошенничестве умысел преступника существует уже в момент введения кредитора в заблуждение и направлен на завладение денежными средствами без намерения их возвращать; при незаконном получении кредита умысел преступника направлен на временное получение кредита с последующим, пусть и несвоевременным, возвращением денежных средств, взятых в кредит. При этом следует учитывать, что оплата кредита несущественными суммами, явно не соответствующими размеру ежемесячного платежа, может свидетельствовать о попытке виновного избежать ответственности по ст. 159[1] УК РФ.

В судебной практике встречаются случаи ошибочной квалификации одного и того же деяния по совокупности ст. 176 и ст. 159[1] УК РФ. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда переквалифицировала действия З. с ч. 4 ст. 159[1] УК РФ на ч. 1 ст. 176 УК РФ. По материалам уголовного дела З., занимая должность директора ООО, предоставил банку заведомо ложные и недостоверные сведения о хозяйственном положении мясокомбината, предъявив по подложным документам в залог оборудование, не принадлежащее ООО, и получил кредит на сумму 50 млн р. Вывод о наличии у З. умысла на хищение чужого имущества не нашел своего подтверждения, поскольку кредит был израсходован на нужды предприятия. Судебная коллегия пришла к выводу, что кредит не был возвращен по объективным причинам, в связи с изменившейся финансовой ситуацией на мясокомбинате[1].

Умысел на мошенничество подтверждается фактами, свидетельствующими о том, что лицо заведомо осознавало невозмож-

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 14 апреля 2016 г. по делу № 10-3425/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=84432&ysclid=lmotnar388114884058#ggCzCqTWaYB5G4AR2/.

ность возврата кредита и совершало действия, свидетельствующие о нежелании выполнять обязательства по возврату денежных средств по кредитному договору, делало попытки по сокрытию преступления (использование кредита не по назначению, смена места жительства). В случае, когда заемщик изначально намеревался выполнять обязательства по кредитному договору, но изменение обстоятельств (увольнение с работы, наложение ареста на имущество, приносящее ранее доход) привело к неспособности погашать задолженность, в действиях заемщика будут отсутствовать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159[1] УК РФ.

В практике судов даже частичное исполнение кредитных обязательств дает основание для квалификации содеянного по ст. 159[1] УК РФ. Например, суд обоснованно признал, что для Д. это являлось частью схемы хищения для создания видимости гражданско-правовых отношений. Судом правильно установлено, что о наличии умысла на хищение у Д. свидетельствует и то обстоятельство, что на момент получения кредита доходы от хозяйственной деятельности предприятия и других организаций, подконтрольных осужденному, не позволяли выплачивать сумму полученного кредита. Более того, после поступления кредитных средств из банка на расчетный счет предприятия Д. приобрел на них вексель, который через два дня продал в другом филиале этого же банка за эту же сумму, а денежные средства перевел на счет предприятия в другом банке, откуда перечислил их на счета подконтрольных ему организаций, т. е. в результате ряда финансовых операций и сделок с похищенными денежными средствами Д. создал видимость правомерности их владения, пользования и распоряжения. На основании приведенных данных Судебная коллегия квалифицировала действия Д. по п. «б» ч. 2 ст. 174[1] УК РФ и не усмотрела переквалификации его действий с ч. 4 ст. 159[1] УК РФ на ст. 176 УК РФ[1].

---

[1] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16 июня 2016 г. по делу № 22-4291/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=84432&ysclid=lmoubmszge875764102#M3y3DqTX5kkLeJ=Ox6/.

§ 5.4. Особенности квалификации мошенничества при получении выплат

Ответственность за совершение мошенничества при получении выплат предусмотрена ст. 159² УК РФ, что предполагает хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Данный вид мошенничества специфичен в силу особого предмета посягательства, к которому относятся денежные средства или иное движимое имущество, образующие только социальную выплату, что прямо предусмотрено в содержании диспозиции ст. 159² УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняет, что социальные выплаты – это установленные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными актами органов местного самоуправления выплаты гражданам, нуждающимся в социальной поддержке.

«Для целей ст. 159² УК РФ к социальным выплатам, в частности, относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т. п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания.

Не относятся к социальным выплатам по смыслу ст. 159² УК РФ гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования,

культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства. Мошенничество при получении указанных выплат квалифицируется по ст. 159 УК РФ»[1].

Примером, иллюстрирующим хищение денежных средств, образующих социальную выплату в виде пособия, является уголовное дело по обвинению Ш. в совершении мошенничества, предусмотренного ч. 1 ст. 159[2] УК РФ. По материалам дела Ш. обратилась в ГКУ «Социальная защита населения» с заявлением о назначении ей ежемесячного пособия по уходу за ребенком в возрасте от 1,5 до 3 лет в связи с проживанием в зоне ЧАЭС, т. е. на территории зоны с льготным социально-экономическим статусом, хотя фактически по этому адресу не проживала. Таким образом, Ш. полгода незаконно получала пособие на общую сумму в 161 661 р. и распоряжалась им по своему усмотрению[2].

Однако следует отметить, что не каждое пособие следует рассматривать в качестве социальной выплаты. Например, незаконное получение выходного пособия в порядке ст. 178 ТК РФ не образует состава преступления, предусмотренного ст. 159[2] УК РФ. Учитывая, что данная выплата осуществляется за счет средств работодателя, содеянное влечет уголовную ответственность по ст. 159 УК РФ.

В теории уголовного права и судебной практике преобладает мнение, что компенсация расходов, связанных с командировкой, – это не социальная выплата, а обязанность одной стороны трудового отношения (работодателя) по отношению

---

[1] Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/proucts/ipo/prime-/doc/71723288/.

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия от 17 июня 2013 г. по делу № 22-1386/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fRVwX1qWbWH/.

к другой стороне (работнику), вытекающая из характера существующих между ними возмездных отношений, не подпадающая под действие норм права социального обеспечения. Таким образом, незаконное получение командировочных расходов квалифицируется по ст. 159 УК РФ[1].

В свою очередь, денежные средства за наем (поднаем) жилого помещения являются компенсационными выплатами социального характера, и их незаконное получение образует состав преступления, предусмотренного ст. 159[2] УК РФ. Так, З. был осужден по ч. 1 ст. 159[2] УК РФ как незаконно получивший компенсацию за поднаем жилья, поскольку осужденный военнослужащий являлся собственником другого жилого помещения в близлежащем к месту дислокации воинской части населенном пункте и не мог претендовать на выплату денежной компенсации[2].

Иными социальными выплатами являются, например, трудовая пенсия в ее страховой части, социальная пенсия (по инвалидности или потере кормильца), средства материнского капитала и другие. Не относятся к иным социальным выплатам налоговые возмещения, производимые в рамках налогового законодательства (например, налоговые вычеты). Содеянное при наличии к тому оснований следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

Приведем пример квалификации содеянного по ст. 159[2] УК РФ. Так, Д. имела умысел на хищение денежных средств при получении социальных выплат по достижении совершеннолетия, для получения трудовой пенсии по случаю потери кормильца. Фактически не являясь обучающейся по очной форме в образовательном учреждении, в связи с чем не имела право

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 4 сентября 2013 г. по делу № 10-7921/13 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6WXlhCuaJhdt/.

[2] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2016 г. № 205-УД15-9 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verhovnogo-suda-rf-ot-01032016-n-205-ud15-9/?ysclid=lmougy05ql763758367/.

на получение трудовой пенсии, Д. подала в управление Пенсионного фонда Российской Федерации документы[1].

Преступление имеет материальный состав. Обязательными признаками объективной стороны мошенничества при получении выплат являются:

1) общественно опасное деяние в форме действия в виде хищения денежных средств или иного имущества при незаконном получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами;

2) общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику (государственные или муниципальные органы);

3) причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и наступившими последствиями;

4) способ совершения преступления – обман, который выражается в представлении в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать решения о получении выплат, заведомо ложных и (или) недостоверных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону или иному нормативному правовому акту является условием для получения соответствующих выплат в виде денежных средств или иного имущества (в частности, о личности получателя, об инвалидности, о наличии детей, наличии иждивенцев, об участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства), а также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат[2].

---

[1] Практика рассмотрения уголовных дел о мошенничестве, присвоении и растрате (ст.ст. 159, 159.1–159.6 и 160 УК РФ), рассмотренных судами Пензенской области в 2014–2015 гг. // Сайт адвокатского бюро «Антонов и партнеры». URL: https://pravo163.ru.

[2] Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-proucts/ipo/prime/doc/71723288/.

Примером хищения денежных средств при получении выплат путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, служит уголовное дело в отношении Р., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159[2] УК РФ. Р. обратился в «Центр занятости населения», где подал заявление на регистрацию в качестве безработного, с назначением пособия по безработице. В нарушение требований Закона от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» Р. заключил договор возмездного оказания услуг на производство оконных рам в подъездах домов, за выполнение которых получал вознаграждение. Имея корыстную цель, Р. не сообщил о своей трудовой деятельности в ЦЗН и продолжал получать выплаты в виде пособия по безработице в размере 25 756 р., которыми распорядился по своему усмотрению[1].

Мошенничество при получении выплат считается оконченным преступлением с момента, когда имущество, образующее социальную выплату, поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению (с момента зачисления денежных средств на счет виновного лица).

В качестве примера покушения на хищение средств материнского капитала следует привести уголовное дело, возбужденное в отношении А. по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 159[2] УК РФ как покушение на мошенничество при получении выплат. А. не смогла получить государственный сертификат на получение материнского (семейного) капитала в сумме 453 026 р. и довести свои преступные действия до конца по не зависящим от нее обстоятельствам, так как сотрудниками Пенсионного фонда Российской

[1] Приговор мирового судьи судебного участка № 33 Орджоникидзевского района г. Перми от 18 марта 2013 г. по делу № 1-18/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/-Cxm9W4GatUJa/.

Федерации был установлен факт лишения А. родительских прав в отношении ее детей[1].

Вместе с тем представляется важным отметить, что для получения социальных выплат требуется предоставление различного рода документов, которые зачастую являются поддельными, чему может быть дана самостоятельная правовая оценка (по ст. 327 УК РФ либо по ст. 292 УК РФ в случае подделки документа должностным лицом)[2].

Если лицо путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах получило документ (справку, удостоверение, сертификат и пр.), подтверждающий его право на получение социальных выплат, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось им для получения социальных выплат, содеянное следует квалифицировать в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству при получении выплат, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умысел лица был направлен на использование данного документа для совершения преступлений, предусмотренных чч. 3 или 4 ст. 159[2] УК РФ[3].

Необходимо выделить некоторые особенности квалификации такого рода преступлений:

1. Отметим, что в 2019 г. размер материнского капитала был установлен в 453 026 р. В случае его хищения данная сумма образует крупный размер хищения согласно п. 4 примеч. к ст. 158 УК РФ, т. е. стоимость имущества, превышающая 250 тыс. р.

---

[1] Приговор Семилукского районного суда Воронежской области от 30 июня 2017 г. по делу № 1-123/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ymIIAu1W3SNT/.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В Дьякова и Н. Г. Кадникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2015. С. 398–399.

[3] Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/-proucts/ipo/prime/doc/71723288/.

2. В случае посягательства на средства материнского капитала потерпевшим признается государство в лице Пенсионного фонда Российской Федерации.

3. Объективная сторона мошенничества в данном случае состоит из трех этапов:

а) подача в Пенсионный фонд Российской Федерации заявления о распоряжении средствами материнского капитала, содержащего ложные или недостоверные сведения;

б) изъятие денежных средств, составляющих материнский капитал, путем списания с банковского счета;

в) обращение денежных средств в пользу виновного путем зачисления их на его банковский счет.

Преступление считается оконченным с момента незаконного изъятия всей суммы средств материнского капитала и получения виновным реальной возможности распоряжаться ими по своему усмотрению.

4. Типичные способы хищения средств материнского капитала:

а) представление заведомо ложных сведений о рождении второго или последующего ребенка путем представления фиктивного свидетельства о рождении;

б) оформление чужого ребенка на себя посредством представления документов, содержащих ложные сведения;

в) сокрытие факта лишения родительских прав на ребенка;

г) заключение фиктивного договора займа на приобретение жилья и представление в Пенсионный фонд Российской Федерации подложного договора купли-продажи недвижимости.

Так, по материалам уголовного дела А. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159^2 УК РФ. По материалам дела А., представив полученное заведомо подложное свидетельство о рождении ребенка, получила государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, которым распорядилась на погашение основного долга и уплату

процентов по договору займа, заключенному с кредитным потребительским кооперативом[1].

Исходя из содержания диспозиции ст. 159[2] УК РФ, субъект данного преступления – общий, т. е. лицо, как не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат, так и обладающее таким правом (например, в случае введения в заблуждение относительно фактов, влияющих на размер выплат). Субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в виде прямого умысла и корыстной целью при получении выплат.

§ 5.5. Особенности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа

Объектом данного вида мошенничества выступают отношения собственности, т. е. юридические полномочия лица владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Предметом являются безналичные денежные средства и электронные денежные средства.

Согласно п. 19 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств[2].

---

[1] Приговор Каякентского районного федерального суда Республики Дагестан от 19 июня 2017 г. по делу № 1-60/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/O1TWJPskC7HU/.

[2] Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 22.12.2020)// СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/.

Согласно ст. 11 Федерального закона № 161 операторами по переводу денежных средств являются:

1) Банк России;

2) кредитные организации, имеющие право на осуществление перевода денежных средств;

3) государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ».

Согласно п. 3 ст. 11 Федерального закона № 161 оператором электронных денежных средств является кредитная организация, в том числе небанковская кредитная организация, имеющая право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций, предусмотренная п. 1 ч. 3 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[1].

Таким образом, при помощи электронных средств платежа похищаются безналичные, в том числе и электронные денежные средства.

Состав по конструкции объективной стороны является материальным. Обязательными признаками объективной стороны мошенничества при получении выплат являются:

1) общественно опасное деяние в форме действия в виде изъятия чужого имущества в виде безналичных, в том числе электронных денежных средств;

2) общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику (размер имущественного ущерба рассчитывается согласно примеч. к ст. 158 УК РФ);

3) причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и наступившими последствиями;

4) способ совершения преступления – обман в существовании у виновного полномочий на использование электронного средства платежа.

---

[1] Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.

Не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как **кражу**[1].

Также не образуют состава мошенничества случаи, «когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража»[2].

Если изготовление, приобретение, хранение, транспортировку поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, лицо совершило в целях их использования им же для совершения преступления, предусмотренного ч. 3 или ч. 4 ст. 158 УК РФ, либо ч. 3 или ч. 4 ст. 159^3 УК РФ, либо ч. 3 или ч. 4 ст. 159^6 УК РФ, которое по не зависящим от него обстоятельствам

---

[1] См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 11 февраля 2019 г. по делу № 10-2181/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCH&n=1111129&ysclid=lmouyearg354083555#2RQ8DqT7sGfoNAA8/.

[2] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

не смогло довести до конца, то содеянное следует квалифицировать как совокупность приготовления к указанному преступлению и оконченного преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, заведомо непригодных к использованию, образует состав мошенничества и подлежит квалификации по ст. 158^{1} УК РФ или соответствующей части ст. 159 УК РФ. В случае, когда лицо изготовило, приобрело, хранило, транспортировало с целью сбыта указанные средства платежа, заведомо непригодные к использованию, однако по не зависящим от него обстоятельствам не смогло их сбыть, содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что эти действия были направлены на совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ[1].

Квалифицирующие признаки данного вида мошенничества:

1) совершение группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 159^{3} УК РФ);

2) совершение лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3 ст. 159^{3} УК РФ);

3) деяния, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159^{3} УК РФ).

---

[1] Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/.

Субъективная сторона совершения мошенничества характеризуется наличием у виновного прямого умысла и корыстной цели. Субъектом рассматриваемого преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего, не являющееся законным владельцем или держателем платежной карты.

§ 5.6. Особенности квалификации мошенничества в сфере страхования

Мошенничество в сфере страхования – это хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Диспозиция данной нормы является бланкетной, поэтому для установления ее признаков следует обратиться к ряду нормативных правовых актов, регламентирующих страховую отрасль. К их числу относят:

1) Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2);

2) Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»[1];

3) Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»;

4) Федеральный закон Российской Федерации от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»;

[1] Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/.

5) Федеральный закон Российской Федерации от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и др.

Объектом мошенничества в сфере страхования выступают отношения собственности, а также интересы страховых организаций.

Предметом страхового мошенничества выступает чужое имущество – страховые возмещения, взносы и премии, подлежащие выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу (денежные средства; имущество, предоставляемое взамен утраченного).

Объективная сторона мошенничества в сфере страхования имеет материальную конструкцию и характеризуется рядом обязательных признаков:

1) общественно опасное деяние, выраженное в хищении чужого имущества;

2) общественно опасные последствия, состоящие в материальном ущербе собственнику;

3) причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием;

4) способ совершения преступления – обман относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Страховым случаем согласно ст. 9 Закона № 4015-1 является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам. Страховым риском является предполагаемое событие, при наступлении которого проводится страхование[1].

---

[1] Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-doc_LAW_1307/.

Страховая выплата (возмещение) – денежная сумма, которая определена в порядке, установленном федеральным законом и (или) договором страхования, и выплачивается страховщиком страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю при наступлении страхового случая[1].

Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[2]:

– мошенничество в сфере страхования путем обмана относительно наступления страхового случая – это представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества);

– мошенничество в сфере страхования путем обмана относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате, – представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю.

Отметим некоторые особенности квалификации мошенничества в сфере страхования и его отграничения от смежных преступлений.

Так, примером квалификации хищения чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая по ст. 159[5] УК РФ являются действия Г., которая, заключив

---

[1] Пункт 3 ст. 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-doc_LAW_ 1307/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

с ЗАО «Страховая группа» комбинированные договоры страхования жизни, здоровья, а также приобретенной ею недвижимости, достоверно зная о том, что страховым случаем является установление ей инвалидности 1-й или 2-й группы, обратилась в Главное бюро медико-социальной экспертизы с подложной выпиской из медицинской карты, на основании которой решением экспертов указанного бюро она была признана инвалидом 2-й группы, после чего, реализуя умысел на совершение преступлений, обратилась в страховые компании с заявлением о выплате ей денежных средств по договорам страхования[1].

Примером квалификации мошенничества в сфере страхования путем обмана относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате, и наступления самого страхового случая являются действия К., вступившего в сговор с иным лицом, чтобы приобрести машину за 1,25 тыс. р. После чего с целью завышения страховой стоимости представили в страховую компанию подложный договор купли-продажи, согласно которому стоимость приобретенного транспортного средства составляла 4 млн р. Затем К. и иное лицо инсценировали дорожно-транспортное происшествие и взыскали по договору страхования денежные средства в размере 6 192 375 р., которыми распорядились по своему усмотрению. Суд квалифицировал их действия по ч. 4 ст. 159[5] УК РФ[2].

Если лицо делает заведомо ложное сообщение в правоохранительные органы об угоне своего автомобиля, намереваясь при этом незаконно получить страховую выплату, содеянное следует

---

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 52-Д13-12 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/s5HXZ57ai4Ww/.

[2] Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 8 ноября 2018 г. 1-125/2018 по делу № 1-496/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vr9NJ7mneR5Q/.

квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 159[5] и 306 УК РФ[1].

Если же сотрудник ГИБДД, имея корыстную заинтересованность в незаконном получении страховой выплаты, составляет подложную справку о ДТП и постановление по делу об административном правонарушении, то при наличии к тому оснований он может быть привлечен к ответственности по ч. 2 ст. 292 УК РФ и ч. 3 ст. 159[5] УК РФ[2].

Мошенничество в сфере страхования следует отличать от состава обычного мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Так, вопреки доводам кассационной жалобы действия У. не подпадают под диспозицию ч. 2 ст. 159[5] УК РФ, поскольку фактически договоров страхования в ходе совершения мошеннических действий не заключалось, обман граждан не связан с наступлением страхового случая либо с размером страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. Его действия были квалифицированы судом по ч. 2 ст. 159 УК РФ и выразились в обмане граждан посредством продажи им недействительных бланков страховых полисов ОСАГО и получения от этого незаконной прибыли[3].

Мошенничество в сфере страхования является оконченным в момент списания денежных средств с лицевого банковского счета страховой компании. Суд дал разъяснения, что по смыслу закона окончанием совершения мошенничества в сфере страхования является момент зачисления денежных средств на банковский счет того лица, которое получает возможность распоряжаться по своему

---

[1] Приговор Ачинского городского суда Красноярского края от 3 мая 2018 г. по делу № 1-251/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/UIQcLdxEBZ6e/.

[2] Приговор Магаданского городского суда от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-399/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cfUTIByvreYJ/.

[3] Постановление Московского городского суда от 18 ноября 2015 г. № 4у/7-6047/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

усмотрению денежными средствами, осуществляя расчеты, не снимая денежные средства с того счета, на который они перечислены в результате совершенного деяния[1].

Неоконченную преступную деятельность, а именно приготовление к мошенничеству в сфере страхования, могут образовывать действия, связанные с предоставлением заведомо ложных сведений, заключение договора (при наличии умысла на совершение мошенничества в сфере страхования). Покушение на мошенничество в сфере страхования образуют такие действия, как фальсификация документов, подтверждающих наступление страхового события, инсценировка страхового случая.

Так, Ф. признана виновной в покушении на мошенничество в сфере страхования. Ф. 13 января 2013 г. стала участницей произошедшего дорожно-транспортного происшествия, в результате которого автомобиль получил множественные повреждения. 15 января 2013 г. Ф. заключила договор страхования на указанное транспортное средство, оформив полис страхования от 8 января 2013 г., таким образом обеспечив себе возможность последующего обращения с данным полисом в страховую компанию для получения страхового возмещения. Однако свой преступный умысел Ф. и установленное лицо не смогли довести до конца по не зависящим от них обстоятельствам, поскольку их противоправные действия относительно представления недостоверных сведений о дате наступления страхового случая были выявлены сотрудниками страховой компании[2].

Субъективная сторона мошенничества в сфере страхования характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла.

Субъектом мошенничества в сфере страхования может быть признано лицо, выполнившее объективную сторону данного

---

[1] Постановление Московского городского суда от 15 апреля 2016 г. № 4у-1719/2016 // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.base.garant.ru/142534140/.

[2] Постановление Московского городского суда от 12 мая 2014 г. № 10-5683/14 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

преступления (например, страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, вступившие в сговор с выгодоприобретателем представитель страховщика, эксперт).

Квалифицирующие признаки мошенничества в сфере страхования: совершение группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 159^5 УК РФ); совершение лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3 ст. 159^5 УК РФ); деяния, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159^5 УК РФ).

Так, участники устойчивой, сплоченной единым преступным умыслом группы с распределением ролей из корыстной заинтересованности на протяжении длительного времени по отработанной схеме совершали преступления, предусмотренные ст. 159^5 УК РФ. В состав группы входил сотрудник правоохранительных органов К. Наряду с хищением чужого имущества они совершили другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной заинтересованности, а именно: получая данные от соучастника, производили оформление подложных документов о дорожно-транспортных происшествиях с участием автотранспортных средств путем внесения в официальные документы заведомо ложных сведений, а затем передавали их для предоставления указанных подложных документов о повреждениях транспортных средств, якобы образовавшихся от ДТП, в страховые компании для незаконного получения страховых возмещений. При этом сотрудник, оформляя подложные документы о ДТП, знал, что они будут использоваться для хищения имущества страховых компаний. К. был признан виновным судом по 13 преступлениям, предусмотренным ч. 4 ст. 159^5 УК РФ, по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159^5 УК РФ, по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159^5 УК РФ, и по 15 преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 285 УК РФ. Оконча-

тельное наказание определено в виде шести лет лишения свободы, а также лишение права занимать должности с наделением властных полномочий сроком на три года[1].

§ 5.7. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации

Статья 159[6] УК РФ предусматривает уголовную ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Проанализировав содержание диспозиции ст. 159[6] УК РФ, можно сделать выводы о некоторых особенностях состава мошенничества в сфере компьютерной информации.

Диспозиция ст. 159[6] УК РФ имеет бланкетный характер. При установлении признаков состава преступления потребуется знание определенных нормативных правовых актов, например: Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; ГК РФ (ч. 4); Федерального закона Российской Федерации от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»; Федерального закона Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и др.

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, связанные с отношениями собственности, независимо от ее формы, дополнитель-

[1] Постановление Московского городского суда от 21 апреля 2015 г. № 4у/9-1740/15 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

ным – правоотношения, обеспечивающие информационную безопасность. Таким образом, рассматриваемое преступление является двухобъектным.

Предметом данного вида мошенничества является чужое имущество и право на чужое имущество, а также компьютерная информация, с помощью которой виновный осуществляет обманные действия и завладевает имуществом или приобретает право на имущество. Определение термина «компьютерная информация» дано в п. 1 примеч. к ст. 272 УК РФ, в котором она определяется как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов независимо от средства их хранения, обработки и передачи.

Состав по конструкции объективной стороны является материальным. Объективная сторона анализируемого вида мошенничества характеризуется следующими признаками:

1) общественно опасное деяние, совершаемое путем действия, т. е. хищение либо приобретение права на чужое имущество;

2) общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба собственнику;

3) причинно-следственная связь между совершенным общественно опасным деянием и наступившими последствиями;

4) способ совершения данного вида мошенничества альтернативен:

– ввод компьютерной информации, т. е. размещение сведений в устройствах ЭВМ для их последующей обработки и (или) хранения;

– удаление компьютерной информации, т. е. совершение действий, в результате которых становится невозможным восстановить содержание компьютерной информации, и (или) в результате которых уничтожаются носители компьютерной информации;

– блокирование компьютерной информации, т. е. совершение действий, приводящих к ограничению или закрытию доступа к компьютерной информации, но не связанных с ее удалением;

– модификация компьютерной информации, т. е. совершение любых изменений сведений (сообщений, данных), представленных в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи;

– вмешательство в функционирование средств хранения, обработки, передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей, т. е. осуществление неправомерных действий, нарушающих установленный процесс обработки, хранения, использования, передачи и иного обращения с компьютерной информацией.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него»[1].

При установлении момента окончания мошенничества в сфере компьютерной информации следует руководствоваться п. 5 постановления № 48, в котором закреплено, что «мошенничество признается оконченным с того момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц,

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению»[1]. Лицо, совершившее мошенничество в сфере компьютерной информации, получает реальную возможность распоряжаться денежными средствами, поступившими на банковский счет, по своему усмотрению с момента их зачисления. То есть оконченным преступление следует считать с момента зачисления средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

В качестве примера оконченного мошенничества в сфере компьютерной информации можно привести следующее решение суда. Г., работая в должности старшего бухгалтера организации и имея, согласно своим служебным полномочиям, законный доступ к автоматизированному программному обеспечению организации, в котором производится расчет заработной платы и иных выплат сотрудникам организации, ввел в электронную платежную ведомость в компьютерной программе данные о начислении себе иных выплат в размере 8,84 тыс. р., не полагавшихся ему, после чего заверил электронную платежную ведомость вверенной ему электронной цифровой подписью. В результате чего банк перечислил на счет Г. указанную сумму, он распорядился ей по своему усмотрению. С целью сокрытия содеянного Г. ввел в программном обеспечении организации записи о распределении этой денежной суммы как расходы на материальные выплаты различным подразделениям организации, которые в действительности не производились. Таким образом, Г., используя свое служебное положение, путем ввода заведомо ложной компьютерной информации и иного вмешательства

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/.

в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, совершил хищение денежных средств, принадлежащих ООО. Суд квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 159[6] УК РФ[1].

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 159[6] УК РФ, характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Субъект преступления – общий, т. е. физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Согласно п. 21 постановления № 48 «если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по ст. 159, а не 159[6] УК РФ»[2].

Примером, иллюстрирующим применение данного положения, может служить следующее уголовное дело. Е. с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет создал сайт, с которого стал осуществлять рассылку объявлений на сайте «Авито» с заведомо ложной информацией о продаже комплектующих деталей к компьютерной технике. Получив на свой аккаунт на сайте «Авито» сообщение от незнакомого ему М., в котором последний выражал заинтересованность в приобретении видеокарты на персональный компьютер, Е., обманывая М., представившись продавцом компьютерной техники под вымышленным именем А., подтвердил свои намерения продать ему видеокарту после перечисления оплаты за товар, сообщив ему реквизиты платежного сервиса

---

[1] Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 15 мая 2014 г. по делу № 1-49/2-14 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Qi3HnbaBGg5p/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 283918/.

«ЯндексДеньги», куда М. перевел денежные средства в размере 15,5 тыс. р. Е. был осужден по ч. 2 ст. 159 УК РФ за мошенничество с причинением значительного ущерба[1].

Следует отметить, в п. 20 постановления № 48 разъяснено, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст.ст. 272, 273 или 274[1] УК РФ[2].

По уголовному делу суд вынес обвинительный приговор, в котором была дана правильная и полная уголовно-правовая оценка совершенного преступления. З. создал преступную группу с целью хищения безналичных денежных средств со счетов их владельцев. Участники группы приобретали неограниченное количество сим-карт, используемых для массовой рассылки СМС-сообщений с целью распространения вредоносных компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации, создавая таким образом условия для получения вредоносного программного обеспечения неограниченным кругом лиц из числа посетителей вышеуказанного сайта, с целью последующего хищения денежных средств лиц, чьи абонентские номера привязаны услугой «мобильный банк» к банковским картам. В целях конспирации они осуществляли переводы похищенных денежных средств с зараженных мобильных телефонов на абонентские номера сотовых телефонов операторов, на счета банковских карт, электронные кошельки различных платежных систем. Действия участников

---

[1] Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 14 ноября 2017 г. по делу № 1-358/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xReh6XzWQ8gj/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_283918/.

организованной группы были квалифицированы по ч. 4 ст. 159[6] и ч. 2 ст. 273 УК РФ[1].

§ 5.8. Особенности квалификации присвоения или растраты

Присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) – это хищение чужого имущества, вверенного виновному. Несмотря на то, что законодатель объединил в одной статье уголовную ответственность за присвоение или растрату, это самостоятельные формы хищения, обладающие всеми его признаками, имеющие один предмет посягательства – вверенное имущество, и различающиеся только внешним проявлением самих деяний.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» даны разъяснения по квалификации указанных форм хищения.

Присвоение или растрата, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ), наряду с непосредственным объектом – собственнстью – причиняют вред и факультативному объекту – общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также интересы службы в коммерческих или иных организациях, которым виновный наносит вред, используя свое служебное положение.

Отнесение в теории уголовного права присвоения и растраты к имущественным преступлениям[2] выражает важную черту указанных деяний: их предмет – имущество. Наличные денежные

---

[1] Приговор Московского районного суда г. Чебоксары от 4 июня 2018 г. по делу № 1-180/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ak01iXujK6gv/.

[2] См.: Борьба с хищениями, совершаемыми путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением. М. : Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел МФЮЗО при Академии СССР, 1980. С. 7.

средства, безналичные денежные средства, электронные денежные средства также являются предметом присвоения или растраты. Но предметом здесь выступает не любое имущество, а только «вверенное», как указано в диспозиции ст. 160 УК РФ.

В п. 23 Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснил, что при присвоении и растрате похищенное имущество находится в правомерном *владении* либо *ведении* этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляет полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества.

В русском языке «ведать» означает «заведовать или править, управлять, распоряжаться по праву», а «вверить» – «поручить, доверив»[1].

Эволюцию появления понятий «владение» и «ведение» можно проследить в ранее действующих нормах об уголовной ответственности за присвоение или растрату. Дело в том, что диспозиция ст. 92 УК РСФСР 1960 г. была сформулирована как «присвоение либо растрата государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением».

Полномочия по владению имуществом распространялось на случаи, когда лицо передавало другому лицу вещь и право владения вещью, при этом оставаясь собственником этого имущества. Таким образом, владельцем имущества фактически и юридически становилось лицо, с которым заключен договор

[1] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. М. : А Темп, 2007. С. 70–71.

о полной материальной ответственности, договор аренды, проката, передачи на ответственное хранение и иные договоры. Такое имущество и сейчас считается вверенным виновному.

При раскрытии содержания хищения в форме злоупотребления должностного лица своим служебным положением в юридической литературе отмечалось, что указанная форма хищения выражается в разнообразных способах изъятия имущества из фондов государства или общественной организации. Так, к ним относилось противоправное изъятие имущества, находящегося в оперативно-хозяйственном управлении виновного, а также незаконное оформление документов, создающих права на изъятие социалистического имущества[1].

В первом случае должностное лицо использует предоставленные ему по службе полномочия отдавать приказы, указания, распоряжения материально ответственным лицам о передаче имущества в свою пользу или в пользу других лиц.

Во втором случае должностное лицо злоупотребляет предоставленными ему полномочиями по совершению имеющих юридическое значение действий, создающих права на приобретение имущества. При этом он сам или другие лица приобретают права на его получение. Но последние лишь внешне легальны, а по существу незаконны[2].

Таким образом, согласно указанным разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в ведении имущество может находиться у лица, которое в силу должностного или иного служебного положения,

---

[1] См.: Гаухман Л. Д. Ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества. М. : Профиздат, 1990. С. 57–58.

[2] Борьба с хищениями, совершаемыми путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением. М. : Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел МФЮЗО при Академии СССР, 1980. С. 34. ; См. также: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 : учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комисарова. М. : Зерцало-М, 2002. С. 442–443.

договора либо специального поручения осуществляет полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества.

Согласно нормам Гражданского кодекса Российской Федерации распоряжение имуществом предполагает возможность лица по своему усмотрению продать, подарить, завещать, отдать в залог либо распорядиться им иным образом.

Управление имуществом – это совершение в отношении этого имущества любых юридических и фактических действий в интересах выгодоприобретателя (например, отчуждение по договору, уничтожение и т. д.).

Под доставкой необходимо понимать перемещение, сопровождение имущества к месту назначения. Ст. 784 ГК РФ использует термин «перевозка», под которым понимается перевозка грузов, пассажиров и багажа отдельными видами транспорта.

В соответствии со ст. 785 ГК РФ по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату.

Заключение договора перевозки груза подтверждается составлением и выдачей отправителю груза транспортной накладной (коносамента или иного документа на груз, предусмотренного соответствующим транспортным уставом или кодексом).

Пользование – это юридически обеспеченная возможность эксплуатации имущества, его потребление, извлечение полезных свойств, иных доходов. Как правило, полномочия передачи имущества собственником во владение или ведение лица фиксируются в различных документах. При этом сделки могут быть совершены устно (ст. 159 УК РФ). Согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 742-О закрепление нормами гражданского законода-

тельства частноправовых последствий несоблюдения требований к совершению сделки не исключает возможности наступления уголовной ответственности за совершение действий, содержащих признаки хищения[1].

А. признан виновным в растрате вверенного имущества, совершенного с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 160 УК РФ). Так, А. согласно договоренности с потерпевшей получил от последней в возмездное пользование квартиру, а также находящиеся в указанной квартире предметы мебели и бытовой техники, в том числе телевизор марки AKAI для использования их в период проживания.

А., реализуя умысел, направленный на хищение вверенного ему имущества, путем растраты с причинением значительного ущерба гражданину, действуя незаконно, умышленно, из корыстных побуждений, похитил телевизор марки AKAI, принадлежащий потерпевшей, незаконно обратив данное имущество в свою пользу и реализовав его в комиссионный магазин «Чулан», тем самым причинив потерпевшей значительный материальный ущерб на сумму 5,5 тыс. р.[2].

В соответствии со ст. 886 ГК РФ по договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности. Хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение.

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 742-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юкова Ильи Андреевича на нарушение его конституционных прав п. 1 примеч. к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26042016-n-72-o?ysclid=lmovfknm2p523329037/.

[2] Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 13 октября 2017 г. по делу № 1-563/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Z9S3GMs5d5We/.

Е. признан виновным в растрате вверенного имущества в особо крупном размере по ч. 4 ст. 160 УК РФ. Так, Е., воспользовавшись тем, что на основании устной договоренности специального поручения от ООО «Стройкомплект» осуществлял полномочия по хранению комплекса, состоящего из элементов бетонно-растворного узла МЕКАМІХ, измерительного и испытательного оборудования, корпуса модульной гостиницы, имел беспрепятственный доступ на территорию, где хранился указанный комплекс, растратил вверенное ему имущество, чем причинил ООО «Стройкомплект» имущественный ущерб в размере 3 887 297,49 р., что является особо крупным размером[1].

Соответственно, при установлении рассмотренных полномочий по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении вверенного имущества курьеры, экспедиторы, кассиры и др. должны подлежать уголовной ответственности за присвоение или растрату.

В п. 23 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 разъяснено, что при хищении чужого имущества лицом, не обладающим такими полномочиями, но имеющим к нему доступ в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно квалифицироваться как кража.

Присвоение и растрата относятся к преступлениям с материальным составом.

Согласно п. 24 указанного ранее постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника.

Важно отметить, что, формулируя понятие присвоения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации при определении

---

[1] Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 20 июля 2021 г. по делу № 1-81/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1XIwYiuV4AP/.

самого деяния использует термин «обращение» (один из законодательных признаков хищения) и направленность этого обращения в «свою пользу». Из этого можно сделать вывод, что присвоение состоит только из обращения чужого имущества, и только в свою пользу.

Тем не менее, действия по переводу имущества из правомерного в неправомерное владение могут иметь место в трех случаях:

1) в случае физического перемещения имущества с места его нахождения при отсутствии на то законных оснований, т. е. его физического обособления;

2) в случае юридического обособления (например, незаконного списания имущества);

3) в случае удержания вверенного имущества[1].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 указано, что присвоение считается оконченным с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Растрата состоит в противоправных действиях лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам.

В данном разъяснении Пленум Верховного Суда Российской Федерации не использует признаков хищения, закрепленных в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ, в отличие от присвоения вверенного

[1] Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / [Д. А. Безбородов и др.]. Санкт-Петербург, 2020. С. 92.

имущества. Само деяние Пленум Верховного Суда Российской Федерации формулирует как «истратило вверенное ему имущество». Среди способов этого деяния указаны его потребление, расходование или передача другим лицам.

Растрата окончена с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

Важным признаком разграничения присвоения от растраты является отсутствие временного промежутка неправомерного владения похищенным имуществом при растрате. Присвоение никогда не перерастет в растрату. Совершенно невозможно, чтобы одно оконченное хищение (присвоение) затем при реализации присвоенного превращалось в другое (растрату). Если имущество уже присвоено, то нечего растрачивать, ибо последующее распоряжение похищенным находится за пределами состава хищения. Если же имущество растрачено, то оно не может быть присвоено, так как в результате отчуждения исчезает предмет для присвоения. Вот почему выражение «виновный присвоил и растратил имущество», если оно относится к одному и тому же имуществу, является неправильным. В одном эпизоде данное имущество может быть либо присвоено, либо растрачено. Таким образом, растрата как отдельная самостоятельная форма хищения не связана с присвоением и не является последующим после него этапом преступной деятельности[1].

Важным для квалификации, является положение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48, согласно которому, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений.

---

[1] Волженкин Б. В. Квалификация хищений государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением : конспект лекций. Л., 1987. С. 12–13.

При установлении имущественного ущерба как конструктирного признака рассматриваемого преступления необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ при стоимости похищенного имущества, не превышающей 2,5 тыс. р., хищение путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных чч. 2, 3, 4 ст. 158 УК РФ, ст. 158^{1} УК РФ, чч. 2, 3, 4 ст. 159 УК РФ, чч. 2, 3, 4 ст. 159^{1} УК РФ, чч. 2, 3, 4 ст. 159^{2} УК РФ, чч. 2, 3, 4 ст. 159^{3} УК РФ, чч. 2, 3, 4 ст. 159^{5} УК РФ, чч. 2, 3, 4 ст. 159^{6} УК РФ, чч. 2, 3 ст. 160 УК РФ, за исключением случаев, предусмотренных ст. 14.15.3 КоАП РФ, является мелким и признается не преступлением, а административным правонарушением.

Соответственно, при присвоении и растрате вверенного имущества необходимо, чтобы стоимость похищенного превышала 2,5 тыс. р., за исключением случаев, когда имеются квалифицирующие признаки, указанные в чч. 2–4 ст. 160 УК РФ.

Помимо этого, повсеместно возникают сложности в определении размера похищенного. Постановлением от 8 декабря 2022 г. № 53-п «По делу о проверке конституционности п. 1 примеч. к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом тихоокеанского Флотского военного суда» решено, что при определении признаков хищения, совершенного путем обмана о наличии оснований для начисления или увеличения заработной платы (денежного довольствия), не подлежит включению в его размер сумма налога на доходы физических лиц, которая исчислена и удержана налоговым агентом.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 решен важный вопрос об определении размера хищения, когда взамен изымаемого имущества виновный предоставляет другое, менее ценное. На квалификацию содеянного влияет стоимость изъятого имущества, оставленное же взамен имущество может влиять на размер ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу имущества.

Присвоение и растрата – составы преступлений, характеризуемые наличием специального субъекта. Субъект присвоения и растраты должен обладать как общими признаками, предусмотренными в ст. 19 УК РФ, так и специальными, указанными в ст. 160 УК РФ. То есть субъектом присвоения и растраты является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, которому имущество вверено.

Субъективная сторона присвоения и растраты предполагает установление двух обязательных признаков – умышленной формы вины в виде прямого умысла и корыстной цели.

Корыстная цель состоит в том, что, совершая хищение, виновный стремится обогатиться сам или обогатить других лиц за счет чужого имущества с нарушением порядка распределения материальных благ, установленного законодательством[1].

В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 разъяснено, что, разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, противоправный охват умыслом лица, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц.

Таким образом, подчеркивается субъективная противоправность – понимание лицом, которое завладело имуществом, что у него нет ни действительного, ни предполагаемого права на это имущество. В ином случае, если лицо действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства,

[1] См.: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИнфоР, 2005. С. 360.

не исполненного собственником имущества), при наличии оснований, деяние должно квалифицироваться как самоуправство[1].

Предполагаемое право основывается на добросовестном заблуждении лица о наличии у него права на имущество, тогда как в действительности такого права не существует, и характеризует субъективное отношение к завладению имуществом, на которое, по ошибочному мнению лица, у него имеется право. Поскольку уголовный закон не допускает объективного вменения, привлечение к уголовной ответственности за хищение при наличии предполагаемого права исключается[2].

Противоправную безвозмездность присвоения и растраты вверенного имущества необходимо разграничивать от так называемого «временного позаимствования». Если лицо намеревалось возвратить это имущество или возместить эквивалент его стоимости, и имело реальную возможность это сделать, состава хищения не будет. Так, речь идет о случаях, когда, например, кассир берет из кассы денежные средства, но к моменту проверки весь долг погашает.

В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 закреплено, что направленность умысла в каждом подобном случае должна определяться судом исходя из конкретных обстоятельств дела, например, таких как наличие у лица реальной возможности возвратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия.

При этом необходимо учитывать, что частичное возмещение ущерба потерпевшему само по себе не может свидетельствовать

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

[2] Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / [Д. А. Безбородов и др.]. Санкт-Петербург, 2020. С. 101.

об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества.

Если умысел виновного был направлен на хищение имущества в крупном или особо крупном размере, но не реализовался по причинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на хищение в указанных размерах (ч. 3 ст. 30 УК РФ) независимо от стоимости фактически присвоенного или растраченного имущества.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки хищения чужого имущества, вверенного виновному, аналогичны квалифицирующим и особо квалифицирующим признакам мошенничества и были проанализированы ранее. Рассмотрим только особенности квалификации указанных признаков присвоения и растраты вверенного имущества.

1. **Присвоение или растрата, совершенные группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 160 УК РФ).**

В п. 28 анализируемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 также разъяснено, что присвоение или растрату надлежит считать совершенными группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта этих преступлений, которые заранее договорились о совместном совершении преступления.

Поскольку речь в присвоении и растрате идет исключительно о специальных субъектах, исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ лица, не обладающие указанными признаками специального субъекта, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества ввиду предварительной договоренности с субъектом, должны нести уголовную ответственность в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

2. **Присвоение или растрата, совершенные лицом с использованием своего служебного положения** (ч. 3 ст. 160 УК РФ).

Субъектами присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, являются:

а) должностные лица, указанные в примеч. 1, 2 и 3 к ст. 285 УК РФ;

б) государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами (примеч. 4 к ст. 285 УК РФ);

в) лица, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (примеч. 1 к ст. 201 УК РФ).

3. **Присвоение или растрата, совершенные организованной группой (ч. 4 ст. 160 УК РФ).**

Организованная группа обладает более высокой внутренней организацией по сравнению с группой лиц по предварительному сговору, поэтому в соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ установлены и более жесткие требования к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Так, организатор либо руководитель такой группы подлежит уголовной ответственности за все хищения, совершенные группой, если они охватывались его умыслом независимо от того, принимал ли он в их совершении непосредственное участие. Другие участники организованной группы несут ответственность за участие в хищениях, в подготовке или совершении которых они участвовали.

«Участники организованной группы могут выполнять роль исполнителей преступления, но могут и не принимать непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления, что чаще всего и происходит. Члены группы для того и организуются, чтобы объединение происходило путем четкого распределения функций по совершению преступлений. Все соучастники с момента вступления в организованную группу становятся ее членами и независимо от места и времени совершения преступления и характера фактически выполняемых ролей признаются соисполнителями. Согласно ч. 2 ст. 34 УК РФ они несут ответственность по статье Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, без ссылки на ст. 33 УК. В этом случае законодатель обоснованно переносит

центр тяжести ответственности с роли каждого соучастника на организованный характер совершения преступления»[1].

Необходимо отметить, что согласно ч. 6 ст. 35 УК РФ только само «создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана».

Согласно п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48, в организованную группу по смыслу ч. 3 ст. 35 УК РФ могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта, предусмотренного ст. 160 УК РФ, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. В случае признания присвоения или растраты, совершенными организованной группой, действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по ч. 4 ст. 160 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Ю. признан виновным в растрате вверенного имущества, совершенного организованной группой (ч. 4 ст. 160 УК РФ).

Ю., будучи начальником склада горючего, действуя в составе организованной преступной группы совместно с другими военнослужащими в/ч 45118, с использованием своего служебного положения, путем заправки незаконно списанного топлива в гражданский топливозаправщик совершил растрату вверенного имущества – авиационного топлива в количестве 952 912 кг, предназначенного для заправки самолетов МиГ-31 и Су-27, причинив материальный ущерб Министерству обороны Российской Федерации в особо крупном размере на сумму 38 222 739 р. 63 к.

Ю. в силу должностных обязанностей является материально ответственным лицом и отвечает, в частности, за прием авиаци-

---

[1] Уголовное право России. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2005. С. 358.

онного топлива, последующую выдачу на пункт заправки горючим, т. е. обладает административно-хозяйственными полномочиями и является должностным лицом.

А. разработал план, в целях осуществления которого создал организованную группу с длительным стабильным и неизменным составом ее участников, сплоченных единой преступной целью, со структурной определенностью группы, наличием в ней управления, тесного взаимодействия и системы связи между участниками, распределением ролей в совершении преступления между участниками при согласованности их действий, постоянстве форм и методов организованной преступной деятельности, в состав которой согласились войти военнослужащие в/ч 45118, в том числе и Ю.

В результате исполнения требований других участников преступной группы в авиационных эскадрильях в период с 1 января по 31 декабря 2018 г. осуществлялось незаконное списание авиационного топлива, которое хранилось на складе и в дальнейшем в различные периоды времени 2018 г. под руководством Ю. перевозилось другими членами группы на склад в объеме образовавшихся излишек, где Ю. осуществлял их растрату путем заправки гражданского топливозаправщика.

За указанные преступные действия организатор преступной группы в различные периоды времени 2018 г. передавал членам группы денежные средства в размере объемов незаконно списанного авиационного топлива из расчета 6 р. за каждый незаконно списанный литр, а Ю. ежемесячно в течение 2018 г. денежные средства в размере 50 тыс. р.

Вышеописанными действиями в период с 1 января по 31 декабря 2018 г. участниками преступной группы незаконно списаны и созданы излишки авиационного топлива ТС-1 в размере 952 912 кг, которые Ю. растратил путем сбыта гражданским лицам, чем причинил ущерб Министерству обороны Российской

Федерации в особо крупном размере на общую сумму 38 222 739 р. 63 к.[1].

§ 5.9. Особенности квалификации незаконного предпринимательства

В качестве объективной стороны ст. 171 УК РФ рассматривается четыре формы преступных действий:

а) осуществление предпринимательской деятельности без регистрации;

б) осуществление предпринимательской деятельности без лицензии, когда такая лицензия обязательна;

в) осуществление предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации;

г) осуществление предпринимательской деятельности без аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств.

За исключением случаев, предусмотренных ст. 171^3 УК РФ.

Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации имеет место, когда:

1) хозяйствующий субъект полностью уклоняются от регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица, не намереваясь ее осуществить, хотя имеет право на регистрацию;

2) хозяйствующий субъект представил заявление и все необходимые документы в орган юстиции и, не дожидаясь получения регистрационного свидетельства, начал экономическую деятельность;

3) предпринимательская деятельность осуществляется после получения отказа в регистрации или продолжается после аннулирования регистрационного свидетельства по решению органа, выдавшего его, либо по решению суда.

---

[1] Приговор Тверского гарнизонного военного суда от 26 февраля 2020 г. по делу № 1-8/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KO7KRc8WzVmQ/?ysclid=lelsmh94mr186943376.

Осуществление предпринимательской деятельности без лицензии означает, что индивидуальный предприниматель или юридическое лицо имеют регистрационное свидетельство на право ведения предпринимательской деятельности, но не имеют лицензии на тот вид экономической деятельности, который они осуществляют, когда такая лицензия обязательна.

Обязательная аккредитация в национальной системе предусмотрена для органов по сертификации, испытательной лаборатории (центра), органа инспекции, провайдера межлабораторных сличительных испытаний, в области обеспечения единства измерений. Она осуществляется на основании Закона об аккредитации, в соответствии с которым аккредитация в национальной системе аккредитации – подтверждение национальным органом соответствия юридического лица или индивидуального предпринимателя критериям, являющееся официальным свидетельством компетентности юридического лица или индивидуального предпринимателя осуществлять деятельность в определенной области аккредитации[1].

Порядок аккредитации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей (заявителей) в целях осуществления деятельности по проведению технического осмотра определяется Федеральным законом от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этим же Законом определена ответственность операторов технического осмотра за выдачу диагностической карты, содержащей заключение о возможности эксплуатации, в отношении транспортного средства, не соответствующего обязательным требованиям безопасности, а также за несоблюдение иных требований, установленных данным Федеральным законом. Закон устанавливает, что технический осмотр

[1] Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / [А. А. Гравина и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Контракт, 2020. С. 117.

транспортных средств могут осуществлять только аккредитованные в установленном порядке на право проведения технического осмотра операторы, что предполагает обязанность этих субъектов пройти аккредитацию[1].

При осуществлении незаконной предпринимательской деятельности во второй, третьей и четвертой форме тоже возможны три варианта поведения, как и при первой форме.

Говоря о преступлении, предусмотренном ст. 171 УК РФ, следует исходить из того, что речь идет об осуществлении именно предпринимательской деятельности. В связи с этим первоначальным вопросом при квалификации данного деяния возникает следующий об отнесении той или иной деятельности к предпринимательской. Дело в том, что не каждая деятельность физического лица, которая предусматривает получение прибыли, может рассматриваться в качестве предпринимательской. К такой деятельности законодатель в ст. 2 ГК РФ относит самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. При этом лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено законодательством.

Исходя из определения, выделим признаки предпринимательской деятельности:

1) является самостоятельной (обладает организационной и имущественной самостоятельностью) деятельностью;

2) направлена на получение прибыли систематически;

---

[1] Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / [А. А. Гравина и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Контракт, 2020. С. 118.

3) связана с использованием имущества, продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг;

4) осуществляется самостоятельно на свой риск;

5) осуществляется лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Рассмотрим некоторые признаки, установление которых вызывает наибольшие сложности.

Во-первых, это установление содержания самостоятельной деятельности. В настоящее время в рамках гражданского права выделяются два вида самостоятельности: организационная и имущественная. Данный признак в указанном праве имеет важное значение, так как позволяет определить, с кем можно заключать договор, а также, к кому и в каком суде необходимо предъявлять возможные претензии, т. е. речь ведется о дееспособности субъекта отношений.

Для уголовного права в данном случае более важно несколько иное. В частности, стоит вопрос о деликтоспособности. Рассмотрим разницу подходов на примере. В каком-то месте расположился магазин, являющийся частью торговой сети. В рамках гражданско-правовых отношений данный магазин не может участвовать от собственного имени в гражданско-правовых отношениях, так как он не обладает, как правило, ни имущественной, ни организационной самостоятельностью. Имущество ему вверяется, однако это не определяет имущественную самостоятельность. И ответственность несет не магазин или его руководство, а вся сеть целиком, в том числе и при совершении административного правонарушения в рамках осуществления деятельности, связанной с деятельностью всей сети.

Таким образом, возникает вопрос о том, можно ли рассматривать деятельность конкретного магазина в рамках определения возможного уголовно наказуемого деяния. Например, если у сети в целом отсутствует лицензия на продажу спиртных напитков, а в конкретном магазине осуществляется их продажа.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» указывается на то, что «если юридическое лицо, имеющее специальную правоспособность для осуществления лишь определенных видов деятельности (например, банковской, страховой, аудиторской), занимается также иными видами деятельности, которыми оно в соответствии с учредительными документами и имеющейся лицензией заниматься не вправе, такие действия, сопряженные с неправомерным осуществлением иных видов деятельности, должны рассматриваться как незаконная предпринимательская деятельность без регистрации либо незаконная предпринимательская деятельность без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение обязательно»[1]. Но это касается случаев, если такова политика, определяемая центральными органами сети в целом. А если речь идет о решении в рамках конкретного магазина, следует установить, чьим было решение о совершения противоправного деяния и в чьих интересах. При этом не имеют значение уровень и полномочия данного лица.

В п. 10 постановления № 23 указывается, что «при осуществлении организацией (независимо от формы собственности) незаконной предпринимательской деятельности ответственности по ст. 171 УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (например, руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица),

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/.

а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации»[1].

В п. 11 постановления № 23 отмечается: «Если лицо (за исключением руководителя организации или лица, на которое постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией) находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем, которые осуществляют свою деятельность без регистрации, с нарушением правил регистрации, без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением лицензионных требований и условий или с предоставлением заведомо подложных документов, то выполнение этим лицом обязанностей, вытекающих из трудового договора, не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ»[2].

Примером такой ситуации могут быть обстоятельства дела, рассмотренного Кузнецким районным судом Пензенской области 25 декабря 2018 г. Ш., не являясь индивидуальным предпринимателем, с целью осуществления предпринимательской деятельности от имени ИП, состоящего на налоговом учете в МИФНС России № 1 по Пензенской области, получил от последнего доступ к учредительным и регистрационным документам, расчетному счету ИП, открытому в АО, а также печати ИП, после чего в установленный период осуществлял от его имени незаконную предпринимательскую деятельность, реализуя товары, оказывая транспортные услуги и выполняя строительные работы физическим и юридическим лицам. В результате Ш. получил доход в особо крупном размере на общую сумму 11 359 162 р. 51 к.[3].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/.

[2] Там же.

[3] Официальный сайт Кузнецкого районного суда Пензенской области. URL: http://kuznetsky.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=568/.

Следующим проблемным признаком является систематичность получения прибыли. На практике сложились три подхода при определении его наличия.

Первый подход основывается на кратности получения прибыли за совершенные деяния. Так, если человек осуществляет сделки по продаже товара и за каждую получает прибыль, можно вести речь о систематичности при совершении нескольких таких сделок. Этот подход чаще всего встречается в квалификации действий виновных судами при вынесении решений.

Другой подход предполагает кратность получения прибыли за совершения разовой сделки. То есть при совершении такой сделки деятельность можно считать предпринимательской, если обнаруживается систематическое получение дохода в настоящий момент и в перспективе. Ярким примером подобных разовых сделок могут служить операции по лизингу, которые предусмотрены Федеральным законом Российской Федерации от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», когда лицо заключило одну сделку на некоторый срок и в дальнейшем систематически получает от нее доход.

Третий подход наоборот предполагает, что лицо получило однократно прибыль за систематически осуществляемые действия в течение длительного времени. Так, 24 мая 2018 г. Московский районный суд Санкт-Петербурга, рассмотрев уголовное дело, признал виновным Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. В установленный период времени обвиняемый, являясь единоличным исполнительным органом – генеральным директором ЗАО «РЕОМ», не имея соответствующего разрешения (лицензии) на разработку, производство, испытание, установку, монтаж, техническое обслуживание, ремонт, утилизацию и реализацию вооружения и военной техники, в случаях, когда такая лицензия обязательна в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и постановлением Правительства Российской Федерации

от 13 июня 2012 г. № 581 «О лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники», осуществил незаконную предпринимательскую деятельность, а именно: не имея лицензии, реализовал в адрес Уральского оптико-механического завода изделия ФУЛ-116 и ФУЛ-123, являющиеся предметами снабжения, отнесенными к вооружению и военной технике, при этом извлек доход в сумме 21 433 440 р., т. е. в особо крупном размере.

Существенной проблемой для определения возможности привлечения к ответственности по ст. 171 УК РФ выступает характер осуществляемой деятельности. Так, в постановлении № 23 указывается, что некоторые виды деятельности, которые по сути можно отнести к предпринимательской, требуют самостоятельной квалификации, без ссылки на ст. 171 УК РФ.

«Действия лица, занимающегося частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью без соответствующего специального разрешения (лицензии), если они повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть человека, надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 235 УК РФ.

В том случае, когда осуществление частной медицинской практики или частной фармацевтической деятельности без соответствующего специального разрешения (лицензии) не повлекло последствий, указанных в ст. 235 УК РФ, но при этом был причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо извлечен доход в крупном размере или в особо крупном размере, действия лица следует квалифицировать по соответствующей части ст. 171 УК РФ»[1].

[1] Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_50363/.

«В тех случаях, когда не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя лицо приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, но в связи с отсутствием необходимости в использовании этого имущества временно сдало его в аренду или внаем и в результате такой гражданско-правовой сделки получило доход (в том числе в крупном или особо крупном размере), содеянное им не влечет уголовной ответственности за незаконное предпринимательство. Если указанное лицо уклоняется от уплаты налогов или сборов с полученного дохода, в его действиях при наличии к тому оснований содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ»[1].

«В тех случаях, когда лицо, имея целью извлечение дохода, занимается незаконной деятельностью, ответственность за которую предусмотрена иными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (например, незаконным изготовлением огнестрельного оружия, боеприпасов, сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов), содеянное им дополнительной квалификации по ст. 171 УК РФ не требует»[2].

Отдельные спорные моменты возникают при разграничении деяния, предусмотренного ст. 171 УК РФ, и другими правонарушениями.

Прежде всего необходимо разграничение незаконного предпринимательства как преступления и как административного правонарушения.

---

[1] Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_50363/.

[2] Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/.

Незаконное предпринимательство в административном законодательстве регулируется гл. 14 КоАП РФ. Статья 171 УК РФ схожа со ст. 14.1 КоАП РФ в формулировке форм объективной стороны: это деятельность без регистрации и без специального разрешения (лицензии). Деятельность, осуществляемая с нарушением условий, предусмотренных лицензией, была исключена из диспозиции ст. 171 УК РФ – законодатель ограничился лишь административной ответственностью в силу малозначительности или в связи со сложностью в определении причинно-следственной связи между данным деянием и наступлением общественно опасных последствий в виде извлечения крупного или особо крупного дохода или причинения крупного ущерба.

Отличие данных составов состоит в общественно опасных последствиях: если при занятии незаконной предпринимательской деятельностью не был причинен крупный ущерб гражданам, обществу или государству и не извлечен крупный или особо крупный доход, то лицо не подлежит уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ, а привлекается к административной ответственности.

В соответствии с положениями, содержащимися в примеч. к ст. 170^2 УК РФ, в преступлении, предусмотренном ст. 171 УК РФ, признаются крупными ущерб или размер дохода, если их сумма превышает 2 млн 250 тыс. р.

При определении ущерба следует исходить из положений Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющих ответственность за причинения вреда. В частности, следует руководствоваться разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлениях от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»[1], от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/.

особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[1] и от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[2], относительно ущерба, подлежащего возмещению лицом, совершившим преступление.

«Под доходом в статье 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности»[3].

Субъективная сторона незаконного предпринимательства, сопряженного с извлечением дохода в крупном размере, может быть выражена только в прямом умысле. При наличии такого признака как крупный ущерб, умысел может быть как прямой, так и косвенный.

Мотив и цель совершения незаконного предпринимательства на его квалификацию не влияют.

«По смыслу закона субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, может быть как лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, так и лицо, осуществляющее

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_148355/.

[3] Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/.

предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

При осуществлении организацией (независимо от формы собственности) незаконной предпринимательской деятельности ответственности по ст. 171 УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (например, руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации.

Если лицо (за исключением руководителя организации или лица, на которое постоянно, временно или по специальному полномочию непосредственно возложены обязанности по руководству организацией) находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем, которые осуществляют свою деятельность без регистрации, с нарушением правил регистрации, без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением лицензионных требований и условий или с предоставлением заведомо подложных документов, то выполнение этим лицом обязанностей, вытекающих из трудового договора, не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ»[1].

В теории уголовного права под смежными составами понимают, как правило, нормы, имеющие общие объективные и субъективные признаки.

Анализируя уголовное законодательство, можно понять, что незаконное предпринимательство является общей нормой, из которой уже вытекают или схожи по признакам отдельные составы преступлений, указанные ниже.

---

[1] Пункты 10, 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_ doc_ LAW_50363/.

«Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации» (ст. 171[1] УК РФ) – данная статья является специальной нормой по отношению к ст. 171 УК РФ[1].

Объектом преступления здесь, как и в незаконном предпринимательстве, выступает установленный порядок занятия предпринимательством, а конкретно маркирование знаками соответствия товаров и продукции, реализуемых на территории Российской Федерации, а также предпорядок учета движения данных товаров[2]. Например, обязательному маркированию подлежат товары, предусмотренные Федеральным законом Российской Федерации от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», т. е. алкогольная продукция, кроме указанных данным законом напитков, подлежит обязательному маркированию.

Объективная сторона заключается в производстве, приобретении, хранении или перевозки в целях сбыта или сбыте товаров и продукции, подлежащих обязательной маркировке, т. е. лицом осуществляются определенные незаконные предпринимательские действия, что является отличием данного состава от незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). Еще одно отличие заключается в исчислении крупного размера, который определяется стоимостью немаркированной продукции.

В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации выдвигает следующую позицию: признавать совокупностью преступлений ст.ст. 171 и 171[1] УК РФ, при наличии признаков, описываемых

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. А. Чекалина. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2007.

[2] Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / [М. П. Журавлев и др.] ; под ред. А. И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. С. 425.

в диспозиции обеих статей, а также ст.ст. 171 и 238 УК РФ, если «выполнение работ или оказание услуг, не отвечало требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей».

«Незаконная банковская деятельность» (ст. 172 УК РФ) – диспозиция статьи аналогична ст. 171 УК РФ, во многом схожа по объективным и субъективным признакам.

Отличие составляет общественная опасность, которая по сравнению с незаконным предпринимательством заключается в подрыве основ нормального функционирования банковской системы государства, изменяет отношения к ним людей и организациям. В силу бланкетности статьи для определения признаков банковской деятельности необходимо обращаться к федеральным законам от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также другими федеральными законами и ведомственными нормативными актами Банка России.

Дискуссии по поводу уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица и уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст.ст. 198 и 199 УК РФ) идут и по настоящий день. Вопрос заключается в том, является ли совокупностью преступлений осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или специального разрешения (лицензии) с одновременной неуплатой налогов и (или) сборов.

Ответ на данный вопрос дает нам Верховный Суд Российской Федерации, постановивший, что налоги и (или) сборы с доходов, полученных в результате такой деятельности, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, и что данные доходы являются вещественными доказательствами и не подлежат налогообложению, а изымаются в пользу государства.

Таким образом, отличие состоит в том, что уклонение от уплаты налогов является последствием занятия незаконным предпринимательством, а не целью преступления и, уклоняясь от уплаты налогов и (или) сборов, деятельность организаций

и предпринимателей в основном осуществляется на правомерной основе.

Также следует отграничивать составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 171 и 171[3] УК РФ. Соотношение данных составов фактически определяется предметом преступления. Именно поэтому в диспозиции ч. 1 ст. 171 УК РФ прямо указано, что перечисленные действия квалифицируются по данной норме за исключением случаев, предусмотренных ст. 171[3] УК РФ. Соответственно предметом преступления, в ст. 171[3] УК РФ выступает этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция.

Также отличием данных преступлений является и то, что состав преступления, предусмотренный ст. 171[3] УК РФ является формальным и считается оконченным, если производство, закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере.

Согласно примеч. к ст. 171[3] УК РФ крупным размером признается стоимость этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот которых осуществляются без соответствующей лицензии.

В целом, можно отметить, что нормы, содержащиеся в ст. 171 УК РФ, являются общими по отношению к специальным нормам ст. 171[3] УК РФ. Исходя из этого, если незаконное предпринимательство выражается в производстве, закупке (в том числе импорте), поставке (в том числе экспорте), хранении, перевозке и (или) розничной продаже этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенных в крупном размере, то эти деяния подлежат квалификации по ст. 171[3] УК РФ.

§ 5.10. Особенности квалификации незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 171[4] УК РФ, являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, обеспечивающие законную реализацию в розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции.

Диспозиция рассматриваемой статьи носит бланкетный характер, поскольку для правильного понимания предмета и субъекта рассматриваемого деяния необходимо обращение к Федеральному закону Российской Федерации от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ[1] «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – ФЗ № 171) и Федеральному закону Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»[2], а также ряду других нормативных правовых актов (далее – ФЗ № 264).

В качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 171[4] УК РФ, выступает вся алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция в зависимости от специфики субъекта преступления. Понятие алкогольной и спиртосодержащей пищевой

---

[1] Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (ред. от 15.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/.

продукции раскрывает ФЗ № 171[1]. На практике нередко возникает путаница в вопросах, связанных с этими понятиями. Для разъяснения содержания смысла этих понятий необходимо обратиться к определениям, данным в законе.

Так, под алкогольной продукцией понимается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, добытого из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации[2]. Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха[3].

Спиртосодержащей пищевой продукцией является пищевая продукция, в том числе виноматериалы, любые растворы, эмульсии, суспензии, виноградное сусло, иное фруктовое сусло, пив-

---

[1] Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 9 ноября 2017 г. № 1344 «Об утверждении перечней пищевой продукции, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282506/.

[3] Пункт 7 статьи 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.

ное сусло (за исключением алкогольной продукции) с содержанием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, более 0,5 % объема готовой продукции[1].

Под спиртосодержащей продукцией понимается пищевая или непищевая продукция, спиртосодержащие лекарственные препараты, спиртосодержащие медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции[2]. Данное определение позволяет выделить несколько видов спиртосодержащей продукции:

1) пищевая продукция;
2) непищевая продукция;
3) спиртосодержащие лекарственные препараты;
4) спиртосодержащие медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции.

Следовательно, спиртосодержащая продукция и спиртосодержащая пищевая продукция соотносятся как общее и частное, поскольку второе является видом первого. Кроме того, как видно из анализа определения алкогольной продукции, для того, чтобы ее получить (произвести), помимо наличия нужного количества этилового спирта (либо без такового), необходимо использование пищевой и (или) спиртосодержащей пищевой продукции. Следовательно, спиртосодержащая пищевая продукция неразрывно связана с алкогольной продукцией и является ее составной частью.

Таким образом, спиртосодержащая пищевая продукция выступает видом спиртосодержащей продукции и является частью алкогольной продукции, а главные отличия алкогольной, спиртосодержащей или спиртосодержащей пищевой продукции

---

[1] Пункт 4 статьи 2. Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.

[2] Там же: п. 3 ст. 2.

необходимо проводить по разграничению алкогольной и спиртосодержащей продукции:

– алкогольная продукция изготавливается исключительно из пищевого сырья, а спиртосодержащая продукция в своем большинстве непищевая;

– алкогольная продукция производится для употребления. Спиртосодержащая продукция исходя из буквального толкования определений ее видов не может использоваться для непосредственного употребления, поскольку служит для лечебных, хозяйственных, медицинских, косметических и прочих подобных целей (выделяется лишь один вид спиртосодержащей продукции, пригодной для употребления человеком, которым в соответствии с ФЗ № 171 признается спиртосодержащая пищевая продукция в связи с тем, что в состав остальных видов либо входит этанол, либо они производятся из непищевой продукции).

Тем не менее в рамках ст. 171^4 УК РФ в качестве предмета преступления может выступать либо алкогольная, либо спиртосодержащая пищевая продукция, т. е. та продукция, которая пригодна для употребления человеком.

Объективная сторона данной статьи сконструирована с использованием административной преюдиции и выражается в незаконной розничной продаже алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, если это деяние совершено неоднократно.

Согласно п. 1 примеч. рассматриваемой статьи под незаконной розничной продажей указанной продукции понимается совершение следующих действий:

1) розничная продажа ее физическим лицом;

2) продажа алкогольной продукции (кроме пива, напитков, изготавливаемых на основе пива, сидра, пуаре и медовухи) лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, за исключением сельскохозяй-

ственных товаропроизводителей (индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств), осуществляющих розничную продажу произведенного ими вина, игристого вина.

При этом под розничной торговлей (продажей) следует понимать вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности[1]. Под предпринимательской деятельностью, в соответствии с абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»[2], понимают систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, которая осуществляется самостоятельно на свой риск лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя, либо главой крестьянского (фермерского) хозяйства, зарегистрированного в качестве крестьянского (фермерского) хозяйства.

Следовательно, в случае, когда физическое лицо занимается продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции для получения прибыли от такой деятельности и не зарегистрировано как индивидуальный предприниматель, то такая деятельность изначально признается незаконной.

---

[1] Пункт 3 статьи 2 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_95629/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_50363/.

Кроме того, в ряде случаев для правомерного осуществления предпринимательской деятельности необходимо наличие лицензии (как, в частности, при розничной продаже алкогольной продукции)[1] и соблюдение лицензионных требований и условий.

Так, согласно ст. 16 ФЗ № 171 розничная продажа алкогольной продукции разрешена только организациям, т. е. продавать крепкие спиртные напитки и вина вправе лишь юридические лица. Исключение сделано для крестьянских (фермерских) хозяйств без образования юридического лица и индивидуальных предпринимателей, признаваемых сельскохозяйственными товаропроизводителями, которые реализуют вина и шампанское собственного производства.

Касаемо продажи пива ст. 11 ФЗ № 171 закреплено, что разрешается оптовый оборот алкоголя и пива лишь юридическим лицам, а согласно нормам ст. 16 «розничная продажа пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи осуществляется организациями и индивидуальными предпринимателями». Таким образом, индивидуальные предприниматели вправе продавать пиво и напитки на его основе без образования юридического лица только в розницу. Согласно ст. 18 рассматриваемого Федерального закона лицензии на продажу пива не требуется.

Как уже отмечалось, для сельскохозяйственных товаропроизводителей, которые реализуют вина и шампанское собственного производства, сделано исключение, и согласно абз. 3 п. 1 ст. 16 ФЗ № 171 им разрешена розничная продажа произведенного ими вина или игристого вина без образования юридического лица, однако для осуществления такой деятельности необходимо пройти регистрацию в качестве крестьянского

---

[1] Абзац 10 пункта 2 статьи 18 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.

(фермерского) хозяйства или индивидуального предпринимателя[1] и получить лицензию на право осуществления этой деятельности[2].

К сельскохозяйственным товаропроизводителям согласно нормам ст. 3 ФЗ № 264 относятся организации, индивидуальные предприниматели, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) и реализацию этой продукции при условии, что в доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации этой продукции составляет не менее чем 70 процентов за календарный год. Также к ним относятся: граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»; сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»; крестьянские (фермерские) хозяйства в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»[3].

---

[1] Абзац 3 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 07.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_50363/.

[2] Абзац 12 пункта 2 статьи 18 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_8368/.

[3] Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (ред. от 29.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_64930/.

Таким образом, в случае, когда физическое лицо занимается розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции для получения от этой деятельности систематической выгоды, т. е. осуществляет предпринимательскую деятельность, и не зарегистрировано как индивидуальный предприниматель либо отсутствует лицензия на осуществление такой деятельности (в случае, когда она нужна) и не соблюдаются требования и условия розничной продажи, то такая деятельность признается незаконной. Кроме того, в случае, когда лицо зарегистрировано как индивидуальный предприниматель без образования юридического лица и осуществляет розничную продажу алкогольной продукции (за исключением сельскохозяйственных предпринимателей), – эта деятельность также будет являться незаконной, несмотря на возможное отсутствие лицензии на осуществление такой деятельности или нарушение лицензионных требований, что дополнительно будет указывать на незаконность действий, поскольку продажа алкогольной продукции в розницу разрешена только юридическим лицам, зарегистрированным в установленном законом порядке и при наличии разрешения (лицензии) на осуществление такой деятельности.

Относительно индивидуальных предпринимателей можно сказать, что их деятельность будет признаваться незаконной при осуществлении продажи алкогольной продукции (кроме случаев продажи пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи) в случае отсутствия регистрации либо лицензии на осуществление такой деятельности.

В п. 2 примеч. к ст. 171^4 УК РФ закреплено определение неоднократности совершения незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, под которой понимают продажу указанной продукции лицом, привлеченным к административной ответственности за аналогичное деяние в период, когда это лицо считалось подвергнутым административному

наказанию[1]. То есть в случае повторного совершения незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции в течение года после назначения административного наказания лицо привлекается к уголовной ответственности.

Состав по законодательной конструкции объективной стороны – формальный. Преступление будет считаться оконченным при повторной незаконной реализации алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции в розничной торговле лицом, ранее привлеченным к административной ответственности за подобные деяния.

Субъективная сторона этого преступления может быть выражена только в прямом умысле. Лицо, незаконно продающее в розницу указанную в статье продукцию, осознает фактический характер своих действий (общественную опасность) (так как ранее было уже привлечено к административной ответственности за перечисленные деяния) и желает продавать такую продукцию.

Субъект рассматриваемого преступления специальный. Исходя из смысла примеч. рассматриваемой статьи, им может быть ранее привлекавшееся к административной ответственности за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции:

– физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (16 лет);

– лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, продающее алкогольную продукцию (за исключением случаев продажи пива, напитков, изготавливаемых на основе пива, сидра, пуаре и медовухи), кроме сельскохозяйственных товаропроизводителей (индивиду-

[1] Статья 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

альных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств), осуществляющих розничную продажу произведенного ими вина, игристого вина.

Нередко в правоприменительной практике возникают вопросы отграничения преступления, предусмотренного ст. 171[4] УК РФ от преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Несмотря на имеющиеся существенные различия в субъекте и субъективной стороне указанных преступных деяний, к признакам, позволяющим отграничивать одно деяние от другого, на описании которых необходимо остановиться, следует отнести объективные признаки указанных составов преступлений, а именно объект и объективную сторону преступления.

В случае совершения указанных преступлений вред причиняется различным общественным отношениям, охраняемым УК РФ, поэтому данные составы преступлений содержатся в разных разделах кодекса. В связи с этим отличаться будут как родовой, видовой, так и непосредственный объекты посягательства.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, в отличие от ст. 171[4] УК РФ, являются общественные отношения в сфере охраны здоровья населения, дополнительным непосредственным – здоровье и жизнь.

Предметом данного преступления выступают товары, услуги и работы, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, а также официальные документы, удостоверяющие соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

Следует отметить, что помимо имеющейся разницы в элементах рассматриваемых составов преступлений, существует их взаимосвязь, которая проявляется в том, что предметы преступления, предусмотренного ст. 171[4] УК РФ, а именно алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция, могут стать предметами состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, т. е. товарами, не отвечающими требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Под безопасностью товара, согласно Закону Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», понимают безопасность товара для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации[1]. К безопасности пищевых продуктов в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» относится состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений[2].

Таким образом, когда предмет преступления по ст. 171^4 УК РФ (алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция) не отвечает описанным выше требованиям безопасности, он автоматически становится и предметом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. В таком случае применяются положения ст. 17 УК РФ и квалификация содеянного происходит по совокупности преступлений, поскольку совершенное деяние содержит признаки нескольких составов преступлений.

Тем не менее следует учитывать, что для квалификации деяния по ст. 171^4 УК РФ необходимо совершить указанное в нем действие неоднократно. То есть в случае незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции субъектом, указанным в п. 1 примеч. к ст. 171^4 УК РФ, впервые, лицо привлекается к административной ответственности по ст. 14.17.1 КоАП РФ. Однако, если лицо совершает деяние, предусмотренное

---

[1] Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_305/.

[2] Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (ред. от 13.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_25584/.

ст. 14.17.1 КоАП РФ, но при этом нарушаются требования безопасности по отношению к жизни и здоровью потребителей, то содеянное содержит в себе уже признаки уголовно наказуемого деяния и должно квалифицироваться по ст. 238 УК РФ. Факт нарушения требований безопасности будет иметь место в случаях, когда в назначаемых компетентными органами экспертизах в продукции будут обнаружены вещества, представляющие опасность для здоровья и жизни потребителей.

Кроме того, при совершении незаконной розничной продажи алкогольной или спиртосодержащей пищевой продукции лицом, подвергнутым ранее административному наказанию за аналогичное деяние, т. е. в случае совершения уже преступления, содержащего в себе признаки ст. 171^4 УК РФ, и наряду с этим на указанные предметы преступления были неправомерно выданы или используются официальные документы, удостоверяющие соответствие указанных товаров требованиям безопасности, а по факту таковыми не являющиеся, то содеянное необходимо квалифицировать по правилам совокупности преступлений, как указано в ч. 2 ст. 171 УК РФ, т. е. по ст.ст. 171^4 и 238 УК РФ.

Отдельно следует остановиться на проблемах отграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 171^1 и 171^4 УК РФ. При сравнительном анализе данных составов преступлений следует обратить внимание на предмет и объективную сторону. Статья 171^1 УК РФ фактически содержит три самостоятельных состава преступления, отличающихся по предмету преступления. В ч. 1 предметом преступления выступает любая немаркированная продукция, в ч. 3 – немаркированные продовольственные товары, в ч. 5 – немаркированная алкогольная продукция и табачные изделия. Части 1.1, 2, 4 и 6 выступают квалифицированными видами к описанным в предыдущих частях статьи составам преступления соответственно.

В рамках данной темы представляют интерес чч. 5 и 6 ст. 171^1 УК РФ. Объективная сторона указанных частей ст. 171^1

УК РФ выражается в совершении ряда вариативных действий. Согласно ч. 5 ст. 171[1] УК РФ предусмотрена ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а также немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, совершенные в крупном размере. Часть 6 ст. 171[1] УК РФ дополнена квалифицирующими признаками и предусматривает ответственность за вышеуказанные в ч. 5 действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо в особо крупном размере.

Таким образом, в рамках ст. 171[1] и ст. 171[4] УК РФ в качестве предмета преступления выступает алкогольная продукция. Однако, согласно нормам ст. 171[1] УК РФ, алкогольная продукция выступает предметом именно этого противоправного деяния в том случае, когда совершались предусмотренные в диспозициях статьи действия в отношении немаркированной алкогольной продукции, а она подлежала обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками. Кроме того, для квалификации содеянного по нормам ч. 5 и ч. 6 ст. 171[1] УК РФ имеет значение размер алкогольной продукции – крупный или особо крупный.

В соответствии с ч. 2 ст. 12 ФЗ № 171 вся алкогольная продукция, за исключением пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, подлежит обязательной маркировке[1]. При этом необходимо соблюдение следующих условий:

– алкогольная продукция, производимая на территории Российской Федерации, за исключением алкогольной продукции,

[1] См. также, например: ст. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 775 «Об акцизных марках для маркировки алкогольной продукции» (вместе с «Требованиями к образцам акцизных марок для маркировки алкогольной продукции») // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133451/.

поставляемой на экспорт, маркируется федеральными специальными марками. В соответствии с Правилами маркировки алкогольной продукции федеральными специальными марками[1] маркировку производят организации, осуществляющие производство такой продукции на территории Российской Федерации, а также сельскохозяйственные товаропроизводители, признаваемыми таковыми в соответствии с Законом № 264, после окончания последней технологической операции, связанной с производством алкогольной продукции.

– алкогольная продукция, ввозимая (импортируемая) в Российскую Федерацию, маркируется акцизными марками. В данном случае, согласно Правилам маркировки алкогольной продукции акцизными марками[2], продукция маркируется до ее ввоза в Российскую Федерацию организациями, осуществляющими ввоз (импорт) в Российскую Федерацию алкогольной продукции.

Федеральной специальной маркой (специальной маркой) принято считать марку, подтверждающую легальность производства и (или) оборота на территории Российской Федерации продукции (в том числе и алкогольной).

Под акцизой (акцизной маркой) следует понимать косвенный налог государства, включаемый в цену товара (продукции), которыми облагаются так называемые подакцизные товары. Нормы, регулирующие акцизы, содержатся в гл. 22 Налогового кодекса Российской Федерации.

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 785 «О маркировке алкогольной продукции федеральными специальными марками» (вместе с «Правилами нанесения на федеральные специальные марки сведений о маркируемой ими алкогольной продукции») // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57272/.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 866 «О маркировке алкогольной продукции акцизными марками» (вместе с «Правилами нанесения на акцизные марки сведений о маркируемой ими алкогольной продукции», «Правилами маркировки алкогольной продукции акцизными марками») // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57707/.

Согласно п. 6 ст. 12 ФЗ № 171 за правильность нанесения и за подлинность федеральных специальных марок и акцизных марок несут ответственность собственники (владельцы) алкогольной продукции, осуществляющие ее производство, импорт, поставки, розничную продажу.

Пункт 2 примеч. к ст. 171^1 УК РФ раскрывает понятие крупного размера, под которым понимается стоимость немаркированной алкогольной продукции, превышающая 100 тыс. р., а особо крупным – 1 млн р.

Таким образом, в случае совершения любого указанного в диспозиции ч. 5 или ч. 6 ст. 171^1 УК РФ деяния с общей стоимостью немаркированной алкогольной продукции, превышающей 100 тыс. либо 1 млн р., содеянное следует квалифицировать по соответствующей части указанной статьи УК РФ. Однако в том случае, когда лицо совершило деяние, охватываемое нормами ч. 5 или ч. 6 ст. 171^1 УК РФ, и в дальнейшем неоднократно осуществляет незаконную розничную продажу такого товара, действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по соответствующей части ст. 171^1 и ст. 171^4 УК РФ, поскольку для рамок ст. 171^4 УК РФ не имеет значения, была продукция маркированная или нет. Сам факт неоднократной незаконной розничной продажи алкогольной продукции признается наказуемым. Если же виновный, помимо сказанного, для целей совершения продажи алкогольной продукции использует заведомо поддельные акцизные марки или специальные марки, то его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 171^1, 171^4 и 327^1 УК РФ.

Состав преступления по законодательной конструкции – формальный. Преступление считается оконченным при совершении любого из указанных в законе противоправных действий.

Отдельного рассмотрения требуют вопросы отграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 171^3 и 171^4 УК РФ. Данные общественно опасные деяния отличаются по признакам, характеризующим объект и объективную сторону этих преступлений.

Предметом преступления ст. 171[3] УК РФ является этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция. Согласно положениям ФЗ № 171 под этиловым спиртом понимается спирт, произведенный из пищевого или непищевого сырья, в том числе денатурированный этиловый спирт, фармацевтическая субстанция спирта этилового (этанол), головная фракция этилового спирта (отходы спиртового производства), спирт-сырец, дистилляты винный, виноградный, плодовый, коньячный, кальвадосный, висковый (п. 1 ст. 2). Понятие алкогольной и спиртосодержащей продукции были рассмотрены ранее.

Таким образом, предмет преступления по ст. 171[3] УК РФ шире, чем по ст. 171[4] УК РФ, поскольку включает в себя не только алкогольную и спиртосодержащую пищевую продукцию (как отмечалось ранее, согласно положениям п. 3 ст. 2 ФЗ № 171 спиртосодержащая пищевая продукция выступает одним из видов спиртосодержащей продукции), что выступает предметом преступления по ст. 171[4] УК РФ, но и другие виды спиртосодержащей продукции, а также этиловый спирт.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171[3] УК РФ, регламентирует ответственность за совершение с указанными в составе статьи предметами таких действий, как: производство, закупка (в том числе импорт), поставка (в том числе экспорт), хранение, перевозка, розничная продажа. При этом данные действия совершаются с нарушением требований норм законодательства и с соблюдением определенных условий, а именно без соответствующей лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, и в крупном или особо крупном размере. Исходя из буквального толкования названия и диспозиции статьи, можно сделать вывод, что перечисленные в диспозиции действия, за исключением производства, законодатель относит к понятию оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей алкогольной продукции.

Пункт 1 ст. 18 ФЗ № 171 предусматривает виды деятельности, когда наличие лицензии на ее осуществление не требуется,

а в п. 2 этой же статьи раскрывается, какие виды деятельности подлежат обязательному лицензированию. К ним относятся:

– производство, хранение и поставки произведенного этилового спирта, в том числе денатурата;

– производство, хранение и поставки произведенной алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

– хранение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

– закупка, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции;

– производство, хранение и поставки спиртосодержащей непищевой продукции; розничная продажа алкогольной продукции;

– перевозки этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 % объема готовой продукции;

– производство, хранение, поставки и розничная продажа произведенной сельскохозяйственными производителями винодельческой продукции.

Анализируя сказанное, можно сделать вывод о том, что под обязательное лицензирование подпадают практически любые действия, связанные с оборотом как произведенного, так и непроизведенного этилового спирта, в том числе денатурата, алкогольной и спиртосодержащей продукции, винодельческой продукции, а также перевозка нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 % объема готовой продукции. Однако имеются случаи, когда наличие лицензии может быть и не обязательным условием для легального осуществления деятельности.

Так, для необходимого лицензирования деятельности общий объем перевозок этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 % объема готовой продукции должен превышать 200 декалитров (2 тыс. литров) в год. В случае, если

перевозки не превышают указанный объем или перевозка осуществлялась организациями, которые закупили указанную продукцию в целях использования ее в качестве сырья или вспомогательного материала при производстве неспиртосодержащей продукции либо в технических целях или иных целях, не связанных с производством и (или) оборотом (за исключением закупки) этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, наличие лицензии не требуется.

Также решается вопрос с наличием лицензии и при закупке алкогольной и спиртосодержащей продукции. Если производится закупка данных товаров в целях дальнейшего использования их в качестве сырья или вспомогательного материала при производстве алкогольной, спиртосодержащей и иной продукции либо в технических или иных не связанных с производством указанной продукции целях, то лицензия не нужна. Остальные случаи закупки алкогольной и спиртосодержащей продукции подлежат обязательному лицензированию.

Кроме того, не всегда необходимо наличие лицензии при розничной продаже алкогольной продукции. Исключение составляют, во-первых, розничная продажа алкогольной продукции физическим лицам от имени и по поручению организации, имеющей лицензию на розничную продажу алкогольной продукции, тогда, когда данная продукция размещена на бортах воздушных судов в качестве припасов в соответствии с правом ЕАЭС и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, и, во-вторых, розничная продажа алкогольной продукции физическим лицам для потребления (распития) на борту воздушного судна при оказании услуг общественного питания от имени и по поручению организации, имеющей лицензию на розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания.

Во всех остальных случаях производство и оборот этилового спирта (в том числе денатурата), алкогольной и спиртосодержащей продукции подлежат обязательному лицензированию.

Как видно из содержания объективной стороны ст. 171^3 УК РФ, действия, связанные с розничной продажей алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, являющихся предметом преступления ст. 171^4 УК РФ, входят в ее состав при условии, что эти деяния совершены без наличия соответствующей лицензии в крупном или особо крупном размере. Согласно примеч. к статье крупным признается совершение указанных деяний стоимостью свыше 100 тыс. р., а особо крупным – 1 млн р. Поэтому в случае совершения деяния, предусмотренного ст. 171^3 УК РФ в отношении алкогольной или спиртосодержащей пищевой продукции, в крупном или особо крупном размере, дополнительной квалификации по ст. 171^4 УК РФ не требуется, т. е. совокупность будет отсутствовать. При этом в случае совершения деяния по ст. 171^3 УК РФ предварительное привлечение к административной ответственности за незаконную розничную продажу не является обязательным условием для объективной стороны деяния, как это предусмотрено для ст. 171^4 УК РФ.

Однако если физическое лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица и занимается розничной продажей алкогольной продукции без соответствующей лицензии, но стоимость реализованной единовременно алкогольной продукции не составляет крупный или особо крупный размер, то при условии наличия предварительно административного наказания за подобные действия его следует привлекать к ответственности по ст. 171^4 УК РФ.

Состав преступления по законодательной конструкции – формальный, т. е. считается оконченным с момента совершения указанных в законе действий.

В правоприменительной практике вызывают трудности и вопросы отграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 171^4 и ст. 151^1 УК РФ. Разграничение следует проводить по признакам, характеризующим объект и объективную сторону названных преступлений.

При совершении деяния, предусмотренного ст. 151[1] УК РФ, вред причиняется общественным отношениям, связанным с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних. Это является основным непосредственным объектом. В качестве дополнительного объекта может выступать здоровье несовершеннолетнего, например в случае продажи продукции, не отвечающей требованиям безопасности.

Таким образом, несмотря на то, что в диспозиции ст. 151[1] УК РФ идет речь об алкогольной продукции, данное преступление, в отличие от 171[4] УК РФ, не является предметным. В ст. 151[1] УК РФ алкогольная продукция является скорее средством совершения деяния, охватываемого нормами этого состава. В данном случае она не выступает вещью материального мира, по отношению или по поводу которой совершается противоправное деяние. В процессе совершения преступления посягательство идет в первую очередь на личность несовершеннолетнего, а не на экономическую деятельность государства, как это происходит при совершении преступления, предусмотренного ст. 171[4] УК РФ.

Объективная сторона ст. 151[1] УК РФ выражается в совершении розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно. В примеч. к статье дается схожее со ст. 171[4] УК РФ понятие неоднократности, под которой понимается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (т. е. повторное совершение розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции в течение года после привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние). Следовательно, данное деяние так же, как и ст. 171[4] УК РФ, предусматривает административную преюдицию.

Согласно пп. 11, 2 ст. 16 ФЗ № 171 розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним не допускается. При этом, исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 87 УК РФ,

несовершеннолетними признаются лица в возрасте от 14 до 18 лет. В случае возникновения у лица, непосредственно осуществляющего отпуск алкогольной продукции (продавца), сомнения в достижении покупателем совершеннолетия продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, позволяющий установить возраст этого покупателя.

Излагая диспозицию ст. 171^4 УК РФ, законодатель сделал указание на обязательное условие для данного состава преступления, а именно исключение случаев, предусмотренных ст. 151^1 УК РФ. Поэтому необходимо еще раз обратить внимание на признаки, которые характеризуют объективную сторону каждого деяния. Согласно нормам ст. 151^1 УК РФ описанное в объективной стороне деяние, а именно розничная продажа алкогольной продукции, осуществляется на законных основаниях (в законе нет указаний на незаконность таких действий), тогда как в рамках ст. 171^4 УК РФ предусмотрена исключительно незаконная продажа указанных товаров, т. е. продажа, осуществляемая с нарушением норм законодательства (без разрешения, в необорудованных местах, без наличия контрольно-кассовой техники и т. п.). Поэтому в случае розничной продажи алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за подобное деяние, исключительно несовершеннолетнему лицу будет применяться ст. 151^1 УК РФ, а при незаконной продаже алкогольной продукции, совершенной также неоднократно, любому другому лицу – будет использоваться ст. 171^4 УК РФ. Однако если лицо незаконно и неоднократно в розницу продает алкогольную продукцию и при этом продает ее несовершеннолетнему лицу, то в данном случае будет идеальная совокупность и квалифицироваться содеянное будет по двум составам преступлений, а именно по ст.ст. 151^1 и 171^4 УК РФ.

Состав ст. 151^1 УК РФ по законодательной конструкции объективной стороны – формальный. С момента совершения указанного в диспозиции противоправного деяния преступление считается оконченным. Наступление каких-либо последствий

выходит за рамки этого состава. Однако в случае неоднократной продажи несовершеннолетнему лицу продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, т. е. в том случае, когда причиняется вред нескольким объектам, лицо следует привлекать к ответственности по совокупности преступлений по ст.ст. 151[1] и 238 УК РФ, поскольку имеются признаки двух отдельных составов преступлений.

§ 5.11. Особенности квалификации изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг

Предметом преступления, предусмотренного ст. 1686 УК РФ, являются поддельные (фальшивые) банковские билеты Центрального банка Российской Федерации, металлические монеты, государственные ценные бумаги или другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации, иностранная валюта или ценные бумаги в иностранной валюте.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» к валюте Российской Федерации относятся денежные знаки в виде банкнот и монет Банка России, которые находятся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории России, а также изымаемые, либо уже изъятые из оборота, но подлежащие обмену денежные знаки.

Внутренние ценные бумаги включают в себя:

а) эмиссионные ценные бумаги, номинальная стоимость которых указана в валюте Российской Федерации и выпуск которых зарегистрирован в Российской Федерации;

б) иные ценные бумаги, удостоверяющие право на получение валюты Российской Федерации, выпущенные на территории Российской Федерации.

В соответствии со ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», официальной

денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль. Один рубль состоит из 100 к. Введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются.

На основании ч. 2 ст. 142 ГК РФ ценными бумагами являются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке.

Иностранная валюта представляет собой денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки.

К внешним ценным бумагам на основании федерального законодательства относятся:

а) внешние ценные бумаги – ценные бумаги, в том числе в бездокументарной форме, не относящиеся в соответствии с настоящим Федеральным законом к внутренним ценным бумагам;

б) валютные ценности – иностранная валюта и внешние ценные бумаги[1].

Под термином «подделка», согласно рекомендациям Центрального банка Российской Федерации, понимается как полная, так и частичная подделка (переделка). При этом переделкой считается наклейка, надрисовка, надпечатка текста или цифр, изменяющих номинал банкноты, изменение года образца на вышедшей из обращения банкноте, а также подделка номера, серии и других элементов оформления банкноты таким образом, что внешний вид

[1] Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ) «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 05.12.2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/.

внесенных изменений сходен с видом соответствующих реквизитов и элементов оформления подлинной банкноты, и такая переделанная банкнота может быть принята в обращение за подлинную[1].

Полная, либо частичная подделка должна иметь существенное сходство с находящимися в обороте денежными знаками или ценными бумагами (по форме, размеру, цвету и иным основным реквизитам). В тех случаях, когда фальшивая купюра явно не соответствует подлинной, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия, при наличии к тому оснований, могут быть квалифицированы как мошенничество[2].

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется одним из альтернативных действий:

1) изготовление – создание фальшивых денег или ценных бумаг путем их полной или частичной подделки (подделка номера, серии облигации и других реквизитов денег и ценных бумаг);

2) хранение – владение поддельными деньгами или ценными бумагами;

3) перевозка – перемещение предмета преступления в пространстве с использованием транспорта (автомобиля, поезда, самолета и пр.);

4) сбыт – использование поддельных денег или ценных бумаг в качестве средств платежа в гражданском обороте (оплата товаров или услуг, дарение, продажа, обмен и пр.).

---

[1] Письмо Банка России от 15 февраля 2007 г. № 29-5-1-8/778 «О применении Указания Банка России № 1778-У» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=67043#M73YZWTjjH7s5vi.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=328360#EdKYZWT0VsHezXpy ; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (ред. от 06.02.2007) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_4040/.

Состав преступления является формальным. Преступление, предусмотренное ст. 186 УК РФ, считается оконченным с момента изготовления, хранения или перевозки поддельных денег или ценных бумаг в целях сбыта, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт или нет.

Изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки.

Сам факт хранения фальшивой денежной купюры с целью последующего ее сбыта уже является оконченным преступлением, независимо от того, удалось ли запустить поддельный банковский билет в легальный денежный оборот и причинить реальный ущерб кредитно-денежной системе государства[1].

Сбыт считается оконченным с момента приобретения иным лицом хотя бы части заведомо поддельных денег или ценных бумаг.

Разоблачение обмана при сбыте образует покушение на сбыт. Если виновный не смог довести свой преступный умысел на сбыт фальшивых денежных средств и размен не был осуществлен по независящим от него обстоятельствам (например продавец распознал фальшивую купюру и вызвал сотрудников полиции), то такие действия подлежат квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 186 УК РФ как покушение на сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации[2].

Уголовной ответственности за сбыт поддельных денег, ценных бумаг и иностранной валюты подлежат не только лица, занимающиеся их изготовлением или сбытом, но и лица, в силу

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2022 г. № 16-УД22-12-К4 // URL: https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2150054.

[2] Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 6 марта 2015 г. № 44У-10/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/hgs6NRZpN1dQ/.

стечения обстоятельств, ставшие обладателями поддельных денег или ценных бумаг, сознающие это и тем не менее использующие их как подлинные.

Изготовление с целью сбыта и сбыт денежных знаков и ценных бумаг, изъятых из обращения (монеты старой чеканки, советские деньги, отмененные денежными реформами и т. п.) и имеющих лишь коллекционную ценность, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, и должны, при наличии к тому оснований, квалифицироваться как мошенничество.

Перевозка в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации «при себе», исключает привлечение уголовной ответственности по квалифицирующему признаку – «перевозке в целях сбыта» фальшивых денежных знаков[1].

Незаконное приобретение лицом чужого имущества в результате совершенных им операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами охватывается составом ст. 186 УК РФ и дополнительной квалификации по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за хищение, не требует[2].

Преступление характеризуется только прямым умыслом и целью сбыта поддельных денежных средств или иных предметом, указанных в диспозиции статьи. Отсутствие цели сбыта подделок (например, хранение из коллекционных соображений или использование в качестве игровой валюты) исключает уголовную ответственность по ст. 186 УК РФ. При сбыте фальшивых денег и иных

---

[1] Обзор судебной практики по уголовным делам за ноябрь 2016 г. (подготовлен Белгородским областным судом) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=230698&ysclid.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (ред. от 06.02.2007) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4040/.

предметов преступления лицом, которое их не изготавливало, обязательным является осознание факта их «поддельности»[1].

Изготовление поддельных ценных бумаг без цели сбыта не образует состава, предусмотренного ст. 186 УК РФ, но при наличии к тому оснований, может повлечь ответственность по ст. 327 УК РФ. Например, изготовление поддельного векселя не для последующей его реализации как ценной бумаги, а для вложения в материалы уголовного дела вместо имевшегося там векселя[2].

Крупным размером фальшивомонетничества (ч. 2 ст. 186 УК РФ) в соответствии с примеч. к ст. 170[2] УК РФ является изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг на сумму, превышающую 2 млн 250 тыс. р.

Особо квалифицированный состав фальшивомонетчества (ч. 3 ст. 186 УК РФ) характеризуется совершением его организованной группой, т. е. группой, заранее объединенной для неоднократного совершения преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой в целях сбыта, а также сбытом поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, которая отличается устойчивостью, стабильностью состава участников, четким распределением ролей, планированием деятельности, применением мер конспирации, распределением доходов от реализации контрафактной продукции.

Вопросы для самоконтроля

1. Понятие хищения и его признаки. Формы и виды хищений.
2. Расскажите об особенностях квалификации хищений с учетом судебного толкования.
3. Понятие и виды мошенничества.

---

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101956/.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=16728#9zdW3WTW05YhDVEA/.

4. Определите основные объективные признаки преступлений в сфере предпринимательства.

5. Назовите предмет преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ.

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Борисов, С. В. Уголовная ответственность за присвоение и растрату : монография / С. В. Борисов, Э. Р. Хакимова. – М. : Международный юридический институт, 2010. – 210 с.

2. Виннер, Э. Р. Уголовная ответственность за незаконные операции с ценными бумагами / Э. Р. Виннер // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 1. – С. 181–188.

3. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. – СПб. : Пресс, 2007. – 763 с.

4. Денисов, Н. Л. Некоторые проблемы установления субъективных признаков состава преступления незаконного предпринимательства / Н. Л. Денисов // Предупреждение преступлений органами внутренних дел в свете современных угроз национальной безопасности, Москва, 28 ноября 2019 г. – Москва : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 355–359.

5. Денисов, Н. Л. Конкуренция норм, предусматривающих уголовную ответственность за производство и оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции / Н. Л. Денисов ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации // Экономика отраслевых рынков: формирование, практика и развитие. Бизнес-модели реализации концепции smart city: европейский опыт : сборник материалов III межвузовской научной конференции и круглого стола, Москва, 1–2 февраля 2019 г. – М. : Дашков и К, 2019. – С. 61–65.

6. Жилкин, М. Г. Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции / М. Г. Жилкин // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 29–37.

7. Карпова, Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / Н. А. Карпова ; под ред. Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2011. – 179 с.

8. Карпова, Н. А. Кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: уголовно-правовая характеристика, вопросы квалификации : научно-практическое пособие / Н. А. Карпова ; отв. ред. Н. Г. Кадников. – М. : Юриспруденция, 2016. – 77 с.

9. Ляскало, А. Н. Разграничение хищения и фальшивомонетничества / А. Н. Ляскало // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 67–75.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / [Н. И. Ветров и др. ; под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2016. – 1038 с.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / [Н. И. Ветров и др. ; под ред. Н. Г. Кадникова]. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2019. – 1093 с.

12. Кругликов, Л. Л. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности / Л. Л. Кругликов, О. Г. Соловьев, А. С. Грибов. – Ярославль : Ярославский государственный университет, 2008. – 231 с.

13. Ларичев, В. Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности) : монография / В. Д. Ларичев. – М. : ВНИИ МВД России, 2003. – 129 с.

14. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : в 2 ч. / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2015.

Ч. 1 : 2015. – 330 с.

Ч. 2 : 2015. – 636 с.

15. Нудель, С. Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности / С. Л. Нудель // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 81–93.

16. Русанов, Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности : учебное пособие для вузов / Г. А. Русанов. – М. : Проспект, 2014. – 258 с.

17. Уголовное право России : учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2018. – 434 с.

18. Яни, П. С. Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. – 2015. – № 2. – С. 20–24.

19. Яни, П. С. Поддельная ценная бумага как предмет фальшивомонетничества // Законность. – 2016. – № 8. – С. 25–29.

20. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/.

21. Федеральный закон Российской Федерации от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (ред. от 01.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/.

22. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.

23. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_45458.

24. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/.

25. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/.

26. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 ноября 2017 г. № 1344 «Об утверждении перечней пищевой продукции, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282506/.

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 785 «О маркировке алкогольной продукции федеральными специальными марками» (вместе с «Правилами нанесения на федеральные специальные марки сведений о маркируемой ими алкогольной продукции») // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57272/.

28. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 775 «Об акцизных марках для маркировки алкогольной продукции» (вместе с «Требованиями к образцам акцизных марок для маркировки алкогольной продукции») // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133451/.

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 866 «О маркировке алкогольной продукции акцизными марками» (вместе с «Правилами нанесения на акцизные марки сведений о маркируемой ими алкогольной продукции», «Правилами маркировки алкогольной продукции акцизными марками») // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_57707/.

30. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (ред. от 06.02.2007) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_4040.

31. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Российская газета. – 2004. – 7 декабря (№ 0 (3648).

32. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // НПП «Гарант-сервис». – URL: https://www.garant.ru/proucts/ipo/prime/doc/ 71723288/.

Глава 6. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против общественной безопасности

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* особенности квалификации преступлений против общественной безопасности, особенности бланкетных диспозиций норм данного раздела, содержание обязательных и факультативных признаков указанных составов преступлений, проблемы квалификации преступлений против общественной безопасности с учетом судебного толкования;
– *уметь* определять непосредственный объект преступления против общественной безопасности, квалифицировать преступления против общественной безопасности с учетом судебного толкования;
– *владеть* уголовно-правовой терминологией, навыками квалификации преступлений против общественной безопасности, а также навыками разграничения смежных преступлений в данной сфере.

§ 6.1. Особенности квалификации террористического акта

Одной из форм террористической деятельности является террористический акт.

В юридической литературе непосредственным объектом террористического акта считают общественную безопасность. Дополнительным объектом – жизнь, здоровье, собственность, организационно-управленческий вред[1]. При этом есть мнение, что общественная безопасность представляет собой совокупность общественных отношений, в рамках которых осуществляется безопасная жизнедеятельность граждан как членов

[1] Габдрахманов Р. Л. Преступления против общественной безопасности. М., 2003. С. 11.

общества, нормальные условия деятельности учреждений, предприятий и граждан при производстве различного рода работ и в процессе обращения с общеопасными предметами. В литературе отмечается и иная точка зрения, согласно которой нарушение общественной безопасности выступает в качестве единственного последствия и никаких дополнительных объектов в виде личности, жизни, здоровья и собственности и т. п. здесь быть не может[1]. Примерно такого же мнения придерживается В. В. Мальцев, который полагает, что общественная безопасность как уголовно-правовой объект по своему объему шире таких как собственность, здоровье, жизнь, включает их в свое содержание. Более того, причинение ущерба общественной безопасности всегда происходит посредством причинения ущерба именно этим объектам[2].

Таким образом, в литературе нет однозначного взгляда на понятия об объектах террористического акта.

Объективная сторона этого преступления заключена в совершении взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

Взрыв – это мгновенное разрушение чего-либо, сопровождающееся образованием сильно нагретых, с высоким давлением газов[3]. Поджог – намеренное, с преступным умыслом вызывание пожара[4]. Под иными действиями, создающими опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, следует по-

---

[1] Комиссаров В. В. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества. М., 1997. С. 31.

[2] Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 106.

[3] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1985. С. 74.

[4] Там же. С. 526.

нимать, например, попытку распространения эпидемий или эпизоотий, механическое повреждение, разрушение зданий, сооружений, вывод из строя транспорта, машин, затопление жилых, производственных зданий, радиоактивное заражение местности и т. п.

Уголовная ответственность за терроризм наступает также и в случае угрозы совершения названных действий. При этом под угрозой следует понимать не только высказывание (устное, письменное, в СМИ и т. д.), но и совершение действий, характеризующих угрозу как реальную и действительную. Ими могут быть: приобретение и хранение взрывных веществ, оружия, радиоактивных и биологических активных веществ и другие, свидетельствующие о реальности и действительности угрозы. Признак «значительный имущественный ущерб» следует рассматривать с учетом материального положения потерпевших (размер доходов, число иждивенцев и т. п.), а также законодательным определением крупного размера, применительно к краже имущества (см. § 5.1).

Наиболее распространенной формой объективной стороны террористического акта является совершение взрывов. Взрывы домов в городах (Москве (ул. Гурьянова и Каширское шоссе), Кайсписке, Волгодонске и др.); взрывы в общественных местах (на улицах, остановках общественного транспорта, рынках, например, в г. Владикавказе, Невыномыске, Воронеже, Волгограде); взрывы электричек, метро и общественного транспорта (в г. Москве, Кисловодске, Волгограде) – вызвали большой общественный резонанс.

Примером данного вида преступления является дело гр-на А., который, в составе организованной группы, незаконно изготовив взрывчатые вещества и взрывные устройства (СВУ), совершил четыре взрыва, устрашающих население и создающих опасность гибели человека и причинения значительного материального ущерба, в целях оказания воздействия на принятие решения органами власти на территории республики Татарстан

(подрывы газорегуляторного пункта, стойки опоры линии электропередач, автотрансформатора электроподстанции, газораспределительного пункта)[1].

Состав преступления – формальный, и момент окончания терроризма наступает либо с момента совершения взрыва, поджога и иных действий, либо с момента выражения угрозы, т. е. для оконченного состава терроризма не требуется фактического наступления указанных последствий.

Опасность гибели людей означает, что эти действия угрожали хотя бы жизни одного человека. Опасность причинения значительного имущественного ущерба определяется с учетом стоимости и значимости материальных ценностей, материального и финансового положения предполагаемых потерпевших. Опасность наступления иных общественно опасных последствий может заключаться в причинении вреда здоровью людей, возникновению страха у населения, массовых беспорядков, ухудшение экологической обстановки в регионе, дезорганизацию нормальной деятельности органов государственной власти и т. д.

Субъективную сторону террористического акта составляет вина в форме прямого умысла и цели. Лицо, совершившее акт терроризма, осознает общественно опасный характер своего действия и желает его совершить.

Цель заключается в оказании воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями и устрашении населения. В результате воздействия субъекты органов власти могут осуществлять действия экономического (имущественные права по смене собственника) или правового характера (освобождение заключенных, принятие других правовых актов). Дестабилизация означает, что нарушается нормальная законная деятельность конкретного звена органа власти в том или ином регионе или на определенной территории.

---

[1] Приговор Кировского областного суда от 20 ноября 2014 г. по делу № 2-18/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cgkfYHGPofVY/.

Субъект – физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

В ч. 2 ст. 205 УК РФ предусмотрены следующие квалифицирующие признаки террористического акта:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) повлекший по неосторожности смерть человека;

в) повлекший причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий.

В ч. 3 ст. 205 УК РФ предусмотрено совершение террористического акта:

а) сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ;

б) повлекшего умышленное причинение смерти человеку.

Совершение террористического акта **группой лиц по предварительному сговору** (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ) означает, что в нем принимало участие два и более лица, заранее договорившихся о совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ). Организованная группа – устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения террористического акта (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Действия всех членов организованной группы, совершивший террористический акт, независимо от их фактической роли, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 205 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ[1].

Причинение смерти по неосторожности в ходе акта терроризма (п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ) не требует дополнительной

---

[1] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

квалификации по ст. 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против жизни. Это вытекает из сравнительного анализа санкций указанных норм. При этом причинение смерти законодатель связывает с неосторожной формой вины, т. е. террористический акт с причинением смерти человеку является составом с двумя формами вины – умышленная вина по отношению к акту терроризма и неосторожная – по отношению к наступившей смерти.

В случае с причинением значительного материального ущерба (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ) следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или затрат на восстановление поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности или материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества[1].

Так, значительным ущербом были признаны действия А., взорвавшего опору линии электропередач, в результате чего владельцу предприятия магистральных электрических сетей Н. был причинен значительный материальный ущерб на сумму 1 165 573 р.[2].

Причинение в результате террористического акта значительного имущественного ущерба квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требует[3].

---

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

[2] Приговор Кировского областного суда от 20 ноября 2014 г. по делу № 2-18/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cgkfYHGPofVY/.

[3] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

Иными тяжкими последствиями, предусмотренными к п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ, могут признаваться причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам, дезорганизация деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; длительное нарушение работы предприятия (предприятий) и (или) учреждения (учреждений) независимо от их ведомственной принадлежности, формы собственности, организационно-правовой формы; существенное ухудшение экологической обстановки (например, деградация земель, загрязнение поверхностных и внутренних вод, атмосферы, морской среды и иные негативные изменения окружающей среды, препятствующие ее сохранению и правомерному использованию, устранение последствий которых требует длительного времени и больших материальных затрат)[1].

Длительность нарушения работы предприятия или учреждения определяется с учетом конкретных обстоятельств дела, исходя из специфики их деятельности, общей продолжительности приостановления работы, размера причиненных им убытков и т. д.

Совершение **террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ**, квалифицируется по п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Объекты использования атомной энергетики – это ядерные установки (атомные станции, сооружения и комплексы с ядерными реакторами, установки и устройства с ядерными зарядами, предназначенные для использования в мирных целях), а также

---

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

пункты хранения ядерных материалов или радиоактивных веществ и хранилища радиоактивных отходов[1].

Уголовно-правовой термин «посягательство» означает реальное причинение вреда охраняемым общественным отношениям или попытка причинения вреда. В данном случае речь идет о попытке нарушения деятельности объектов использования атомной энергии или реальном выведении из строя этих объектов. Посягательство может быть в виде захвата объекта, разрушения или повреждения, нарушения деятельности этих объектов.

Предметами преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205 УК РФ, являются: ядерные материалы, содержащие или способные воспроизвести делящиеся (расцепляющиеся) ядерные вещества (уран-323, уран-235, плутоний-238 и др.); радиоактивные вещества – это вещества, не относящиеся к ядерным материалам, испускающие ионизирующее излучение (полоний-210, цезий-137 и др; радиационные источники – аппараты, установки, комплексы, оборудование и изделия, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение, не относящиеся к ядерным установкам. Также предметами законодатель называет токсичные, ядовитые, отравляющие, опасные химические и биологические вещества. Ядовитые вещества – вещества, которые при попадании внутрь организма через органы дыхания, пищеварения или через кожу способны вызвать смерть человека или причинить вред здоровью. Отравляющие вещества – химические соединения, обладающие определенными токсическим и физико-химическими свойствами, обеспечивающие при их боевом применении поражение живой силы (людей). К ним относятся: иприт, зоман, фосген, синильная кислота и др.

---

[1] Более подробно о месте совершения террористического акта и предметах, используемых при его совершении, следует смотреть в федеральных законах: от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» ; от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» ; от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей природной среды» ; от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и др.

Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ была установлена ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Законодатель, внося изменения, поддержал точку зрения авторов, считающих, что общественная безопасность как объект преступления охватывает причинения любого вреда, в том числе смерть гражданина и вред здоровью. По нашему мнению, данное изменение неудачно, поскольку вызывает трудности на практике в отграничении террористического акта от убийства. Во-первых, законодатель, внося изменения, не учел положения ст. 2 Конституции Российской Федерации, где отмечается, что высшей ценностью являются человек, его права и свободы. Высшей ценностью любого человека является его право на жизнь (ст. 20 Конституции Российской Федерации). Любое посягательство на жизнь, на наш взгляд, должно находить самостоятельную правовую оценку. Во-вторых, как квалифицировать террористический акт, во время которого умышленно причинили смерть не одному человеку, а нескольким? В этом случае правоприменителю придется дать действиям виновных в убийстве двух и более лиц самостоятельную правовую оценку, поскольку в ст. 205 УК РФ нет такого особо квалифицирующего признака. Кроме того, п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ не охватывает случаи, например, умышленного причинения смерти лицу, осуществляющему правосудие или предварительное расследование, а также сотруднику правоохранительного органа или военнослужащему вследствие террористических действий, следовательно, в указанных случаях содеянное потребует квалификации по совокупности преступлений. Получается, что совершение в процессе террористического акта фактически аналогичных деяний, с объективной стороны характеризующихся объективными признаками убийства или покушения на убийство, потребует различной квалификации: в одном

случае по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, а в другом – по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 и ч. 2 ст. 105 или ст.ст. 295, 317 УК РФ. Считаем, что при террористическом акте, сопряженным с умышленным причинением смерти гражданам, действия виновного образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205 и ч. 2 ст. 105 (в том числе по пп. «а», «б», «е», «ж», «з», «л») УК РФ.

В случае совершения террористического акта, сопряженного с умышленным причинением смерти лицу, осуществляющему правосудие или предварительное расследование, а также сотруднику правоохранительного органа или военнослужащему, наступает идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 295 или ст. 317 УК РФ, которая точнее отразит общественную опасность содеянного.

Верховным Судом Чеченской Республики в 2006 г. был признан виновным и осужден Г. по ч. 3 ст. 205 УК РФ и ст. 317 УК РФ. Согласно приговору Г. совместно с гр-ми Б. и А. 30 августа 2003 г. совершили вооруженное нападение на сводный отряд милиции в целях устрашения населения и оказания влияния на органы власти. В кассационной жалобе адвокат говорит о том, что данное действие не может быть квалифицировано одновременно по ч. 3 ст. 205 и ст. 317 УК РФ, поскольку в одном и том же действии осужденного не могут содержаться два состава преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев жалобы, определила, что приговор Верховного Суда Чеченской Республики в отношении Г. нужно оставить без изменения, кассационные жалобы – без удовлетворения[1].

Однако в п. 9 постановления № 1 отмечается, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2007 г. Дело № 23-006-69 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://www.sudact/ru/regular/dok/cgkfYHGPotVY.

смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует»[1].

В примеч. к ст. 205 УК РФ отмечены условия освобождения от уголовной ответственности лица, участвовавшего в подготовке акта терроризма.

К ним относятся:

1) способствование различными способами предотвращению осуществления акта терроризма;

2) если в действиях лица не содержится иного состава преступления. В этом случае лицо должно добровольно и окончательно отказаться от преступления, осознавая возможность доведения его до конца, наряду с этим своевременно способствовать предотвращению акта терроризма, а его действия не должны содержать иного состава преступления.

Сложность квалификации террористического акта обусловлена многообразием проявлений и тем, что в ряде преступлений непосредственным объектом является общественная безопасность, как и у террористического акта.

В связи с изложенным проведем отграничение в первую очередь с некоторыми преступлениями, предусмотренными гл. 24 УК РФ.

К их числу можно отнести следующие составы:

– содействие террористической деятельности (ст. 205[1] УК РФ);

– захват заложника (ст. 206 УК РФ);

– заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ);

– организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ);

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

– угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ).

Проведем отграничение террористического акта от состава, предусмотренного ст. 205[1] УК РФ «Содействие террористической деятельности». Данная статья устанавливает ответственность за такие деяния, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205[2], 205[3], 205[4], 205[5], 206, 208, чч. 3 и 4 ст. 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма. Исходя их этого, необходимость разграничения составов ст.ст. 205 и 205[1] УК РФ возникает в следующих случаях: во-первых, когда действия субъекта направлены на вовлечение лица в совершение преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, путем уговоров, подкупа или иным способом, не связанным с физическим или психическим принуждением, и с уголовно-правовой точки зрения представляют собой приготовление к террористическому акту в одной из двух форм: приискание соучастников преступления либо сговор на совершение преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ); во-вторых, когда действия субъекта связаны с вооружением либо обучением лица в целях совершения акта терроризма, а равно финансированием его совершения, и являются пособничеством в совершении террористического акта (ч. 5 ст. 33 УК РФ). В обеих ситуациях, следуя законодательно определенному правилу о конкуренции общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ), содеянное должно квалифицироваться по ст. 205[1] УК РФ, в данном случае специальной норме по отношению к ст. 205 УК РФ.

Если же лицо, совершившее указанные деяния, не достигло шестнадцатилетнего возраста, с которого наступает ответственность по ст. 205[1] УК РФ, но при этом «перешагнуло» четырнадцатилетний рубеж, то содеянное будет квалифицироваться уже по ст. 205 УК РФ, как приготовление к террористическому акту

либо пособничество в его совершении, так как ответственность за данное преступление наступает с 14 лет.

Террористический акт отличается от захвата заложников (ст. 206 УК РФ). Несмотря на то, что они посягают на один и тот же основной непосредственный объект (общественную безопасность), не совпадают по дополнительному. Так, для террористического акта является обязательным наличие одного из следующих дополнительных объектов: жизнь и здоровье человека, отношения собственности, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти, другие общественные отношения в зависимости от того, какого рода тяжкие последствия повлекли за собой совершение акта терроризма или угроза его совершения. Для захвата заложника указанное условие не является обязательным, за исключением лишь некоторых его квалифицированных видов, например, захват заложника, сопряженный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ), либо захват заложника, повлекший по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 206 УК РФ). Сравнение диспозиций данных статей позволяет говорить о том, что по объективной и субъективной стороне захват заложника может подпадать под такие признаки террористического акта, как «совершение… иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях… оказания воздействия на принятие решений органами власти». Только в качестве «иных действий» в ст. 206 УК РФ подразумевается «захват или удержание лица в качестве заложника», а в качестве цели – «понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие как условие освобождения заложника». Отсюда, как считает В. А. Осипов, террористический акт является общей нормой по отношению к захвату заложника (специальная норма) и, следовательно, когда захват заложника подпадает

одновременно под признаки преступления, предусмотренного и ст. 205 УК РФ и ст. 206 УК РФ, т. е. имеется конкуренция общей и специальной норм, следует применять специальную[1].

Однако, на наш взгляд, законодатель преждевременно исключил физических лиц из числа потерпевших. Если террорист угрожает совершить взрыв на предприятии или в банке в целях оказания воздействия на принятие решений со стороны предпринимателей или других лиц, то в этих случаях мы не можем квалифицировать его действия ни по такой статье, ни по другой. Вроде бы в действиях лица усматриваются признаки вымогательства. Но в ст. 163 УК РФ нет квалифицирующих признаков, связанных с совершением общественно опасных действий – взрыва или поджога.

Как можно увидеть из этого примера, законодатель не учел все нюансы с изменением диспозиции ст. 205 УК РФ.

Террористический акт, при котором виновный совершает реальную угрозу осуществления действий, предусмотренных в диспозиции ст. 205 УК РФ, следует отграничивать от преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Основным отличием будет признак объективной стороны преступления – информация, точнее ее содержание, которую передает виновный. Он доводит до соответствующих лиц заведомо ложную информацию о готовящемся акте терроризма[2].

Необходимо провести разграничение между совершением террористического акта организованной группой (ч. 2 ст. 205 УК РФ) и организацией незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ст. 208 УК РФ). Эти составы посягают на общественную безопасность, но различаются по объективной стороне и субъекту преступного посягательства.

---

[1] Осипов В. А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологические аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М. : МИ МВД России, 1999. С. 14.

[2] Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 293.

Объективная сторона ст. 208 УК РФ выражается в следующих двух формах действий:

– создание вооруженного формирования, руководство таким формированием;

– его финансирование (ч. 1 ст. 208 УК РФ);

– участие в вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ).

Соответственно, критерием для отграничения данных составов является субъект преступного посягательства. Часть 2 ст. 205 УК РФ отсылает к чч. 2, 3 ст. 35 УК РФ, где дано определение группы лиц по предварительному сговору и организованной группы, главными критериями которой являются устойчивость и предварительная объединенность членов группы на совершение одного или нескольких преступлений. В ч. 1 ст. 208 УК РФ понятие вооруженного формирования не дается, однако указывается примерный перечень его разновидностей: объединение, отряд, дружина и иная группа различного уровня, численности, а также структуры. В ст. 208 УК РФ указывается обязательный признак состава – вооруженность, т. е. наличие у всего формирования или у части ее членов огнестрельного или холодного оружия, подпадающего под это понятие в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[1].

Преступление, предусмотренное ст. 208 УК РФ, имеет формальный состав и считается оконченным с момента создания незаконного вооруженного формирования или руководства таким формированием либо участия в нем вне зависимости от того, принимало ли формирование или его члены участие в каких-либо акциях. Совершение в составе незаконного вооруженного формирования каких-либо преступлений требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК РФ.

---

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.12.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10128024/.

Так же, как и террористический акт, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ) посягает на общественную безопасность и с субъективной стороны характеризуется виной в виде прямого умысла. Однако его предмет при этом носит более конкретный характер – судно воздушного или водного транспорта либо железнодорожный подвижной состав, независимо от ведомственной принадлежности и целевого назначения. Кроме того, в составе данного преступления отсутствует указание на специальные террористические цели: дестабилизация деятельности органов власти и международных организаций. Состав преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, – формальный, следовательно, оно будет считаться оконченным с момента совершения указанных в диспозиции действий. В связи с этим создание опасности гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, что является неотъемлемой характеристикой террористического акта, в данном случае не требуется. В ситуациях, когда угон или захват судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава совершается в целях, предусмотренных в ст. 205 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по ст. 205 УК РФ, и лишь при отсутствии признаков террористического акта – по ст. 211 УК РФ[1].

Необходимо подробно рассмотреть вопросы отграничения террористического акта от бандитизма и убийства.

На практике отличие террористического акта от бандитизма происходит по объективной стороне, целям и субъекту. Объективная сторона второго состоит в создании устойчивой вооруженной группы (банды), а равно руководстве ею (ч. 1 ст. 209 УК РФ); либо участии в банде или в совершаемых ею нападениях (ч. 2 ст. 209 УК РФ). Если создание организованной устойчивой вооруженной группы (банды) из двух и более лиц, заранее объединившихся для нападения на граждан или организации, а равно руководство такой

[1] Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование). М., 1999. С. 159.

группой (бандой), является обязательным признаком объективной стороны бандитизма, то в случае террористического акта создание группы – это этап подготовки к квалифицированному составу преступления (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ)[1].

Если нападение на граждан и организации – цель создания устойчивой вооруженной группы (банды), то террористический акт не связан с насилием над конкретными людьми и работниками организаций, а представляет собой угрозу (опасность) обществу в целом. Под нападением при бандитизме следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения. Нападение вооруженной банды считается состоявшимся и в тех случаях, когда имевшееся у членов банды оружие не применялось[2].

При террористическом акте возможны действия, не связанные с наличием или применением оружия, в то время как при бандитизме вооруженность – обязательный признак.

Квалификация террористических актов, совершаемых бандой, т. е. участниками организованной устойчивой вооруженной группы, вызывает на практике трудности. Указанные террористические акты нередко квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209 и п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ (террористический акт, совершенный организованной группой). В литературе многие авторы также придерживаются данной точки зрения. Хотя некоторые исследователи, считая банду более опасной разновидностью организованной группы, предлагают террористический акт, совершенный участниками банды,

---

[1] Бурковская В. А. Уголовное преследование терроризма : монография. М. : Юрайт, 2008. С. 8.

[2] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/7769/.

квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 209 УК РФ. Как нам видится, в таких случаях следует квалифицировать данные деяния по совокупности преступлений, поскольку создание банды и участие в составе банды не менее общественно опасное преступление, чем террористический акт.

Основное отличие террористического акта от бандитизма состоит в целях. При террористическом акте цель четко указана в норме – дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а при бандитизме цели нападений не конкретизированы. В ходе террористического акта насильственные действия сопряжены с воздействием на третьих лиц в целях понуждения их к определенному поведению, а при бандитизме преступники достигают своих целей непосредственно в момент совершения насилия.

Субъектом террористического акта является физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста. А при бандитизме возраст преступника должен быть 16 лет. Если лица в возрасте от 14 до 16 лет в составе банды совершают террористические акты, то их действия следует квалифицировать по ст. 205 УК РФ[1].

Квалифицированный состав бандитизма (ч. 3 ст. 209 УК РФ) следует отграничивать от террористического акта также по дополнительному непосредственному объекту – общественным отношениям, в рамках которых осуществляется законная деятельность органов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел не внесли окончательно ясности в вопросах квалификации террористического акта и применения

---

[1] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/7769/.

указанных норм. Наоборот, некоторые предложения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по квалификации преступлений по совокупности противоречат своим же предложениям в других постановлениях.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что, если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ[1].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2012 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участи в нем (ней)» подчеркнуто, что, если участники преступного сообщества (преступной организации) наряду с участием в сообществе (организации) создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификация по ст.ст. 209 и 210 УК РФ, а при наличии к тому оснований также по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за участие в другом конкретном преступлении[2].

В постановлении № 1 предлагается действия участников незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества (преступной организации), совершивших террористический акт, квалифицировать по совокупности преступлений,

---

[1] Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352873/.

[2] Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. 2010. 17 июня (№ 130 (5209).

предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст.ст. 205[4], 205[5] или 208 УК РФ[1].

Как видим, в вышеуказанных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации предлагается квалифицировать деяния по совокупности преступлений.

Террористический акт следует отграничивать от преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ «Диверсия». Диверсия по объективной стороне совершается путем взрыва, поджога, как и при террористическом акте. Однако отличие следует производить по объекту преступления и цели. При диверсии преступник преследует цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

В случаях, если террористический акт не доведен до конца по не зависящим от виновных обстоятельствам, то действия лиц следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и ст. 205 УК РФ. Так, действия А. были квалифицированы по трем преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ, за подготовку трех взрывов электросетей на территории Татарстана, которые не произошли по причине нарушения контакта в электрической цепи, вызванного несовершенством монтажа электрической схемы[2].

§ 6.2. Особенности квалификации содействия террористической деятельности

Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Феде-

---

[1] Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

[2] Приговор Кировского областного суда № 2-18/2014 от 20 ноября 2014 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cgkfYHGPofVY/.

рации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» редакция чч. 1–3 ст. 205[1] УК РФ изменена. Часть 1 ст. 205[1] УК РФ устанавливает ответственность за такие деяния, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205[2], чч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, чч. 1–3 ст. 211, ст.ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений. Часть 1.1 ст. 205[1] УК РФ предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205[3], 205[4], 205[5], чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205[1] УК РФ, состоит из нескольких альтернативных действий:

а) склонения лица для совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205[2], чч. 1 и 2 ст.ст. 206, 208, чч. 1–3 ст. 220, ст.ст. 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ;

б) вербовки лица для совершения хотя бы одного из перечисленных преступлений;

в) иного вовлечения лица в совершение хотя бы одного из перечисленных преступлений;

г) вооружения лица в целях совершения хотя бы одного из перечисленных преступлений;

д) подготовки лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 205[1] УК РФ, состоит из альтернативных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 205[1] УК РФ, которые добавляются еще и финансированием терроризма. Отличие также происходит в перечислении преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205[3], 205[4], 205[5], чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ.

Склонение лица означает совершение умышленных действий, направленных на формирование у лица умысла на совершение этих преступлений, например, путем уговоров, убеждения, просьб, предложений, предрасположений, в том числе через средства массовой информации, интернет.

Вербовка лиц заключается в совершение действий психологического характера в целях получения согласия на участие в совершении вышеназванных преступлений.

Под вовлечением лица в совершение преступлений, предусмотренных ст. 205^2, чч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, чч. 1–3 ст. 220, ст.ст. 221, 277, 278, 279, 360, 205, 205^3, 205^4, 205^5, чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, понимаются активные действия, направленные на возбуждение у последнего желания и решимости участвовать в совершении одного или нескольких из перечисленных преступлений.

Вовлечение в совершение этих преступлений может осуществляться любыми способами: путем уговоров, убеждений, подкупа, угроз, принуждения. Примером совершения преступления путем уговоров и предложений может быть дело Б., которая Волгоградским областным судом 1 марта 2013 г. была осуждена по ч. 1 ст. 205^1 УК РФ к лишению свободы за содействие в террористической деятельности, выразившееся в склонении путем уговоров и предложений в период с октября 2011 г. по январь 2012 г. выехать с целью вступления в НВФ и подготовки к совершению террористического акта путем самоподрыва[1].

Другим примером является дело К., который, отбывая наказание в исправительном учреждении, являясь приверженцем радикальных течений ислама, желая привлечь к совершению противоправных деяний наибольшее число лиц, исповедующих ислам, познакомился с И., осужденным приговором Вологодского областного суда. Зная о том, что И. принял ислам, К. решил

[1] Приговор Волгоградского областного суда № 1-830/2013 // URL: https://www.sudakt/ru/regular/dok/stor_pdf.php?id=540.

использовать данное обстоятельство для последующей идеологической обработки последнего с целью вовлечения И. в совершение преступлений террористической направленности на территории Российской Федерации. Для этого с соблюдением мер конспирации, посредством личного вербального общения, используя мобильную телефонную связь, К. регулярно призывал И. к религиозному единству, пропагандируя идеи терроризма, а именно ведения вооруженного джихада, т. е. войны с федеральными войсками, ориентировал его на вступление в ряды незаконных вооруженных формирований и участие в боевых действиях, направил в адрес И. оптические носители информации с проповедями идеологии террористической организации, а также пропагандистские аудио- и видеоматериалы. Указанными действиями К. окончательно сформировал у И. желание и решимость совершить преступления террористической направленности[1].

Склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений по ч. 1 ст. 205[1] УК РФ следует считать оконченным преступлением с момента совершения указанных действий независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности[2].

Вооружение означает снабжение оружием для совершения актов терроризма, захвата заложников (с применением оружия), организации незаконного вооруженного формирования, угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорож-

---

[1] Приговор Вологодского городского суда Вологодской области // URL: https://www.sudakt/ru/regular/dok/cgkfYHGPotVY.

[2] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28.06.2011 № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности"» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-03112016-n-41/.

ного подвижного состава (с применением оружия) и преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 360 УК РФ. Оружие может быть огнестрельным, холодным, метательным, газовым, вне зависимости от того, является оно заводским или самодельным. Кроме того, вооружение можно осуществлять путем снабжения боевыми припасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, радиоактивными веществами, боевой техникой и т. п.

Подготовка включает привитие навыков по использованию всех видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также тактике и методике осуществления террористических действий (проведение занятий, тренировки).

Финансирование терроризма означает предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений (см. п. 1 примеч. к ст. 205^1 УК РФ).

Примером финансирования терроризма является дело жителя г. Твери Н., осужденного 2 февраля 2017 г. Московским окружным военным судом по ч. 1 ст. 205^1 УК РФ. Н., реализуя преступный умысел, направленный на содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма путем предоставления денежных средств участникам «ИГИЛ», перечислил 2 тыс. р. на счет члену НВФ «ИГИЛ» через банковский терминал, осознавая, что перечислил средства для ведения войны в Сирии[1].

---

[1] Приговор Московского окружного военного суда от 2 февраля 2017 г. Дело № 1-/2017 // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

По другому делу Г. был осужден за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма, выразившееся в перечислении им со своей банковской карты 24–25 ноября, 4, 11 и 15 декабря 2015 г. крупных денежных сумм на различные электронные счета для обеспечения деятельности международной террористической организации «Джебхат ан-Нусра».

Суд установил, что Г., находясь по месту своего жительства в Республике Татарстан, познакомился посредством общения через интернет с участником международной террористической организации «Джебхат ан-Нусра» Б., после чего по его просьбе в указанные дни перечислил с банковской карты денежные средства соответственно на различные электронные счета для ведения вооруженной борьбы названной международной террористической организацией против правительственных войск Сирийской Арабской Республики[1].

Преступление будет считаться оконченным с момента совершения хотя бы одного факта финансирования.

О признаках объективной стороны данного преступления более подробно говорится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[2].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Обязательным признаком этого преступления является цель – стремление виновного привлечь другое лицо к совершению преступления террористического характера.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 16 лет.

---

[1] Приговор Приволжского окружного военного суда от 26 апреля 2017 г. по делу Н. // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/.

Часть 2 ст. 205[1] УК РФ предусматривает в качестве квалифицирующего обстоятельства использование виновным своего служебного положения. В таком случае субъектом преступления с использованием своего служебного положения может быть как должностное лицо, так и рядовые служащие государственных и муниципальных учреждений.

В ч. 3 ст. 205[1] УК РФ говорится об ответственности за пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ и п. 1.1 примеч. к ст. 205[1] УК РФ под пособничеством понимается «умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы». При этом указанное пособничество не требует дополнительной квалификации по ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ[1].

В ч. 4 ст. 205[2] УК РФ установлена уголовная ответственность за организацию совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205[3], чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство его совершением, а равно организация финансирования терроризма. Под организацией совершения указанных преступлений следует понимать совершение любых умышленных действий, включающих в себя планирование

---

[1] Пункт 17.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности"» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-03112016-n-41/.

террористических актов, подыскание соучастников, распределение ролей, обеспечение материально-техническими средствами и финансовыми ресурсами и т. д. Руководство заключается в действиях, непосредственно направленных на совершение конкретных преступлений, указанных в диспозиции. При этом дополнительной квалификации по ст.ст. 205, 205[3], чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ не требуется. Дополнительная квалификация по чч. 1 и 2 ст. 205[1] УК РФ в части финансирования терроризма не требуется[1].

В примеч. к рассматриваемой статье названы необходимые условия освобождения от уголовной ответственности.

Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 205[1] УК РФ, в любой форме должно добровольно и своевременно сообщить о готовящемся террористическом акте органам власти или иным образом способствовать предотвращению или пресечению этого преступления или другого преступления террористического характера, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

При этом добровольным признается сообщение, сделанное в условиях, когда у лица была полная свобода выбора дальнейших действий. Кроме того, в действиях лица, кроме совершения преступления, предусмотренного ст. 205[1] УК РФ, не должно содержаться иного состава преступления. Если, несмотря на сообщение органам власти или иные действия, направленные на предотвращение акта терроризма, этот акт все-таки состоялся, лицо не освобождается от ответственности, но его попытка

---

[1] Пункт 17.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности"» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-03112016-n-41/.

предотвратить преступление должна быть учтена при определении меры наказания в качестве смягчающего обстоятельства.

Отличие составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 205 и 205[1] УК РФ, рассмотрены в § 6.1.

§ 6.3. Особенности квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма

Диспозиция ст. 205[2] УК РФ носит бланкетный характер, так как для ее правильного применения необходимо изучить другой федеральный закон. Законодатель фактически разграничивает понятия терроризма, террористической деятельности и террористического акта, раскрытые в ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[1] (см. § 6.1).

Следует отметить, что до настоящего времени отсутствует официальное толкование некоторых оценочных признаков и понятий, вытекающих из ст. 3 вышеуказанного закона. Весьма сложно будет определить наличие либо отсутствие в деянии лица признаков состава преступления, которые отождествляются с идеологией и пропагандой.

Объектом по данному составу преступления следует признать общественную безопасность в широком смысле слова, которая включает защищенность всего общества, государства, населения от угрозы террористических актов и иных проявлений терроризма.

---

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2006. 10 марта (№ 0 (4014).

По конструкции объективной стороны состав преступления относится к формальным, т. е. моментом окончания преступления признается выполнение деяния в законодательно указанных формах:

– публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;

– публичное оправдание терроризма;

– пропаганда терроризма.

Не совсем понятна альтернатива действий. В частности, возникает вопрос о наказуемости оправдания террористической деятельности или публичных призывов к осуществлению терроризма. Исходя из логики законодателя, эти действия являются ненаказуемыми. Не стоит забывать о том, что ответственность связывается только с совершаемыми публично.

По мнению С. В. Дьякова, публичность означает, что призывы носят открытый, доступный для понимания характер и обращены к широкому кругу людей. Арифметический подход в оценке признания (или непризнания) публичности неприемлем. В каждом конкретном случае вопрос решается с учетом всех обстоятельств дела: места, времени, обстановки содеянного[1]. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности – это выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности[2]. Специфика призывов состоит в том, что с их помощью виновный осуществляет активное воздействие на сознание и волю людей, формируя у них

---

[1] Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / [Н. И. Ветров и др.]. М. : Городец, 2006. С. 749.

[2] Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

решимость совершить преступления террористической направленности. Вместе с тем, как отмечают специалисты, призывы субъекта при этом носят общий характер, т. е. не обращены персонально к кому-либо, в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе. Этим они отличаются от подстрекательства к конкретному преступлению[1]. Призывы, по нашему мнению, обращены к широкому кругу людей, поскольку преследуют цель вовлечения многих людей в террористическую деятельность.

Преступление признается оконченным с момента публичного призыва, даже если под его влиянием ни одно лицо не было вовлечено в террористическую деятельность.

По поводу второй формы действий возникают трудности в определении признаков публичности оправдания терроризма и момента окончания подобного действия, хотя законодатель дополнил данную статью примеч. следующего содержания: «…публичное оправдание терроризма выражается в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании»[2]. Фактически предлагается толкование признаков преступления на законодательном уровне, но с сохранением ряда оценочных признаков. Для их определения на практике часто проводят лингвистические экспертизы, заключения которой кладут в основу обвинительных приговоров. Примером этого преступления, где действия виновного лица устанавливались с помощью проведения лингвистической экспертизы, может быть дело гр-на М. Он, зная, что приговором Московского городского суда от 15 мая 2008 г. гр-н К. признан виновным за совершение террористического акта, убийства, участие в преступном

---

[1] Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / [Н. И. Ветров и др.]. С. 749–750.

[2] Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

сообществе, желая прославить К. за данные действия и, как следствие, оправдать терроризм, обращаясь к большому количеству граждан-участников митинга, т. е. публично, произнес лозунг: «Слава Николаю К., взорвавшему рынок!». Согласно заключению эксперта, полученному по результатам проведения судебной лингвистической экспертизы, вышеуказанный лозунг, произнесенный М., является публичным оправданием терроризма, так как прославляет лицо, совершившее террористический акт. Высказывая фразу: «Слава Николаю К., взорвавшему рынок!», М. публично заявил о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании[1].

Под пропагандой терроризма в п. 1.1 примеч. к ст. 205[2] УК РФ понимается «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

Субъектом преступления может быть любое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 205[2] УК РФ) включает те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

При решении вопроса об этом признаке необходимо учитывать положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»[2]. В соответствии с абз. 1 ст. 4 указанного закона недопустимо использование средств

---

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Кирова по делу № 1-586/2010 // Правовые документы и судебные акты. URL: http://infocourt.ru/car_leninsky-kir_kirovobl_pfo/ug/328813/prigovor-po-delu-1-5862010.html/.

[2] Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_1511/.

массовой информации для совершения уголовно наказуемых деяний, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов. «Лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет, незарегистрированные в качестве средств массовой информации, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации»[1].

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма с использованием сетевых изданий (сайтов интернета, зарегистрированных в качестве СМИ в установленном порядке) следует квалифицировать по ч. 2 ст. 205[2] УК РФ[2].

Преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205[2] УК РФ, следует считать оконченными с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию) либо с момента размещения призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания терроризма, пропаганды терроризма путем массовой рассылки сообщений абонентам

---

[1] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/.

[2] Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

мобильной связи или в электронных или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет (на сайте, личной странице в социальной сети, блоге и т. д.).

Примером преступления, предусмотренного ст. 205[2] УК РФ, может быть дело Г., которая создала личную страницу в социальной сети, зарегистрировавшись под именем Т. 23 марта 2010 г. Г., имея религиозные убеждения, связанные с пропагандой идеологии терроризма, при помощи ноутбука и модема осуществила выход в сеть Интернет, где на неустановленном информационном ресурсе ознакомилась с текстом статьи, содержащей информацию, призывающую к осуществлению террористической деятельности, обосновывающую и оправдывающую необходимость осуществления террористической деятельности. Затем Г. целенаправленно разместила путем копирования с неустановленного следствием ресурса текста статьи на своей личной странице социальной сети, осознавая противоправность своих действий, представив его неопределенному кругу лиц из числа зарегистрированных пользователей социальной сети. По заключению комплексной психолого-лингвистической экспертизы в тексте статьи содержатся публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, трансляция установки автора на осуществление такой деятельности, а также высказывания, оправдывающие террористическую деятельность[1].

Использование для совершения указанных деяний сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированных в качестве средства массовой информации в установленном порядке, квалифицируется по ч. 2 ст. 205[2] УК РФ как

[1] Приговор Центрального районного суда г. Красноярска по делу № 1-278/2011 // Сайт «Pravo Tech». URL: http://docs.pravo.ru/document/view/-55248507/62670514/.

деяние, совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет[1].

§ 6.4. Особенности квалификации прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности

Объективная сторона преступления характеризуется прохождением лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205[1], 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, в том числе приобретением знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Обучение – это целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни[2].

В диспозиции ст. 205[3] УК РФ говорится о специфических знаниях, практических умениях и навыках, способствующих террористической деятельности.

---

[1] Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

[2] Пункт 3 статьи 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

К ним относятся:

а) физическая и психологическая подготовка;

б) изучение способов совершения преступлений;

в) изучение правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

При этом обучение может проходить в специально отведенных местах при непосредственном контакте обучающего с обучающимся (например, в созданных тренировочных лагерях, базах, специально укомплектованных или приспособленных территориях, сооружениях), а также с помощью применения телекоммуникационных технологий путем дистанционного электронного обучения.

Состав преступления является формальным и будет окончен с момента начала выполнения действий, направленных на обучение. Для квалификации по ст. 205^3 УК РФ необязательно, чтобы виновный приобрел знания и у него были сформированы соответствующие практические умения и навыки.

«Если наряду с прохождением обучения лицо совершает иные действия, направленные на создание условий для осуществления конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления террористической либо иной направленности, то указанные действия дополнительно квалифицируются как приготовление к данному преступлению»[1].

Действия лица, подготавливающего виновного к осуществлению террористической деятельности либо совершению одного из перечисленных преступлений террористического характера,

---

[1] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности"» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-03112016-n-41/.

квалифицируются по ч. 1 или ч. 2 ст. 205^2 УК РФ. При этом незаконные действия обучающегося лица с ядерными материалами и радиоактивными веществами, а также с огнестрельным оружием и его основными частями, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами квалифицируются по совокупности ст. 205^3 УК РФ и ст.ст. 220, 222, 222^1, 223, 223^1 УК РФ.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность обучения в целях осуществления террористической деятельности и желает обучаться. При этом виновный обучается в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205^1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

Субъект преступления – вменяемое, физическое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Примечание к ст. 205^3 УК РФ содержит норму о том, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное указанной статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205^1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также месте его проведения и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

§ 6.5. Особенности квалификации организации террористического сообщества и участия в нем

Объективная сторона преступления характеризуется следующими деяниями:

1) создание террористического сообщества;

2) руководство таким сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями.

Террористическое сообщество – это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Для признания организованной группы террористическим сообществом не требуется предварительного судебного решения о ликвидации организации в связи с осуществлением террористической деятельности.

В п. 2 примечаний к ст. 205^4 УК РФ дается понятие поддержки терроризма: это оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности.

Создание террористического сообщества заключается в действиях по объединению физических лиц в группу для подготовки или совершения преступлений террористического характера: сговор, вербовка соучастников, определение направлений деятельности сообщества, финансирование и др.

Под руководством сообществом, его частью или входящими в подобное сообщество структурными подразделениями в ст. 205^4 УК РФ следует понимать осуществление управленческих функций в отношении террористического сообщества, его части или структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений террористической направленности, так и при обеспечении деятельности сообщества.

Руководство осуществляется в разработке общих планов деятельности сообщества, в подготовке совершения конкретных преступлений или иных действий, направленных на достижение целей, поставленных сообществом или входящими в его струк-

туру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, организации материально-технического обеспечения, разработке мер безопасности в отношении членов террористического сообщества, поддержании внутригрупповой дисциплины).

В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ лицо, создавшее либо руководившее террористическим сообществом, подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 205^4 УК РФ, а также за все совершенные сообществом преступления, если они охватывались его умыслом.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205^4 УК РФ, окончено с момента фактического образования террористического сообщества, т. е. с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в указанных целях.

Часть 2 ст. 205^4 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за участие в террористическом сообществе. Участие выражается в действиях, направленных на физическое, интеллектуальное, имущественное содействие группе и проводимым ею мероприятиям. Преступление в форме участия лица в террористическом сообществе считается оконченным с момента вхождения в состав такого сообщества. Участники террористического сообщества помимо привлечения по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ подлежат уголовной ответственности и за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Примером участия в преступном сообществе может быть дело гр. Ш., который был осужден Московским окружным военным судом 17 января 2019 г. за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^4 УК РФ. Гр. Ш. с июля 2016 г. по 21 января 2018 г., разделяя взгляды террористического сообщества, вступил в него и принимал участие в его деятельности на территории г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Московской областей[1].

---

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного суда Российской Федерации от 14 марта 2019 г. №201-АПУ19-4 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/x773dEGVYOrv/.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла, так как лицо осознает общественную опасность создания, руководства либо участия в террористическом сообществе и желает совершить указанные действия.

Обязательным признаком субъективной стороны выступает наличие цели осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. На наличие такой цели может указывать совершение ими умышленных действий, направленных на создание условий для осуществления террористической деятельности, либо указанных преступлений либо о готовности такого сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники сообщества запланированное преступление. О готовности террористического сообщества может свидетельствовать, например, достижение договоренности между его участниками о содействии террористической деятельности, публичном оправдании терроризма и т. д.[1].

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет (ч. 1 ст. 205^4 УК РФ). Уголовная ответственность за участие в террористическом сообществе по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ предусмотрена с четырнадцатилетнего возраста.

Примечание к статье содержит поощрительную норму о том, что лицо, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существовании, освобождается

---

[1] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-0311-2016-n-41/.

от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. При этом не может признаваться добровольным прекращение участия в террористическом сообществе в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении него и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий.

§ 6.6. Особенности квалификации организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации

Объективная сторона преступления характеризуется организацией деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

Под организацией деятельности террористической организации следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Также организация может быть выражена в определении целей и задач, порядка их исполнения и контроле реализации, распределении ролей между членами организации, привлечении новых участников, материальном снабжении и т. д.

Об ответственности организаций за причастность к терроризму говорится в ст. 24 Федерального закона Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности ведет единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской

Федерации террористическими. Официальным периодическим изданием, осуществляющим публикацию единого федерального списка указанных организаций, является «Российская газета». В настоящее время в списке находится девятнадцать организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. Среди них, такие как «Движение Талибан», «Имарат Кавказ», «Исламское государство» и др. В России запрещаются создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282^1–282^3, 360 и 361 УК РФ.

Организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282^1–282^3, 360 и 361 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению (а при наличии организационно-правовой формы – ликвидации), также признается террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного ст. 205^4 УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем.

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205^5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о при-

знании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда[1].

Часть 2 ст. 205[5] УК РФ предусматривает уголовную ответственность за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической. Под участием в деятельности террористической организации понимается совершение лицом умышленных действий, направленных на продолжение или возобновление деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, поиск и вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.).

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность организации деятельности или участия в деятельности организации, признанной террористической, желает совершить указанные действия. При этом важно установить осведомленность виновного о вступившем в силу решении суда о признании организации террористической. Субъективная сторона здесь, отражающая длящийся характер соответствующих преступлений, имеет свое продолжение и в типичных криминальных проявлениях деятельности организаторов и иных участников данной организации. Так, в структуре функционирования любой террористической организации можно выделить те преступления, которые осуществляются на постоянной, систематической основе и выражаются в тождественных действиях, охватываемых единым

[1] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-0311-2016-n-41/.

умыслом соучастников и образующих единое сложное преступление, имеющее продолжаемый характер. Следовательно, преступления, предусмотренные ст. 205[5] УК РФ, являются длящимися, а связанные с ними уголовно наказуемые деяния могут относиться к категории продолжаемых преступлений, что необходимо учитывать при квалификации содеянного.

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет (ч. 1 ст. 205[5] УК РФ). Уголовная ответственность за участие в деятельности террористической организации по ч. 2 ст. 205[5] УК РФ предусмотрена с четырнадцатилетнего возраста.

Если лицо, организовавшее подобную деятельность структуры или группы, которая, в соответствии с законодательством Российской Федерации, признана террористической, принимало участие в ее деятельности, содеянное им не требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 205[5] УК РФ.

«При совершении организатором (руководителем) или участником террористической организации конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 205[5] УК РФ и соответствующей статьей Особенной части УК РФ»[1].

Для правильного разграничения преступлений террористической направленности и их отграничения от иных смежных составов преступлений необходимо последовательно сопоставлять признаки их элементов. При этом среди прочих признаков сопоставляемых составов присутствует как минимум один объективный или субъективный, позволяющий произвести их однозначное разграничение.

---

[1] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-0311-2016-n-41/.

Учитывая неразрывную связь террористических и экстремистских сообществ и организаций с экстремистской деятельностью, в том числе с ее террористической составляющей, а также наличие сходных признаков, их характеризующих, важным является вопрос о разграничении этих преступлений.

Отметим, что экстремистское сообщество имеет сходные черты с экстремистской организацией, однако последняя отличается от такого сообщества рядом признаков.

В первую очередь, следует отметить, что по смыслу ст. 282[1] УК РФ экстремистское сообщество изначально представляет собой организованную группу, создаваемую для планирования и иного формирования условий для совершения преступлений экстремистской направленности, а равно для непосредственного осуществления последних[1]. Тогда как экстремистская организация определяется в диспозиции ч. 1 ст. 282[2] УК РФ как общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремизма. То есть речь идет об организации, потенциально способной иметь легальный статус, но утрачивающей его по решению суда вследствие осуществления действий, относящихся к экстремистской деятельности, причем последняя может заключаться даже в административных правонарушениях, относящихся к экстремизму (например, производство экстремистских материалов)[2]. Подчеркнем, что для применения ст. 282[2] УК РФ необходимо установить, что виновные лица организовали деятельность организации, которая ранее была признана экстремистской по решению суда, вступившему в законную силу, либо

---

[1] Туганов Ю. Н. Проблемы реализации уголовной ответственности за финансирование террористических сообществ и террористических организаций // Вестник Екатерининского института. 2015. № 4. С. 123.

[2] Борисов С. В. Современные проблемы квалификации преступлений экстремисткой направленности : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 46.

приняли участие в деятельности такой организации. Причем в настоящее время в диспозиции ч. 1 ст. 282[2] УК РФ непосредственно указано, что к экстремистским организациям не могут быть отнесены те организации, которые признаны судом террористическими. Это обусловлено указанным выше дополнением уголовного закона ст. 205[5] УК РФ, запрещающей деятельность террористических организаций.

Как и в случае с экстремисткой, организация признается террористической на основании решения суда, вступление которого в силу влечет ее ликвидацию (при наличии организационно-правовой формы) или запрещение деятельности таковой. Кроме этого, как уже отмечалось, террористической организацией также признается террористическое сообщество, если в законную силу вступил обвинительный приговор по уголовному делу в отношении лица, признанного виновным в создании сообщества, предусмотренного ст. 205[4] УК РФ, руководстве этим сообществом или участии в нем.

Следовательно, признание организации террористической всегда обусловлено фактом совершения преступления террористической направленности в составе террористического сообщества либо от имени или в интересах организации, не являющейся таковой.

Относительно различий в уголовно-правовых понятиях террористического и экстремистского сообществ отметим, что ключевым здесь является несовпадение целей деятельности каждого из них: если первое ориентировано на приготовление и последующее осуществление террористической деятельности, включающей преступления террористической направленности, то второе – на те же действия, но связанные с преступлениями экстремистской направленности.

На практике возникают трудности квалификации действий лица, финансирующего деятельность террористической организации на разовой или систематической основе, в зависимости от того,

входит ли оно в ее состав или нет. В первую очередь проблемы возникают при разрешении вопроса о том, подлежит ли участник террористической организации уголовной ответственности не только по соответствующей части ст. 205[5] УК РФ, но еще и по ч. 1.1 или ч. 2 ст. 205[1] УК РФ по факту финансирования терроризма.

Представляется, что ответ должен быть следующим: если финансирование деятельности террористической организации, равно как и вооружение или подготовка других ее участников, осуществляются членом такой организации, содеянное им полностью охватывается ст. 205[5] УК РФ и не требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 205[1] УК РФ. Это же правило квалификации, на наш взгляд, в полной мере относится и к оценке действий участников террористического сообщества.

Если же лицо не является членом террористической организации, в том числе и при отсутствии доказательственного подтверждения его вхождения в состав такой организации, но взаимодействовало с последней, в том числе путем финансирования, вооружения или обучения, то его действия квалифицируются как соответствующее содействие террористической деятельности по ч. 1.1 или ч. 2 ст. 205[1] УК РФ. То же самое правило квалификации относится и к действиям участников террористической организации по подготовке других лиц, не входящих в ее состав, в целях осуществления ими террористической деятельности.

В примеч. к ст. 205[5] УК РФ содержится норма об освобождении от уголовной ответственности лица, которое впервые совершило преступление, предусмотренное этой статьей, и добровольно прекратило участие в деятельности террористической организации, если в его действиях нет иного состава преступления. При этом не признается добровольным прекращение участия в деятельности указанной организации в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении него и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий.

§ 6.7. Особенности квалификации несообщения о преступлении

Объективная сторона состоит в несообщении в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205[1], 205[2], 205[3], 205[4], 205[5], 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

При этом уголовная ответственность по ст. 205[6] УК РФ наступает только за несообщение о преступлениях террористической направленности.

Состав преступления является формальным и окончен с того момента, когда лицо, имеющее возможность и достоверно знающее о лице (лицах), которое готовит, совершает или совершило соответствующие преступления, не сообщило об этом органам власти.

Деяние характеризуется бездействием, реализуемым путем несообщения лицом сведений о преступлении в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении.

К таким органам относятся, например, территориальные органы МВД России, органы ФСБ России, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, органы прокуратуры Российской Федерации, иные органы, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность несообщения в органы власти о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности и желает совершить указанные действия. При этом важно установить достоверность известности для виновного сведений о преступной деятельности и лицах, ее совершающих.

Примерами совершения данного преступления является дела гр-ки Т. и гр-на А. Гр-ка Т. Быковским районным народным судом Волгоградской области признана виновной и осуждена по ст. 205^6 УК РФ, поскольку не сообщила в органы власти о лицах, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 205^1 и 205^5 УК РФ, и ей было достоверно известно об этом[1]. Гр-н А. был осужден Ленинским районным судом г. Саранска Республики Мордовии по ст. 205^6 УК РФ за то, что он в июле 2016 г., располагая достоверными сведениями о нахождении другого лица в одной из стран Ближнего Востока, где последний принимал участие в деятельности международной террористической организации «Исламское государство», принял решение не сообщать в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения[2]. Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Примечание ст. 205^6 УК РФ содержит норму, в которой отмечается, что не подлежат уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Понятие близкого родственника раскрыто в ст. 5 УПК РФ. К нему относятся: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

---

[1] Приговор Быковского районного суда Волгоградской области по делу № 1-76/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/S1rLqd9LslU5/.

[2] Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия по делу № 1-120/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Sz6INpypvlJv/.

§ 6.8. Особенности квалификации захвата заложника

Непосредственным объектом преступления является общественная безопасность[1], а дополнительным – свобода граждан, поскольку при совершении преступления затрагивается безопасность широкого круга людей, а не только потерпевшего, а также здоровье, жизнь граждан.

Объективную сторону преступления составляет захват или удержание лица в качестве заложника, а также выдвижение требования перед государством, организацией или гражданином о совершении каких-либо действий либо бездействий как условие освобождения заложника.

Под захватом или удержанием следует понимать совершение насильственных действий. Это выходит из этимологического смысла и сути слов «захват» и «удержание». Иные способы совершения преступления законодатель не раскрывает. Требования могут быть выражены в устной, письменной или иной формах. По характеру предъявляемые требования различны: выполнение определенных обязательств, принятие лица на работу, освобождение арестованного или осужденного, требование выезда за границу, предоставления оружия, транспорта, денег, наркотиков и т. п. Конкретный характер или особенность требований на квалификацию влияния не оказывают[2].

Исключением являются лишь случаи, когда требования носят правомерный характер. Стремление лица к защите своих законных прав и интересов здесь сочетается с нарушением установленного порядка защиты таких интересов. Поэтому такого

---

[1] В литературе некоторые авторы непосредственным объектом захвата заложника признают физическую свободу человека. См., например: Лысов М. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложников. Российская юстиция. 1994. № 5. С. 40–41.

[2] Скобликов П. Незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника в новом уголовном законодательстве // Законность. 1997. № 9. С. 52.

рода действия следует рассматривать как самоуправство с соответствующей квалификацией по ст. 330 УК РФ.

Состав – формальный, момент окончания преступления наступает с момента совершения захвата или удержания и выдвижения требования.

Субъективную сторону составляют прямой умысел и обязательный признак – цель понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

Угроза расстрелом заложника и иные действия, совершенные в целях понуждения государства к выполнению какого-либо действия как условия освобождения заложника, охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 205 УК РФ не требуется. Примером этого является уголовное дело Б. и Х. Они признаны виновными (наряду с другими преступлениями) в захвате и удержании лиц в качестве заложников в целях понуждения государства совершить какое-либо действие как условие освобождения заложников.

Их действия, связанные с захватом и удержанием заложников, с требованием предоставить оружие и самолет, угрозами расстрелом заложников и созданием угрозы для жизни людей путем взрыва канистр с бензином, квалифицированы наряду со ст. 206 УК РФ и по ст. 205 УК РФ как террористический акт.

Между тем угрозы расстрелом заложников и производство выстрелов из автоматов в воздух не были направлены на нарушение общественной безопасности, устрашение населения или оказание воздействия на принятие решения органом власти, а преследовали цель добиться выполнения требований о предоставлении оружия и самолета. Канистры же с бензином занесены в автомобиль, а затем в салон самолета в других целях. При таких обстоятельствах действия Б. и Х. охватываются составом

преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, и дополнительной квалификации по ст. 205 УК РФ не требуется[1].

Таким образом, содержание субъективной стороны и ее направленность при захвате заложника объективно выходят за пределы свободы личности. Это обстоятельство в совокупности с остальными и позволяет справедливо относить захват заложника к преступлениям против общественной безопасности[2]. Субъектом является вменяемое, физическое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Захват заложника следует отличать от похищения человека и незаконного лишения свободы. В первую очередь отличие заключается в объекте преступления. В преступлениях, предусмотренных ст.ст. 126, 127 УК РФ, основным непосредственным объектом является физическая свобода человека, а в захвате заложника она – лишь дополнительный непосредственный объект.

Обязательным признаком субъективной стороны захвата заложника является цель – понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения его как условие освобождения заложника. Объективная сторона захвата заложника состоит из двух взаимосвязанных общественно опасных деяний – захват и выдвижение требований либо удержание и выдвижение требований. При похищении человека и незаконном лишении свободы объективная сторона состоит из одного общественного опасного деяния.

В ч. 2 ст. 206 УК РФ предусмотрены квалифицирующие признаки:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с применением насилия, опасного для жизни и здоровья;

---

[1] Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 2-0122\99 по делу Б. и др. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 1. С. 11.

[2] Гринько С. Д. Борьба с терроризмом и захватом заложника (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов н/Д, 1998. С. 69.

в) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

г) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

д) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

е) в отношении двух или более лиц;

ж) из корыстных побуждений или по найму.

Преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, означает, что в нем принимало участие два и более лица, заранее договорившихся о его совершении.

Под квалифицирующим признаком «применение насилия, опасного для жизни и здоровья», следует понимать причинение потерпевшему, как минимум, легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» к оружию следует отнести огнестрельное, холодное, газовое оружие и боеприпасы, взрывчатые вещества[1]. Предметами, используемыми в качестве оружия, могут быть предметы, с помощь которых причиняется вред здоровью граждан (ножи, топоры, палки и т. п.).

Субъективную сторону составляет вина в виде прямого умысла при таких квалифицирующих признаках, как в отношении:

– заведомо несовершеннолетних;

– женщин, заведомо для виновного находящихся в состоянии беременности;

– двух или более лиц

При этом виновному должно быть достоверно известно о несовершеннолетнем возрасте или беременности потерпевшей.

---

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.12.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10128024/.

Квалифицирующий признак «из корыстных побуждений или по найму» следует рассматривать как обязательный признак субъективной стороны наряду с прямым умыслом. Под корыстными побуждениями понимается совершение преступлений за материальное вознаграждение либо из иной материальной или личной заинтересованности.

В ч. 3 ст. 206 УК РФ предусмотрено совершение преступления, повлекшего по неосторожности смерть человека или тяжкие последствия, т. е. данная норма является преступлением, совершенным с двумя формами вины.

Тяжким последствием по смыслу данной статьи может быть причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Часть 4 ст. 206 УК РФ содержит особо квалифицирующий признак: захват заложника, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Соответственно, если в ходе захвата заложника его умышленно лишают жизни (одного или двух и более), то совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 206 и 105 УК РФ, отсутствует. Такое деяние подлежит квалификации только по ч. 4 ст. 206 УК РФ.

В примеч. к ст. 206 УК РФ предусмотрены условия освобождения от уголовной ответственности за захват заложников:

– добровольность или по требованию властей освобождение заложника;

– отсутствие в действиях виновного иного состава преступления.

Добровольность характеризуется окончательным отказом по своей воле от начатого преступления. Освобождение заложника по требованию властей также является одним из условий освобождения от ответственности. При этом в действиях лица не должно содержаться иного состава преступления.

§ 6.9. Особенности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма

Статья 207 УК РФ Федеральным законом Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» относится к преступлениям террористического характера[1]. Ведь заведомо ложное сообщение об акте терроризма не менее опасно, чем собственно терроризм, поскольку на проверку таких сообщений тратится значительное время, при этом парализуется работа транспорта, предприятий и учреждений, возникает необходимость эвакуации людей из помещений, создается нервозная обстановка, в обществе возникает атмосфера страха.

«Телефонный терроризм» причиняет имущественный ущерб в виде затрат на оплату работы спецподразделений, занимающихся поиском несуществующего взрывного устройства, на осуществление выезда сотрудников правоохранительных органов по заведомо ложному сообщению об акте терроризма, материального ущерба организациям и учреждениям вследствие нарушения их работы. Анализ данных о преступлениях, предусмотренных ст. 207 УК РФ, выявил тенденцию роста с 2010 г. по 2017 г.: в 2010 г. было зарегистрировано 1 556 преступлений, а в 2017 г. – 3 027. Только в 2018 г. было резкое снижение (почти на 50 %), их было зарегистрировано 1 530. Такое снижение можно объяснить изменением в законодательстве. Так, Федеральным законом Российской Федерации от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» редакция ст. 207 УК РФ изменена[2].

---

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2006. 10 марта (№ 0 (4014).

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_286743/.

Непосредственным объектом заведомо ложного сообщения об акте терроризма являются общественная безопасность и общественный порядок. При совершении данного преступления нарушается нормальная деятельность учреждений, органов, организаций, отвлекаются значительные силы и средства правоохранительных органов, причиняется вред интересам конкретных граждан. Дополнительными объектами могут выступать жизнь и здоровье граждан, отношения собственности, интересы государственной власти и порядок управления.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления состоит в действии, выражающемся в заведомо ложном сообщении о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений.

Диспозиция ч. 1 ст. 207 УК РФ – описательная, содержит исчерпывающие данные, характеризующие особенности этого действия. Деяние представляет собой сообщение, т. е. передачу информации о готовящихся взрыве, поджоге и иных действиях (см. § 6.1). При этом для квалификации деяния по ст. 207 УК РФ достаточно, чтобы сообщалось хотя бы об одной из перечисленных угроз.

Термин «сообщение» означает непосредственную передачу информации. Поскольку в законе прямо не указано, кому может и должно быть сделано ложное сообщение, круг возможных адресатов этих сообщений может быть очень широк. Однако по смыслу данной нормы для признания такого действия, подпадающим под признаки рассматриваемого состава преступления, необходимо установить, что адресат был обязан или был вынужден на них реагировать.

Сообщение по своему характеру должно свидетельствовать о реальном и наличном характере угрозы. В уголовном законе не указан адресат передачи названной информации. По смыслу закона адресатом этого сообщения являются должностные лица

органов правоохранительных органов, органов власти и местного самоуправления, иные лица, выполняющие организационно-распорядительные или иные управленческие функции в различных организациях.

Способ передачи информации может быть любым:

– с использованием телефонной связи, радиосвязи;
– путем почтового или электронного отправления;
– через личное устное заявление;
– либо иным другим способом.

На практике же такое сообщение часто передается по телефону.

Сообщение об акте терроризма должно быть ложным заведомо. Это значит, что лицо, передающее ложную информацию, сознает ее ложный характер. Оно осознает, что обманывает адресата сообщения и что последний воспринимает информацию как правдивую. В случае, если субъект сам заблуждается относительно ложности информации, считая, что она правдивая, такое сообщение не влечет уголовную ответственность.

Основными признаками заведомо ложного сообщения об акте терроризма, согласно ст. 207 УК РФ, являются:

1. Сообщения, содержащие сведения о взрывах, поджогах или иных действиях, которые могут иметь место в будущем.

2. Ложность сообщаемых сведений, т. е. несоответствие их объективной действительности.

3. Знание лицом, сообщающим сведения, того, что информация не соответствует действительности[1].

Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, – формальный. Преступление окончено с момента совершения деяния и получения заведомо ложной информации тем адресатом, кому оно передано и который вправе принимать решения.

Примером этого преступления является дело гр-на Щ., который был осужден по ч. 1 ст. 207 УК РФ Кировским районным

[1] Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 2. С. 600–601.

судом г. Иркутска. По приговору он позвонил со своего мобильного телефона в дежурную часть МУ МВД России г. Иркутска и сообщил об акте терроризма, а именно о наличии взрывного устройства в здании железнодорожного вокзала, зная, что здание не заминировано[1].

Часто данный вид преступления осуществляется несовершеннолетними во время экзаменов, когда они сообщают о подготовленном взрыве школы, института или техникума.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Об этом и свидетельствует заведомость ложного сообщения. Заведомость в данном случае предполагает, что виновному достоверно известно, что никакой акт терроризма не готовится, но тем не менее он сообщает об этом[2]. Вторым обязательным признаком субъективной стороны преступления является мотив – хулиганские побуждения. Хулиганские побуждения проявляются в явном неуважении к обществу и общепринятых норм морали, противопоставлении хулигана гражданам и пренебрежительном отношении к ним. В судебной практике деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, принято считать «умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода»[3]. Хулиганские действия совершаются, как правило, без внешнего повода. Вместе с тем наличие в действиях хулиганского мотива имеет

---

[1] Приговор Кировского районного суда г. Иркутска от 20 декабря 2017 г. по делу № 1-302/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IIk7jybHW9dn/.

[2] Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть : учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» / [А. А. Абдульманов и др.] ; под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2013. С. 601.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.

место и тогда, когда они совершены по ничтожному поводу. Например, нежеланию участвовать в учебном процессе, работе, в связи со стремлением причинить руководству неприятности по службе. Примером этого является дело гр-на В., который, находясь в своей квартире в г. Москве в состоянии алкогольного опьянения, 8 мая 2016 г. в 13 ч. 39 мин., с целью оказания воздействия на принятие органами МВД России незамедлительных мер по реагированию на сообщение о готовящемся акте терроризма, позвонил со своего мобильного телефона в ГУ МВД России по г. Москве и сообщил заведомо ложную информацию о заложенном взрывном устройстве в квартире дома по проезду г. Москвы, тем самым нарушил нормальное функционирование органа правопорядка[1]. Субъект – физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Если же сообщающее лицо само заблуждается относительно возможности совершения террористического акта, полагая, что таковой действительно подготавливается, либо преувеличивает возможность его совершения, то состав преступления отсутствует. Например, лицо сообщает об обнаружении в том или ином месте брошенного кем-то чемодана, высказывая при этом предположение о нахождении в нем взрывного устройства, но при проверке которого оказалось, что в нем ничего нет.

Квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 ст. 207 УК РФ, предполагает совершение того же деяния в отношении объектов социальной инфраструктуры либо если оно повлекло причинение крупного ущерба. В соответствии с п. 2 примечаний к ст. 207 УК РФ под объектами социальной инфраструктуры понимаются организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, предприятия и организации, связанные с отдыхом и досугом, сферы услуг, пассажирского транспорта,

[1] Приговор Бутырского районного суда г. Москвы от 12 октября 2016 г. по делу № 1-0834/2016 // Сайт Бутырского районного суда г. Москвы. URL: http://butyrsky.msk.sudrf.ru/.

спортивно-оздоровительные учреждения, система учреждений, оказывающих услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.

Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает 1 млн р. Причинение материального ущерба будет определяться с учетом затрат физического или юридического лица, длительности нарушения работы предприятия или учреждения, нарушения работы общественного транспорта, существенное ухудшение экологической обстановки и т. п.[1]. При совершении деяния с причинением крупного ущерба требуется устанавливать причинно-следственную связь, так как данный состав становится материальным. Законодатель не раскрывает, кому должен причиняться ущерб, одному лицу (физическому или юридическому) или сразу нескольким. Например, при заведомо ложном сообщении о заложенном взрывном устройстве, например на вокзале, на место выезжают сотрудники правоохранительных органов (МВД России, прокуратуры, ФСБ России), сотрудники МЧС России, РЖД, медицинские работники. В результате нарушается спокойствие пассажиров вокзала, нормальная деятельность вокзала и РЖД в целом, так как график прохождения поездов нарушается, создавая неудобства многим гражданам. При этом каждый выезд приводит к расходованию государственных средств. Поэтому, на наш взгляд, крупный ущерб, когда сумма в 1 млн р. складывается из ущерба причиненным всем заинтересованным лицам.

В ч. 3 ст. 207 УК РФ предусмотрено совершение деяния в целях дестабилизации деятельности органов власти. Этот признак, на наш взгляд, связан с другими составами этого преступления. Хотя в этом случае цель становится обязательным признаком субъективной стороны.

---

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

Часть 4 ст. 207 УК РФ содержит особо квалифицированные признаки заведомо ложного сообщения об акте терроризма, который повлек по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Причинение смерти по неосторожности человеку при совершении этого преступления охватывается данной нормой и дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против жизни, не требует. Это вытекает из сравнительного анализа санкций указанных норм. При этом причинение смерти законодатель связывает с неосторожной формой вины, т. е. заведомо ложное сообщение об акте терроризма с причинением смерти человеку является составом с двумя формами вины: умышленная вина по отношению к деянию и неосторожная – по отношению к наступившей смерти.

Иными тяжкими последствиями могут быть причинение тяжкого вреда здоровью одному человеку или нескольким, а также причинение иного вреда здоровью граждан. Иные тяжкие последствия могут выразиться в причинении вреда здоровью людей при эвакуации, потере перевозимого ценного груза, уничтожении или повреждении культурных, научных и иных ценностей и т. д.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма следует отграничивать от публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207^1 УК РФ). Основным критерием, позволяющим разграничить эти преступления, является содержание переданных сведений. При совершении преступления, предусмотренного ст. 207^1 УК РФ, распространяется информация о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуациях, в том числе эпидемиях, эпизоотиях и иных обстоятельствах, возникающих в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) че-

ловеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, выражается в сообщении заведомо ложных сведений о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

§ 6.10. Особенности квалификации организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, а равно участия в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации

Объект преступления – общественная безопасность, поскольку создание незаконного вооруженного формирования вносит дисбаланс в равновесие между ветвями власти, создает социальную напряженность среди граждан.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 208 УК РФ, выражается в следующих формах действий в отношении вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом:

1) создание;
2) руководство;
3) финансирование.

В ч. 2 ст. 208 УК РФ предусмотрена ответственность за участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном его (государства) законодательством, в целях, противоречащих

интересам Российской Федерации (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 208 УК РФ).

В ч. 3 ст. 208 УК РФ устанавливается ответственность за участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ).

Незаконность вооруженных формирований предполагает их организацию с нарушением федеральных законов, определяющих порядок формирования и деятельности вооруженных структур, их подчиненность и подконтрольность[1]. В ст. 13 Конституции Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Согласно ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику; либо предусматривающих прохождение военной службы, чье положение не урегулировано федеральными законами, запрещаются и преследуются по закону[2]. «Под незаконным вооруженным формированием в ст. 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину

[1] См.: Федеральные законы Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» ; от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» ; от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и др.

[2] Статья 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_10591/.

или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или территориальной целостности Российской Федерации)»[1]. Незаконными признаются формирования также в случае их организации на основе решений местных органов власти или субъектов федерации, а также федеральных органов исполнительной власти.

Под формированием понимается воинская часть или близкая к ней по основным характеристикам (количеству, вооруженности, структуре, организации обучения и т. п.) вооруженная организация партий, коммерческих или некоммерческих организаций[2].

Законодатель в диспозиции данной нормы указал только на понятия, а регламентации количественного состава незаконного вооруженного формирования в законе нет.

Обобщение судебной практики свидетельствует, что незаконное вооруженное формирование может создаваться в форме объединения, отряда, дружины или иной группы, т. е. в объединениях вооруженных людей различного уровня и численности, структуры. Количественный состав группы составляет шесть-восемь человек, что может решать задачи и цели вооруженного формирования.

Обязательным признаком рассматриваемого состава преступления является вооруженность. Под вооруженностью формирования следует понимать наличие любого оружия у его членов[3]. Наличие же в незаконном формировании хотя бы одной единицы военной техники (бронетранспортера танка, ракетной установки

---

[1] Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

[2] Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 1996. С. 227.

[3] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 08.12.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10128024/.

и т. п.) либо оружия более мощного, чем боевое стрелковое (артиллерийская пушка, миномет, гранатомет и др.), годных для использования по своему назначению, само по себе может оказаться достаточным для признания формирования вооруженным[1].

Руководство вооруженным формированием заключается в осуществлении лицом управленческой деятельности и может выражаться в осуществлении кадровой политики (подбор, расстановка, увольнение), решении финансовых вопросов, взаимоотношения с другими органами власти и управления[2].

Состав – усеченный, момент окончания преступления наступает с момента фактического образования формирования, т. е. с момента объединения нескольких лиц в группу и приобретения хотя бы некоторыми из них оружия, боеприпасов, взрывных устройств, боевой техники.

Под финансированием незаконного вооруженного формирования следует понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для обеспечения деятельности объединения, отряда, дружины или иной группы. В тех случаях, когда лицо содействует террористической деятельности путем финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются ч. 1 ст. 208 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205[1] УК РФ как финансирование терроризма не требуется.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Цель не имеет значения для квалификации этого преступления.

Субъектом данного преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

---

[1] Мальцев В. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие и ней // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 45.

[2] Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ изменена редакция ч. 2 ст. 208 УК РФ, в настоящее время она предусматривает ответственность за два самостоятельных действия:

1) участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом;

2) участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренным законодательством данного государства.

Если лицо совершает деяние, подпадающее одновременно под признаки ч. 2 и ч. 3 ст. 208 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации только по ч. 3 ст. 208 УК РФ.

Обязательным признаком этого состава преступления является наличие у виновного лица противоречащей интересам Российской Федерации цели (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 настоящей статьи).

Под участием в незаконном вооруженном формировании следует понимать выполнение лицом любых действий в соответствии с задачами и целями этого формирования. Это могут быть:

1) дежурство;

2) патрулирование;

3) выполнение хозяйственных работ;

4) получение денежного вознаграждения и т. д.[1].

Также Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ ст. 208 УК РФ дополнена третьей частью.

Объективная сторона этого состава преступления выражается в участии гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства

[1] Пункт 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства.

Обязательным признаком в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 208 УК РФ, является место его совершения – территория иностранного государства.

В диспозиции ч. 3 ст. 208 УК РФ законодатель указал на обязательное отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ).

Субъективная сторона выражается в прямом умысле и обязательным признаком признается цель, противоречащая интересам Российской Федерации.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, специальный – гражданин Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства.

При совершении участником незаконного вооруженного формирования конкретного преступления его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 или ч. 3 ст. 208 УК РФ и соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации. Примером такой квалификации преступлений может быть дело уроженца Республики Дагестан А., который был признан виновным и осужден Верховным Судом Республики Дагестан по преступлениям, предусмотренных ч. 2 ст. 208, ст. 317, п. «а» ч. 4 ст. 162, пп. «б», «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 4 ст. 226, ч. 3 ст. 222 УК РФ. Судом было установлено, что с начала 2013 г. на территории (адрес) создано незаконное вооруженное формирование, которое характеризовалось сплоченностью, устойчивостью, за счет согласованности действий и единства преступных замыслов, стабильности состава, приверженности радикальной исламской идеологии. Формирование было вооружено пулеметом Дегтярева, автоматами Калашникова, пистолетом, патронами и другим вооружением.

Гр-н Д. вступил в данное вооруженное формирование, так как разделял взгляды и убеждения других участников, касающиеся вооруженной борьбы с органами власти России и установления на территории Республики Дагестан норм Шариатского правления. Гр-н Д., являясь участником незаконного вооруженного формирования под руководством гр-на Н., в составе организованной группы в марте 2015 г. совершил разбойное нападение, убийство, хищение огнестрельного оружия и посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов[1].

Если отдельные члены незаконных вооруженных формирований объединились в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации либо в террористическое сообщество, руководят такой группой (бандой) или террористическим сообществом, а также участвуют в совершаемых ими нападениях или преступлениях террористической направленности, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 208 и 209 или 205[4] УК РФ[2].

В примеч. ст. 208 УК РФ законодатель предусмотрел условия освобождения лица от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния. Ими являются:

1) лицо впервые совершившее преступление, предусмотренное чч. 1 или 2 ст. 208 УК РФ;

2) добровольность прекращения участия в формировании;

3) сдача оружия;

---

[1] Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 11 октября 2018 г. по делу № 2-12/2018, 2-28/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zD7Ds9S5I854/.

[2] Пункт 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 г. № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности"» // Российская газета. 2016. 16 ноября (№ 259 (7127).

4) отсутствие в его действиях иного состава преступления. «Добровольность заключается в прекращении участия в этом формировании по собственной воле лица при наличии у него объективной возможности продолжать такое участие»[1].

§ 6.11. Особенности квалификации бандитизма

Объект преступления – общественная безопасность. Дополнительным объектом могут быть жизнь и здоровье людей, государственная и общественная собственность.

Объективная сторона бандитизма заключается в следующих действиях:

1) создание устойчивой вооруженной группы (банды) (ч. 1 ст. 209 УК РФ);

2) руководство такой группой (бандой) (ч. 1 ст. 209 УК РФ);

3) участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях (ч. 2 ст. 209 УК РФ).

Признаками банды являются:

а) наличие в ней двух или более вменяемых лиц, достигших 16 лет;

б) устойчивость;

в) вооруженность;

г) цель создания – совершение нападений на граждан или организации.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» разъясняется, что «под бандой следует понимать устойчивую организованную вооруженную группу из двух или более лиц, предварительно объединившихся для совершения нападений

[1] Пункт 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля (№ 35 (5708).

на граждан либо на организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения»[1].

Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава и организованных структур, сплоченность ее членов, постоянство форм и методов преступной деятельности.

Вооруженность банды означает наличие у ее участников (хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды) огнестрельного, холодного оружия, различных взрывных устройств, а также газового оружия.

Под созданием банды понимаются любые действия, результатом которых стало возникновение устойчивой вооруженной группы, имеющей цель нападения на граждан или организации.

Руководство бандой означает определение направлений деятельности уже созданной устойчивой вооруженной группы (разработка планов нападений, дача указаний участникам банды, руководство совершением конкретных нападений и т. п.).

Гр-н Ш. признан виновным и осужден Алтайским краевым судом за создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан и организации и в руководстве такой группой (бандой); за разбои, т. е. нападения в целях хищения чужого имущества, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением оружия, организованной группой (четыре эпизода). Судом установлено, что гр. Ш. в период с 4 июля 2014 г. на территории Алтайского края создал и возглавил устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан для завладения их имуществом. В состав банды вхо-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/.

дил гр-н Б., участвовавший в составе банды в конкретных нападениях. Банда была вооружена огнестрельным оружием – пистолетом, о наличие которого знал гр. Б. При этом гр-н Ш. осуществлял общее руководство группой, планировал и координировал ее деятельность, поддерживал связь и обменивался информацией с гр-н Б., распределял роли, определял объекты нападений, осуществлял подготовку к совершению разбоев, принимал непосредственное участие в нападениях, скрывал следы, соблюдал и обеспечивал безопасность и конспирацию, распределял денежные средства и иное имущество, добытое в результате совершенных преступлений. Б. исполнял указания и поддерживал связь, обменивался информацией с гр-ном Ш., осуществлял подготовку к совершению разбоев, управлял имевшимся в распоряжении участников группы автомобилем, принимал меры к сокрытию следов, соблюдал конспирацию. В составе данной устойчивой вооруженной группы (банды) гр-не Ш. и Б. в период с 11 января 2016 г. по 4 марта 2016 г. в городах Кемерово, Барнаул и Новоалтайск совершили пять разбойных нападений[1].

Под участием в вооруженной банде следует понимать не только непосредственное участие в совершаемых бандой нападениях, но и выполнение иных действий в интересах банды: руководство, финансирование, снабжение оружием, подыскание объектов нападения, обеспечение транспортом и т. д.

Под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создание реальной угрозы его немедленного применения. Так, Омским областным судом признаны виновными и осуждены гр-не К., за создание и руководство устойчивой вооруженной группой (банды), а М. и Ш. – за уча-

[1] Приговор Алтайского краевого суда от 4 октября 2017 г. по делу № 2-7/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dB07tpOQLvYm/.

стие в банде и совершаемых ими разбойного нападения и вымогательства. Согласно материалам дела гр-н К. в 2012 г. создал вооруженную организованную преступную группу с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений против собственности в отношении лиц таджикской и узбекской национальностей, проживающих на территории г. Омска, завладения их имуществом, а также устрашения, оказания физического и психологического давления на лиц. Созданная группа (банда) отличалась вооруженностью, для совершения преступлений использовалось огнестрельное и холодное оружие. Все члены банды были осведомлены о структуре и руководящей роли гр-на К., а также о наличии оружия в группе. Ш. в составе банды выполнял обязанности по доставке потерпевших к месту совершения конкретных преступлений, непосредственного оказания на них физического насилия с целью подавления воли и обеспечения хищения денежных средств и имущества. В августе 2014 г. гр-не Ш. и М. по указанию К. совершили разбойное нападение организованной группой с применением оружия на гр-на Н. в г. Омске. Они же в сентябре 2014 г. в г. Омске совершили вымогательство денежных средств у гр-на Н.[1].

Как видим из приведенных примеров, действия участников банды квалифицировались по ст. 209 и конкретным преступлениям против собственности, оборота оружия[2].

Состав по конструкции – формальный. Преступление считается оконченным с момента создания банды независимо от того, были ли совершены ею преступные посягательства.

---

[1] Приговор Омского областного суда от 27 октября 2017 г. по делу № 2-16/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5Ym8Z4UT0jmW/.

[2] Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что создает банду, осуществляет руководство ею, участвует в ней или совершаемых ею нападениях и желает этого. Обязательный признак субъективной стороны бандитизма – цель, которая заключается в намерении осуществлять нападения на граждан или организации.

Субъект преступления – лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, являющееся организатором, руководителем или участником банды.

Более подробно вышеназванные признаки раскрыты в постановлении № 1[1].

Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные преступления в составе банды, подлежат ответственности за те преступления, ответственность за которые в соответствии со ст. 20 УК РФ предусмотрена с 14 лет.

Часть 3 ст. 209 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за бандитизм, совершенный лицом с использованием своего служебного положения, состоящим на службе как в государственных (например, сотрудник органов внутренних дел, военнослужащий), так и в негосударственных организациях или учреждениях (например, сотрудник частных охранных служб, служб безопасности различных финансовых и коммерческих структур и т. п.).

[1] Пункты 3–15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/.

§ 6.12. Особенности квалификации организации преступного сообщества (преступной организации)

Объект преступления – общественная безопасность. Дополнительным объектом могут быть жизнь и здоровье людей, государственная и общественная собственность, нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений.

За последние годы данному преступлению уделялось значительное внимание в плане совершенствования уголовного законодательства и усиления ответственности за совершение указанного преступления. Так, федеральными законами Российской Федерации от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» изменены диспозиция и санкция данного преступления. Последние изменения в данную статью введены Федеральным законом Российской Федерации от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». Согласно закону ч. 1 ст. 210 УК РФ была дополнена ч. 1.1 УК РФ.

В настоящее время объективная сторона преступления ч. 1 ст. 210 УК РФ характеризуется следующими действиями:

а) создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;

б) руководство таким сообществом (организацией);

в) руководство входящими в преступное сообщество структурными подразделениями;

г) координация действий организованных групп;

д) создание устойчивых связей между ними;

е) разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами;

ж) раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами.

Объективная сторона ч. 1.1 ст. 210 УК РФ состоит в участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи.

Как видим, диспозиция статьи содержит различные формы деяния данного преступления, в том числе с оценочными признаками.

Понятие преступного сообщества (преступной организации) дано в ч. 4 ст. 35 УК РФ: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

В соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы. Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или более строгое наказание, чем

лишение свободы (ч. 5 ст. 15 УК РФ). Эти преступления могут посягать на различные объекты уголовно-правовой охраны, в том числе на жизнь, здоровье, экономические отношения, отношения собственности, оборот оружия или наркотических средств и психотропных веществ и др.

«Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений, характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий»[1].

Преступное сообщество отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы:

1) более сложной внутренней структурой;

2) наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;

3) возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью.

При этом под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги, и т. п.

Под косвенным получением финансовой или иной материальной выгоды следует понимать совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, которые непосредственно не посягают на чужую собственность, однако

---

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/.

обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на собственность.

Уголовная ответственность по ст. 210 УК РФ за создание преступного сообщества или за участие в нем наступает в случаях, когда руководители (организаторы) и участники этого сообщества объединены умыслом на совершение тяжких или особо тяжких преступлений при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему. Если участники организованной группы, первоначально объединившиеся для совершения преступлений средней тяжести, совершили одно или несколько тяжких или особо тяжких преступлений, их действия подлежат квалификации по соответствующей части ст. 210 УК РФ при условии, что эта организованная группа до совершения тяжкого или особо тяжкого преступления преобразовалась в преступное сообщество, т. е. стала обладать признаками, предусмотренными ч. 4 ст. 35 УК РФ[1].

Содержание понятий «создание», «руководство» преступным сообществом (преступной организацией), «участие» в нем не отличается от аналогичных признаков бандитизма.

Руководство преступным сообществом может осуществляться как единолично руководителем преступного сообщества, так и двумя и более лицами, объединившимися для совместного руководства (например, руководителем преступного сообщества, руководителем структурного подразделения, руководителем (лидером) организованной группы). Руководство преступным сообществом заключается в распределении непосредственных обязанностей (ролей) между участниками такого сообщества, поддержании дисциплины и соблюдении строгой иерархии между членами,

[1] Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/.

определении направлений преступной деятельности и распределении преступного дохода, в подборе и расстановке кадров, внедрении своих людей в государственные и правоохранительные органы, в разработке планов и подготовке совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

Так, гр-ка Ч. в январе 2015 г. вступила в преступное сообщество, организованное Н. в целях незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на территории Самарской и Оренбургской областей Российской Федерации, и стала руководить одним структурным подразделением, входящим в преступное сообщество и созданным для совершения преступлений, связанных с незаконным приобретением, хранением, перевозкой и сбытом наркотических средств и направленных против здоровья населения и общественной нравственности. Руководство этим подразделением Ч. осуществляла путем распределения функций и ролей между руководителями и членами преступного сообщества с соблюдением строгой конспирации для обеспечения безопасности ее участников, а также разработки планов и схем передачи наркотических средств непосредственным потребителям с целью незаконного личного обогащения[1].

«Под координацией действий организованных групп следует понимать их согласование между несколькими организованными группами, входящими в преступное сообщество, в целях совместного совершения запланированных преступлений»[2]. Координация действий может осуществляться в виде распреде-

---

[1] Приговор Красноглинского районного суда г. Самары от 26 сентября 2017 г. по делу № 1-220/2017 // Судебная практика. URL: http://sud-praktika.ru/precedent/467415.html.

[2] Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/.

ления деятельности групп по различным направлениям, контроля за соблюдением выполнения всех предписаний руководства преступного сообщества.

Под созданием устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами понимаются, например, действия лица по объединению таких групп в целях осуществления совместных действий по планированию, совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами представляют собой комплекс действий, который непосредственно связан с планированием в дальнейшем преступной деятельности. К таким действиям можно отнести предложения и обсуждения самих планов совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Раздел сфер влияния и преступных доходов является одной из форм объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ. Она включает в себя распределение влияния конкретных организованных групп по территориальному, этническому или социально-экономическим признакам, а также определения порядка и форм распределения преступных доходов между разными организованными группами. Уголовная ответственность за вышеперечисленные действия наступает с момента установления контактов и начала взаимодействия в целях совершения преступлений.

Уголовная ответственность лица, принявшего участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, наступает в тех случаях, когда на таком собрании совместно обсуждались вопросы, связанные с планированием или организацией совершения деяний, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Объективная сторона ч. 2 ст. 210 УК РФ состоит в участии в преступном сообществе (преступной организации). Под участием в преступном сообществе следует понимать вхождение в состав сообщества, а также разработку планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации, подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т. п.).

Участником преступного сообщества может быть лицо, которое лично дало свое согласие и обязуется выполнять любые действия, возлагаемые членством в сообществе обязанности и иные указания организатора или руководителя преступного сообщества. Так, по материалам уголовного дела Л., вступил в преступное сообщество, созданного Н., известного в криминальных кругах Курской области под прозвищем «Волобуй». Оно имело структурированную организацию, в которую входили две группы, имеющие обособленные подразделения. Одна группа, возглавляемая братом Н., совершала общеуголовные преступления, другая специализировалась на совершении преступлений исключительно экономической направленности. Устойчивость и стабильность преступного сообщества заключались в том, что перед совершением каждого преступления его участники тщательно планировали детали, способы реализации и в течение значительного промежутка времени готовились к совершению преступления, заранее выезжали на места предполагаемого преступления, производили наблюдение за потерпевшими, подбирали средства и орудия, распределяли роли. Участников сообщества тесно связывало

совместное времяпрепровождение и занятие спортом, единая цель – совершение преступлений для последующего личного обогащения и достижения криминального лидерства. Гр-н Л., добровольно вступив в преступное сообщество, обязался выполнять любые указания руководителя. Так, Л., незаконно приобретя огнестрельное оружие, по указанию руководителя преступной организации и совместно с другими участниками преступного сообщества, 9 февраля 2013 г. и в мае 2015 г. совершил в г. Курске убийства двух лиц, неугодных руководителю преступного сообщества. Ранее, по указанию руководителя преступного сообщества, Л. совершил поджог автомашины марки БМВ, принадлежащей гр-ну К[1].

Участник преступного сообщества подлежит уголовной ответственности за действия, которые предусмотрены ч. 2 ст. 210 УК РФ, независимо от его осведомленности о времени, месте, способе и иных обстоятельствах планируемых и совершаемых преступлений[2].

Лицо, создавшее преступное сообщество, его руководитель, а также лица, осуществляющие коллективное руководство таким сообществом, несут уголовную ответственность по ч. 1 ст. 210 УК РФ за совершение хотя бы одного из указанных в ней преступных действий, а также по соответствующим статьям УК РФ за все совершенные другими участниками преступного сообщества преступления без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ[3].

---

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 26 сентября 2018 г. по делу № 1-390/2018 // Судебные и нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: http://sudact.ru/regular/doc/HV9CbZobfWNJ/.

[2] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_101362/.

[3] См.: Там же: п. 14.

Состав рассматриваемого преступления – формальный. Преступление признается оконченным с момента создания преступного сообщества или объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп. «О готовности преступного сообщества к совершению указанных действий, преступлений, может свидетельствовать, например, приобретение и распространение между участниками орудий или иных средств совершения преступления, договоренность о разделе территорий и сфер преступной деятельности»[1].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает общественно опасный характер своих действий и желает создать преступное сообщество в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководить таким сообществом или входящими в него структурными подразделениями, а также координировать действия, создавать устойчивые связи между действующими организованными группами, разрабатывать планы и создавать условия для совершения такими группами преступлений и осуществлять раздел сфер влияния и преступных доходов между ними, а равно участвовать в собраниях организаторов, руководителей в целях совершения одного или нескольких из указанных преступлений. Обязательный признак субъективной стороны – цель совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ имеется дополнительная цель создания преступного сообщества – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

---

[1] См.: Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ docu-ment/cons_doc_LAW_101362/.

Ответственность наступает, когда руководители и участники преступного сообщества объединены умыслом на совершение одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, является вменяемое, физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста (организатор, руководитель преступного сообщества). По ч. 2 ст. 210 УК РФ субъектом является вменяемое, физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, только участвующее в преступном сообществе

В ч. 3 ст. 210 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение деяний, предусмотренных чч. 1, 1.1, 2 ст. 210 УК РФ, с использованием своего служебного положения. «Под использованием своего служебного положения следует понимать не только умышленное использование лицом своих полномочий, но и оказание влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой им должности на других лиц…»[1]. Последнее уточнение, на наш взгляд, как оценочный признак только затруднит практику применения данной нормы.

В ч. 4 ст. 210 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, предусмотренные чч. 1, 1.1 ст. 210 УК РФ, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Этимологически понятие «иерархия» (от греч. hieros – священный, arrche – власть) означает порядок подчинения низших (чинов, должностей) высшим[2]. Иерархию в структуре преступного сообщества следует понимать как психологическую структуру

---

[1] Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/.

[2] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М. : АЗЬ, 1995. С. 232.

объединения, согласно которой его члены воспринимают конкретное лицо как лидера своего преступного формирования. В юридической литературе под «преступной иерархией» понимается система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций[1].

Однако, на наш взгляд, данный оценочный признак на практике будет трудно определить, поскольку закон не раскрывает его. Хотя в постановлении № 12 и дается разъяснение по данному признаку[2], но суду придется определять данный признак, в первую очередь основываясь на показаниях лиц – участников преступного сообщества, что весьма затруднительно. Для квалификации действий лица по ч. 4 ст. 210 УК РФ требуется устанавливать, какие конкретно оно осуществляло действия по созданию преступного сообщества или руководству преступной организацией, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер влияния и преступных доходов, свидетельствующие о лидерстве в преступном сообществе (преступной организации).

Законодатель предусмотрел в п. 2 примечаний к ст. 210 УК РФ поощрительную норму о возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, участвующих в преступном сообществе, при их деятельном раскаянии. Лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных рассматриваемой статьей, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся собрании

---

[1] Годунов И. В. Организованная преступность от рассвета до заката. М., 2008. С. 60.

[2] Пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/.

организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организации) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

По смыслу текста нормы можно сделать вывод, на кого она не распространяется: на организаторов и руководителей сообщества, лидеров организованных групп, а также лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

§ 6.13. Особенности квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии

Данная статья (ст. 210^1 УК РФ) введена Федеральным законом Российской Федерации от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности».

Объект преступления – общественная безопасность. Дополнительным объектом могут быть жизнь и здоровье людей, государственная и общественная собственность, нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений.

Объективная сторона заключается в занятии лицом высшего положения в преступной иерархии. Занятие как признак объективной стороны данного преступления заключается в осуществлении деятельности по руководству преступным сообществом

(преступной организацией); по организации собрания организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп; координации действий организованных групп; созданию устойчивых связей между ними; разделу сфер преступного влияния и (или) преступных доходов. Иерархию в структуре преступного сообщества следует понимать как психологическую структуру объединения, согласно которой его члены воспринимают конкретное лицо как лидера своего преступного формирования. Таким лидером обычно признается организатор (руководитель) всего преступного сообщества, определяющий основные направления преступной деятельности (см. подробнее о понятии «иерархия» в § 6.12).

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознавало общественно опасный характер занятия высшего положения в преступной иерархии и желало его совершить.

На наш взгляд, если лицо осуществило занятие высшего положения в преступной иерархии, то его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210[1] УК РФ.

§ 6.14. Особенности квалификации незаконных приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный в России порядок оборота оружия, его основных частей

и боеприпасов. Правила оборота указанных предметов содержатся в Федеральном законе Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[1], а также в ряде иных нормативных актов. К предмету рассматриваемого преступления относятся:

– огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы (за исключением крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему) – по чч. 1–6 ст. 222 УК РФ;

– гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие (за исключением механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами), пневматическое оружие с дульной энергией свыше 7,5 Дж, холодное оружие, в том числе метательное оружие – по ч. 7 ст. 222 УК РФ.

В соответствии с Примечанием к рассматриваемой статье, в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, а под боеприпасами следует понимать предназначенные для поражения цели предметы вооружения, патроны и метаемое снаряжение, содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

---

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14XWT8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

Следует отметить, что в соответствии с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом № 281-ФЗ от 1 июля 2021 г., крупнокалиберное оружие, его основные части и боеприпасы к нему были исключены из предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ. Ответственность за их незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение установлена ст. 222.2 УК РФ. В соответствии с примечанием к данной статье, в Уголовном кодексе Российской Федерации под крупнокалиберным огнестрельным оружием понимается огнестрельное оружие (за исключением гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия) калибра от 20 мм и более.

Следует отметить, что примитивность конструкции огнестрельного оружия не имеет значения для признания его предметом рассматриваемого преступления. Например, лицо, которое с целью добычи пищи (отстрела уток и голубей), не имея соответствующего разрешения, используя металлическую трубку и деревянную рукоятку, в домашних условиях изготовило и в дальнейшем хранило пригодное для производства выстрела одноствольное, короткоствольное, однозарядное, дульнозарядное огнестрельное оружие с затравочным отверстием («самопал», «поджиг»), было осуждено по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ за незаконное изготовление огнестрельного оружия и незаконное хранение огнестрельного оружия[1].

Под основными частями огнестрельного оружия следует понимать ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку[2]. Для избе-

---

[1] Приговор Губкинского районного суда Белгородской области от 25 октября 2018 г. по делу № 1-43/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5nfuInvOElQC/.

[2] Статья 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14XWT 8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

жания ошибок квалификации, связанных с неправильным отнесением тех или иных предметов к основным частям огнестрельного оружия (например, определяя, является ли изъятый предмет ствольной коробкой или затворной коробкой огнестрельного оружия, которая не отнесена законом к его основным частям), целесообразно основываться на положениях упомянутого ГОСТ.

Пневматическое (с дульной энергией менее 7,5 Дж) и сигнальное оружие, стартовые, строительно-монтажные пистолеты, электрошоковые устройства, предметы, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием, а также списанное оружие не относятся к тому, ответственность за противоправные действия с которым предусмотрена ст.ст. 222–226[1] УК РФ, если не содержат в своем составе исправных основных частей огнестрельного оружия.

Под боеприпасами, как сказано в Примечании к ст. 222 УК РФ, следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение как отечественного, так и иностранного производства, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание, изготовленные промышленным или самодельным способом.

Сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные патроны, а также патроны светозвукового действия, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т. п.) и не предназначенные для поражения цели, не относятся к боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам.

Объективная сторона преступления по ч. 1 ст. 222 УК РФ заключается в приобретении, передаче, хранении, перевозке, пересылке или ношении указанных предметов. Следует иметь в виду, что все перечисленные действия должны носить незаконный характер, т. е. противоречить правилам оборота оружия, боеприпасов, установленных Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – ФЗ № 150) и соответствующими

постановлениями Правительства Российской Федерации, основным из которых является постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему»)[1], а также ведомственными нормативными актами.

Незаконное приобретение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов – это их покупка, получение в дар, обмен, присвоение найденного, а также незаконное временное завладение ими в преступных или иных целях без признаков хищения[2].

Незаконная передача указанных предметов предполагает их предоставление лицами, у которых они находятся, посторонним – для хранения или временного пользования[3].

Под незаконным хранением огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов понимается их сокрытие в помещениях, тайниках и иных местах, обеспечивающих сохранность указанных предметов[4].

Незаконная перевозка предметов, указанных в диспозиции ст. 222 УК РФ, предполагает их перемещение на любом виде транспорта, когда целью действия является их перемещение из одного места в другое[5].

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 32. Ст. 3878.

[2] Абзац 4 пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

[3] Там же: абз. 9.

[4] Там же: абз. 2.

[5] Там же: абз. 3.

Незаконное ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов означает нахождение их в одежде или непосредственно на теле виновного, а равно переноску в сумке, портфеле и т. п. предметах, в том числе, когда виновный перемещается с этими предметами на транспорте[1]. От перевозки ношение отличается тем, что виновный имеет умысел постоянно иметь предмета преступления при себе, а не переместить его из одного места в другое.

Преступление считается оконченным с момента совершения любого из рассматриваемых действий, при этом совершение одним лицом в отношении одного и того же предмета последовательно нескольких из перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 222 УК РФ деяний не образует совокупности преступлений.

В неправомерных действиях лица могут содержаться одновременно признаки состава как административного правонарушения, так и преступления, в связи с чем необходимо отграничивать виды ответственности владельцев оружия.

При этом в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажи, несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия и т. п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности (например, по ст. 20.11 КоАП РФ).

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Субъект – лицо, достигшее возраста 16 лет. Поскольку преступление может носить длящийся характер, к уголовной ответственности должны привлекаться и лица, начавшие его до достижения возраста уголовной ответственности и продолжавшие,

---

[1] Абзац 1 пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

например, незаконное хранение оружия после достижения 16 лет. Примером может служить следующее дело.

С. в возрасте до 14 лет, с которого наступает уголовная ответственность, в чердачном помещении своего дома завладел оставшимся от умершего отца пригодным для стрельбы нарезным однозарядным огнестрельным оружием, изготовленным самодельным способом по типу карабинов из охотничьего ружья путем укорочения гладкого ствола до остаточной длины 300 мм, установки нарезного ствола под 7,62-мм патрон длиной 400 мм, и доработки экстратора. Достигнув шестнадцатилетнего возраста, С., осознавая противоправность своих действий, продолжал хранить указанный карабин в этом же чердачном помещении. В один из дней С. поместил карабин с нарезным стволом на заднее сиденье своей автомашины, на которой перемещался по городу. В этот же день огнестрельное оружие было обнаружено в автомашине С. сотрудниками полиции и изъято. Органами предварительного расследования действия виновного квалифицированы по ч. 1 ст. 222 УК РФ как незаконные хранение и перевозка огнестрельного оружия[1].

По ч. 2 ст. 222 УК РФ ответственность наступает в случае незаконного сбыта огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему (за исключением крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему).

---

[1] Приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 30 октября 2018 г. по делу №1-135/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/auoVOEZQOQxV/.

Под незаконным сбытом огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов понимается их безвозвратное отчуждение в собственность иных лиц в результате совершения какой-либо незаконной сделки, например дарение, обмен, продажа[1].

Если деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 222 УК РФ, совершены группой лиц по предварительному сговору (когда каждый из соучастников, действуя с общей целью, лично совершает хотя бы одно из предусмотренных соответствующе диспозицией действий), или лицом с использованием своего служебного положения, или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, ответственность наступает пор ч. 3 ст. 222 УК РФ.

Часть 4 рассматриваемой статьи предусматривает наказание за те же действия, если они совершены организованной группой (в этом случае непосредственно незаконный оборот огнестрельного оружия, его основных частей или боеприпасов могут совершать не все участники группы).

В чч. 5 и 6 ст. 222 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконный сбыт огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему (за исключением крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему), совершенный группой лиц по предварительному сговору, или лицом с использованием своего служебного положения, или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также организованной группой.

---

[1] См.: абзац 10 пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

Так, К. примерно с 2015 г. незаконно хранила по месту своего фактического проживания боевое огнестрельное оружие – изготовленный промышленным способом, короткоствольный, одноствольный, нарезной, казнозарядный, самозарядный пистолет. Имея умысел на обогащение от незаконного сбыта указанного огнестрельного оружия, К., Ш. и Г. вступили в преступный сговор между собой, направленный на незаконный сбыт огнестрельного оружия. Ш., Г. и К., действуя совместно, приискали покупателя огнестрельного оружия, с которым договорились о продаже последнему пистолета, а также предварительной его демонстрации и проверки пригодности к стрельбе. К. передала Ш. и Г. незаконно хранившийся ею пистолет для его дальнейшего сбыта. В тот же день Ш. и Г., во исполнение ранее достигнутой договоренности с покупателем, участвовавшим в проведении оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент», прибыли общественным транспортом в оговоренное место, где продемонстрировали пригодность пистолета к стрельбе путем осуществления выстрелов из огнестрельного оружия, тем самым осуществили незаконное ношение огнестрельного оружия, после чего договорились о продаже оружия за 19 тыс. р. С целью конспирации Ш. и Г. сокрыли указанное огнестрельное оружие в своем жилище, где незаконно хранили его до момента сбыта. Ш. и Г., действуя совместно, по предварительной договоренности с покупателем в назначенное время, принесли пистолет на территорию парка в г. Симферополе, где сбыли участвовавшему в проведении оперативно-разыскного мероприятия покупателю данное огнестрельное оружие за указанную сумму. Все указанные лица признаны виновными в незаконном хранении, ношении и сбыте огнестрельного оружия, совершенном группой лиц по предварительному сговору[1].

[1] Приговор Железнодорожного районного суда г. Симферополя Республики Крым от 25 октября 2018 г. по делу № 1-298/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/-4lXKAeWLNyZ1/.

Часть 7 ст. 222 УК РФ содержит самостоятельный состав преступления. Его предметом, как отмечено выше, является гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, его основные част и патроны к нему, огнестрельное оружие ограниченного поражения, его основные части и патроны к нему, газовое оружие (за исключением механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами), пневматическое оружие с дульной энергией свыше 7,5 Дж, холодное оружие либо метательное оружие.

Гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие – это изготовленные промышленным способом ружья (в том числе самозарядные), не запрещенные к обороту в Российской Федерации, канал ствола которых имеет круглое сечение, цилиндрическую или коническую форму и гладкую (ровную) внутреннюю поверхность на всем его протяжении. В соответствии со ст. 6 ФЗ № 150 на территории Российской Федерации, в частности, запрещаются оборот в качестве гражданского и служебного оружия:

– огнестрельного длинноствольного оружия с емкостью магазина (барабана) более 10 патронов, за исключением спортивного оружия, имеющего длину ствола или длину ствола со ствольной коробкой менее 500 мм и общую длину оружия менее 800 мм, а также имеющего конструкцию, которая позволяет сделать его длину менее 800 мм и при этом не теряется возможность производства выстрела;

– огнестрельного оружия, которое имеет форму, имитирующую другие предметы;

– огнестрельного гладкоствольного оружия, изготовленного под патроны к огнестрельному оружию с нарезным стволом;

– патронов с пулями бронебойного, зажигательного, разрывного или трассирующего действия;

– оружия и патронов к нему, имеющих технические характеристики, не соответствующие криминалистическим требованиям (например, имеющие возможность ведения автоматического огня) федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, согласованным с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере технического регулирования и метрологии[1].

Огнестрельное оружие ограниченного поражения – короткоствольное и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку.

Газовое оружие – оружие, предназначенное для временного химического поражения живой цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ. К нему относятся газовые пистолеты и револьверы, в том числе патроны к ним, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми или раздражающими веществами, разрешенными к применению федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Под холодным оружием следует понимать изготовленные промышленным или самодельным способом предметы, предназначенные:

---

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14X WT8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

– для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, которые включают в себя холодное клинковое оружие (кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи, являющиеся оружием; штыки-ножи; сабли; шашки; мечи и т. п.), иное оружие режущего, колющего, рубящего или смешанного действия (штыки, копья, боевые топоры и т. п.), а также оружие ударно-дробящего действия (кастеты, нунчаки, кистени и т. п.);

– для поражения цели на расстоянии, метаемое с использованием мускульной силы человека (метательное бросковое оружие, например, метательные ножи и топоры, дротики и т. п.), а также оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядами, метаемыми с использованием механической энергии (метательное стрелковое оружие – луки, арбалеты и т. п.).

Объективная сторона заключается в незаконном сбыте указанных предметов (возмездном или безвозмездном отчуждении без намерения получить эту же вещь назад).

Субъективные признаки аналогичны ч. 1 ст. 222 УК РФ.

В соответствии с примеч. к ст. 222 УК РФ лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в рассматриваемой статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье. Не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в данной статье, а также в ст.ст. 222.1, 222.2, 223 и 223.1 УК РФ, их изъятие при задержании лица, а также при проведении оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Вместе с тем выдача лицом по своей воле не изъятых при задержании или при производстве следственных действий других предметов, указанных в данных статьях УК РФ, а равно сообщение органам власти о месте их нахождения, если им об этом известно не было, в отношении этих предметов должна признаваться добровольной.

Добровольность сдачи оружия оценивается применительно к конкретным обстоятельствам дела. Закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение.

В случае добровольной сдачи указанных предметов лицо освобождается от уголовной ответственности по ст.ст. 222–223[1] УК РФ, независимо от привлечения его к ответственности за совершение иных преступлений»[1] (в том числе по ст.ст. 222–223[1] УК РФ за незаконный оборот предметов, не выданных лицом добровольно).

§ 6.15. Особенности квалификации незаконных приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения взрывчатых веществ или взрывных устройств

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В соответствии с примечанием к рассматриваемой статье в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации под взрывчатыми веществами понимаются химические соединения или смеси веществ, способные под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву). Например, таковыми являются гексоген, тротил, пластит, дымный и бездымный порох.

Под взрывными устройствами в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации понимаются промышленные или само-

---

[1] Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

дельные изделия, содержащие взрывчатое вещество, функционально предназначенные для производства взрыва и способные к взрыву. Судебная практика относит к данной категории предметов и запалы ручных гранат типа УЗРГМ, УДЗ, запала Ковешникова, поскольку те содержат, помимо механического приспособления для инициации взрыва, еще и небольшое количество взрывчатого вещества в капсюле-детонаторе. Например, Л. был осужден по ч. 1 ст. 222[1] УК РФ именно за незаконные приобретение (путем присвоения найденного) и хранение запалов УЗРГМ и УДЗ для ручных осколочных гранат[1].

Имитационно-пиротехнические и осветительные средства не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 222[1] УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного чч. 1, 3, 4 ст. 222.1 УК РФ, включает в себя незаконные приобретение, передачу, хранение, перевозку, пересылку или ношение указанных предметов. Ответственность за их сбыт предусмотрена чч. 2, 5, 6 данной статьи.

Например, гр-н Х. незаконно изготовил ружье, являющееся однозарядным дульнозарядным гладкоствольным огнестрельным оружием калибра 17 мм, которое незаконно, без соответствующего разрешения, в нарушение требований ст.ст. 6, 13, 22, 25 ФЗ № 150 стал хранить у себя дома. Кроме того, Х. незаконно приобрел бездымный пластинчатый порох марки типа «Сокол», являющийся взрывчатым веществом метательного действия, массой 44,7 г, пригодный для производства взрыва, и металлическая банка, содержащая бездымный цилиндрический порох, являющийся взрывчатым веществом метательного действия, массой 43,1 г, которые незаконно хранил в металлических банках в металлическом ящике у себя дома. Суд квалифицировал его

[1] Приговор Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 23 октября 2018 г. по делу № 1-176/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/h2TjtEf0Ck5q/.

действия как незаконное хранение огнестрельного оружия и незаконное хранение взрывчатых веществ[1].

Субъект данного преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла.

Квалифицирующие признаки данного преступления соответствуют предусмотренным ст. 222 УК РФ.

В соответствии с примеч. к ст. 222[1] УК РФ лицо, добровольно сдавшее незаконно имеющиеся у него взрывчатые вещества или взрывные устройства, освобождается от уголовной ответственности по рассматриваемой статье.

§ 6.16. Особенности квалификации незаконного изготовления оружия

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок изготовления и ремонта оружия и боеприпасов.

К предмету данного преступления относятся:

– огнестрельное оружие, его основные части (за исключением огнестрельного оружия ограниченного поражения), а также боеприпасы (чч. 1–3 ст. 223 УК РФ);

– огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, пневматическое оружие с дульной энергией свыше 7,5 Дж, холодное оружие, метательное оружие, а также патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию (ч. 4 ст. 223 УК РФ).

Следует отметить, что патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения (патроны травматического действия)

[1] Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 29 октября 2018 г. по делу № 1-641/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hejnf7FVydbN/.

либо газовому оружию (патрон газового действия) в соответствии со ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» не являются боеприпасами[1]. Не образует состава преступления изготовление патронов светозвукового действия, а также сигнальных патронов.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 223 УК РФ, заключается в незаконном изготовлении, переделке или ремонте огнестрельного оружия и его основных частей (включая гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, но исключая огнестрельное оружие ограниченного поражения) либо в незаконном изготовлении боеприпасов к огнестрельному оружию.

«Под незаконным изготовлением огнестрельного оружия и его основных частей, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового, холодного оружия, метательного оружия, боеприпасов, патронов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию, влекущим уголовную ответственность, следует понимать их создание, в том числе путем переделки каких-либо иных предметов (например, ракетниц, пневматических, стартовых и строительно-монтажных пистолетов, предметов бытового назначения или спортивного инвентаря), без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства огнестрельного, газового или холодного оружия, боеприпасов.

Под незаконной переделкой как разновидностью изготовления огнестрельного оружия и его основных частей, огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему либо газовому оружию следует понимать совершение в нарушение

[1] Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14X WT8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

установленного порядка замены или изменения формы и (или) размеров основных частей огнестрельного оружия либо деталей ударного и спускового механизмов оружия, замены или изменения частей списанного оружия, пневматического, сигнального, газового или метательного стрелкового оружия, которые повлекли изменение технических характеристик, учитываемых при его сертификации (обязательном подтверждении соответствия), уничтожение или изменение маркировочных обозначений, номера и (или) клейма оружия. При этом независимо от результатов такого изменения их поражающие свойства должны сохраняться (например, изменение формы оружия для имитации других предметов, переделка ствола огнестрельного гладкоствольного оружия под патрон к оружию с нарезным стволом, укорачивание ствола огнестрельного гладкоствольного оружия, в результате чего оно становится запрещенным к обороту, и т. д.).

При квалификации последующих незаконных действий с изготовленным (переделанным) оружием (боеприпасами) необходимо исходить из тактико-технических характеристик, которыми стало реально обладать изготовленное (переделанное) виновным оружие (боеприпасы), а не тех, которыми обладали предметы, подвергшиеся переделке»[1].

Под ремонтом оружия понимается приведение оружия в рабочее состояние путем устранения неисправностей его частей или их замены, а также восстановление внешнего вида и элементов художественной отделки оружия.

Ремонтом основных частей огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка) признается восстановление нарушенной возможности использования данных предметов по

[1] Абзацы 5–7 пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

назначению в составе огнестрельного оружия (например, восстановление возможности производства выстрела из ствола, стенки которого ранее были просверлены при его списании).

В соответствии со ст. 1 ФЗ № 150 художественная отделка и ремонт оружия, изготовление боеприпасов, патронов и их составных частей являются производством оружия. Статья 16 указанного закона определяет, что производство оружия и патронов к нему осуществляется только юридическими лицами, имеющими лицензию на ремонт и (или) производство гражданского и служебного оружия и основных частей огнестрельного оружия, в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, т. е. ремонт огнестрельного оружия (в том числе охотничьего гладкоствольного) и его основных частей, независимо от законности их нахождения у владельца, осуществляемый лицами, не имеющими специальной лицензии на такую деятельность, содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 223 УК РФ.

Состав преступления является формальным – оно окончено с момента совершения хотя бы одного из перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 223 УК РФ действий, при этом совершение одним лицом в отношении одного и того же предмета всех перечисленных действий не образует совокупности преступлений.

В качестве примера можно привести следующий случай. Гражданин приобрел списанное охолощенное оружие отечественного производства, изготовленное из пистолета Макарова путем внесения во все его основные части изменений, делающих невозможным производство выстрела никаким патроном, кроме специального патрона светозвукового действия. После этого у себя в квартире, используя слесарные инструменты, отделил от рамки данного пистолета ствол. Желая иметь в своем распоряжении настоящий боевой пистолет, он через специализированный сайт в сети Интернет приобрел с пересылом по почте нарезной ствол для пистолета Макарова и установил его в рамку

своего охолощенного пистолета, тем самым незаконно изготовил боевое огнестрельное оружие, пригодное для производства выстрела 9-мм патроном, которое стал хранить у себя дома и носить при себе. Поскольку ствол для пистолета данный гражданин получил с территории Украины, не входящей в Таможенный союз, то его действия, помимо ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ, были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 226[1] УК РФ как контрабанда основной части огнестрельного оружия[1]. Субъектом признается лицо, достигшее возраста 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Квалифицирующими признаками рассматриваемого преступления являются совершение указанных действий группой лиц пот предварительному сговору либо организованной группой.

В ч. 4 ст. 223 УК РФ предусмотрен самостоятельный состав преступления, объективная сторона которого включает в себя незаконные изготовление, переделку или ремонт огнестрельного оружия ограниченного поражения либо незаконное изготовление газового оружия, пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж, холодного оружия, метательного оружия, патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения (патронов травматического действия) либо газовому оружию (патронов газового действия). Под незаконным изготовлением патронов здесь следует понимать помещение в гильзу порохового или иного метательного заряда и метаемого снаряжения (для патронов газового действия – соответствующего химического вещества в любом агрегатном состоянии). Любые названные элементы патрона могут быть как промышленного, так и кустарного изготовления, определяющим является целевое назначение незаконно изготовленного (снаряженного, переделанного) патрона и его пригодность к производству выстрела.

---

[1] Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области от 19 сентября 2017 г. по делу № 1-414/17 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iJEZkCyfsCL0/.

В соответствии с примеч. к ст. 223 УК РФ лицо, добровольно сдавшее незаконно имеющиеся у него огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое, холодное, метательное оружие, патроны травматического или газового действия (в том числе предметы, находящиеся в стадии изготовления, переделки или ремонта), освобождается от уголовной ответственности по рассматриваемой статье.

§ 6.17. Особенности квалификации незаконного изготовления взрывчатых веществ, незаконных изготовления, переделки или ремонта взрывных устройств

Данная статья предусматривает ответственность за незаконное изготовление взрывчатых веществ, а равно незаконные изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств. Состав данного преступления имеет сходство с предусмотренным ст. 223 УК РФ.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

С точки зрения объективной стороны данного преступления под незаконным изготовлением взрывчатых веществ или взрывных устройств, влекущим уголовную ответственность, следует понимать их создание, в том числе путем переделки каких-либо иных предметов (например, доступных виновному бытовых или промышленных химикатов, предметов бытового назначения или спортивного инвентаря), без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства взрывчатых веществ или взрывных устройств. Преступление окончено с момента совершения любого из предусмотренных ч. 1 ст. 223^1 УК РФ действий, при этом совершение одним лицом

в отношении одного и того же предмета всех перечисленных действий не образует совокупности преступлений.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла.

Остальные признаки данного преступления соответствуют рассмотренным выше при анализе ст.ст. 222[1] и 223 УК РФ (см. § 6.15 и 6.16).

В соответствии с примеч. к ст. 223[1] УК РФ лицо, добровольно сдавшее незаконно имеющиеся у него взрывчатые вещества или взрывные устройства (в том числе находящиеся в стадии изготовления, переделки или ремонта), освобождается от уголовной ответственности по рассматриваемой статье.

§ 6.18. Особенности квалификации небрежного хранения огнестрельного оружия

Основным непосредственным объектом здесь являются общественные отношения, обеспечивающие установленный в Российской Федерации порядок оборота огнестрельного оружия. Дополнительным непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность жизни человека, а также иные охраняемые законом ценности. К предмету преступления относится находящееся у лица на законных основаниях огнестрельное оружие.

Объективная сторона заключается в небрежном хранении огнестрельного оружия, создавшем условия для его использования другим лицом, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия В соответствии со ст. 22 ФЗ № 150[1], п. 59

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14XWT8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

«Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» принадлежащие гражданам Российской Федерации оружие и патроны, а также инициирующие и воспламеняющие вещества и материалы (порох, капсюли) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию должны храниться по месту их жительства с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, в запирающихся на замок (замки) сейфах, сейфовых шкафах или металлических шкафах для хранения оружия, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом. Хранение оружия, патронов, а также инициирующих и воспламеняющих веществ и материалов (порох, капсюли) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию гражданами Российской Федерации в местах временного пребывания должно осуществляться с соблюдением условий, исключающих доступ к ним посторонних лиц[1].

Хранение признается небрежным, когда оно происходит с нарушением установленных правил, например, хранение оружия или ключей от сейфа, где оно находится, в местах, доступных для других лиц, оставление оружия и патронов без надлежащего контроля во время участия в охоте или спортивных мероприятиях.

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 32. Ст. 3878.

Состав рассматриваемого преступления является материальным. Для наступления уголовной ответственности необходимо, чтобы небрежное хранение оружия повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия (например, самоубийство, причинение тяжкого вреда здоровью одного человека, причинение средней тяжести вреда здоровью двух и более человек, совершение террористического акта, захвата заложников либо иных резонансных преступлений с использованием данного оружия). При этом следует иметь в виду, что в данном составе причинная связь между деянием и последствиями является опосредованной действиями третьего лица.

Упомянутые в законе иные тяжкие последствия являются не прямым следствием небрежного хранения огнестрельного оружия, а результатом его использования получившим доступ к оружию посторонним лицом. Таким образом, обязательным условием для квалификации деяния по ст. 224 УК РФ является создание владельцем оружия в результате собственной небрежности условий для использования огнестрельного оружия другим человеком. Использование в данном случае означает применение оружия лицом, не являющимся его законным владельцем, для причинения вреда охраняемым законом ценностям или демонстрации угрозы причинения такого вреда (прежде всего для совершения преступления или правонарушения).

Часть 2 рассматриваемой статьи предусматривает ответственность за то же деяние, повлекшее смерть двух или более лиц.

Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и законно владеющее огнестрельным оружием.

Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности.

§ 6.19. Особенности квалификации хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств

Основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный в Российской Федерации порядок оборота оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, а также ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения. Дополнительным непосредственным объектом выступают отношения собственности.

К предмету преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226 УК РФ, относятся огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства. Под комплектующими деталями огнестрельного оружия, применительно к ст. 226 УК РФ, понимаются как основные части огнестрельного оружия, так и иные детали, конструктивно предназначенные обеспечивать нормальное функционирование конкретного образца огнестрельного оружия (станины, прицелы и т. п.)[1], т. е. те предметы, которые сами по себе не ограничены в гражданском обороте.

Объективная сторона заключается в хищении либо вымогательстве данных предметов. Общее для отечественного уголовного закона понятие хищения дается в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Однако ч. 1 ст. 226 УК РФ охватываются не все способы совершения хищения. По смыслу закона речь идет о хищении, совершенном тайно, открыто, с использованием правомерно

[1] Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

предоставленных полномочий, а также путем обмана или злоупотреблением доверия.

Хищение оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств является оконченным с момента противоправного завладения ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом.

«Уничтожение, оставление на месте преступления или возвращение назад похищенного оружия после его использования для совершения других противоправных действий либо в иных целях не является основанием для освобождения лица от ответственности за хищение оружия.

Уголовная ответственность по ст. 226 УК РФ наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно либо незаконно.

Хищение составных частей и деталей боеприпасов, содержащих взрывчатые вещества или взрывные устройства (запалы, детонаторы, взрыватели и т. д.), следует квалифицировать по ст. 226 УК РФ как оконченное хищение взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Если лицо похитило непригодные к функциональному использованию огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, заблуждаясь относительно их качества и полагая, что они исправны, содеянное следует квалифицировать как покушение на хищение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств»[1].

---

[1] Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/ 1352597/.

Вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств – это требование передачи данных материалов и веществ под угрозой уничтожения или повреждения имущества, а равно распространение сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам указанных лиц. Вымогательство этих предметов считается оконченным с момента предъявления требований передачи этих предметов (формальный состав).

Учитывая, что незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств являются самостоятельными преступлениями, хищение перечисленных предметов и их последующие ношение, хранение или сбыт образуют реальную совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 222, 222[1], 226 УК РФ. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что ответственность по ст.ст. 222, 226 УК РФ наступает за незаконный оборот, хищение либо вымогательство не только годного к функциональному использованию, но и неисправного либо учебного оружия, если оно содержало пригодные для использования комплектующие детали или если лицо имело цель привести его в пригодное состояние и совершило какие-либо действия по реализации этого намерения[1]. Данная позиция представляется не вполне верной с точки зрения действующего законодательства. Статья 222 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконный оборот только основных частей огнестрельного оружия. В ст. 1 Федерального закона Российской Федерации

[1] См.: Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[1] установлено, что ими являются только ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка. Статья 223 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный ремонт только основных частей огнестрельного оружия. Таким образом, если лицо имело целью привести похищенные комплектующие огнестрельного оружия, не являющиеся его основными частями, в пригодное для использования состояние и даже совершило какие-либо действия по реализации этого намерения, то оно не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст.ст. 222 или 223 УК РФ за отсутствием такого важного признака состава, как предмет преступления. Применить данные статьи в описанной Пленумом Верховного Суда Российской Федерации ситуации можно будет, только если похищенные предметы являются основными частями огнестрельного оружия.

В случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также их ношения, хранения, приобретения и изготовления с целью совершения другого преступления содеянное должно квалифицироваться как совокупность оконченного хищения либо вымогательства оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, незаконного их ношения, хранения, приобретения или изготовления и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом.

«Дезертирство военнослужащего с оружием, вверенным ему по службе, при отсутствии в его действиях признаков хищения оружия квалифицируется лишь по ч. 2 ст. 338 УК РФ. При нали-

[1] Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14X WT8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

чии в содеянном признаков хищения оружия действия виновного должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 226 и ч. 2 ст. 338 УК РФ»[1].

Субъектом преступления является вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла и целью завладения предметами, указанными в диспозициях чч. 1 и 2 ст. 226 УК РФ.

В ч. 2 ст. 226 УК РФ предусмотрена ответственность за хищение либо вымогательство ядерного, химического и других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения.

Квалифицированным видом рассматриваемого преступления является его совершение группой лиц по предварительному сговору или лицом с использованием своего служебного положения, а также с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Хищением оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств лицом с использованием своего служебного положения следует считать хищение их как лицом, которое наделено служебными полномочиями, связанными с оборотом оружия, в частности его использованием, производством, учетом, хранением, передачей, изъятием и т. д., так и лицом, которому они выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей (военнослужащим, сотрудником полиции, инкассатором во время исполнения ими служебных обязанностей и т. п.).

---

[1] Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1352597/.

В случае применения насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия хищение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического и других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, осуществляется открытым насильственным способом (насильственный грабеж). Если имело место требование передачи указанных предметов под угрозой применения насилия, неопасного для жизни и здоровья, либо требование было сопряжено с применением такого насилия, то речь идет о вымогательстве этих предметов.

Особо квалифицированный состав анализируемого преступления (ч. 4 ст. 226 УК РФ) включает два признака:

а) совершение деяния организованной группой;

б) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия свидетельствует о том, что хищение осуществляется в форме разбоя, либо вымогательства с признаками, предусмотренными п. «в» ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Требование передачи огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического и других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, может подкрепляться угрозой применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а может быть сопряжено непосредственно с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Хищение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств путем разбойного нападения (п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ) следует считать

оконченным с момента нападения с целью завладения этими предметами, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте понятие преступлений в сфере общественной безопасности и назовите их виды.
2. Дайте понятие террористического акта и назовите виды преступлений террористической направленности.
3. Назовите основные элементы и признаки террористического акта. Проведите разграничение понятия «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт».
4. Дайте понятие банды, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, назовите признаки соответствующих преступных групп.
5. С какого момента хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств признается оконченным преступлением?
6. Признаются ли предметом преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные патроны, а также патроны светозвукового действия, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т. п.) и не предназначенные для поражения цели?
7. Особенности квалификации преступлений, сопряженных с незаконным оборотом оружия.

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Антонян, Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М. : Щит-М, 1998. – 305 с.
2. Борисов, С. В. Современные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности : учебное пособие / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 71 с.

3. Бурковская, В. А. Уголовное преследование терроризма : монография / В. А. Бурковская, Е. А. Маркина, В. В. Мельник. – М. : Юрайт, 2008. – 160 с.

4. Габдрахманов, Р. Л. Преступления против общественной безопасности / Р. Л. Габдрахманов – М. : Московский университет МВД России, 2003. – 85 с.

5. Гринько, С. Д. Борьба с терроризмом и захватом заложника (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Д. Гринько. – Ростов н/Д, 1998. – 34 с.

6. Емельянов, В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование) / В. П. Емельянов. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2002. – 289 с.

7. Комиссаров, В. В. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества / В. В. Комиссаров. – М. : Кросна-Лекс, 1997. – 159 с.

8. Мальцев, В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 104–107.

9. Осипов, В. А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологические аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Осипов. – М. : МИ МВД России, 1999. – 192 с.

10. Скобликов, П. Незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника в новом уголовном законодательстве // Законность. – 1997. – № 9. – С. 52–54.

11. Туганов, Ю. Н. Проблемы реализации уголовной ответственности за финансирование террористических сообществ и террористических организаций / Ю. Н. Туганов, В. В. Ульянова // Вестник Екатерининского института. – 2015. – № 4. – С. 120–125.

12. Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» /

[А. А. Абдульманов и др.] ; под ред. Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2013. – 942 с.

13. Федеральный закон Российской Федерации от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8797.

14. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=436389&dst=0&edition=etD&rnd=Mf14XWT8ooZ1nnwI2#yd44XWTQWuTB5ulJ.

15. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей природной среды» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823.

16. Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // НПП «Гарант-сервис». – URL: http://base.garant.ru/10105506.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 32. – Ст. 3878.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. – 2012. – 17 февраля (№ 35 (5708).

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рас-

смотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. – 2010. – 17 июня (№ 130 (5209).

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // НПП «Гарант-сервис». – URL: http://base.garant.ru/1352597/.

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/7769/.

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // НПП «Гарант-сервис». – URL: http://base.garant.ru/1352873/.

24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2011. – 4 июля (№ 142 (5518).

Глава 7. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* основные положения отечественной теории уголовного права о преступлениях в сфере компьютерной информации; правовые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся применения норм, предусмотренных гл. 28 УК РФ;
– *уметь* осуществлять анализ и толкование уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации; правильно применять нормы, предусмотренные гл. 28 УК РФ;
– *владеть* навыками юридической оценки и разграничения деяний, посягающих на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности компьютерной информации, от иных преступлений и правонарушений по законодательству Российской Федерации.

§ 7.1. Особенности квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации

Статьей 272 УК РФ предусмотрена ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации.

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, связанные с обеспечением конфиденциальности, целостности или доступности охраняемой законом компьютерной информации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 3 постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах

судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» поставил точку в давней дискуссии относительно предмета данного преступления, разъяснив: «По смыслу ч. 1 ст. 272 УК РФ в качестве охраняемой законом компьютерной информации рассматривается как информация, для которой законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, установлены условия отнесения ее к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение, так и информация, для которой обладателем информации установлены средства защиты, направленные на обеспечение ее целостности и (или) доступности»[1].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации поддержал подход, согласно которому по смыслу ст. 272 УК РФ к «охраняемой законом информации» следует относить не только информацию ограниченного доступа, но и общедоступную информацию, в отношении которой ее обладателем приняты меры по защите от несанкционированного уничтожения, модификации или блокирования.

Объективная сторона преступления выражается в неправомерном (противоречащем закону или иному нормативному акту) доступе к компьютерной информации. Способы неправомерного

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или ин-формационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573.

доступа к ней могут быть самыми разнообразными (от высокотехнологичных до примитивно-бытовых) и, как правило, не влияют на юридическую оценку поведения виновного лица.

Состав преступления материальный. Преступление считается оконченным с момента наступления хотя бы одного из альтернативно перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 272 УК РФ последствий: уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

Обязательным признаком объективной стороны преступления является и причинная связь между действиями лица, заключающимися в неправомерном доступе к компьютерной информации, и наступившими вредными последствиями, прямо указанными в диспозиции статьи.

Уничтожение компьютерной информации может быть как полным, так и частичным. При этом, на наш взгляд, удаление и уничтожение не являются тождественными понятиями. Как справедливо отмечает А. Ю. Чупрова, удаление информации следует рассматривать скорее как ее сокрытие от посторонних, при котором применение специальных методов позволяет эти данные восстановить. При уничтожении информация восстановлению не подлежит[1].

Блокирование представляет собой прекращение доступа к информации для лиц, которые имеют право на такой доступ. Закрытие доступа к информационным ресурсам (блокирование), как правило, наступает в результате изменения так называемых сетевых идентификаторов пользователя – логина и пароля.

Модификация – переработка первоначальной информации, включающая в себя любые изменения, не меняющие сущности объекта. Например, реструктурирование или реорганизация базы данных, удаление или добавление записей, содержащихся

[1] Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 133.

в файлах, и т. д. В. В. Хилюта, например, определяет модификацию компьютерной информации как внесение в компьютерную информацию любых изменений, которые обусловят ее отличие от ранее хранившейся в компьютерной сети, системе или на машинном носителе собственника информационного ресурса, в результате чего потерпевшему будет причинен имущественный ущерб, а виновное лицо извлечет из этого выгоду[1].

Копирование – перенос информации или части информации с одного носителя на другой. Например, запись информации в память другого компьютера, флэш-карты и т. д.

Требует пояснения позиция, согласно которой, если в силу настроек компьютерной программы при работе с ней, пусть даже и в результате неправомерного доступа, автоматически создается резервная копия компьютерной информации, то данное действие не будет иметь уголовно-правовых последствий, поскольку оно осуществляется независимо от волеизъявления лица и, соответственно, в прямой причинной связи с его действиями не состоит[2].

Сомнительно утверждать об отсутствии в такой ситуации причинно-следственной связи между действиями лица и наступившими общественно опасными последствиями в виде копирования охраняемой законом компьютерной информации. Думается, что такая связь объективно имеется.

С другой стороны, неосведомленность лица об особенностях настроек программы фактически исключает вину по отношению к копированию информации. На наш взгляд, именно по этой причине и следует утверждать об отсутствии уголовно-правовых последствий за содеянное.

---

[1] Хилюта В. В. Вопросы квалификации преступлений против собственности не являющихся хищением : монография. Минск, 2013. С. 33.

[2] Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.

Следует отметить, что в правоприменительной практике случаи использования скиммингового оборудования также квалифицируются по ст. 272 УК РФ.

Субъектом основного состава преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и не наделенное в силу характера выполняемой работы полномочиями доступа к компьютерной информации.

Несмотря на то, что диспозиция рассматриваемой статьи не дает прямых указаний относительно субъективной стороны преступления, можно с уверенностью говорить об умышленной форме вины в виде прямого или косвенного умысла.

В связи с этим представляется дискуссионным мнение, что субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме умысла (прямого или косвенного) или неосторожности[1].

Мотивы и цели неправомерного доступа к компьютерной информации могут быть весьма разнообразными. Анализируемое преступление совершается из мести, зависти, хулиганства, спортивного интереса, желания подорвать деловую репутацию конкурента и т. д. Обязательными признаками состава преступления они не являются и, следовательно, решающего значения для квалификации не имеют. Однако их точное установление позволит не только выявить причины, побудившие лицо совершить подобное преступление, но и назначить ему справедливое наказание.

К квалифицирующим признакам, названным в ч. 2 ст. 272 УК РФ, относится совершение данного преступления с причинением крупного ущерба или из корыстной заинтересованности.

В соответствии с п. 2 примечаний к ст. 272 УК РФ ущерб признается крупным, если его сумма превышает 1 млн р. С качествен-

---

[1] Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.

ной стороны ущерб может выражаться как в прямых имущественных потерях обладателя информации (например, расходы, связанные с восстановлением уничтоженного или модифицированного программного обеспечения), так и в упущенной выгоде (например, недополученная прибыль в результате дезорганизации производственного процесса конкретного предприятия).

Корыстная заинтересованность при совершении данного преступления выражается в стремлении лица извлечь материальную выгоду из преступления для себя лично или других лиц.

Корыстным следует также признавать неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, совершенный лицом по найму, т. е. за вознаграждение.

Например, сотрудниками управления МВД России была пресечена деятельность организованной группы, которая специализировалась на взломе аккаунтов в различных соцсетях, почтовых серверах и web-сайтах, организации DDOS-атак. Необходимые для этих целей программы создавали как программисты из круга общения злоумышленников, так и случайные знакомые, встреченные на специализированных сайтах. За предоставление соответствующих сведений злоумышленники получали вознаграждение[1].

Часть 3 ст. 272 УК РФ предусматривает три особо квалифицирующих признака: деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору; организованной группой; лицом с использованием своего служебного положения.

Неправомерный доступ к компьютерной информации признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении этого преступления. Принципиальным следует считать положение о том, что каждый из образующих указанную группу лиц преступников должен сыграть роль соисполнителя. При наличии одного исполнителя и отсутствии

---

[1] Задержаны хакеры, взламывавшие по заказам страницы в соцсетях, почтовые ящики и занимавшиеся «прослушкой» // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/news/show_102385.

иных квалифицирующих признаков этого преступления действия остальных его соучастников необходимо оценивать по ч. 1 ст. 272 УК РФ и соответствующей части ст. 33 УК РФ[1].

Неправомерный доступ к компьютерной информации признается совершенным организованной группой, если он осуществлен устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Использование своего служебного положения предполагает доступ к охраняемой законом компьютерной информации благодаря занимаемому виновным положению по службе. Этот признак будет наличествовать и тогда, когда действия лица хотя и находились в пределах его служебной компетенции, но совершались с явным нарушением порядка осуществления своих функциональных обязанностей, установленных законом или иным нормативным актом. В судебно-следственной практике подобного рода действия оцениваются по-разному.

Часть 4 ст. 272 УК РФ предусматривает два особо квалифицирующих признака преступлений: если такие действия повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления.

Понятие «тяжкие последствия» является оценочным. В п. 14 постановления № 37 от 15 декабря 2022 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком в ст.ст. 272–274.1 УК РФ следует понимать, в частности, длительную приостановку или нарушение работы предприятия, учреждения или организации, получение доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну, предоставление к ней доступа неограниченному

---

[1] Как известно, данная позиция нашла свое неоднократное подтверждение в решениях Верховного Суда Российской Федерации. См., например: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 436п96 по делу Ткаченко В. П. и Хоперского В. В. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 4 ; постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 495п03 по делу Бычкало и др. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 3 и др.

кругу лиц, причинение по неосторожности смерти, тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку и т. п.

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 272 УК РФ, будет иметь место не только при фактическом наступлении тяжких последствий, но и при создании угрозы их наступления. При этом угроза наступления тяжких последствий будет считаться созданной, если она была реальной, и тяжкие последствия не наступили, лишь вследствие обстоятельств, не зависящих от воли виновного, или благодаря вовремя принятым мерам.

§ 7.2. Особенности квалификации создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ

В наше время, пожалуй, трудно найти пользователя современными информационно-коммуникационными технологиями, который хотя бы раз не испытывал на себе негативное воздействие вредоносных компьютерных программ. Некоторые из них относительно безобидны, другие могут причинить непоправимый вред не только информационным активам, но и самому компьютерному оборудованию. В отношении наиболее опасных авторы предлагают и вовсе использовать термины «информационное оружие»[1] или «кибероружие»[2].

Недавние атаки на информационную инфраструктуру ряда государств, в том числе Российской Федерации, вирусов-шифровальщиков WannaCry и Petya не позволяют признавать такие оценки надуманными либо преувеличенными. В общей сложности

---

[1] Фатьянов А. А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации : учебное пособие. М., 2001. С. 40.

[2] Казарин О. В., Шаряпов Р. А. Вредоносные программы нового поколения – одна из существующих угроз международной информационной безопасности // Вестник РГГУ. 2015. № 12 (155). С. 9–23 ; Stefano Mele. Legal consideration on cyber-weapons and their definition // Journal of Law & Cyber Warfare, Vol. 3, Issue 1, 2014. P. 53.

только от WannaCry пострадало более 500 тыс. компьютеров, принадлежащих частным лицам, коммерческим организациям и правительственным учреждениям, в более чем 150 странах мира[1].

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, связанные с обеспечением информационной безопасности от деструктивного воздействия вредоносной компьютерной информации и вредоносных компьютерных программ.

Парадоксально, но, несмотря на значимость проблемы, противодействия деструктивным информационным объектам в отечественной уголовно-правовой науке так и не сложилось единообразного понимания «вредоносной программы» как конструктивного признака ст. 273 УК РФ.

В Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (заключено в г. Душанбе 28.09.2018) вредоносная программа определяется как созданная или существующая программа со специально внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы информационной (компьютерной) системы[2].

Содержание вредоносной программы раскрывается в пп. 2.6.5 и 2.6.6 ГОСТ Р 50922-2006 «Защита информации. Основные термины и определения», утвержденного приказом Ростехрегулирования от 27 декабря 2006 г. № 373-ст[3]. Согласно государственному стандарту вредоносная программа – программа, предназначенная для осуществления несанкционированного доступа к информации

---

[1] Владимир Путин назвал спецслужбы США источником вируса WannaCry // Газета «Коммерсант». URL: http://www.kommersant.ru/doc/3297338/.

[2] Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: http://cis.minsk.by/.

[3] ГОСТ Р 50922-2006. Защита информации. Основные термины и определения. М. : Стандартинформ, 2008.

и (или) воздействия на информацию или ресурсы информационной системы. Несанкционированное воздействие на информацию – воздействие на защищаемую информацию с нарушением установленных прав и (или) правил доступа, приводящее к утечке, искажению, подделке, уничтожению, блокированию доступа к информации, а также к утрате, уничтожению или сбою функционирования носителя информации.

Подобный подход, определяющий вредоносность программы ее функциональным предназначением, – оказывать неправомерное (несанкционированное) воздействие исключительно на компьютерные данные и системы, является наиболее распространенным и в доктрине уголовного права. По мнению В. Б. Вехова, для того чтобы признать компьютерную программу вредоносной, необходимо доказать наличие совокупности следующих обстоятельств:

1) программа способна уничтожать, блокировать, модифицировать либо копировать компьютерную информацию или нейтрализовать средства защиты компьютерной информации;

2) программа не предполагает предварительного уведомления собственника, владельца или пользователя (обладателя) компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети о характере своих действий;

3) программа не запрашивает согласия (санкции) у собственника, владельца или пользователя (обладателя) компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети на реализацию своего назначения (алгоритма)[1].

В судебно-следственной практике, пожалуй, наибольшее распространение получило признание вредоносными компьютерных программ, которые заведомо предназначены для генерации

[1] Вехов В. Б. Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (8). С. 45.

кода установки (серийного номера) и кода активации, запрашиваемых при установке лицензионных программных продуктов (KEYGEN.exe и др.).

Так, Р. был осужден по ч. 2 ст. 146 УК РФ и ч. 1 ст. 273 УК РФ. Согласно приговору суда Р., находясь в помещении общества с ограниченной ответственностью, из корыстной заинтересованности выполнил несанкционированное копирование (установку) с неустановленного следствием носителя информации программного продукта AutoCAD-2014 на системный блок электронно-вычислительной машины, принадлежащей организации, и для достижения работоспособности указанного программного продукта незаконно использовал вредоносную компьютерную программу с неустановленного следствием носителя информации. Таким образом, Р. умышленно использовал вредоносную программу, чем заведомо исключил возможность штатной установки лицензионного ключа программы AutoCAD-2014 и тем самым несанкционированно модифицировал (изменил) продукцию AutoCAD-2014, обеспечив нейтрализацию средств защиты и нормальное функционирование работы программного продукта AutoCAD-2014, неправомерно копированного (установленного) им с неустановленного следствием носителя[1].

Сравнительно реже правоохранительные органы выявляют случаи использования «компьютерных вирусов», «троянов» и т. п.

Так, М. был осужден по ч. 1 ст. 273 УК РФ. В соответствии с приговором суда М., обладая специальными познаниями в области работы с компьютерными программами, действуя умышленно, находясь по месту жительства, приобрел путем копирования с неустановленных интернет-ресурсов компьютерные программы, заведомо предназначенные для несанкционированного копиро-

[1] Приговор Александровского городского суда Владимирской области от 19 августа 2015 г. по делу № 1-82/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dXPeEJ10DUgP/.

вания компьютерной информации, после чего посредством принадлежащего ему компьютерного оборудования, а также находящихся в его пользовании хостинговых сервисов (серверов для хранения информации в сети Интернет) использовал указанные вредоносные компьютерные программы для заражения 50 компьютеров неустановленных пользователей сети Интернет и построения из них контролируемой сети. Для этого М. без ведома и согласия указанных пользователей скопировал хранящуюся в памяти зараженных устройств компьютерную информацию, содержащую сведения о логинах и паролях авторизации пользователей на различных интернет-ресурсах, которую планировал использовать в личных целях. Согласно заключению эксперта на жестком диске персонального компьютера М. обнаружены комплексы вредоносного программного обеспечения, предназначенного для построения «ботнетов» («бот-сетей»), т. е. сетей из зараженных соответствующим вирусом компьютеров с возможностью удаленного копирования информации назначенным владельцем указанной сети без ведома пользователя и без получения его согласия на применение указанных программ. Работа обнаруженного на жестком диске вредоносного программного обеспечения построена на использовании вирусов типа «троян» («троянская программа»)[1].

Господствующее толкование вредоносности компьютерной программы, к сожалению, имеет свои изъяны. Так, оно не позволяет отнести к таковым программы-шпионы (Spyware), целью которых является не причинение вреда информационным активам или инфраструктуре, а собирание сведений об активности

[1] Приговор Андроповского районного суда Ставропольского края от 6 апреля 2017 г. по делу № 1-31/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EkNTBHRi14x1/.

пользователя в сети Интернет (о посещаемых сайтах, совершаемых покупках и т. п.), программы «злые шутки» (Bad Jokes)[1], так называемые «вирусные конструкторы» – программы, предназначенные не для осуществления атак на компьютерные ресурсы, а для генерирования новых вирусов. При общепринятом подходе также нельзя отнести к вредоносным программы, объективно приспособленные к совершению преступлений, но выполненные на основе легального программного обеспечения. В связи с этим обоснованно возникает вопрос, может ли вредоносность программы выражаться в ее направленности на совершение посягательств в отношении иных охраняемых уголовным законом объектов? В. С. Комиссаров дает утвердительный ответ на него, поскольку считает, что вредоносность может быть обусловлена не только самим алгоритмом ее действия, направленным на уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации, но и «специфическими свойствами, предназначенными для выполнения неправомерных или даже преступных действий (хищения денег с банковских счетов, укрытия средств от налогообложения, хулиганства и т. д.)»[2].

В. А. Голуб и М. В. Овчинникова также расширительно толкуют содержание вредоносной программы, определяя ее как про-

---

[1] Такие программы не причиняют компьютеру прямого вреда, однако выводят сообщения о том, что такой вред уже причинен либо будет причинен, предупреждают пользователя об опасности, которой на самом деле не существует. К «злым шуткам» относятся, например, программы, которые пугают пользователя сообщениями о форматировании диска (хотя никакого форматирования на самом деле не происходит), выводят сообщения, характерные для вирусов, и т. д. – в зависимости от «чувства юмора» автора такой программы. К этому классу также относятся программы, предназначенные для мошенничества, например путем распространения архивов с оплатой за смс // Официальный сайт «Лаборатории Касперского». URL: https://threats.kaspersky.com/ru/threat/Hoax.JS.BadJoke/.

[2] Уголовное право: Особенная часть / [В. С. Комиссаров и др.] ; под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2009. С. 532–533.

грамму или фрагмент кода, специально созданную для выполнения или способствующую выполнению несанкционированных действий в информационной системе или информационно-телекоммуникационной сети, в результате которых возможно причинение вреда пользователям этой системы (сети) или другим лицам[1].

Современный процесс непрерывного роста использования информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни общества («виртуализация» жизнедеятельности»[2]) убедительно свидетельствует в пользу именно этого подхода. С течением времени вредоносные программные продукты все больше будут направлены не на отношения информационной безопасности как таковые, а на иные социально значимые сферы – жизнь, здоровье, честь и достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, отношения собственности, общественный порядок и др.

К. Н. Евдокимов делает вывод, что вредоносными программами могут быть и обычные лицензионные компьютерные программы в случае их использования при совершении преступного деяния и достижения вредных последствий, указанных в ст. 273 УК РФ[3]. Полагаем, что автор необоснованно смешивает вредоносные программы и легальное программное обеспечение, которое достаточно часто используется при совершении посягательств на объекты уголовно-правовой охраны. Известно, что многие разрешенные к обороту программные продукты применяются злоумышленниками для совершения преступлений.

---

[1] Голуб В. А., Овчинникова М. В. Проблема корректного определения термина «вредоносная программа» // Вестник Воронежского государственного университета. 2008. № 1. С. 141.

[2] Гилинский Я. И. Криминологические основы уголовного права в эпоху постмодерна // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2016. С. 296.

[3] Евдокимов К. Н. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. Иркутск : Иркутский юридический институт, 2013. С. 60.

Например, программы для записи дисков (InfraRecoder, BurnAware, Nero и др.) используются злоумышленниками для изготовления контрафактной продукции (неправомерного копирования информации), программное обеспечение для удаленного администрирования (RDP, VNC, DameWare, TeamViewer, Remote Office Manager, Hamachi, и т. д.) довольно часто применяется при совершении хищений, связанных с неправомерным вмешательством в системы дистанционного банковского обслуживания. Вместе с тем вредоносными их признавать нельзя, поскольку такие программы по факту остаются аутентичными, сохраняют стандартный набор настроек и возможностей, заложенный разработчиком.

Другое дело, когда центральную часть легальной программы (так называемый «движок») приспосабливают для совершения конкретных преступлений. Например, для незаконного пополнения баланса проездных билетов злоумышленник использует одну из многих компьютерных программ, предназначенных для записи информации с одного носителя на другой, но меняет ее интерфейс таким образом, чтобы можно было выбрать перевозчика, количество поездок, срок действия и т. п. В этом случае, на наш взгляд, можно говорить о наличии признаков изготовления вредоносной компьютерной программы, поскольку в окончательном виде полученное программное обеспечение обладает уже другими характеристиками, напрямую указывающими на ее предназначение для осуществления противоправной деятельности.

Следует упомянуть об общепринятом в доктрине уголовного права положении – вредоносность программного обеспечения категория юридическая и находится в компетенции правоприменителя. Программно-техническая экспертиза должна решать свои задачи – раскрыть общий алгоритм и особенности действия программы, предоставить значимую для следствия информацию о ее работе и т. п. Так или иначе выводы эксперта будут иметь лишь ориентирующий характер в разрешении вопроса о вредоносности

программы. В свете современных угроз стремительно «виртуализующегося» общества полагаем, что единственно верным будет избрать в качестве основного критерия вредоносности программы ее изначальное и основное предназначение – осуществление противоправной деятельности. В какой сфере такая деятельность будет осуществляться, будет ли работа программы носить несанкционированный пользователем или разрешенный характер (как с конструктором вирусов) имеет второстепенное значение. Таким образом, под вредоносной следует понимать компьютерную программу, созданную (в том числе путем модификации легальной программы) для осуществления противоправной деятельности.

Кроме вредоносной компьютерной программы, диспозиция ст. 273 УК РФ содержит также указание и на вредоносную компьютерную информацию. Здесь Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 8 постановления № 37 от 15 декабря 2022 г. дал исчерпывающие разъяснения, согласно которым «к иной компьютерной информации, заведомо предназначенной для несанкционированных блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты, могут быть отнесены любые сведения, которые, не являясь в совокупности компьютерной программой, позволяют обеспечить достижение целей, перечисленных в ч. 1 ст. 273 УК РФ, например ключи доступа, позволяющие нейтрализовать защиту компьютерной информации, элементы кодов компьютерных программ, способных скрытно уничтожать и копировать информацию. Конечно же, наиболее значимым здесь является решение вопроса об отнесении идентификаторов доступа пользователя к предмету ст. 273 УК РФ. Проблема, которая давно активно обсуждалась в отечественной доктрине уголовного права и не находила своего итогового разрешения.

С объективной стороны преступление проявляется в совершении хотя бы одного из следующих действий:

а) создание компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации;

б) использование таких компьютерных программ или такой компьютерной информации;

в) распространение таких компьютерных программ или такой компьютерной информации.

Создание вредоносной программы или вредоносной компьютерной информации представляет собой целенаправленную деятельность лица, результатом которой является возникновение программного продукта с заранее заданным дектрутивным функционалом. При этом необходимо отметить, что в современных условиях создание вредоносного программного обеспечения отнюдь не предполагает, что лицо обладает профессиональными навыками программирования. Созданием также будет являться получение вредоносного программного продукта в результате использования так называемых «конструкторов вирусов» или популярного в настоящее время чат-бота с искусственным интеллектом Chat GPT.

Под использованием вредоносной программы или вредоносной компьютерной информации следует понимать их непосредственный запуск, совершение действий по включению вредоносной программы. Использование вредоносной программы может осуществляться как в автономном режиме, так и в информационно-коммуникационной сети, в том числе сети Интернет.

Использованием вредоносной компьютерной программы также является широко распространенная практика установления пользователями контрафактного программного обеспечения (без активации ключа правообладателя) с последующим запуском патч-файла, устраняющим средство защиты компьютерной информации.

Распространение вредоносной программы или вредоносной компьютерной информации заключается в сознательном предоставлении доступа воспроизведенной в любой материальной форме программе или информации, в том числе сетевым и иным способами, а также путем продажи, проката, сдачи внаем, предоставления взаймы, включая импорт для любой из этих целей. Например, распространение таких программ может быть осуществлено при работе виновного на чужом компьютере путем использования носителя с записью, содержащей вредоносную программу или информацию, посредством ее копирования с диска на диск. Распространение может осуществляться и посредством информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети Интернет.

Следует обратить внимание на то, что создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ или вредоносной компьютерной информации всегда предполагают активные действия со стороны лица, совершившего это преступление. Бездействием совершить рассматриваемое преступление не представляется возможным.

Не образует состава преступления использование такой программы или информации лицом на принадлежащих ему компьютерных устройствах либо с согласия собственника компьютерного устройства, не преследующее цели неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации и не повлекшее несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты (например, в образовательных целях либо в ходе тестирования компьютерных систем для проверки уязвимости средств защиты компьютерной информации, к которым у данного лица имеется правомерный доступ), равно как и создание подобных программ для указанных целей (п. 11 постановления № 37 от 15 декабря 2022 г.). Поэтому в тех случаях, когда вредоносная программа не создает угрозы для

безопасности компьютерной информации, действия лица правомерно расценивать как малозначительные (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 273 УК РФ, сконструирован по типу формального, что прямо вытекает из буквы и смысла закона. Следовательно, для признания преступления оконченным не требуется наступления вредных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации копирования информации либо нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Достаточно установить факт совершения хотя бы одного из альтернативно перечисленных в диспозиции статьи действий.

Если создание, использование или распространение вредоносных программ выступает в качестве способа совершения иного умышленного преступления, то содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений. Например, в тех случаях, когда вредоносная программа создается или используется с целью устранения установленных правообладателем средств индивидуальной защиты компьютерной программы, ответственность наступает по соответствующим частям ст.ст. 146 и 273 УК РФ.

Субъектом создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ может являться любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

С субъективной стороны данное преступление совершается только с прямым умыслом. Виновный осознает, что создает такую программу либо компьютерную информацию, которая способна уничтожить, заблокировать, модифицировать либо копировать информацию, нейтрализовать средства защиты компьютерной информации, либо использует или распространяет вредоносную программу и желает эти действия совершить. Прежде всего это подтверждается четким указанием закона на заведомый характер деятельности виновного. Уже один этот факт исключает возможность совершения данного преступления по неосторожности либо с косвенным умыслом.

Мотивы анализируемого преступления и его цели (а они могут быть самыми разнообразными – месть, хулиганство, эксперимент и т. д.) не являются обязательными признаками состава и учитываются лишь при назначении наказания.

В том случае, если виновный при использовании или распространении вредоносных программ умышленно уничтожил либо повредил вычислительную технику, что причинило значительный ущерб потерпевшему, то его поведение образует совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 167 и 273 УК РФ.

Часть 2 ст. 273 УК РФ в качестве квалифицирующего признака преступления предусматривает его совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения, а равно причинившие крупный ущерб или совершенное из корыстной заинтересованности.

Особо квалифицирующим признаком создания, распространения или использования компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, является совершение данных деяний, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления.

§ 7.3. Особенности квалификации нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей

Установление уголовной ответственности за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охра-

няемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям имеет целью предупреждение невыполнения пользователями своих профессиональных обязанностей, влияющих на сохранность хранимой и перерабатываемой компьютерной информации.

Объектом рассматриваемого преступления является совокупность общественных отношений в сфере соблюдения установленных правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям.

Диспозиция ст. 274 УК РФ бланкетная. Поэтому для уяснения признаков объективной стороны преступления необходимо прежде всего обратиться к тем конкретным положениям, закрепляющим правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правила доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, которые были нарушены виновным. По справедливому мнению Н. А. Лопашенко, не совсем ясно, что следует понимать под данными правилами. Имеются ли в виду технические правила обращения с компьютерной техникой (условно говоря – не бить, не ронять и т. п.), или же речь идет о правилах обращения с компьютерной информацией. Отсутствие ответов на эти вопросы, отмечает Н. А. Лопашенко, расширяет сферу преступного деяния, а границы криминализации становятся сверхподвижными, их наполняют реальным содержанием правоприменители, что недопустимо, поскольку противоречит принципу законности уголовного законодательства[1].

[1] Лопашенко Н. А. Уголовно-правовая и криминологическая политика государства в области высоких технологий // URL: http://www.crime-research.ru/articles/Lopashenko/.

Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации отсылают к конкретным инструкциям и правилам, устанавливающим порядок работы со средствами хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, информационно-телекоммуникационными сетями и оконечным оборудованием в ведомстве или организации. Эти правила должны устанавливаться правомочным лицом. Общих правил эксплуатации, распространяющихся на неограниченный круг пользователей глобальной сети Интернет, не существует[1].

В отличие от ряда иных специальных правил, сосредоточенных в конкретных нормативных актах, правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей не консолидированы и содержатся во множестве источников. В связи с этим возникает насущная потребность по возможности четкого определения их перечня.

Самостоятельным и значимым блоком следует признать правила, разработанные и утвержденные в конкретной организации (ведомстве) при определении обязанностей работников (служащих). В настоящее время специальными положениями или должностными инструкциями конкретных сотрудников, как правило, предусмотрены определенные ограничения по использованию компьютерной техники и сети Интернет. Типовыми правилами по эксплуатации являются запреты:

– загружать, самостоятельно устанавливать прикладное, операционное, сетевое и другие виды программного обеспечения, а также осуществлять обновления, если эта работа не входит в должностные обязанности лица;

– использовать интернет-ресурсы не в служебных целях;

– допускать к работе посторонних лиц;

[1] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.

– подключаться к интернет-ресурсам, используя компьютерную технику компании через не служебный канал доступа – сотовый телефон, модем и другие устройства;

– производить какие-либо действия с информацией, зараженной вирусом, и т. п.

Бланкетные признаки ст. 274 УК РФ раскрываются и в правилах, установленных производителем компьютерного оборудования, т. е. содержащихся в соответствующей технической документации. Таковыми, в частности, выступают общепринятые запреты на использование неоригинальных адаптеров переменного тока или батарей, осуществление работы в условиях перекрытия воздушного потока и др. Однако следует отметить, что при применении ст. 274 УК РФ необходимо установить: лицо было ознакомлено (например, работодателем) с соответствующими техническими нормами или в силу фактических обстоятельств дела осознавало или должно было осознавать, что совершаемые им действия явно противоречат руководству по эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации.

А. Н. Ягудин делает вывод, что по смыслу ст. 274 УК РФ под «правилами эксплуатации» следует также понимать общепринятые нормы работы в сети Интернет, направленные на то, чтобы деятельность каждого пользователя сети не мешала работе других пользователей[1].

Полагаем, что такая позиция требует уточнения. Утверждение в общей форме о незаконности действий лица, противоправности избранного варианта поведения («в нарушение установленного порядка», «вопреки общепринятым нормам» и т. п.) без указания на источник правовой оценки и конкретизации пунктов нарушенных правил эксплуатации является недопустимым. Как справедливо пишет Н. И. Пикуров, отсутствие в постановлении о привлечении

[1] Ягудин А. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2013. С. 14.

в качестве обвиняемого или в приговоре ссылки на нарушение предписаний конкретных пунктов и статей специальных правил означает незавершенность квалификации преступления[1].

Следует отдельно отметить, что примеры повседневной небрежности, повлекшие уничтожение или повреждение компьютерного оборудования, уничтожение или модификацию данных и, как следствие, причинение имущественного ущерба потерпевшему, на наш взгляд, неправильно квалифицировать по ст. 274 УК РФ. При подобных обстоятельствах, когда лицо роняет компьютер, заливает его кофе или иным образом приводит в негодное для эксплуатации состояние, деяние не связано с нарушением специальных правил. Как представляется, содеянное не образует признаков какого-либо преступления и может выступать основанием для дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности работника.

Объективная сторона преступного нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям состоит из общественно опасного деяния в форме действия или бездействия, наступивших общественно опасных последствий и причинной связи между ними.

К действиям по смыслу ст. 274 УК РФ можно, например, отнести:

– нарушение запрета на подключение служебного оборудования к сети Интернет;

– предоставление посторонним лицам доступа к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации;

---

[1] Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография. М., 2009. С. 138.

– несанкционированное разглашение логина или пароля законного пользователя;

– использование нелицензионного программного обеспечения;

– несанкционированная модификация программного обеспечения;

– несанкционированное изменение параметров настройки компьютера или информационно-телекоммуникационной сети;

– отключение средств противовирусной защиты и др.

Преступное бездействие может проявляться в несоблюдении или прямом игнорировании соблюдения установленных правил, обеспечивающих должную работу средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации. Например, виновный не проверяет используемые средства хранения или передачи информации на наличие вредоносных программ, не включает систему защиты информации от несанкционированного доступа к ней, не выполняет обязательной процедуры резервного копирования компьютерной информации, оставляет без присмотра рабочее место и др.

Обязательным признаком объективной стороны этого преступления являются общественно опасные последствия. При этом необходимо отметить, что закон в ст. 274 УК РФ выделяет как бы два уровня последствий, каждый из которых является обязательным для признания состава преступления оконченным. В качестве последствий основного состава преступного нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования является уничтожение, блокирование, модификация либо копирование охраняемой законом компьютерной информации и причинение крупного ущерба (в соответствии с п. 2 примечаний к ст. 272 УК РФ ущерб, сумма которого превышает 1 млн р.).

Таким образом, формулировка закона исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 274 УК РФ, если нарушение указанных правил хотя и повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, но объективно не причинило крупного ущерба.

Субъект преступления относится к специальным – физическое, вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, которое, в силу характера выполняемой трудовой, профессиональной или иной деятельности, имеет беспрепятственный доступ к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационным сетям и оконечному оборудованию и на которое, в силу закона или иного нормативного акта, возложено соблюдение соответствующих правил эксплуатации или доступа.

Субъективная сторона преступного нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям характеризуется двумя формами вины.

Нарушение правил эксплуатации и доступа, предусмотренное ч. 1 ст. 274 УК РФ, может совершаться как умышленно (при этом умысел должен быть направлен на нарушение правил эксплуатации и доступа; пример приведен выше), так и по неосторожности.

Мотивы преступления и его цели (если таковые имеются) не являются необходимыми признаками субъективной стороны анализируемого преступления и, следовательно, на квалификацию не влияют. Однако они должны учитываться в рамках общих начал назначения наказания.

Квалифицирующим признаком нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой ком-

пьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям является совершение данного деяния, если оно повлекло тяжкие последствия или создало угрозу их наступления (ч. 2 ст. 274 УК РФ).

§ 7.4. Особенности квалификации неправомерного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации

С 1 января 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации"»[1], которым гл. 28 УК РФ была дополнена специальной нормой об ответственности за неправомерное воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации – ст. 274[1] УК РФ.

Специальная уголовно-правовая охрана информационно-коммуникационного комплекса, обеспечивающего нормальное функционирование особо важных для общества и государства объектов, не является изобретением российского законодателя и встречается во многих современных правовых режимах. Положения об уголовной ответственности за посягательства на публичные информационные ресурсы, обладающие исключительной

[1] Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220891/.

значимостью, имеются в законодательствах Великобритании, Германии, Китая, Сингапура, США, Франции и др. В рамках стран СНГ использование категории «объект критической информационной инфраструктуры» пока еще не получило широкого распространения. Так, в ряду квалифицирующих признаков совершения компьютерных преступлений Уголовного кодекса Азербайджанской Республики содержится указание на «инфраструктурные объекты общественного значения». В соответствии с примеч. к ст. 271 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики под данными объектами подразумеваются государственные учреждения, предприятия, организации, неправительственные организации (общественные объединения и фонды), кредитные организации, страховые компании, инвестиционные фонды, которые представляют большую значимость для государства и общества[1]. Новый Уголовный кодекс Республики Казахстан использует ограничительный подход и дифференцирует преступления в сфере компьютерной информации в зависимости от их направленности на «государственные электронные информационные ресурсы и информационные системы государственных органов», т. е. только те электронные информационные ресурсы, которые были созданы или приобретены за счет бюджетных средств[2].

Всемирно известными примерами компьютерных атак на критическую инфраструктуру государства являются остановка центрифуг иранской атомной станции с помощью компьютерного вируса StuxNet в сентябре 2010 г. и выведение из строя нескольких крупных финансовых учреждений Южной Кореи в марте 2013 г. Отечественные объекты также подвергались неправомерным воздействиям со стороны киберпреступников. При

---

[1] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // Информационная система «Континент». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id-=30420353/.

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан : утвержден Законом Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Информационная система «Континент». URL: https://online.-zakon.kz/document/?doc_id=31575252/.

этом назначенные наказания за их совершение нельзя назвать не то чтобы строгими, но хотя бы относительно адекватными содеянному. Так, в мае 2012 г. житель г. Красноярск, являясь последователем движения Anonymous, совершил хакерскую атаку на сайт Президента Российской Федерации. Суд приговорил его к одному году лишения свободы. Примерно через год практически идентичную атаку совершил житель г. Томск, вызвав блокировку указанного сайта. По данному делу суд назначил еще более мягкое наказание – полтора года ограничения свободы[1].

Не впадая в бесплодный оптимизм, следует с сожалением констатировать, что в будущем инциденты такого рода более чем вероятны. Меры информационной защиты, подобно всем мерам юридического противодействия криминальным явлениям, всегда имеют догоняющий характер. Стремительно развивающаяся архитектура виртуального пространства не только качественно улучшает нашу жизнь, но и параллельно с этим генерирует новые риски и угрозы. В докладе The Global Risks Report 2016 г., подготовленном по итогам Давосского экономического форума, выход из строя критически важной информационной инфраструктуры (critical information infrastructure breakdown) назван среди наиболее актуальных угроз мировой экономике[2]. В связи с чем информационные ресурсы стратегического значения, связанные с обеспечением общественной и государственной безопасности, должны быть действенно и эффективно защищены, в том числе с помощью системы дифференцированных мер уголовной ответственности за посягательства на их доступность и целостность.

Редакция ст. 274[1] УК РФ представляет собой объединение трех традиционных для отечественного законодательства форм

---

[1] Осужден томский хакер, взломавший сайт Президента Российской Федерации // ФедералПресс. URL: https://fedpress.ru/news/society/news_crime/-1387777090-tomskii-khaker-osuzhden-za-vzlom-saita-prezidenta/.

[2] The Global Risks Report 2016 // URL: http://www.mmc.com/content/dam/mmc-web/Global-Risk-Center/Files/world-economic-forum-global-risk-report-2016.pdf.

преступного посягательства на безопасность компьютерных данных и систем:

1) неправомерный доступ;

2) создание и распространение вредоносного контента;

3) нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации.

По смыслу ст. 274[1] УК РФ все эти деяния должны быть направлены против объектов критической информационной инфраструктуры. Таким образом, анализируемая уголовно-правовая норма конкурирует сразу с тремя статьями (ст.ст. 272, 273 и 274 УК РФ) и является специальной по отношению к ним. В некотором смысле конструирование ст. 274[1] УК РФ противоречит сложившимся отечественным традициям криминализации и использования приемов юридической техники при описании уголовно-правовых норм. Следуя им, установление более строгой уголовной ответственности за посягательства на объекты критической информационной инфраструктуры предпочтительнее было бы реализовать путем выделения соответствующих квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в ст.ст. 272, 273 и 274 УК РФ.

Анализируемая уголовно-правовая норма имеет бланкетный характер, что предполагает обязательное обращение к Федеральному закону Российской Федерации от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[1].

Объектом преступлений, предусмотренных ст. 274[1] УК РФ, выступает безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, т. е. состояние ее защищенности от любого воздействия программными или программно-

[1] Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/.

техническими средствами, которое способно привести к нарушению ее функционирования и (или) нарушению безопасности обрабатываемой ею информации.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274[1] УК РФ, является компьютерная информация или компьютерные программы, заведомо предназначенные для совершения компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры. Нельзя не отметить, что установление данного признака на практике может вызвать значительные затруднения. Функциональная направленность вредоносной программы, т. е. ее предназначение именно для посягательств на соответствующие объекты, может быть установлена только в случае уникальности средств и технологий программной защиты объектов критической информационной инфраструктуры, что представляется маловероятным.

Индивидуализирующим признаком состава преступления, предусмотренного ст. 274[1] УК РФ, является предмет посягательства – объект критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее – КИИ). Его легальное определение сформулировано в п. 7 ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ – информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры. В соответствии с п. 8 данной статьи такими субъектами выступают государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым принадлежат информационные системы, сети, системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности.

Здесь сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ определяет не только объекты КИИ, но и отдельно выделяет *значимые* из них – ресурсы, которым была в установленном порядке присвоена одна из категорий значимости и которые вследствие этого были включены в соответствующий реестр значимых объектов. Отечественный уголовный закон данную классификацию, как известно, не воспринял. С одной стороны, это позволяет сделать вывод о допустимости определения предмета ст. 274[1] УК РФ в широком смысле, т. е. как любой информационной системы, сети и т. п. субъектов КИИ. Однако такой подход нивелирует главную цель специального выделения ст. 274[1] УК РФ – повысить ответственность за неправомерное воздействие на информационные ресурсы, обеспечивающие нормальное осуществление именно критических процессов.

Наряду с категорированными ресурсами субъект КИИ может использовать и другие системы, автоматизированные комплексы и базы данных, инциденты с которыми объективно не могут создать угрозу для реализации критических процессов. Так, руководство городской больницы может внедрить и оперировать внутренней базой данных контроля и учета за отдельной категорией товарно-материальных ценностей. Понятно, что нарушение работы такой информационной системы, фактически функционирующей в сфере здравоохранения, не повлечет создание угрозы именно для критических процессов, связанных с оказанием медицинской помощи пациентам.

Объект критической информационной инфраструктуры как предмет преступления, предусмотренного ст. 274[1] УК РФ, характеризуется двумя обязательными признаками: объективно-функциональным и формально-юридическим. Первый признак указывает на то, что конкретная информационная система, база данных и т. п. реально функционирует в одной из критически важных сфер государства (оборона, здравоохранение, транспорт,

энергетика и т. д.). Суть формально-юридического признака заключается в том, что соответствующие автоматизированные системы управления приобретают статус объекта КИИ только после прохождения установленной законом процедуры. Понятно, что для применения ст. 274[1] УК РФ вопрос о моменте получения соответствующей информационной системой статуса объекта КИИ имеет принципиальное значение.

В соответствии с действующим законодательством субъект критической информационной инфраструктуры, руководствуясь установленным перечнем показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации[1], должен самостоятельно категорировать используемые информационные ресурсы и системы. Категорирование само по себе представляет собой процедуру, которая включает в себя несколько этапов:

1) создание специальной комиссии;
2) выявление критических процессов;
3) определение объектов, которые их обеспечивают;
4) формирование перечня таких объектов;
5) оценка значимости масштаба возможных последствий в случае возникновения компьютерных инцидентов;
6) присвоение каждому объекту категории либо принятие решения об отсутствии необходимости присвоения им одной из категорий значимости. Решение комиссии оформляется актом, который утверждается руководителем субъекта критической информационной инфраструктуры.

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 г. № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» (ред. от 13.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290595/.

Кроме того, в соответствии с п. 17 Постановления Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 г. № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» в течение 10 рабочих дней со дня утверждения соответствующий акт должен быть направлен в Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК). Федеральный орган исполнительной власти проверяет представленные сведения и может принять одно из следующих решений:

1) подтвердить категорию значимости объекта и внести соответствующие сведения в реестр;

2) изменить категорию;

3) отменить решение о категорировании объекта.

Соответствующие выписки из реестра либо содержание принятого решения об отсутствии оснований для категорирования направляется субъекту КИИ.

Анализ материалов правоприменительной практики показывает, что, раскрывая признаки объекта КИИ, суды ссылаются на дату вынесения внутреннего акта организации: «…в соответствии с приказом генерального директора Публичного акционерного общества “Мегафон” №… от… „Об утверждении акта категорирования объектов критической информационной инфраструктуры ПАО “Мегафон”„ система самообслуживания абонентов «Сервис самообслуживания абонентов» признана объектом критической информационной инфраструктуры, ей присвоена третья категория значимости»[1].

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 7 октября 2020 г. по делу № 1-366/2020 // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/53232692/.

В других случаях суды исходят из момента внесения соответствующих сведений в реестр значимых объектов КИИ: «…ПАО “ВымпелКом” является субъектом критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, которому на праве собственности принадлежит…в том числе база данных автоматизированной системы Amdocs Ensemble, внесенная “дата” Федеральной службой по техническому и экспортному контролю России в реестр значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации под регистрационным номером: 005491/1/4/А»[1].

Принимая во внимание, что принятие решения комиссией субъекта КИИ имеет предварительный характер, полагаем, что объект КИИ возникает в правовом поле, в том числе как предмет преступного посягательства по смыслу ст. 274[1] УК РФ, только с момента принятия решения ФСТЭК. С учетом этого неправомерное воздействие на обеспечивающие критические процессы информационные системы, автоматизированные системы управления, базы данных и т. д., не прошедшие процедуру категорирования, необходимо квалифицировать в зависимости от обстоятельств содеянного по ст.ст. 272 или 274 УК РФ[2].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274[1] УК РФ, предполагает совершение любого из трех альтернативных действий:

1) создание;

2) использование;

3) распространение компьютерных программ или информации, заведомо предназначенной для совершения атак на объекты критической информационной инфраструктуры.

---

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 19 февраля 2021 г. по делу № 1-88/2021 // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/57016749/.

[2] См.: Русскевич Е. А. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Уголовное право. 2022. № 5. С. 26–35.

Состав по конструкции (по моменту описания в законе момента окончания преступления) является формальным. Если лицо одновременно разработало, использовало и распространило вредоносную компьютерную программу, заведомо предназначенную для совершения компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры, содеянное образует единое преступление.

Так, например, Г. был осужден по ч. 1 ст. 274[1] УК РФ. Согласно приговору суда, Г., осознавая в силу занимаемой должности необходимость прохождения процедуры тестирования знаний технико-распорядительных актов железнодорожных станций, решил пройти указанную процедуру в учебном классе. При этом, стремясь получить гарантированный положительный результат тестирования, Г. решил воспользоваться сторонним нештатным программным обеспечением, предоставляющим тестируемому в модуле «АС ГРАТ» программного комплекса «АСУТ» ОАО «РЖД» получение такого результата независимо от правильности ответов на вопросы теста. Реализуя свой преступный умысел, направленный на использование компьютерной программы, заведомо предназначенной для неправомерного воздействия на объект критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде модификации содержащейся в ней компьютерной информации, Г. при прохождении тестирования подключил собственный внешний накопитель (флэш-карту) к служебному персональному компьютеру и запустил стороннее программное обеспечение – компьютерную программу «Бот ТРА станций (АС ГРАТ)», тем самым совершил умышленные целенаправленные действия, направленные на использование компьютерной программы, заведомо предназначенной для неправомерного воздействия на модуль «АС ГРАТ». Применение Г. на служебном компьютере нештатного про-

граммного обеспечения в виде исполняемых файлов неправомерно модифицировало компьютерную информацию субъекта критической информационной инфраструктуры – ОАО «РЖД» в программном комплексе «АСУТ», сформировав положительный результат его тестирования в модуле «АС ГРАТ»[1].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274[1] УК РФ, заключается в неправомерном доступе к компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре. Состав по конструкции – материальный. Преступление считается оконченным только в случае причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации. Таким образом, следует сделать вывод, что сам по себе неправомерный доступ (так называемое «чистое хакерство», осуществляемое из профессионального интереса без намерения причинить вред) по смыслу ч. 2 ст. 274[1] УК РФ не является преступлением. В свою очередь, если лицу, осуществившему неправомерный доступ к компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре, по независящим от него обстоятельствам не удалось причинить вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (например, в результате успешного срабатывания антивирусного программного обеспечения или действий сотрудников, отвечающих за информационную безопасность организации), содеянное следует квалифицировать как покушение на преступление по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 274[1] УК РФ.

Вред как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274[1] УК РФ, не конкретизирован. Системное толкование отечественного уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что таковым является уничтожение, блокирование, модификация, копирование информации,

[1] Приговор Советского районного суда г. Волгограда от 15 сентября 2020 г. по делу № 1-315/2020 // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/53483684/.

содержащейся в критической информационной инфраструктуре, нейтрализация средств защиты указанной информации или выведение из строя аппаратных и программных средств, обеспечивающих функционирование критической информационной инфраструктуры (за исключением случаев, когда это повлекло причинение смерти или тяжкого вреда здоровью человека, причинение средней тяжести вреда здоровью двум или более лицам, массовое причинение легкого вреда здоровью людей, наступление экологических катастроф, транспортных или производственных аварий, повлекших длительную остановку транспорта или производственного процесса, дезорганизацию работы конкретного предприятия, причинение особо крупного ущерба, т. е. тяжких последствий[1], предусмотренных ч. 5 ст. 274[1] УК РФ).

Следует отдельно указать, что диспозиция ч. 2 ст. 274[1] УК РФ по сути содержит признаки составного преступления, поскольку указывает на необходимость понимать неправомерный доступ как доступ с использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, или иных вредоносных компьютерных программ.

Таким образом, ч. 2 ст. 274[1] УК РФ не требует квалифицировать по совокупности за неправомерный доступ к объектам критической информационной инфраструктуры, совершенный с использованием заведомо предназначенных для этого вредоносных программ (ч. 1 ст. 274[1] УК РФ) или иных вредоносных программ (ст. 273 УК РФ). При этом, если лицо, использовавшее программу, являлось и ее разработчиком, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений. В данном случае

---

[1] См. подробнее: Гузеева О. С. Преступления, совершаемые в российском сегменте сети Интернет : монография. М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 37 ; Русскевич Е. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : учебное пособие. М. : Инфра-М, 2017. С. 44.

вполне применимо известное правило квалификации, согласно которому действия по подготовке или исполнению деяния, не входящие в объективную сторону оконченного преступления (которые по сути не являются юридически значимым способом совершения этого преступления), должны получить самостоятельную уголовно-правовую оценку по другой статье закона[1].

Кроме того, совокупность преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ и ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 274[1] УК РФ, может иметь место и в том случае, когда лицо создает компьютерную программу либо иную компьютерную информацию, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Однако в этом случае необходимо доказать умысел лица на их дальнейшее использование.

Практически значимым аспектом является оценка действий субъекта, который за вознаграждение изготавливает вредоносное программное обеспечение, предназначенное по своим характеристикам на осуществление атаки на объект критической информационной инфраструктуры, и сбывает его. При отсутствии осведомленности о том, что с данным информационным орудием собирается делать заказчик, действия соответствующих лиц нельзя признать согласованными и совместными. Это исключает саму постановку вопроса о возможности соучастия в данном случае. При обратной ситуации, когда лицо понимает, для каких целей изготавливается данная программа, содеянное необходимо квалифицировать как пособничество в совершении неправомерного доступа, т. е. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 274[1] УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 274[1] УК РФ, заключается в нарушении:

1. Правил эксплуатации:

---

[1] См. подробнее: Решетников А. Ю. Квалификация неоконченных преступлений при наличии признаков совокупности преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4. С. 85.

а) средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации;

б) информационных систем;

в) информационно-телекоммуникационных сетей;

г) автоматизированных систем управления;

д) сетей электросвязи, относящихся к критической информационной инфраструктуре Российской Федерации;

2. Правил доступа к указанным средствам, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям, автоматизированным системам управления, сетям электросвязи.

Состав по конструкции является материальным. Преступление считается оконченным только в случае причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации. В отличие от ст. 274 УК РФ, характеризующейся двумя уровнями взаимосвязанных общественно опасных последствий, ч. 3 ст. 274[1] УК РФ не предполагает установления признака крупного ущерба.

Учитывая специфику объектов посягательства, следует отметить, что совершение компьютерных атак на информационные ресурсы объектов транспорта, оборонной, атомной, ракетно-космической или химической промышленности может содержать признаки и других преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 275, 276, 281 УК РФ и др.

Субъектом преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 274[1] УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъект ч. 3 ст. 274[1] УК РФ может быть как общий – в части правил доступа к ресурсам, так и специальный – в части соблюдения правил эксплуатации соответствующих средств, систем и сетей.

Изучение материалов правоприменения выявляет разные подходы к квалификации неправомерного воздействия на объекты КИИ, совершаемые сотрудниками организации. В отдельных случаях такие действия оцениваются как неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся

в КИИ, совершенный лицом с использованием своего служебного положения[1]. В других – как нарушение правил эксплуатации и (или) доступа[2]. По одному из дел суд изменил формулировку предъявленного обвинения, специально указав: «…По результатам судебного следствия не нашло подтверждение предъявленное обвинение в неправомерном доступе к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации…Исследованные судом доказательства свидетельствуют, что А. совершил преступление, используя имевшийся у него правомерный доступ к автоматизированной информационной системе Amdocs Ensemble через присвоенную ему при трудоустройстве для доступа в программное обеспечение ПАО «ВымпелКом» учетную запись, пароль и биометрические данные»[3].

Следует поддержать приведенную позицию суда. Отграничение нарушения правил эксплуатации от неправомерного доступа к компьютерной информации, содержащейся в объекте КИИ, заключается именно в том, что, по справедливому замечанию Р. Р. Гайфутдинова, в первом случае у лица имеется доступ к соответствующим объектам информационно-коммуникационной инфраструктуры[4]. При этом доступ правомерный, обусловленный, как правило, служебным положением лица. В тех ситуациях,

---

[1] Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 18 марта 2021 г. по делу № 1-108/2021 // Гражданское законодательство. URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/prigovor-_-1-108_2021-ot-18.03.2021-krasnookty abrskogo-rayonnogo-suda-g-volgograda/.

[2] Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 17 сентября 2021 г. по делу № 1-146/2021 // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/61767949/.

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 19 февраля 2021 г. по делу № 1-88/2021 // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/57016749/.

[4] Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации : дис. …канд. юрид. наук : 12.00.08. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 142.

когда сотрудник прекратил свои отношения с организацией-субъектом КИИ, однако потом воспользовался своими учетными данными, которые по тем или иным причинам еще не были аннулированы, для входа в личный кабинет и копирования, модификации либо уничтожения компьютерной информации, содеянное необходимо оценивать как неправомерный доступ[1].

Субъективная сторона создания, использования и распространения компьютерных программ или информации, заведомо предназначенных для совершения атак на объекты критической информационной инфраструктуры (ч. 1 ст. 274[1] УК РФ), характеризуется прямым умыслом. Лицо, совершая те или иные действия, должно осознавать, что они направлены на публичные информационные ресурсы, обладающие исключительной важностью для общества и государства и включенные в соответствующий реестр.

При неправомерном доступе (ч. 2 ст. 274[1] УК РФ) умысел может быть как прямым, так и косвенным.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 274[1] УК РФ, характеризуется двумя формами вины. Нарушение правил эксплуатации и доступа может совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

В решениях по делам о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации можно также обнаружить примеры неполной квалификации, когда без надлежащей юридической оценки остается факт посягательства на конфиденциальные сведения. Так, К. был осужден по ч. 2 ст. 274[1] УК РФ. Согласно решению суда, К., используя служебную информационную систему, относящуюся к объектам КИИ, незаконно распространил детализацию соединений клиентов[2]. Квалификация содеянного только по ст. 274[1]

---

[1] Приговор Советского районного суда г. Волгограда от 30 ноября 2020 г. по делу № 1-37/2021 (1-395/2020) // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/.

[2] Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 29 июля 2020 г. по делу № 1-805/2020 // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/.

УК РФ объективно не учитывает тот вред, который был причинен потерпевшим в результате нарушения тайны переписки и переговоров. Таким образом, содеянное необходимо было дополнительно квалифицировать по ч. 2 ст. 138 УК РФ.

Квалифицированные виды неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, предусмотренные чч. 4 и 5 ст. 274[1] УК РФ, являются традиционными для преступлений в сфере компьютерной информации и в целом хорошо освещены в современной литературе[1]. Дискуссионными, пожалуй, можно назвать два реализованных решения. Во-первых, законодатель проявил малопонятную последовательность в регламентации совершения преступления предварительно сговорившейся и организованной группами в рамках одной части. Очевидно, что уравнивание таких качественно разных по опасности форм соучастия вряд ли отвечает научно обоснованным критериям дифференциации ответственности. Во-вторых, все преступления в сфере компьютерной информации в качестве особо отягчающего обстоятельства называют наступление тяжких последствий или создание угрозы их наступления. Вместе с тем уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 274[1] УК РФ, такой оговорки не содержит, что, учитывая особую значимость объектов посягательства, представляется по меньшей мере ошибочным.

Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» предполагает категорирование всех объектов в зависимости от социальной, политической, экономической значимости, а также значимости объекта критической информационной инфраструктуры для обеспечения обороны страны, безопасности государства и правопорядка. К сожалению, действующая редакция ст. 274[1] УК РФ не учитывает данное деление, что представля-

[1] См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. С. 822–834.

ется существенным упущением не только с точки зрения игнорирования критериев дифференциации уголовной ответственности, но и что более значимо – анализируемая уголовно-правовая новелла не позволяет должным образом оценить различия в объеме и значимости социальных последствий криминальных посягательств на объекты критической инфраструктуры. Возможности учета опасности указанного деяния только лишь посредством дифференциации уголовного наказания, как представляется, явно недостаточны. Полагаем, что в этой части уголовно-правовая норма об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации требует корректировки.

§ 7.5. Особенности квалификации нарушения правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» гл. 28 УК РФ была дополнена новой нормой, устанавливающей ответственность за нарушение специальных правил управления техническими средствами, обеспечивающими нормальное функционирование на территории государства сети Интернет и сетей связи общего пользования (ст. 274^2 УК РФ). Изучение паспорта законопроекта не позволяет ознакомиться с обоснованием реализованной законодательной инициативы – в первоначальной редакции

выделение ст. 274[2] УК РФ не планировалось. Соответствующие дополнения появились только ко второму чтению законопроекта[1].

Нетрудно понять, почему соответствующие изменения российского уголовного законодательства о введении ответственности за нарушение использования технических средств противодействия угрозам (далее – ТСПУ) появились именно на этом этапе. За последнее время кибератаки на информационную инфраструктуру России возросли многократно. При этом они имеют сложный характер, свидетельствующий о тщательной подготовке таких действий, наличии у злоумышленников высоких компетенций и дорогостоящего оборудования. Роскомнадзор сослался на это в своих комментариях относительно законодательных новелл от 14 июля 2022 г. В частности, было отдельно отмечено, что «в условиях гибридной войны, включающей элементы информационного противостояния, а также регулярные кибератаки, защита информационного пространства России является критически важной для государства и общества. В связи с этим необходимо безусловное выполнение операторами связи требований к установке, эксплуатации и модернизации ТСПУ и требований к пропуску всего трафика через них. Все технические средства противодействия угрозам находятся под управлением Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования (ЦМУ ССОП), обеспечивающего отражение информационных атак»[2].

Другим обстоятельством является то, что в условиях нарастающей международной напряженности и информационного противоборства особую значимость приобрело соблюдение вводимых ограничений по доступу к отдельным сетевым ресурсам. Иными словами, потребовалось не только поставить поток ин-

---

[1] Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8/.

[2] В РКН заявили, что отказ операторов от использования ТСПУ представляет угрозу для граждан (15 июля 2022 г.) // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/15228891/.

формации под технологический контроль (фильтрацию), выстроить барьеры, препятствующие доступу пользователей к конкретному трафику и мобильным приложениям, но и действенным образом обеспечить ответственность представителей операторов связи за уклонение от исполнения этих стандартов. В этом ключе были даны и пояснения от лица Роскомнадзора: «Нередки случаи, когда операторы пропускают трафик в обход ТСПУ, по тем или иным причинам допускают отключение такого оборудования. Это может представлять угрозу устойчивому функционированию интернета в России, привести к сбою в работе информационных ресурсов государственных органов. При отключении ТСПУ или пропуске трафика в обход российские пользователи получают доступ к информации, представляющей опасность: детской порнографии, пронаркотическому контенту, пропаганде самоубийства, фейкам, экстремистской информации»[1].

Принятие решения о построении системы мониторинга с использованием ТСПУ в целом соответствует положениям Доктрины информационной безопасности Российской Федерации 2016 г., которая основными направлениями ее обеспечения определяет: противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации; пресечение деятельности, наносящей ущерб национальной безопасности Российской Федерации, осуществляемой с использованием технических средств и информационных технологий специальными службами и организациями иностранных государств, а также отдельными лицами и др.

---

[1] В РКН заявили, что отказ операторов от использования ТСПУ представляет угрозу для граждан (15 июля 2022 г.) // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/15228891/.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 274[2] УК РФ, выступают общественные отношения, связанные с эксплуатацией технических средств противодействия угрозам (ТСПУ), и обеспечением устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования. Возникновение этих отношений между государством и операторами связи, как было показано выше, состоялось сравнительно недавно и имело соответствующие социально-правовые предпосылки.

Предметом являются сами технические средства противодействия угрозам (ТСПУ). Следует отметить, что какой-либо перечень соответствующего оборудования в открытом доступе отсутствует. Согласно разъяснениям радиочастотной службы, сведения о данных устройствах составляют коммерческую тайну.

Часть 1 ст. 274[2] УК РФ предусматривает ответственность за нарушение порядка установки, эксплуатации и модернизации в сети связи технических средств противодействия угрозам устойчивости функционирования сети Интернет и сети связи общего пользования либо несоблюдение технических условий их установки или требований при использовании. Диспозиция является бланкетной и отсылает к Постановлению Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2020 г. № 126.

Объективная сторона данного преступления предполагает как активное, так и пассивное поведение субъекта и может заключаться в воспрепятствовании дистанционному управлению радиочастотной службой техническим средствами противодействия угрозам; в нарушении требований, содержащихся в эксплуатационной документации; в отключении технических средств противодействия угрозам от электропитания; в блокировании доступа к соответствующему оборудованию представителям радиочастотной службы и др.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274^2 УК РФ, заключается в нарушении требований к пропуску трафика через технические средства противодействия угрозам. Соответствующие требования определены Приказом Минцифры России от 26 января 2022 г. № 44 «Об утверждении Требований к порядку пропуска трафика в сетях передачи данных».

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2020 г. № 127 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования», оператор связи имеет право не направлять трафик через технические средства противодействия угрозам в следующих случаях:

а) нарушение функционирования технического средства противодействия угрозам, при котором прекращается пропуск трафика через данное техническое средство, при условии соблюдения требований к эксплуатации технических средств противодействия угрозам;

б) нарушение функционирования технического средства противодействия угрозам, при котором параметры пропуска трафика не соответствуют параметрам, указанным в проектной документации на установку и функционирование технических средств противодействия угрозам, при условии соблюдения требований к эксплуатации технических средств противодействия угрозам;

в) выявление информации или информационных ресурсов, доступ к которым не подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации, но доступ к которым ограничивается. Направление трафика помимо технических средств противодействия угрозам в иных случаях, не предусмотренных Постановлением № 127, может быть квалифицировано как нарушение требований к пропуску трафика по смыслу ч. 2 ст. 274^2 УК РФ.

Оба состава преступления сконструированы с использованием административной преюдиции и предполагают, что соответствующее нарушение правил должно быть допущено в период, когда лицо считается подвергнутым административному

наказанию за правонарушения, предусмотренные квалифицированными видами ст. 13.42 КоАП РФ и 13.42[1] КоАП РФ Обязательным признаком в обоих случаях выступает повторность административного правонарушения. Таким образом, по смыслу ст. 274[2] УК РФ признаки уголовно наказуемого деяния будут иметь место лишь при третьем нарушении правил централизованного управления ТСПУ.

С точки зрения законодательного описания деяние, предусмотренное ст. 274[2] УК РФ, относится к весьма многочисленной группе преступлений, связанных с нарушением специальных правил, двойственная природа которых характеризуется сочетанием проступка и преступления.

Предложенная законодательная модель ответственности представителей операторов связи за нарушения в области эксплуатации ТСПУ не представляется оптимальной. Во-первых, довольно уязвимым является подход к описанию административно преюдициальных признаков состава. Несмотря на значимость отношений, обеспечиваемых системой централизованного управления ТСПУ, возможность уголовно-правовой реакции на конкретный инцидент появляется не в связи с наступлением тех или иных общественно опасных последствий и даже не при традиционной повторности, а лишь при третьем задокументированном нарушении.

В продолжение данной мысли следует предположить, что напрасно законодатель отказался от модели криминализации нарушения управления ТСПУ в зависимости от причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Это в некотором смысле уже сейчас ставит вопрос о квалификации действий представителя оператора связи, который, используя свои управленческие полномочия, вмешался в функционирование ТСПУ, что в результате привело к наступлению значимых общественно опасных последствий (например,

в результате кибератаки были утеряны персональные данные нескольких тысяч пользователей, выведена из строя информационная инфраструктура крупных хозяйствующих субъектов, похищены денежные средства к особо крупных размерах и т. п.). Полагаем, что при наличии признаков специального субъекта, предусмотренного ст. 201 УК РФ, предпочтение должно быть отдано в пользу применения именно данной нормы. На это, в частности, указывает и соотношение санкций ст. 274[2] УК РФ и ст. 201 УК РФ.

Субъект обоих преступлений специальный – должностное лицо, понятие которого сформулировано в примечании к ст. 274[2] УК РФ, – лицо постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, а равно индивидуальный предприниматель, подвергнутые административному наказанию за соответствующие деяния, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации.

В исследуемой норме законодатель допускает не вполне удачное использование терминологии. Должностными лицами названы субъекты, обладающие управленческими функциями в коммерческой или иной организации (см. примеч. к ст. 201 УК РФ). Таким образом, как бы утверждается два вида должностных лиц – в коммерческих и иных организациях, а также в государственных органах, органах местного самоуправления и т. д. (см. примеч. к ст. 285 УК РФ).

Субъективная сторона напрямую не раскрыта в ст. 274[2] УК РФ. Принимая во внимание формальную конструкцию составов, следует сделать вывод, что субъективная сторона нарушения специальных правил по смыслу ч. 1 ст. 274[2] УК РФ и нарушения требований к пропуску трафика по ч. 2 ст. 274[2] УК РФ выражается виной в виде прямого умысла. При этом содержание мотивов и целей не влияет на квалификацию преступления.

В случае, когда соответствующие нарушения были допущены по неосторожности, вследствие небрежного отношения к соблюдению эксплуатационных требований и иных правил, содеянное в зависимости от обстоятельств дела может быть квалифицировано по ст. 274 УК РФ либо по ч. 3 ст. 274^1 УК РФ.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите обязательные признаки объективной стороны неправомерного доступа к компьютерной информации.
2. С какого момента неправомерный доступ к компьютерной информации признается оконченным преступлением?
3. Что следует понимать под вредоносной компьютерной программой?
4. Кто является субъектом создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ»?
5. Дайте характеристику субъективной стороны нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей?
6. Кто является субъектом нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей?
7. Дайте характеристику объективной стороны неправомерного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Ефремова, М. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : монография / М. А. Ефремова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 194 с.

2. Козаев, Н. Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства) : монография / Н. Ш. Козаев ; под ред. А. В. Наумова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 217 с.

3. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий : учебник / под ред. И. А. Калиниченко. – М. : ИНФРА-М, 2022. – 642 с.

4. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере оборота криптовалюты : учебное пособие. – М. : Инфра-М, 2022. – 211 с.

5. Русскевич, Е. А. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / Е. А. Русскевич, И. Г. Чекунов // Уголовное право. – 2022. – № 5. – С. 26–35.

6. Русскевич, Е. А. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ): вопросы квалификации / Е. А. Русскевич // Уголовное право. – 2020. – № 5. – С. 94 – 104.

7. Русскевич, Е. А. О проблемах квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации / Е. А. Русскевич // Уголовное право. – 2017. – № 5. – С. 62–64.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Российская газета. – 2022. – 28 декабря (№ 294).

Глава 8. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* особенности квалификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; понятие и общую характеристику должностных преступлений; объективные и субъективные признаки отдельных видов должностных преступлений; понятие и признаки должностного лица и представителя власти; преступления коррупционного характера; правила квалификации преступлений указанной категории; специальные условия освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления;
– *уметь* выделять объективные и субъективные признаки должностных преступлений, составы коррупционных преступлений и их признаки с учетом судебного толкования, а также давать оценку деяниям коррупционного характера;
– *владеть* уголовно-правовой терминологией и навыками квалификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; навыками разграничения смежных преступлений в данной сфере.

§ 8.1. Особенности квалификации злоупотребления должностными полномочиями

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти, соблюдение интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями складывается из деяния в виде использования должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, и причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями.

Под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы судам следует понимать совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, но не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями. Например, как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, совершающего из корыстной или иной личной заинтересованности входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (в частности, освобождение командирами (начальниками) подчиненных от исполнения возложенных на них должностных обязанностей с направлением для работы в коммерческие организации либо обустройства личного домовладения должностного лица)[1].

[1] Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

Так, Ш. в соответствии со своими должностными полномочиями был наделен организационно-распорядительными функциями по распределению осужденных по рабочим местам и определению им объема работ, проводимых для нужд исправительного учреждения. Умышленно, осознавая, что действует вопреки интересам службы, из корыстной заинтересованности, преследуя цель безвозмездного использования труда осужденных в своих интересах, стремясь сберечь денежные средства, требующиеся на оплату тех же работ по гражданско-правовому договору, без составления каких-либо трудовых соглашений, внес заведомо недостоверные сведения в журнал учета входящего и выходящего автотранспорта, указав в данном документе место работы двух осужденных – «сенокос», после чего самовольно вывел осужденных, отбывающих уголовное наказание с территории участка колонии поселения и доставил на участок, где расположен индивидуальный жилой дом, в котором Ш. проживает с семьей. На данном участке осужденные выполняли строительные работы и работы по благоустройству указанного участка в интересах и по поручению Ш[1].

Ответственность по ст. 285 УК РФ наступает также за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

С., являясь должностным лицом контролирующего органа – участковым лесничим государственного казенного учреждения

[1] Приговор Иркутского районного суда Иркутской области № 1-317/2011 1-22/2012 1-22/2012(1-317/2011;) от 1 ноября 2012 г. URL: sudact.ru/regular/doc/Dj5s6BhRTYlW/.

Свердловской области «Шалинское лесничество», обнаружил ранее знакомого ему Д., а также Л. и К., осуществлявших вывоз незаконно вырубленных лесных насаждений объемом более 27 куб. м. В этот момент у С. из иной личной заинтересованности, выразившейся в желании оказать содействие своему знакомому Д., а также Л. и К. во избежание привлечения их к уголовной ответственности, возник умысел на укрытие совершенных этими лицами вышеуказанных противоправных действий путем невыполнения возложенных на него обязанностей, предусмотренных ч. 3 ст. 96 Лесного кодекса Российской Федерации и должностной инструкцией, по предотвращению и пресечению нарушения лесного законодательства, задержанию транспортного средства и граждан, нарушивших требования лесного законодательства, по их доставлению в правоохранительные органы, по изъятию транспортных средств. Указанное бездействие С. повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества, поскольку не позволило выявить и пресечь преступную деятельность, нарушающую право граждан на благоприятную окружающую среду, гарантированное ст. 42 Конституции Российской Федерации[1].

При квалификации содеянного как злоупотребления должностными полномочиями необходимо указывать, какими нормативными правовыми актами или иными документами установлен круг прав и обязанностей должностного лица, какие правомочия были использованы, и обязательно делать ссылку на конкретную норму.

В случаях, когда деяние, содержащее признаки злоупотребления должностными полномочиями, совершено должностным лицом для устранения опасности, непосредственно угрожающей

[1] Приговор Шалинского районного суда Свердловской области № 1-92/2021 от 5 июля 2021 г. по делу № 1-92/2021. URL: sudact.ru/regular/doc/i44QPWay1pVU/.

личности, охраняемым законом интересам общества или государства, и эта опасность не могла быть устранена иными средствами, то такое деяние не может быть признано преступным при условии, что не было допущено превышения пределов крайней необходимости (ст. 39 УК РФ)[1].

К тому же, не могут быть признаны преступными деяния должностного лица, связанные с использованием служебных полномочий, повлекшие причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, если они были совершены во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Должностное лицо, совершившее умышленное преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, во исполнение заведомо для него незаконного приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. При этом действия вышестоящего должностного лица, издавшего такой приказ или распоряжение, следует рассматривать при наличии к тому оснований как подстрекательство к совершению преступления или организацию этого преступления и квалифицировать по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3 или ч. 4 ст. 33 УК РФ. Должностное лицо, отдавшее заведомо незаконный приказ или распоряжение подчиненному лицу, не осознавшему незаконность такого приказа или распоряжения и исполнившему его, подлежит ответственности как исполнитель преступления[2].

Противоправные действия (бездействие) должностного лица, злоупотребившего своими полномочиями, должны находиться

---

[1] Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

[2] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

в причинной связи с наступившими в результате этого общественно опасными последствиями в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Вопрос о том, является ли причиненный вред существенным, решается в процессе квалификации содеянного с учетом особенностей каждого конкретного случая. Существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями можно признать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т. п[1].

Состав злоупотребления должностными полномочиями материальный и преступление признается оконченным при наступлении указанных выше последствий. При отсутствии общественно опасных последствий, содеянное может влечь дисциплинарную ответственность.

---

[1] Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

Кроме того, состав преступления будет отсутствовать в случае использования лицом не закрепленных за ним должностных полномочий, а, например, авторитета занимаемой должности, либо имеющихся у него служебных связей.

С субъективной стороны данное преступление характеризуется умышленной формой вины и корыстной или иной личной заинтересованностью.

Корыстная заинтересованность – стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц, либо избавление от обязательств имущественного характера. Злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности необходимо отличать от хищения чужого имущества с использованием служебного положения. Так, если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается ч. 3 ст. 159 УК РФ или ч. 3 ст. 160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ не требует. В тех случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия, наряду с хищением чужого имущества, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений[1].

Иная личная заинтересованность предполагает стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного харак-

[1] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

тера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность.

Как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы следует рассматривать протекционизм, под которым понимается незаконное оказание содействия в трудоустройстве, продвижении по службе, поощрении подчиненного, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности.

При отсутствии соответствующего мотива, действия должностного лица могут быть квалифицированы по другим статьям гл. 30 УК РФ.

Субъектом рассматриваемого преступления, в соответствии с примеч. к ст. 285 УК РФ, является лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти, выполняющее организационно-распорядительные или (и) административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской

Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

В соответствии с примеч. к ст. 318 УК РФ и разъяснениями высшей судебной инстанции к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности[1].

Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т. п. К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия[2].

---

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

[2] Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

К административно-хозяйственным функциям можно отнести полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием)[1].

Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой.

При временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть признано должностным лишь в период исполнения возложенных на него функций[2].

В ч. 2 ст. 285 УК РФ предусмотрены специальные субъекты данного преступления – лица, занимающие государственную

---

[1] Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

[2] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главы органа местного самоуправления. В пп. 2 и 3 примеч. к ст. 285 УК РФ разъясняется, кого считать лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации. А в п. 10 постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) (далее – Постановление № 19) отмечает, что наряду с лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, субъектом ответственности по ч. 2 ст. 285 УК РФ является глава органа местного самоуправления, под которым следует понимать только главу муниципального образования – высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

Особо квалифицированным видом злоупотребления должностными полномочиями является причинение в результате совершения преступления тяжких последствий, к которым в соответствии с п. 21 Постановления № 19 относятся крупные аварии и длительная остановка транспорта или производственного процесса, иное нарушение деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т. п.

§ 8.2. Особенности квалификации превышения должностных полномочий

Ответственность за рассматриваемое преступление наступает в случае совершения должностным лицом действий, явно

выходящих за пределы его полномочий, которые влекут наступление общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, при наличии причинно-следственной связи.

Превышение должностных полномочий может выражаться в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые:

1) относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу);

2) могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц);

3) совершаются должностным лицом единолично, хотя могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом;

4) никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать[1].

Так, например, Б., превышая свои должностные полномочия, не уведомил Наблюдательный совет и не получив предварительного одобрения на совершение такой сделки, предоставил себе беспроцентный заем за счет средств Учреждения, чем единолично совершил действия, которые могут быть произведены только коллегиально, и по согласованию с другим органом[2].

Состав по конструкции объективной стороны относится к материальным, обязательным признаком являются общественно

---

[1] Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

[2] Приговор Хабаровского районного суда Хабаровского края № 1-17/2017 1-304/2016 от 5 апреля 2017 г. по делу № 1-17/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/ iwMf6PNPlIH8/.

опасные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, которые по содержанию совпадают с последствиями, описанными в ст. 285 УК РФ.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, поскольку в диспозиции статьи отмечено явное превышение своих полномочий (т. е. субъект осознает пределы своих полномочий, и выход за эти пределы). В отличие от ст. 285 УК РФ, основной состав превышения должностных полномочий не включает в число обязательных признаков субъективной стороны мотив преступления.

Субъектом преступления является должностное лицо, признаки которого были рассмотрены в предыдущем параграфе.

Квалифицированным видом превышения должностных полномочий является совершение деяния лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или главы местного самоуправления (ч. 2 ст. 286 УК РФ). Указанные категории лиц определяются на основании примеч. 2 и 3 к ст. 285 УК РФ, а также п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19.

В качестве особо квалифицирующих признаков превышения должностным лицом полномочий в ч. 3 ст. 286 УК РФ закреплены:

1) применение насилия или угроза его применения;
2) использование оружия или специальных средств;
3) причинение тяжких последствий;
4) совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
5) в отношении несовершеннолетнего;
6) из корыстной или иной личной заинтересованности. В ч. 4 ст. 286 УК РФ – с применением пытки; в ч. 5 ст. 286 УК РФ – повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью.

Применение насилия предполагает физическое воздействие на потерпевшего путем причинения ему, например, побоев, физической боли, лишения свободы. Угроза применения насилия представляет собой психическое воздействие на потерпевшего путем запугивания, высказывания угроз применения любого физического насилия.

Так, суд исключил из приговора квалифицирующий признак «с применением насилия», как излишне вмененный Г., поскольку по смыслу п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ названный квалифицирующий признак подразумевает применение насилия, не сопряженного с применением оружия либо специальных средств. Применение названных предметов всегда является насильственным, полностью охватывается п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, а потому дополнительной квалификации по пункту «а» анализируемой нормы уголовного закона не требуется[1].

Использование оружия или специальных средств означает их фактическое применение для оказания физического или психического воздействия, если у потерпевшего имелись основания считать, что его жизни или здоровью грозила реальная опасность.

К оружию необходимо относить устройства и предметы исходя из требований Федерального закона от 13 декабря 1996 г. «Об оружии». К специальным средствам относятся, например, палки специальные, специальные газовые средства, электрошоковые и светошоковые устройства, средства ограничения подвижности, средства сковывания движения, служебные животные, водометы, бронемашины[2].

Тяжкие последствия данного преступления аналогичны тем, которые раскрыты в предыдущем параграфе при характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

---

[1] Приговор № 1-72/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-72/2020 Мончегорского городского суда Мурманской области // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/zq2SbsT5DI10/.

[2] Статья 21 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 29.12.2022) // Российская газета. 1996. 18 декабря (№ 241).

Признавая Ф. виновным в превышении должностных полномочий с применением насилия к потерпевшему и причинением тяжких последствий, суд указал в приговоре, что тяжкие последствия наступили в результате причинения потерпевшему тяжкого вреда здоровью. Однако по смыслу закона причинение вреда здоровью потерпевшего в результате примененного насилия при превышении должностных полномочий полностью охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Кроме того, указанных в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 наступление перечисленных или им подобных последствий по настоящему уголовному делу не установлено. Существенное же нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства предусмотрены диспозицией ст. 286 УК РФ и являются необходимым признаком объективной стороны данного преступления, в связи с чем дополнительной квалификации по признаку причинения тяжких последствий не требуется. При таких обстоятельствах квалификация действий Ф. по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ является излишней, в связи с чем осуждение его по данному признаку подлежит исключению из приговора[1].

Согласно действующей редакции, к тяжким последствиям по смыслу п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ не относятся случаи применения пытки, в результате которых наступила по неосторожности смерть потерпевшего или причинен тяжкий вред его здоровью.

В соответствии со ст. 35 УК РФ, преступление признается содеянным:

1) группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя (обладающие признаками должностного лица) без предварительного сговора; группой лиц по

[1] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2020 г. № 77-1538/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=22792/.

предварительному сговору – если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совершении преступления;

2) организованной группой – если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В организованную группу могут входить как должностные лица, так и субъекты, не обладающие указанным специальным признаком.

Превышение должностных полномочий в отношении несовершеннолетнего дополнительно нарушает общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, интеллектуальное и нравственное развитие несовершеннолетнего. Это квалифицирующий признак может быть вменен, когда виновный знает, что совершает преступление в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, либо когда исходя из обстоятельств дела он мог и должен был это осознавать.

Такой признак, как корыстная или иная личная заинтересованность (п. «е» ч. 2 ст. 286 УК РФ), аналогичен рассмотренному в предыдущем параграфе при характеристике преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» рассматриваемая статья была дополнена важным примечанием, в котором понятие пытки сформулировано в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания[1]. Пыткой (ч. 4 ст. 286 УК РФ) считается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его

[1] Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.). Подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-XI. Вступила в силу 26 июня 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера. Определение пытки не только как активных действий, но и бездействия имеет важное юридическое значение, поскольку возможны ситуации, когда должностные лица самостоятельно не пытают потерпевшего, но данное деяние осуществляется с их ведома или молчаливого согласия другими лицами.

При этом законодатель уточнил, что не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями, чем подтверждается легитимность государственного принуждения, которое в исключительных случаях допускает некоторое ограничение прав граждан[1].

Следует обратить внимание, что особо квалифицированный состав, предусмотренный ч. 5 ст. 286 УК РФ, в котором говорится о превышении должностных полномочий с применением пытки, повлекшем причинение по неосторожности смерти потерпевшему или тяжкого вреда его здоровью не противоречит п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, закрепившему ответственность за превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий (к которым в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в частности, отнесено причинение смерти по неосторожности), поскольку пыткам присуща специальная цель.

При конкуренции общей (ст. 286 УК РФ) и специальных норм (например, ст. 302 «Принуждение к даче показаний»), квалификацию содеянного необходимо осуществлять по специальным нормам (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

---

[1] Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления : учебное пособие / А. В. Куликов, В. Н. Борков, Т. Н. Долгих. Калининград : Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2022. С. 48.

§ 8.3. Особенности квалификации получения взятки

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование публичной власти, доверительное отношение населения к ней, поддерживающие авторитет государственной службы (службы в органах местного самоуправления) в целом.

К числу важнейших характеристик рассматриваемого состава преступления относится его предмет. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в п. 9 постановления Пленума 9 июля 2013 г. № 24, к предмету получения взятки «…наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом…»[1] относят также и услуги имущественного характера, оказанные незаконно, а равно предоставленные имущественные права.

В соответствии с действующим законодательством деньгами или валютой являются денежные знаки (банкноты, монеты, казначейские билеты и т. п.), соответствующие нескольким обязательным критериям:

1) не выведены из обращения, т. е. находятся в финансовом обороте и представляют собой законное средство наличного платежа на территории России (валюта Российской Федерации – российский рубль) или на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств) – иностранная валюта, соответственно;

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

2) изымаемые или изъятые из обращения, но при этом подлежащие обмену на соответствующую валюту денежные знаки[1]. В данном случае предмет взятки составляют исключительно «фиатные деньги» – средства платежа, эмитировать которые может только государство, в котором они являются законным платежным средством в наличной или безналичной форме. Например, деньги в безналичной форме или электронные деньги как предмет взятки могут быть зачислены на указанный должностным лицом счет, «электронный кошелек» и т. п. с его согласия.

К ином имуществу относятся любые материальные ценности, имеющие стоимостное выражение, например, драгоценные металлы (серебро, золото и металлы платиновой группы), природные драгоценные камни и жемчуг в естественном и обработанном видах и т. д.

К ценным бумагам как обособленному предмету взяточничества относятся непосредственно документарные ценные бумаги, которые удостоверяют или осуществляют соответствующие обязательственные (иные) права посредством их предъявления. Номинальная стоимость ценных бумаг может выражаться не только в российских рублях, но и в иностранной валюте.

Незаконное оказание услуг имущественного характера должностному лицу в качестве взятки – это предоставление «... любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности, автотранспорта для его временного использования, исполнение

[1] Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/.

обязательств перед другими лицами)» и т. п.[1]. Незаконно оказываемые услуги могут иметь не только возмездный характер, когда преступному деянию придается некая видимость легальности – гражданско-правовой сделки, но и оказываться взяткополучателю безвозмездно.

Имущественные права выступают как предмет взятки, когда должностное лицо в качестве незаконного вознаграждения получает правомочия по владению и распоряжению чужим имуществом как собственным, а также при передаче прав требования по обязательствам или возможности извлечения дохода (материальной выгоды) от использования цифровых прав, бездокументарных ценных бумаг. К имущественным правам относится и освобождение взяткополучателя от исполнения обязательств (например, освобождение от исполнения обязательства по уплате долга посредством уничтожения долговой расписки или ее возврат; освобождение от передачи имущества другому лицу в счет исполнения обязательств взяткополучателя и т. п.). К иным правам, имеющим денежное (стоимостное) выражение, следует относить исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, а также приравненные к ним средства индивидуализации. С учетом действующих положений ст.ст. 128, 129 и 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации при определении предмета взяточничества, «криптовалюты» следует относить к имущественным, а именно к цифровым правам.

Точная уголовно-правовая оценка содеянного по ст. 290 УК РФ не представляется возможной без соответствующей стоимостной (денежной) оценки предмета взятки (имущества, услуг имущественного характера и т. п.) на основании соответствующего письменного заключения эксперта (специалиста).

---

[1] Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

Если должностное лицо – взяткополучатель – дает указание о передаче предмета преступления иному лицу (независимо от того физическому или юридическому лицу), то содеянное следует квалифицировать по ст. 290 УК РФ.

Разграничение таких преступных деяний, как получение взятки и мелкое взяточничество осуществляется, в частности, на основании стоимостного выражения предмета преступления. Получение взятки в размере, который не превышает десяти тысяч рублей, квалифицируется по ст. 291.2 УК РФ. А размер взятки для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 290 УК РФ не может быть более двадцати пяти тысяч рублей.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в получении должностным лицом лично или через посредника взятки за совершение действий или бездействие в пользу взяткодателя или предоставляемых им лиц. При этом указанное деяние входит в служебные полномочия должностного лица, либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство либо попустительство по службе.

Посредником может выступать любое лицо (например, родственник, друг, сослуживец), которое по поручению взяткодателя или взяткополучателя непосредственно осуществляет передачу взятки, а равно иным образом способствует достижению или реализации их соглашения о получении и даче взятки. В качестве примера укажем на возможность организации встречи между взяткодателем и взяткополучателем, проведение переговоров межу указанными лицами, предоставление необходимой информации и т. д.

Общее покровительство может выражаться в действиях по необоснованному и незаслуженному поощрению, назначению подчиненного на вышестоящую должность или, например, в нарушение действующего порядка назначения на должность, совершении иных действий, которые не были вызваны соответствующей слу-

жебной необходимостью. Попустительство – неприменение должностным лицом контролирующего органа мер ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем правонарушения, когда обязанности относятся к полномочиям должностного лица и т. п.

Получение взятки – преступление с формальным составом. Момент окончания – принятие соответствующим должностным лицом хотя бы части предмета взятки, а при совершении преступления группой лиц – хотя бы одним из ее участников.

Покушение на получение взятки образуют деяния, при которых по не зависящим от воли взяткополучателя обстоятельствам обусловленная передача взятки не состоялась. При этом оконченным будет считаться получение взятки, совершенное в условиях проведения оперативно-разыскного мероприятия, в том числе и при изъятии у взяткополучателя сотрудниками правоохранительных органов полученных им ценностей.

Оконченным считается получение взятки, при котором ценности помещаются взяткодателем или посредником в заранее обусловленное место, когда взяткополучатель имеет к нему соответствующий доступ.

Субъективная сторона преступления выражается в прямом умысле.

Субъект преступления специальный – должностное лицо (в соответствии с примеч. 1 к ст. 285 УК РФ), а также иностранное должностное лицо или должностное лицо публичной международной организации (в соответствии с примеч. 2 к ст. 290 УК РФ).

Квалифицированным составом взятки по ч. 2 ст. 290 УК РФ является ее получение в значительном размере, т. е. превышающем двадцать пять тысяч рублей.

Обратим внимание, что ч. 1 ст. 290 УК РФ относится к преступлениям небольшой тяжести, а ч. 2 – к преступлениям средней тяжести. Подобное положение дел не исключает возможности освобождения виновного от уголовной ответственности,

в частности в связи с деятельным раскаянием или и с назначением судебного штрафа.

Получение взятки за незаконные действия или бездействия – ч. 3 ст. 290 УК РФ, относится к особо квалифицированному составу. К подобным также будут относиться деяния, отвечающие следующим условиям:

1) деяние совершено с использованием служебных полномочий, но при отсутствии предусмотренных законом оснований и условий такового;

2) деяние совершено единолично, а должно и может осуществляться исключительно коллегиальным составом (согласовываться с другими органами, должностными лицами);

3) деяние выражается в неисполнении обязанностей по службе;

4) деяние не относится к полномочиям виновного, а входит в полномочия другого лица;

5) никто и ни при каких обстоятельствах не имел права совершать деяние[1]. Незаконными будут считаться, например, действия по фальсификации доказательств по уголовному делу, внесение в документы сведений, которые не соответствуют действительности и т. д.

В качестве специального субъекта ч. 4 ст. 290 УК РФ выступают лица, которые занимают государственную должность Российской Федерации[2], государственную должность субъекта Российской Федерации[3] (примеч. 2 и 3 к ст. 285 УК РФ) и главы органов местного самоуправления.

---

[1] Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» (ред. от 17.10.2022) // Российская газета. 1995. 17 января (№ 11–12).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 4 декабря 2009 г. № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 49 (2 ч.). Ст. 5921.

Получение взятки при определенных условиях может содержать признаки реальной совокупности, например, когда должностным лицом взятки получаются от нескольких лиц за совершение для них различных по своему характеру действия (бездействие).

Часть 5 статьи 290 УК РФ предусматривает ответственность за получение взятки в крупном размере – превышающем сто пятьдесят тысяч рублей; совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; а также когда деяние сопряжено с ее вымогательством. Предварительным следует считать сговор двух или более должностных лиц, которые условились о совместном совершении преступного деяния путем принятия незаконного вознаграждения. При этом каждый из них совершает в пользу взяткодателя (представляемых лиц) указанные действий или бездействие.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 16 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 разъясняет, что в состав организованной группы (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ), помимо должностных лиц, могут входить и иные лица (не имеющие признаки специального субъекта). В случае признания получения взятки организованной группой содеянное квалифицируется исключительно по ст. 290 УК РФ, независимо от функций и роли каждого из участников такой группы[1]. Следует принимать во внимание стоимостную оценку (сумму) предмета взятки, которая предназначалась для всех участников.

Вымогательством взятки является не только прямое требование со стороны взяткодателя передать взятку в конкретном (определенном) виде, которое сопряжено с угрозой совершить действия (бездействие), способные причинить вред правам и за-

[1] Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

конным интересам взяткодателя (иных лиц), но и заведомое создание условий, вынуждающих на совершение указанных действий для предотвращения названных вредных последствий (например, при умышленном нарушении взяткополучателем установленных законом сроков рассмотрения обращения гражданина). Подлежит установлению тот факт, что виновный имеет реальную возможность осуществить свои угрозы и намерения, и это не вызывает сомнения у взяткодателя. Создание условий, вынуждающих к даче взятки, – это попытка завуалировать соответствующие угрозы и негативные намерения взяткополучателя.

За получение взятки в особо крупном размере, превышающем один миллион рублей, ответственность предусмотрена ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Отдельно следует отметить случаи, когда должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получает ценности за совершение в интересах дающего лица (иных лиц) действий (бездействия) или за способствование таковым, но при этом оно фактически не может их осуществить в силу отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения. Содеянное подлежит квалификации по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

§ 8.4. Особенности квалификации дачи взятки

Дачей взятки признается предоставление взяткодателем должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию).

В роли взяткодателей могут выступать частные лица, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой (иной) организации (примеч. 1 к ст. 201 УК РФ), должностные лица (п. 1 примеч. к ст. 285 УК РФ), что не имеет значения для квалификации дачи взятки. Должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, предложившее подчиненному ему по службе работнику добиваться желаемого действия или бездействия путем дачи взятки, несет ответственность как взяткодатель, а работник, договорившийся о выполнении за взятку обусловленных действий и вручивший взятку, должен нести ответственность как соучастник дачи взятки.

Объект и предмет преступного посягательства совпадают с предметом получения взятки, были рассмотрены в предыдущем параграфе.

Объективная сторона заключается в действиях по передаче должностному лицу, либо иностранному должностному лицу, либо должностному лицу публичной международной организации взятки лично или через посредника (в том числе, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу).

Состав преступления – формальный. Это преступление считается оконченным с момента фактической передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации (либо с согласия указанных субъектов – их родным и близким) хотя бы части предмета взятки.

Если взяткодателем совершены все действия, направленные на дачу взятки, но деньги, материальные ценности или выгоды имущественного характера, являющиеся предметом взятки, не были приняты должностным лицом, данное деяние необходимо квалифицировать как покушение на дачу взятки (ч. 3 ст. 30 и ст. 291 УК РФ). Вместе с тем не может быть квалифицировано как покушение на дачу взятки одно лишь высказанное лицом

намерение дать взятку, если никаких конкретных действий для реализации этого намерения не предпринималось.

Состав дачи взятки имеет место и при передаче ее предмета после выполнения нужных взяткодателю действий. Возможно и покушение на совершение дачи взятки, если она не состоялась по причинам, не зависящим от воли виновного, и его преступное поведение стало известно правоохранительным органам.

Часть 2 ст. 291 УК РФ предусматривает ответственность дачу взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника (в том числе, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) в значительном размере (свыше 25 тыс. р.).

Частью 3 ст. 291 УК РФ установлена ответственность за дачу взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника за совершение заведомо незаконных действий (бездействия). Следует отметить, что взяткодатель должен осознавать, что дает взятку должностному лицу именно за совершение последним незаконных действий.

Часть 4 ст. 291 УК РФ предусматривает ответственность за деяния, предусмотренные (чч. 1–3 ст. 291 УК РФ), если они совершены группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или в крупном размере (свыше 150 тыс. р.).

Часть 5 ст. 291 УК РФ предусматривает ответственность за деяния, предусмотренные (чч. 1–4 ст. 291 УК РФ), если они совершены в особо крупном размере (свыше одного млн р.).

Субъектом дачи взятки является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона состава дачи взятки характеризуется виной в виде прямого умысла. Виновный сознает, что он передает должностному лицу незаконное вознаграждение, и желает передать предмет взятки.

Цели и мотивы дачи взятки могут быть самые различные и на квалификацию не влияют.

Освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки закон предусматривает при наличии следующих условий:

1) когда лицо, давшее взятку активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления;

2) когда имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица;

3) если лицо, давшее взятку должностному лицу, добровольно сообщило об этом в орган, имеющий право возбуждения уголовного дела, о даче взятки (примеч. к ст. 291 УК РФ).

§ 8.5. Особенности квалификации посредничества во взяточничестве

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ гл. 30 УК РФ была дополнена ст. 291[1] УК РФ, которая предусматривает наступление уголовной ответственности за осуществление посредничества во взяточничестве[1].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291[1] УК РФ, может выражаться в ряде альтернативных действий:

1) передаче непосредственно по поручению взяткодателя (взяткополучателя), денежных средств, иных ценностей;

2) ином способствовании реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем касательно передачи взятки (в частности, организация встречи и (или) переговоров).

---

[1] Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ : принят Государственной Думой 20 апреля 2011 г. : одобрен Советом Федерации 27 апреля 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Российская газета. 2011. 6 мая.

Эти деяния образуют объективную сторону рассматриваемого преступления только при посредничестве во взяточничестве в значительном размере, т. е. когда сумма дачи (получения) взятки в стоимостном выражении превышает 25 тыс. р. Предметом взятки был подробно рассмотрен в § 8.4 данного учебника.

В п. 13.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указывается, что не могут признавать пособничеством в даче или получении взятки действия лица, оказавшего посреднические услуги по передаче взятки, предмет которой в стоимостном выражении не превышает 25 тыс. р.

Момент окончания этого преступление будет различным в зависимости от совершенного преступного деяния. Посредничеством во взяточничестве, совершенное в форме непосредственной передаче по поручению взяткодателя или взяткополучателя предмета взятки, будет окончено с момента фактической передачи хотя бы его части взяткополучателю.

Посредничество, совершенное в форме иного способствования в достижении или реализации соглашения будет оконченным с момента выполнения посредником одного из этих действий независимо от достижения или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем.

В тех случаях, когда согласно договоренности между взяткополучателем и посредником деньги и другие ценности, полученные от взяткодателя, остаются у посредника, то преступление считается оконченным с момента получения ценностей посредником.

Субъективная сторона посредничества во взяточничестве выражается исключительно в форме прямого умысла. Виновный должен осознавать посредническую роль желать выполнять таковую.

В случае получения посредником денег (иных ценностей) без намерения выполнения условий договоренности деяние квалифицируется по соответствующей части ст. 159 УК РФ.

Субъект рассматриваемого преступления – лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В ч. 3 ст. 291[1] УК РФ, установлена ответственность за осуществление посредничества во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий (бездействия), а равно путем использования служебного положения.

Категория незаконных действий раскрыта в § 8.4, характеристика признака «использование лицом своего служебного положения» представлена в § 5.2 данного учебника.

В п. «а» ч. 3 ст. 291[1] УК РФ предусматривается ответственность за совершение посредничества во взяточничестве:

– группой лиц по предварительному сговору;
– организованной группой.

Крупный и особо крупный размеры посредничества во взяточничестве, ответственность за которые установлена в п. «а» ч. 3 ст. 291[1] УК РФ и ч. 4 ст. 291[1] УК РФ, закреплены в п. 1 примеч. к ст. 290 УК РФ, составляя 150 тыс. р. и 1 млн р., соответственно.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291[1] УК РФ, выражается в обещании (предложении) реализации посредничества, донесенных до взяткодателя и (или) взяткополучателя. Оконченным это преступление считается после совершения лицом действий, направленных на доведение до сведения заинтересованных лиц (взяткодателя или взяткополучателя) информации относительно намерения реализовать посредничество в передаче взятки[1].

Следует отметить, что действия обещавшего (предлагавшего) посреднические услуги лица, впоследствии совершившего непосредственную передачу взятки по поручению как взяткодателя, так и взяткополучателя, а равно другие способы содействия достижению ими соглашения относительно получения (дачи)

[1] Пункт 13.5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 15 июля.

взятки, квалифицируются по чч. 1–4 ст. 291[1] УК РФ, без дополнительной квалификации по совокупности с ч. 5 ст. 291[1] УК РФ.

Основаниями для освобождения лица от уголовной ответственности при посредничестве во взяточничестве являются следующие условия:

– активное способствование раскрытию (пресечению) преступления;

– добровольное сообщение органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о посредничестве во взяточничестве.

§ 8.6. Особенности квалификации служебного подлога

Статьей 292 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за служебный подлог, под которым понимается внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного частью первой статьи 292.1 УК РФ).

Непосредственным объектом преступления, ответственность за совершение которого наступает по ст. 292 УК РФ, является официальный документооборот в сфере деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Предметом обозначенного преступления является официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения обязанностей или освобождения от них, изменения объема прав и обязанностей[1].

---

[1] Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. В. Дворянскова. М. : ИНФРА-М, 2023. С. 436.

Понятие документ определено в разделе 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», под которым понимается материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, имеющий реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначенный для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения[1]. В ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] обозначено понятие документированной информации, определенной как зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель. Документы могут быть составлены как в письменной, так и в электронной форме. Электронный документ подписывается электронной подписью в соответствии с положениями Федерального закона «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. № 63[3].

Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в качестве официального документа определяет документ,

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (ред. от 01.05.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=416262&dst=100001#AW60aWTc8yayziY51.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 09.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_112701/.

удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля.

Под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путем изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа[1].

Выделяют два вида служебного подлога:

1) интеллектуальный подлог – внесение в подлинный документ (его бланк) сведений, полностью или частично не соответствующих действительности;

2) физический подлог – внесение в подлинный документ каких-либо изменений (путем подчистки, изменения каких-либо сведений, удаление части текста и т. п..), в связи с чем содержащиеся в нем сведения признаются не соответствующими действительности.

Обязательным признаком служебного подлога является связь вышеуказанных действий со служебным положением виновного. Если подделка официального документа осуществляется без использования должностным лицом своих служебных полномочий, содеянное, при наличии соответствующих признаков,

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

квалифицируется по ст. 327 УК РФ. В ч. 1 ст. 292 УК РФ также указано на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292[1] УК РФ, что позволяет разграничить данные составы преступлений[1].

Служебный подлог является по конструкции формальным составом, в связи с чем наступление общественно-опасных последствий не является обязательным признаком преступления. Если лицо совершило данное преступления для реализации иных преступных действий, то ответственность наступает по совокупности преступлений.

Субъектами служебного подлога могут быть наделенные полномочиями на удостоверение указанных фактов должностные лица либо государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами[2]. Таким образом, следует отметить наличие определенных характеризующих признаков у субъекта, в связи с чем он является специальным.

Субъективная сторона преступления выражена в виде прямого умысла. В качестве обязательного признака законодатель выделил мотив – это корыстная или иная личная заинтересованность.

Корыстная заинтересованность – это стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.).

---

[1] Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М. : Контракт, 2015. С. 730–731.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

Иная личная заинтересованность – это стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.[1].

Часть 2 ст. 292 УК РФ рассматривается как материальный состав с последствиями в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Под существенным нарушением прав граждан или организаций следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т. п.[2].

§ 8.7. Особенности квалификации халатности

Законодатель определяет халатность как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/1792859/.

причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Бланкетная форма изложения диспозиции статьи предполагает, что для установления всех признаков состава преступления необходимо обратиться к другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам, содержащим перечень полномочий и регулирующим служебную деятельность лица в каком-то конкретном федеральном органе государственной власти, федеральном государственном органе, органе государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органах субъектов Российской Федерации или трудовую деятельность в организациях перечисленных в примеч. 1 к ст. 285 УК РФ, а также к должностной инструкции (должностному регламенту), отражающей конкретный перечень полномочий должностного лица. Разумеется, что перечень указанных нормативных правовых актов является открытым и в каждом конкретном случае, в зависимости от направления деятельности лица, совершившего халатность, будет индивидуальным.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, составляют три обязательных признака:

1. Общественно опасное деяние в форме действия или бездействия, что может выражаться:

а) в неисполнении или ненадлежащем исполнении должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе;

б) неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по занимаемой должности.

Действие является формой выражения ненадлежащего исполнения должностной обязанности, а бездействие неисполнения обязанности. В подавляющем большинстве случаев для состава халатности, наиболее характерным является бездействие.

При установлении тождества признаков в процессе квалификации деяния необходимо исходить из содержания неисполненных должностным лицом его служебных обязанностей и реального наличия у такого лица полномочий, возложенных на него в силу занимаемой им должности. Должностное лицо ненадлежаще выполняет либо вообще не выполняет обязательные для него действия, которые оно обязано было бы совершить.

2. Общественно опасные последствия в виде причинения крупного ущерба (согласно примеч. к ст. 293 УК РФ сумма данного ущерба превышает 1,5 млн р.) или существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ч 1 ст. 293 УК РФ).

3. Причинно-следственная связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности и последствиями в виде причинения крупного ущерба или существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Процесс квалификации халатности требует глубокого анализа нормативных правовых актов для установления точного соответствия между возложенной на должностное лицо правовой обязанностью и ее неисполнением или ненадлежащим исполнением вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, либо установление точного соответствия между возложенной на лицо обязанностью по занимаемой должности и ее неисполнением или ненадлежащим исполнением.

Халатность относится к виду преступлений с альтернативными и частично конкурирующими между собой по степени выраженности общественно опасными последствиями.

Особенность процесса квалификации общественно опасных последствий халатности состоит в том, что допускает уголовную ответственность за халатность, повлекшую причинение именно

материального ущерба, выраженного в утрате либо снижении стоимости имущества или имущественных прав и подлежащего исчислению в денежной сумме, только при условии причинения крупного ущерба, превышающего – применительно к действующему правовому регулированию – один миллион пятьсот тысяч рублей, и исключает квалификацию того же деяния как халатности и уголовную ответственность за его совершение ввиду причинения им существенного вреда тем же самым правам и охраняемым законом интересам, в частности на том лишь основании, что этим деянием причинен существенный вред правомочиям владения, пользования и распоряжения, образующим право собственности. Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя конституционность ч. 1 ст. 293 УК РФ, указал, что уважение экономически значимых прав и законных интересов пострадавших от халатности не означает, что в случаях причинения именно материального ущерба допустимо отказываться от выражения элемента состава преступления, прямо предусмотренного уголовным законом, в стоимостном измерении[1].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал специальные правила квалификации при конкуренции общественно опасных последствий между собой. Руководствуясь этими правилами, правоприменитель при установлении тождества признаков, отражающих вред, причиненный собственности, обязан в процессе квалификации отдавать приоритет признаку (общественно опасному последствию), выраженному в стоимостном измерении, т. е. несущему большую правовую определенностью, нежели оценочному признаку. В то же время причинение материального ущерба не в крупном размере не исключает выяснения того, что содеянным существенно

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2021 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 22. Ст. 391.

нарушены иные, помимо экономически значимых, права и интересы, охраняемые законом.

Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности.

Субъектом халатности выступают должностные лица. Понятие должностного лица дается в примеч. к ст. 285 УК РФ, его признаки детально раскрыты в § 8.1 данного учебника.

В то же время, поскольку субъектом халатности выступают лица, находящиеся на должностях государственной гражданской или иной предусмотренной законом службы по обеспечению исполнения властных полномочий, а также лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих организациях, указанных в примеч. 1 к ст. 285 УК РФ, и выполняющие состав халатности не путем неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, а лишь посредством неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей по должности[1].

В качестве квалифицирующих признаков халатности, усиливающих ответственность, законодатель называет особо крупный ущерб, сумма которого превышает 1,5 млн р. (ч. 1.1 ст. 293 УК РФ), а к особо квалифицирующим признакам халатности относит причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью, смерти человеку (ч. 2 ст. 293 УК РФ) либо причинение по неосторожности смерти двум и более лицам (ч. 3 ст. 293 УК РФ).

Разграничение халатности (ст. 293 УК РФ) от смежных составов преступлений (ст.ст. 109 и 118 УК РФ), где в качестве квалифицирующего признака также предусмотрены причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего по неосторожности, необходимо проводить по объекту посягательства,

---

[1] Гребенщиков С. П. Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2018. № 6 (1004). С. 39–44.

объективной стороне и по субъекту. Так, видовым объектом посягательства (ст. 293 УК РФ) выступают отношения, складывающиеся в сфере нормальной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, а также организациях, перечисленных в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Объективная сторона характеризуется неисполнением либо ненадлежащим исполнением должностным лицом обязанностей по службе, либо обязанностей по должности. В составах преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 109, 118 УК РФ законодатель в отличие от халатности связывает основание уголовной ответственности с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей.

Вопросы для самоконтроля

1. Что является непосредственным объектом в злоупотреблении должностными полномочиями?
2. Назовите обязательные признаки объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями и дайте понятие существенного вреда.
3. Что понимается под превышениями должностных полномочий?
4. Раскройте формы превышения должностных полномочий.
5. Когда превышение должностных полномочий считается оконченным составом преступления?
6. Что является предметом взяточничества?
7. Раскройте признаки объективной стороны получения взятки.
8. Когда получение взятки считается оконченным составом преступления?
9. Что понимается под дачей взятки в уголовном праве?
10. При каких условиях лицо освобождается от уголовной ответственности за дачу взятки?
11. Конструкция объективной стороны халатности.

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Бабанин, В. Ответственность за взяточничество / В. Бабанин, Б. Сбоев // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 5–11.

2. Борков, В. Установление личной заинтересованности в посягательстве на публичные отношения / В. Борков // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 27–31.

3. Бриллиантов, А. Должностное лицо: представитель власти / А. Бриллиантов, П. Яни // Законность. – 2010. – № 5. – С. 18–22.

4. Бриллиантов, А. Должностное лицо: административно-хозяйственные функции, выполнение функций по специальному полномочию / А. Бриллиантов, П. Яни // Законность. – 2010. – № 7. – С. 19–23.

5. Гарбатович, Д. Проблемы квалификации получения взятки в крупном размере / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 32–33.

6. Гребенщиков, С. П. Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа / С. П. Гребенщиков, П. С. Яни // Законность. – 2018. – № 6 (1004). – С. 39–44.

7. Егорова, Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий / Н. Егорова // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 30–34.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / [Н. И. Ветров и др. ; под ред. Н. Г. Кадникова]. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2019. – 1093 с.

9. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления : учебное пособие / А. В. Куликов, В. Н. Борков, Т. Н. Долгих. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2022. – 141 с.

10. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. В. Дворянскова. – М. : Инфра-М, 2023. – 583 с.

11. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058.

12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_44571.

13. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637.

14. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413.

15. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601.

16. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/.

17. Указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» (ред. от 17.10.2022) // Российская газета. – 1995. – 17 января (№ 11–12).

18. Указ Президента Российской Федерации от 4 декабря 2009 г. № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 49 (2 ч.). – Ст. 5921.

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 2013. –17 июля (№ 154 (6130).

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // НПП «Гарант-сервис». – URL: http://base.garant.ru/1792859/.

Глава 9. Особенности квалификации отдельных видов преступлений против порядка управления

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
– *знать* особенности квалификации преступлений против порядка управления; содержание обязательных и факультативных признаков указанных составов преступлений;
– *уметь* анализировать признаки конкретных составов преступлений против порядка управления, отграничивать эти преступления от смежных преступлений и административных правонарушений;
– *владеть* навыками анализа действующего законодательства с учетом бланкетного характера норм, предусмотренных гл. 32 УК РФ, а также навыками практического применения правил квалификации преступлений против порядка управления.

§ 9.1. Особенности квалификации оскорбления представителя власти

Основным непосредственным объектом преступления является нормальная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления.

Дополнительным объектом являются честь и достоинство представителя власти.

Потерпевшим от данного преступления является только представитель власти (примеч. к ст. 318 УК РФ).

Объективная сторона состава преступления выражается в публичном оскорблении потерпевшего при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

Под оскорблением в данном случае следует понимать унижение чести и достоинства представителя власти, находящегося при исполнении своих должностных обязанностей или нанесенное в связи с их исполнением.

Формы оскорбления могут быть самыми разнообразными: устной; письменной; нанесенной посредством символов или жестов; физическим действием (например, плевок в лицо, пощечина) и т. п.

Оскорбление должно носить неприличный характер, т. е. явно не соответствовать общепринятым нормам поведения, грубо попирать человеческое достоинство. Неприличная форма имеет место, например, при использовании нецензурных выражений или неприличных, оскорбительных жестов. Не может образовывать состава оскорбления упоминание отрицательных качеств человека, акцентирование внимания на тех или иных недостатках его характера или признаках внешности, резкая критика деловых черт, не выразившаяся в неприличной форме. Вместе с тем преступление будет иметь место, если характеристика представителя власти была объективной, но по форме неприличной, унижающей честь и достоинство.

Обязательным признаком является публичность оскорбления. Она будет иметь место, если оскорбление совершается в присутствии хотя бы одного постороннего лица, не имеющего отношения к представителям власти (на улице населенного пункта, в присутствии прохожих, при производстве процессуальных действий в присутствии понятых и т. п.) Публичность оскорбления может выражаться и в распространении листовок, обращении с оскорбительными сведениями о представителе власти через средства массовой информации и т. д. При отсутствии признака публичности действия виновного должны оцениваться по правилам ст. 5.61 КоАП РФ.

Оскорбление представителя власти квалифицируется по ст. 319 УК РФ, если оно нанесено в связи с исполнением должностным лицом своих обязанностей. Для квалификации преступления не имеет значения, в какое время представитель власти выполнял свои должностные обязанности.

Состав – формальный, преступление считается оконченным с момента публичного оскорбления, когда оно стало достоянием хотя бы одного постороннего лица. Последствия преступления значения для квалификации не имеют.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла: виновный сознает, что наносит оскорбление именно представителю власти, выполняющему свои должностные обязанности или в связи с их выполнением, и желает совершить соответствующие действия. Если лицо не осознавало, что оскорбляет представителя власти, то его действия должны рассматриваться как административное правонарушение.

Преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, может быть совершено и по мотиву мести за исполнение представителем власти своих должностных обязанностей.

Субъект преступления – физическое, вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

Например, Х., находясь в здании филиала Управления УФСИН России по г. Москве, зашел вне очереди в служебный кабинет. На это ему было сделано замечание старшим инспектором филиала майором внутренней службы Г. Осознавая, что перед ним представитель власти, исполняющий свои должностные обязанности, Х., в присутствии коллег Г. и находящегося там же гражданского лица О., проявляя немотивированную агрессию, стал публично высказывать в адрес Г. унижающие достоинство человека выражения нецензурного содержания и непристойные слова оскорбительного характера. Действия Х. были квалифицированы по ст. 319 УК РФ[1].

[1] Приговор мирового судьи судебного участка № 235 района Нагорный г. Москвы от 9 апреля 2018 г. по делу № 1-24/2018 // Архив судебного участка № 235 района Нагорный г. Москвы.

§ 9.2. Особенности квалификации незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации

Непосредственным объектом преступления является законно установленный порядок пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Порядок пересечения Государственной границы Российской Федерации определяется рядом нормативных актов, к которым относятся:

– Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»[1];

– Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[2];

– Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – ФЗ № 62)[3].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, имеет сложный характер и может альтернативно выражаться в следующих действиях:

---

[1] Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10103372/.

[2] Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_11376/.

[3] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 13.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_-doc_LAW_36927/.

1) пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации;

2) пересечение Государственной границы России без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Обязательным признаком объективной стороны этого состава преступления является место совершения преступления – Государственная граница Российской Федерации – линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

Под пересечением государственной границы понимается изменение физического местоположения лица, состоящее в перемещении через Государственную границу Российской Федерации. Правомерное пересечение Государственной границы Российской Федерации осуществляется в установленных пунктах пропуска.

Способ пересечения может быть самым разнообразным: пешком, на наземном, воздушном транспорте и др.

Выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию граждане Российской Федерации осуществляют по действительным документам, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Иностранные граждане или лица без гражданства обязаны при въезде в Российскую Федерацию и выезде из Российской Федерации предъявить действительные документы, удостоверяющие их личность и признаваемые Российской Федерацией в этом качестве, и визу, если не предусмотрено иное.

Документы считаются действительными, если они выданы в установленном порядке, соответствуют установленной форме и у них не истек срок действия.

Состав преступления – формальный. Преступление считается оконченным с момента, когда лицо пересекло Государственную границу Российской Федерации вне зависимости от направления пересечения.

Пересечение Государственной границы Российской Федерации при наличии необходимых документов и разрешения вне установленных пунктов пропуска не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322 УК РФ, а подлежит квалификации по ст. 18.1 КоАП РФ.

Не образует состава данного преступления и пересечение государственной границы в состоянии крайней необходимости. Такие случаи описаны в ч. 12 ст. 9 Закона № 4730-1.

Субъект преступления – физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает, что пересекает Государственную границу Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российской Федерации или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, и желает совершения таких действий.

В ч. 2 ст. 322 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде в Российскую Федерацию иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым в Российской Федерации заведомо для виновного запрещен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации.

Объективная сторона состава преступления в данном случае выражается в пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде в Россию, т. е. перемещении через

российскую границу с внешней стороны (со стороны сопредельного государства) при наличии законного запрета на такой въезд.

Случаи, в которых иностранным гражданам и лицам без гражданства не разрешается въезд в Российскую Федерацию, предусмотрены ст.ст. 26 и 27 ФЗ № 114. При этом лицо должно быть заранее проинформировано любым способом о наличие в отношении него такого запрета.

По конструкции объективной стороны состав является формальным, т. е. преступление считается оконченным с момента фактического пересечения Государственной границы.

Субъект преступления относится к специальным – физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, являющееся иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым на территорию России запрещен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерацией.

Иностранный гражданин – это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства (ст. 3 ФЗ № 62).

Лицо без гражданства – лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательства наличия гражданства иностранного государства (ст. 3 ФЗ № 62).

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает, что совершает пересечение Государственной границы Российской Федерации при въезде на территорию России при наличии запрета на такой въезд, и желает совершения такого действия.

Особо квалифицированный состав преступления закреплен в ч. 3 ст. 322 УК РФ, в которой установлена уголовная ответственность за деяния, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 322 УК РФ, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения.

В данном случае дополнительным непосредственным объектом являются здоровье и физическая неприкосновенность лица. Потерпевшим может быть любое лицо, например, сотрудник Пограничной службы ФСБ России.

Насилие включает в себя причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. В данном случае дополнительной квалификации по ст.ст. 112 и 115 УК РФ не требуется. Причинение тяжкого вреда здоровью должно квалифицироваться по совокупности со ст. 111 УК РФ.

По конструкции объективной стороны состав является формальным. Преступление считается оконченным с момента совершения деяния. Общественно опасные последствия находятся за рамками данного преступления.

К ст. 322 УК РФ имеется примечание, согласно которому действие статьи не распространяется на случаи прибытия в Российскую Федерацию с нарушением правил пересечения Государственной границы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства для использования права политического убежища в соответствии с Конституцией Российской Федерации, если в действиях этих лиц не содержится иного состава преступления. Фактически это положение представляет собой самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния, являющееся разновидностью крайней необходимости.

§ 9.3. Особенности квалификации организации незаконной миграции

Под миграцией понимается территориальное (в нашем случае межгосударственное) перемещение людей, связанное, как правило, с постоянной или временной сменой места жительства. Выделяется внутренняя (внутри государства) и внешняя (связанная с пересечением государственной границы) миграции. В рассматриваемой норме предусматривается ответственность за организацию внешней миграции.

Непосредственным объектом данного преступления является законно установленный порядок въезда на территорию Российской Федерации, пребывания на территории Российской Федерации и транзита через территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Объективная сторона выражается в организации незаконной миграции в Россию, т. е. альтернативном совершении действий, направленных на обеспечение:

1) незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства;

2) их незаконного пребывания в Российской Федерации;

3) их незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Понятия «иностранный гражданин» и «лицо без гражданства» рассмотрены в § 9.2.

Порядок въезда в Российскую Федерацию, транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства устанавливается Федеральным законом Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[1].

Под организацией незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства подразумевается разработка плана пересечения границы, приискание соучастников, сбор необходимых документов, перевозка иностранных граждан и лиц без гражданства через границу, организация их встречи и др.

Незаконным будет считаться въезд при отсутствии у лиц необходимых документов (например, российской визы, документов,

[1] Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_11376/.

удостоверяющих личность, оформленного надлежащим образом договора о туристической поездке) или при предъявлении ими поддельных либо недействительных документов, а также при нарушении этими лицами таможенных правил либо санитарных норм.

Организация незаконного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства может выражаться в централизованном размещении, обеспечении питанием, одеждой, трудоустройстве указанных лиц при отсутствии у них необходимых документов или с нарушением порядка регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Организация незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства означает совершение действий, направленных на обеспечение транзитного проезда через территорию Российской Федерации указанных лиц.

Необходимо отметить, что организация незаконной миграции связана с незаконными въездом, пребыванием и транзитом через территорию Российской Федерации относительно большого количества людей. Организация незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации для одного человека не может образовывать состава данного преступления и квалифицируется по ч. 3 ст. 33 и соответствующей части ст. 322 УК РФ. Вместе с тем систематическая организация пересечения Государственной границы Российской Федерации, даже небольшого количества иностранных граждан или апатридов в целях их миграции, может образовывать состав рассматриваемого преступления. При этом следует учитывать, что совокупность таких действий, при условии охваченности единым умыслом и направленности на достижение одной цели, образует единое продолжаемое преступление.

По конструкции объективной стороны состав является усеченным, т. е. преступление считается оконченным уже с момента начала организаторских действий, независимо от факта въезда или нахождения на территории Российской Федерации либо транзита через территорию Российской Федерации указанных лиц.

Субъект преступления – вменяемое, физическое лицо, достигшее 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный осознает, что совершает действия по организации незаконной миграции лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации, и желает их совершить.

В ч. 2 ст. 322[1] УК РФ закреплен квалифицированный состав преступления, предусматривающий ответственность за совершение описанных выше деяний:

1) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

2) в целях совершения преступления на территории Российской Федерации;

3) лицом с использованием своего служебного положения.

§ 9.4. Особенности квалификации фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации

В данной статье закреплено фактически два самостоятельных состава преступления:

1) фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации;

2) фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации

В зависимости от этого следует выделить два непосредственных объекта преступления:

1) установленный порядок регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации;

2) установленный порядок регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации.

Предметом преступления могут быть документы, содержащие недостоверные сведения

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства».

Обязанность граждан Российской Федерации регистрироваться по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и порядок регистрации граждан Российской Федерации определяется:

1) Законом Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»[1];

2) постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для ре-

[1] Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10102748/.

гистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации»[1];

3) приказом МВД России от 31 декабря 2017 г. № 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации»[2].

Регистрационный учет устанавливается в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданами своих прав и свобод, а также исполнения ими обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом.

Обязанность иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно или временно проживающих в Российской Федерации, обладающих правом пользования жилым помещением, находящимся на территории Российской Федерации, зарегистрироваться по адресу указанного помещения. Порядок регистрации этих лиц определяется федеральными законами Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 25.05.2017) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10103761/.

[2] Приказ МВД России от 31 декабря 2017 г. № 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71916154/.

граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[1], от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[2], постановлением Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[3] и вышеуказанным приказом МВД России.

Объективная сторона состава преступления характеризуется деянием в форме альтернативных действий:

1) фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации;

2) фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации.

Место пребывания представляет определенное место временного проживания гражданина (гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристическая база, медицинская организация или др.).

Местом жительства могут признаваться жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда (служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии и др.) либо иное жилое помещение, в которых гражданин

---

[1] Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 08.06.2020) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/12148419/.

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_37868/.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 07.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_65707/.

постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

Под фиктивной регистрацией гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства следует понимать регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации, либо его регистрацию в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении, либо регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства без намерения нанимателя (собственника) жилого помещения предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) указанного лица.

Фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации следует отличать от проживания гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации (ст. 19.15.1 КоАП РФ). При совершении последнего признаки фиктивности регистрации отсутствуют.

При квалификации рассматриваемого преступления следует обратить внимание на то, что уголовная ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации предусмотрена ст. 322^3 УК РФ.

Местом жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации считается жилое помещение, по адресу которого иностранный гражданин или лицо без гражданства зарегистрированы в установленном законодателем порядке.

Фиктивной регистрацией по месту жительства иностранного гражданина или лица без гражданства является регистрация по

месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации, либо их регистрация по месту жительства без их намерения проживать в соответствующем жилом помещении, либо их регистрация по месту жительства без намерения нанимателя (собственника) соответствующего жилого помещения предоставить им это жилое помещение для проживания.

Описанные деяния в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства необходимо отличать от административных правонарушений. Объективная сторона деяний, предусмотренных ст.ст. 18.8, 18.9, 18.11 КоАП РФ, не включает фиктивной регистрации.

По конструкции объективной стороны оба состава преступления являются формальными, т. е. считаются оконченными с момента фиктивной регистрации.

Субъектом фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации является лицо, на которое возлагается ответственность за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации, а также сотрудник органа регистрационного учета, осуществивший заведомо фиктивную регистрацию. Это могут быть собственники, самостоятельно осуществляющие управление своими жилыми помещениями, или уполномоченные лица товарищества собственников жилья либо управляющей жилищным фондом организации, уполномоченные должностные лица многофункциональных центров оказания государственных (муниципальных) услуг, сотрудники территориальных органов Главного управления по вопросам миграции МВД России, осуществляющие регистрационный учет.

Субъектом фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации может быть иностранный

гражданин, лицо без гражданства, представившие заведомо недостоверные сведения или документы для регистрации, наниматель (собственник) жилого помещения либо уполномоченное на регистрацию лицо органа, осуществляющего миграционный учет.

В примеч. к ст. 322^2 УК РФ получил закрепление специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное рассматриваемой статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

§ 9.5. Особенности квалификации подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков

Непосредственным объектом данного преступления является законно установленный порядок обращения официальных документов, штампов или печатей.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, могут быть только поддельные официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей; государственные награды Российской Федерации, РСФСР, СССР; штампы; печати; бланки.

Официальными признаются такие документы, в том числе электронные, которые создаются, выдаются либо заверяются в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления либо уполномоченными организациями или лицами (образовательными, медицинскими и иными организациями независимо от формы собственности,

должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях, экзаменационными, врачебными и иными комиссиями, нотариусами и пр.) и удостоверяют юридически значимые факты. Официальными могут быть признаны документы, которые способны повлечь юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения обязанностей или освобождения от них, изменения объема прав и обязанностей (например, листок нетрудоспособности является основанием для назначения и выплаты работнику пособия по временной нетрудоспособности, медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к управлению транспортными средствами предоставляет лицу право сдачи экзамена и получения водительского удостоверения)[1]. В каждом конкретном случае правоприменителю необходимо самостоятельно оценивать свойства документа и признавать его либо предоставляющим права (освобождающим от обязанностей), либо нет и в зависимости от этого привлекать или не привлекать к ответственности за использование документа как подложного[2].

Государственные награды Российской Федерации – высшая форма поощрения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 324–327[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 30 декабря (№ 296).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1671-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/documents/cons_doc_LAW_109675/.

спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством. Ими могут быть удостоены иностранные граждане и лица без гражданства; объединения Вооруженных Сил Российской Федерации и объединения войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – объединения), соединения, воинские части и корабли Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, предусмотренных Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»[1].

К государственным наградам Российской Федерации относятся:

1) высшие звания Российской Федерации;
2) ордена Российской Федерации;
3) знаки отличия Российской Федерации;
4) медали Российской Федерации;
5) почетные звания Российской Федерации.

Штамп – предмет, на котором расположена печатная форма-клише для производства оттисков, в них вносится информация о дате выдачи, номере документа, местонахождении организации, ведомственной принадлежности и т. д. Штампы обычно ставятся в левом верхнем углу документа.

Печать – прибор с формой-клише для оттисков, на которых отражается информация о владельце, предназначенная для удостоверения подписи компетентного лица или какого-либо факта.

Бланк – лист бумаги, частично заполненный текстом в виде оттиска печати, штампа, содержащих реквизиты организации, учреждения, предназначенные для составления документов.

Объективная сторона состава преступления состоит:

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104589/.

1) в подделке официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей;

2) изготовлении государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков;

3) сбыте официальных поддельных документов, государственных наград РФ, РСФСР, СССР, штампов, печатей, бланков.

Подделка – это изготовление недействительного документа (фальшивки), имеющего существенные сходства с оригиналом содержащего ложные сведения (интеллектуальная подделка). Подделкой следует считать и внесение в подлинный документ незаконных изменений (подчистки, исправления, дописки, изменение элементов), искажающих его содержание (материальная подделка).

Изготовление поддельных государственных наград, штампов, печатей, бланков – это противоправное создание их копий либо фальсификация подлинных предметов путем внесения в них частичного изменения.

Сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков представляет собой передачу их другому лицу любым способом (продажа, обмен, в качестве средства платежа и др.).

По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным, оно считается оконченным с момента выполнения хотя бы одного из перечисленных действий.

Нередко официальные документы подделывают для совершения других преступлений. В таких случаях действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений. Например, в случаях подделки похищенных билетов и предъявления их транспортной организации для оплаты под видом отказа от поездки, опоздания к отправлению (вылету) транспортного средства и т. п. либо сбыта таких поддельных билетов гражданам

действия лица должны быть квалифицированы как подделка документов (ст. 327 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ)[1].

Субъект преступления – общий. Должностные лица, а также государственные служащие или служащие органа местного самоуправления, совершившие из корыстной или иной личной заинтересованности служебный подлог и другие должностные преступления (при наличии необходимых признаков), несут уголовную ответственность по ст.ст. 285, 286, 292 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла.

В определенных законом случаях обязательным признаком является наличие цели использования описанных предметов.

Использование подложного документа выражается в его представлении (а в случае электронного документа – в том числе посредством применения информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет) по собственной инициативе или по требованию уполномоченных лиц и органов в соответствующее учреждение либо должностному лицу, иным уполномоченным лицам в качестве подлинного в целях получения (подтверждения) права, а равно освобождения от обязанности.

Квалифицированный состав преступления (ч. 2 ст. 327 УК РФ) предусматривает ответственность за подделку паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях их использования или сбыт таких документов.

Паспорт гражданина является основным документом, удостоверяющим его личность.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» (ред. от 06.02.2007) // Законодательная база Российской Федерации. URL: https://zakonbase.ru/content/base/102065/.

Удостоверение, предоставляющее право или освобождающее от обязанностей, – это документ, удостоверяющий соответствующие юридические последствия (предоставление прав, возложение или освобождение от обязанностей), изготовленный, выданный или подлежащий предъявлению в различных организациях и учреждениях.

Например, Б. был осужден за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 327 УК РФ. Он изготовил на имя гражданина И. поддельное водительское удостоверение, которое предоставляет право управления транспортным средством. В последующем он его сбыл И.[1].

Субъективная сторона этого состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

Особо квалифицированный состав преступления (ч. 3 ст. 327 УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за приобретение, хранение, перевозку в целях использования или сбыта либо использование заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, штампов, печатей или бланков.

Приобретение перечисленных предметов состоит в их покупке, получении в дар или в счет уплаты долга, в обмен на какие-либо товары и вещи, присвоение найденного и т. п.

Хранением считается сокрытие указанных предметов в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность.

Перевозка представляет собой их перемещение на любом виде транспорта из одного места в другое как в пределах одного населенного пункта, так и между ними.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Перечисленные деяния должны быть совершены

---

[1] Приговор Тукаевского районного суда Республики Татарстан от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-31/2020 // Официальный сайт Тукаевского районного суда Республики Татарстан. URL: http://tukaevsky.tat.sudrf.ru/.

в целях использования или сбыта поддельных документов, штампов, печатей или бланков.

Использование заведомо поддельных документов выражается в действиях, направленных на извлечение полезных свойств документа путем его предъявления (демонстрация) либо представления (передача другим лицам) в качестве подлинного. При этом необходимо установить, какие именно права мог предоставить или фактически предоставил данный документ либо от каких обязанностей мог освободить или освободил (например, предъявление поддельного диплома об образовании, медицинской книжки для трудоустройства, предъявление поддельного водительского удостоверения инспектору дорожно-патрульной службы для подтверждения права управления транспортным средством и освобождения от административной ответственности). Сроки давности уголовного преследования за такое преступление следует исчислять с момента фактического прекращения использования поддельного (подложного) документа, в том числе в результате пресечения деяния.

Р. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ. Он имел при себе поддельное водительское удостоверение на свое имя. После остановки транспортного средства инспектором ДПС он, с целью подтверждения своего права на управление транспортным средством, предъявил указанное водительское удостоверение, т. е. использовал[1].

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновный должен сознавать, что паспорт гражданина, удостоверение или иной официальный документ, предоставляющий право или освобождающий от обязанностей, штамп, печать или бланк являются поддельными.

---

[1] Приговор Уватского районного суда Тюменской области от 23 апреля 2020 г. по делу № 72RS0022-01-2020-000187-31 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://uvatsky.tum.sudrf.ru.

Рассматриваемый вид использования заведомо поддельного документа лицом, совершившим подделку, охватывается ч. 1 ст. 327 УК РФ и дополнительной квалификации по ч. 3 этой статьи не требует[1].

Часть 4 ст. 327 УК РФ – это деяния, предусмотренные чч. 1–3 настоящей статьи, совершенные со специальной целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

В ч. 5 ст. 327 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 рассматриваемой статьи.

Подложный – это фальсифицированный, фальшивый документ, не являющийся подлинным, в содержание которого внесена ложная информация.

Разграничение между преступлениями, предусмотренными чч. 3 и 5 ст. 327 УК РФ производится по их предмету. Если в ч. 3 речь идет только о поддельных паспорте гражданина, удостоверении или ином официальном документе, предоставляющем права или освобождающем от обязанностей, а также штампах, печатях или бланках, то предметом преступления в ч. 5 ст. 327 УК РФ является любой другой подложный документ. Такой документ не должен предоставлять право или освобождать от обязанности (например, подложные гражданско-правовой договор, диагностическая карта транспортного средства).

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Умысел может быть только прямым. Указание в диспозиции ч. 5 ст. 327 УК РФ на «заведомость» означает, что виновный достоверно знает: используемый им документ является подложным.

Следует иметь в виду, что ст. 327 УК РФ является общей нормой по отношению к другим, предусматривающим ответственность за подделку специальных видов документов. Например, подделка рецепта или иного документа, дающего право

---

[1] Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации. URL: http://stykrf.ru/327.

на получение наркотического средства или психотропного вещества или кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, полностью охватывается диспозициями соответственно ст.ст. 233 и 187 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ не требует.

Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, использование в целях конспирации документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе[1].

§ 9.6. Особенности квалификации самоуправства

Непосредственным объектом преступления является установленный законом порядок осуществления человеком своих прав.

Дополнительным объектом являются законные права и интересы лиц, которым был причинен существенный вред в результате преступного деяния.

Потерпевшими могут быть как физические, так и юридические лица.

Объективная сторона состава преступления состоит в самовольном, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку, совершении каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред.

Выделяются три обязательных признака объективной стороны:

1) деяние в форме активного действия;

---

[1] Статья 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.

2) общественно опасные последствия в виде существенного вреда;

3) причинная связь между действием и наступившими последствиями.

Диспозиция ст. 330 УК РФ является бланкетной, поэтому преступные действия должны совершаться вопреки установленному нормативными актами порядку. Речь идет о совершении действий, которые противоречат существующим требованиям их осуществления, определенным в федеральных конституционных законах, федеральных законах, других законах и подзаконных нормативных актах, т. е. виновный был обязан действовать согласно правовому акту или договору, но действовал самовольно. Например, действиями, совершенными вопреки установленному порядку, следует считать самовольное завладение участком земли, вселение в незаселенную жилплощадь и т. п.

Кроме того, правомерность этих действий должна оспариваться. Под оспариванием следует понимать объявление в любой форме (в судебном, административном или ином порядке) представителем юридического лица или физическим лицом своего предполагаемого субъективного права на совершаемые действия.

Существенный вред представляет собой негативные изменения в объективной действительности и может носить как имущественный, так и иной характер. Это может быть, например, нарушение прав граждан на пользование имуществом, жилой площадью и т. п. Во всех случаях он должен причиняться только законным интересам граждан или организациям. Понятие существенности вреда является оценочным и решается в каждом конкретном случае правоприменителем с учетом размера причиненного ущерба и важности нарушенных прав и интересов, исходя из конкретных обстоятельств дела. По признаку существенности вреда преступление, предусмотренное ст. 330 УК РФ, отличается от административно-правового самоуправства (ст. 19.1 КоАП РФ), в котором такой вред отсутствует.

Обязательным признаком является наличие причинной связи между совершаемым деянием и наступлением существенного вреда.

По конструкции объективной стороны состав является материальным. Преступление считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий в виде существенного вреда.

Субъект преступления – вменяемое, физическое лицо, достигшее 16 лет.

В случае, если описываемые действия совершаются должностным лицом с использованием своего служебного положения, его действия при наличии соответствующих признаков могут быть квалифицированы как злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Если же совершаемые действия явно выходят за пределы его полномочий, то при наличии условий – как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Умысел может быть как прямым, так и косвенным. Виновный сознает, что он самовольно, вопреки установленному порядку, совершает действия, правомерность которых оспаривается, предвидит, что причиняет существенный вред, и желает его причинить (прямой умысел) или сознательно его допускает либо безразлично относится к возможности его наступления (косвенный умысел).

Мотивы и цели совершения данного преступления на квалификацию не влияют.

Ф. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ. Он, будучи знаком с О. и находясь с ним в приятельских отношениях, передал в долг последнему 3 тыс. р. с условием обязательного возврата долга до полуночи следующих суток. О. в установленные сроки денежные средства не вернул. Ф. неоднократно выдвигал требования к О. о необходимости возврата долга, однако тот всячески уклонялся от встреч с ним. Спустя некоторое время, Ф., находясь в гостях у О., пока

последний спал, самовольно, вопреки установленному законом порядку, забрал его мобильный телефон стоимостью 20 тыс. р. в черном силиконовом чехле стоимостью 500 р.

На следующий день, обнаружив пропажу, О. позвонил Ф. и поинтересовался о своем телефоне. На что Ф. пояснил, что вернет ему телефон только после того, как тот отдаст ему денежный долг. Таким образом, Ф. выполнил самовольные вопреки установленному законом порядку действия по возврату имущества, чем нарушил право О., предусмотренное ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации о том, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. В результате своих противоправных деяний Ф. причинил существенный вред О., выразившийся в виде имущественного ущерба, равного стоимости вышеуказанного телефона и чехла к нему, на общую сумму 20,5 тыс. р.[1].

В преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 330 УК РФ, предполагается уголовная ответственность за совершение того же деяния, но с применением насилия или с угрозой его применения. Поэтому дополнительным объектом данного преступления является физическая неприкосновенность и здоровье лица.

Насилие при совершении самоуправства включает вред здоровью, вплоть до средней тяжести. Если в результате самоуправства виновным умышленно причиняется тяжкий вреда здоровью или смерть потерпевшему, то его действия квалифицируются по совокупности преступлений (ст.ст. 105 или 111 и ст. 330 УК РФ).

Б. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ. Он встретил свою бывшую супругу И. Зная, что при ней имеется мобильный телефон, приобретенный ими в период брака (соответственно, совместно нажитое имущество), решил обратить его в свою пользу. Он схватил И. за правую кисть, в которой она держала указанный телефон, вывернул

[1] Приговор Истринского городского суда Московской области от 17 апреля 2019 г. по делу № 159-19 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://istra.mo.sudrf.ru.

ее, чем причинил ей физическую боль. После чего умышленно вырвал из руки телефон. После этого Б., пресекая попытку И. забрать обратно телефон, нанес ей один удар рукой по голове, после чего скрылся с места совершения преступления. То есть он совершил действия, которые выражаются в ущемлении права И., предусмотренного ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации, на раздел общего имущества супругов, и права, предусмотренного ст. 35 Конституции Российской Федерации, согласно которой право частной собственности охраняется законом[1].

Самоуправство является общей нормой по отношению к нарушению неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ), неправомерному завладению автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), поэтому при разграничении этих составов следует учитывать правила ч. 2 ст. 17 УК РФ.

Часто вызывает затруднения отграничение самоуправства от некоторых преступлений против собственности – кражи, грабежа, разбоя, вымогательства и др. Отличие, помимо объекта преступления, следует проводить прежде всего по его предмету. При самоуправстве виновный посягает на имущество, на которое он имеет предполагаемое право, а при совершении преступлений против собственности речь идет именно о чужом имуществе. Преступления против собственности являются корыстными, в то время как для самоуправства мотив и цель не имеют значения.

Вопросы для самоконтроля

1. Признаки преступлений, посягающих на нормальную деятельность органов управления и безопасность представителей власти и управления.
2. Признаки составов преступлений против неприкосновенности Государственной границы Российской Федерации.

---

[1] Приговор Егорьевского городского суда Московской области от 29 мая 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://egorievsk.mo.sudrf.ru/.

3. Преступления, посягающие на порядок осуществления миграционной политики.

4. Общая характеристика преступлений против установленного порядка официального оборота соответствующих предметов и документов.

Рекомендуемая литература и нормативные правовые акты

1. Рудый, Н. К. Система преступлений, посягающих на служебную деятельность и личность представителей власти (сравнительный уголовно-правовой анализ) : монография / Н. К. Рудый. – Чита : Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации, 2008. – 188 с.

2. Филиппов, П. А. Преступления против порядка управления в отечественном уголовном праве : монография / П. А. Филиппов. – М. : Проспект, 2020. – 872 с.

3. Цепелев, В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления : учебное пособие / В. Ф. Цепелев. – М. : Проспект, 2015. – 104 с.

4. Щербаков, А. В. Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ / А. В. Щербаков. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 164 с.

5. Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». – URL: http://base.garant.ru/10103372/.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/-docment/cons_doc_LAW_36927/.

Учебное издание

Азаренкова Елена Андреевна
Алференок Елена Александровна
Балябин Василий Николаевич
Бойцова Жанна Андреевна
Боровиков Валерий Борисович
Боровикова Виктория Валерьевна
Габдрахманов Равиль Лутфирахманович
Дайшутов Михаил Михайлович
Денисов Николай Леонидович
Дмитренко Андрей Петрович
Зарина Александра Михайловна
Калининская Яна Сергеевна
Кадников Николай Григорьевич
Карпова Наталия Анатольевна
Корниенкова Мария Радимовна
Кудашкин Сергей Константинович
Кужиков Валерий Николаевич
Наумов Вячеслав Викторович
Осипов Владимир Александрович
Осокин Роман Борисович
Плешаков Александр Михайлович
Русскевич Евгений Александрович
Русскевич Любовь Александровна
Семочкина Анна Александровна
Старых Станислав Михайлович
Туманов Александр Сергеевич
Хакимова Эльмира Робертовна
Черепенников Роман Валентинович
Чугунов Александр Александрович
Шкабин Геннадий Сергеевич
Юдина Ульяна Сергеевна

ПРАКТИКУМ ПО КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Корректоры *Тарасова Т. С., Достовалов Ю. Н.*
Компьютерная верстка *Лосева О. С.*

Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 31,15.
Подписано в печать 30.08.2023. Заказ № 10.
Тираж 3040 экз. 1-й завод 351 экз.

Отпечатано в Полиграфическом центре
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru